

Воронежский государственный университет
Межрегиональный центр
коммуникативных исследований
Кафедра общего языкознания и стилистики

Язык и национальное сознание

Вып. 7

Научное издание



**Воронеж
2005**

Очередной, седьмой, выпуск межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения соотношения языка и различных форм сознания.

Для филологов, преподавателей русского языка, иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

к.ф.н. Лапотько А.Г., к.ф.н. Рудакова А.В. – ответственный секретарь, д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А. – научный редактор, д.ф.н. Чарыкова О.Н.

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В.Рудакова,
И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 2005

Язык и национальное сознание. Вып.7. / Научный ред. И.А.Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – 247 с. 200 экз.

ISBN

От редакторов

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций «Язык и национальное сознание», выпускаемую совместно Межрегиональным центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ и кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского ГПУ. Данный выпуск является седьмым в серии продолжающихся изданий. Предыдущие выпуски (1-6) вышли в Воронеже в период с 1998 по 2004 гг.

Сборник отражает результаты совместных исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового сознания носителей языка.

Редакция приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и сознания.

Электронный адрес редакции: sternin@phil.vsu.ru.

Теоретические проблемы исследования языка и сознания

И.А. Стернин

Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат?

Разграничение когнитивного сознания (как сознания, представляющего собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, фиксирующими отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность) и языкового сознания (закрепленного языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных в сознании значений языковых знаков) ставит на повестку дня разграничение концептов и значений – основных ментальных единиц, вычленяемых в когнитивном и языковом сознании и образующих содержание этих видов сознания.

Для современных исследований в области когнитивной лингвистики концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы. Значение выступает как часть концепта, названная регулярно используемым языковым знаком и представляющая собой коммуникативно релевантную для той или иной лингвокультурной общности часть концепта.

Однако, говоря о значении слова, целесообразно разграничить два типа лексических значений.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, формулируется лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – логический и описательный редукционизм. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности

Получаемое в результате применения при составлении словарной дефиниции принципа редукционизма значение можно условно назвать лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается как словарная дефиниция. При этом априори

исходят из того, что именно в данном, определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Вместе с тем любые психолингвистические эксперименты, наблюдения над текстовым употреблением слова, практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают именно существенные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно констатировать преимущественно для научной терминологии; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурафактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца, собаки, яблока, березы, моркови, лужи, окурка, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих их, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается меньше по объему реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка исчезающе мала.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср. к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность некоторых дополнительных «оттенков значения», «периферийных», «потенциальных» и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального значения* слова. Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психологически реальное значение может быть выявлено и описано в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что мало реально технически; кроме того, в любом случае остается возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов все-таки не нашли актуализации), а также оно может быть выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом. Психологически реальное значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психологически реального значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи. Эти знания представлены и упорядочены в концепте в виде компонентов – когнитивных признаков и когнитивных классификаторов.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами – совокупностью слов, образующих лексическое поле, фразеологическими единицами, паремиями, текстами, в которых толкуется соответствующий концепт и его отдельные компоненты и т.д. Эти компоненты также могут быть выявлены экспериментальными методами – методом субъективных дефиниций, анкетированием, интервьюированием и др.

Собрав по возможности максимальный объем языковых средств, объективирующих концепт, исследователь получает материал для когнитивной интерпретации результатов лингвистических исследований: значения всех выявленных языковых средств отражают отдельные стороны концепта. Обобщив и упорядочив значения языковых средств, а также результаты экспериментального исследования и описания *психологически реального значения* слова и собственно *концепта*, исследователь получает некоторую модель структуры и содержания концепта.

Графически соотношение концепта и значения отдельного слова, называющего концепт и отражающего часть содержания этого концепта, может быть представлена следующим образом: (рис.1).

Концепт обычно «окружен» многочисленными лексемами, объективирующими отдельные совокупности когнитивных признаков; при этом принципиально важно, что каждая из этих совокупностей, являясь значением соответствующей лексемы, представляет в языке лишь часть концепта: (рис.2).

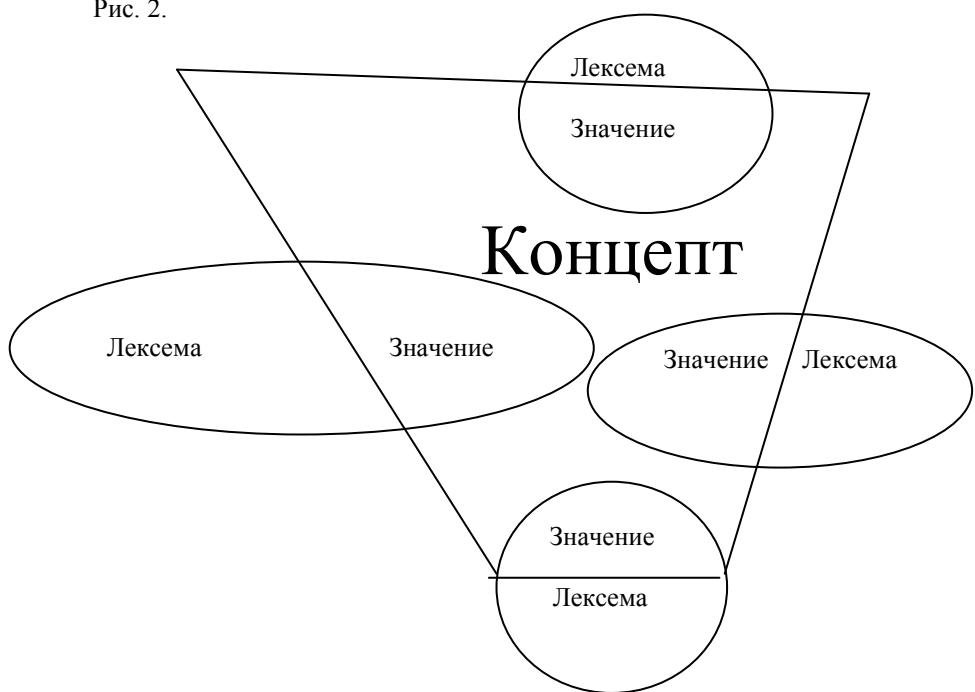
Значения, которые обозначены на рис.2. – это лексикографические значения. Психологически реальные значения, которые на данном рисунке не изображены, значительно шире и глубже «вдаются» в концепт, чем лексикографические (см. рис.1).

Значение слова (семема) представляет собой совокупность семантических компонентов – сем. Вычленяя и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные (парадигматические) отношения между семемами по семам в рамках семантемы (совокупности семем одного слова), лингвист

Рис. 1.



Рис. 2.



должен понимать, что это еще не сами концепты как единицы концептосферы, это лишь отдельные их составляющие, *репрезентированные* той или языковой семемой или семой. Выявление психологически реального значения приближает исследователя к описанию содержания концепта, но и оно не исчерпывает концепт. Чем больше значений лексем, объективирующих концепт, описано и чем больше из них описано на уровне психологически реального значения, тем ближе мы к моделированию содержания и структуры концепта.

Но даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе.

Современная семасиология представляет смысловое содержание слова как систему семем и сем (семантических признаков), имеющих полевую структуру – с ядром, ближней, дальней и крайней периферией. Есть основания думать, что и концепт имеет полевую организацию. По крайней мере, наличие в нем ядра (перцептивного образа универсального предметного кода), более конкретных и более абстрактных компонентов и слоев представляется очевидным.

Очевидно, знак УПК как наиболее яркий образ, кодирующий концепт, входит в ядро концепта; он носит *индивидуальный* чувственный характер и как таковой может выявляться и описываться исключительно экспериментальными методами. Этот образ может быть выявлен в ходе лингвистического интервью: «Опишите наиболее яркий образ, который у вас связан с понятием (словом) X», «X – внешне какой?», «X – что делает?» и т.д.

Экспериментальное исследование показало, что наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Максимально яркие образы были выявлены у таких единиц, как *солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь*.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но эти образы еще более субъективны, они резче различаются у разных испытуемых: религия – *церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, Библия, свечи*; молчание – *люди со скожатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина*; быт – *мытье посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры*; математика – *цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, исписанная формулами доска* и т.д.

Если же конкретный наглядный образ выявляется как групповой, совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциями в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – *белая, пустыня – песок* и т.д.), то этот

образ уже можно рассматривать как факт *концептосферы народа*, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием.

Отметим, что обработанного, стандартного образа в сознании отдельной личности может не быть, либо он будет иметь большую существенную или даже решающую личную составляющую, поскольку образ всегда формируется из опыта личной перцептивной деятельности человека.

Концепт в сознании отдельного человека может быть вообще полностью личностным по содержанию. В таком случае говорят – «у него свое понятие о...», «у него свое представление о...». Это может обнаружиться и в словоупотреблении такого человека – он будет употреблять для экспликации своего концепта общепринятые слова, но в таком смысле, который не является общепринятым, либо окажется вообще неспособным вербализовать (словесно сформулировать) индивидуальный концепт.

Из всего сказанного следует, что нельзя смешивать значение и концепт: концепт – единица концептосферы, значение – единица семантической системы (семантического пространства языка).

Значение – как лексикографическое, так и психологически реальное – своими системными семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации содержания концепта нужны многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения, а также дополнительные экспериментальные и иные исследования содержания концепта, которые дополнят результаты его лингвокогнитивного анализа.

Концепт, как и значение, имеет определенную структуру. Очевидно, что разные типы концептов будут различаться и по своей структуре, но на современном этапе лингвокогнитивных исследований можно предположить, что все концепты имеют определенное структурное сходство, касающееся их базовых структурных элементов.

Так, в каждом концепте выявляется некоторый перцептивный образ – он может, кстати, входить и в лексикографическое значение (*красный, кислый, теплый*), может обнаруживаться только в психологически реальном значении или только в чисто когнитивной составляющей концепта.

В концепте вычленяется также информационно-понятийное содержание концепта, которое тоже может обнаруживаться в частичном объеме в лексикографическом значении, в частичном, но более полном – в психологически реальном значении и в максимально полном – в чисто когнитивной части концепта.

Перцептивный образ и информационное содержание образуют когнитивный каркас концепта, структурируют его. Это *структурированная* часть концепта.

Кроме когнитивного каркаса, в концепте можно выделить *интерпретационное поле* – это обширная составляющая концепта, которая носит неструктурированный характер и включает оценки, ценностное отношение к концепту, вытекающие из информационного содержания концепта общественные суждения и установки о том, что надо делать, чего не надо делать,

различные противоречивые характеристики содержания концепта, прецедентные тексты, связываемые в общественном или индивидуальным сознании с данным концептом и т.д., то есть это рациональное и эмоционально-оценочное осмысление образа и информационного содержания концепта. Интерпретационное поле как вата пронизывает концепт, наполняет его, заполняет место между его структурными компонентами, категориальными признаками, ядерными и периферийными слоями. Это *неструктурированная* часть концепта, которая может быть описана как перечисление признаков. Например, к интерпретационному полю концепта *вода* могут быть отнесены многочисленные признаки типа: *в воде можно утонуть, вода бывает голубая, воды часто не бывает, без воды и не туды и не сюды* и т.д.

Таким образом, концепт принадлежит *когнитивному сознанию* человека, а лексикографическое значение и психологически реальное значение – *языковому сознанию* человека. При этом само языковое сознание является частью когнитивного сознания, в связи с чем четкие разграничения в принципе условны и необходимы преимущественно в исследовательских целях, поскольку методики исследования когнитивного сознания и языкового сознания совпадают лишь частично:

при исследовании языкового сознания мы стоим строго на позициях языка и опираемся на лингвистические факты и результаты лингвистических экспериментов;

при описании концептосферы, когнитивного сознания, лингвистические методы оказываются лишь одним из способов анализа, могут быть применены и широко применяются и другие – культурологические, этнографические, социально-психологические и т.д., хотя лингвистические методы оказываются, с нашей точки зрения, в любом случае наиболее надежными.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают и моделируют когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами: результаты лингвистических наблюдений подвергаются когнитивной интерпретации, что позволяет моделировать концепты как единицы когнитивного сознания в опоре на полученные лингвистические данные.

О.С. Адонина, Л.В. Садретдинова

Структура обыденного и научного сознания: постановка проблемы

Результаты общефилософских, гносеологических, социологических, психологических исследований свидетельствуют о необходимости выделения двух уровней познания природной и социальной действительности – обыденного и научно-теоретического (Дубинин, Гуслякова 1985, с.3).

В целом проблема дифференциации форм сознания в истории науки решалась однозначно: научное сознание признавалось истинным и прогрес-

сивным, тогда как обыденное – ложным и регressiveным. В научных теориях обыденное сознание выступало лишь фоном, своеобразным контекстом для описания других видов сознания. И только в когнитивных исследованиях начинается изучение организации данного феномена с точки зрения его концептуализации.

Обобщая теоретические исследования по данной проблеме, можно выделить несколько направлений в изучении обыденного и научного сознания.

Философское направление. В отечественной философии к необходимости выделения обыденной и научной форм сознания приходят в конце 60 – начале 70-ых годов XX в. К этому времени относится появление работ В.Н. Гореловой, Н.И. Козловой, В.В. Лобас, К.Л. Плещковой, Е.И. Старикова, Д.В. Вичевой, В.А. Штольф и др. В данных исследованиях обыденное сознание сближается с эмпирическим сознанием, отмечается его «отставание» (в отличие от научного) от передовых социально-политических идей современности.

Новый всплеск научного интереса к сознанию наблюдается в 1980-ые годы. В это время появляются исследования, в которых обыденная и научная формы сознания рассматриваются как особый способ познания (Б.Я. Пушкинский); как ценностная форма сознания (А.И. Бурдина, Т.А. Кузьмина, М.А. Розов); как мировоззрение (С.С. Гусев, Е.И. Кукушкина, Л.Б. Логунова). Широко распространенным является понимание обыденного сознания как духовно-практической деятельности (А.М. Коршунов, В.Г. Федотова); как сознание повседневности (Н.Н. Козлова). Изучаются структура и функции обыденного сознания (М.Е. Миронов, М.А. Шахзадеян), динамика его развития (Л.Г. Гуслякова, И.И. Дубинин), в соотнесенности с идеологией, социальной психологией, массовым сознанием (Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, В.И. Толстых, А.К. Уледов).

В середине 90-ых гг. работы по сознанию выходят из круга чисто философских проблем и приобретают характер комплексных исследований (В.В. Налимов, И.Т. Касавин, В.П. Козловский, А.А. Новиков, Б.В. Марков, Н.С. Автономова).

В работах затрагиваются новые аспекты: обыденная и научная форма сознания как особый тип рациональности (И.Т. Касавин, А.А. Новиков); как элемент духовной культуры общества (Н.С. Автономова, Б.В. Марков) или одна из семантических субкультур (В.П. Козловский, В.В. Налимов). В это же время делается акцент на языковой репрезентации данных видов сознания, т.е. дается определение «через описание специфики знаний, входящих в его содержание... Ибо выявление специфики любого типа, уровня сознания наиболее полно происходит посредством анализа знаний, составляющих ядро сознания» (Дубинин, Гуслякова 1985, с.3).

Психологическое направление. Проблемами структуры сознания, его онто- и филогенеза занимались А.Н. Леонтьев, А.Р. Лuria, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др., вопросами уровневого строения сознания – В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев, В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили и др., проблемами внутреннего диалога – Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.В. Столин, Е.Ю. Худобина. В целом для психологии в большей степени характерен анализ

обыденного сознания, которое изучается с точки зрения его места в структуре сознания, особенностей знакового опосредования, выделение его специфики по отношению к другим формам сознания (в том числе научной).

Психосемантическое направление основано на реконструкции категориальной структуры различных уровней сознания (Дж. Келли, Ч. Осгуд, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев). В контексте данного подхода обыденное сознание рассматривается как составная часть субъективной картины мира личности. Исследование функциональных, структурных и содержательных сторон форм сознания проводится с опорой на особенности доминирующей на данном уровне форме знакового опосредования.

В психосемантике обыденное сознание порой сближают (но знака равенства не ставят) с понятиями «менталитета, обыденного мышления, социального мышления, социальных представлений, здравого смысла» (Ульбина 2001, с.7). «В целом менталитет можно определить как присущую индивиду или определенной социальной общности совокупность специфического склада мышления и чувств, ценностных ориентаций и установок, представлений о мире и о себе, верований, мнений и предрассудков. Он формирует соответствующую культурную картину мира и в значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми. Следовательно, менталитет, с одной стороны, выступает своеобразной призмой, через которую человек смотрит на мир, а с другой стороны, он играет активную роль в жизни индивида – обуславливает его социальную ориентацию» (Веремьев 2000, с.42).

В когнитивной лингвистике вновь возникает интерес к категории сознания, но уже с позиций организации и структурирования знания.

Проблема соотношения обыденного и научного сознания из числа философских и психологических перешла в лингвистическую.

Безусловно, не вызывает сомнения утверждение, что обыденное и научное сознания имеют множество различий, как «не вызывает сомнения предположение о том, что знания, входящие в содержание обыденного сознания, и знания научные различаются между собой» (Дубинин, Гусякова 1985, с.5).

Имплицитно или эксплицитно, но обыденное сознание противопоставляется научному сознанию, хотя языковая личность одновременно может являться носителем того и другого сознания.

Состоящее из науки, идеологии и профессионального искусства, научное сознание является высшей формой познания. Оно раскрывает сущность, глубинные причины, а главное – объективные законы действительности. В современном обществе наука в своей системной целостности выступает, во-первых, одной из значительных форм общественного сознания; во-вторых, системой знаний о мире; в-третьих, в форме социальной деятельности людей; в-четвертых, непосредственной производительной силой общества; в-пятых, важнейшей частью научно-технической революции и научно-технического прогресса; в-шестых, материальной и духовной основой культуры.

Безусловно, научное сознание нельзя рассматривать вне теоретического знания, поскольку «теоретическое знание и его развитие является неотъем-

лемой характеристикой современной науки, которая постоянно расширяет горизонты познавательного и практического освоения мира человеком. Как и сама наука, теоретическое знание является культурно-историческим феноменом. Оно возникло в контексте исторического развития цивилизации и культуры, на определенных стадиях этого развития, породивших теоретическую науку и ценность научной рациональности» (Степин 2000, с.17).

Исследуя науку в ее историческом развитии, можно обнаружить, что по мере изменения типа культуры меняются стандарты изложения научного знания, способы видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых различных ее феноменов, в том числе и обыденного сознания.

Считается, что научное сознание, несмотря на то, что появилось позднее обыденного, является отражением большей по своему объему действительности и дает более глубокое отражение бытия и основательное осознание интересов и стремлений людей. «Наличие самосознания свойственно науке на любом этапе ее развития, что и отличает ее как тип сознания, например, от сознания обыденного» (Наливайко 1990, с.8).

С другой стороны, научное сознание не может полностью заменить обыденное сознание. Конечно, наука может изучать все в человеческом мире, но в особом аспекте – аспекте предметности. Этот ракурс «выражает одновременно и безграничность и ограниченность науки» (Степин 2000, с.40).

Границы обыденного сознания необозримы. Все то, что ускользает из поля зрения научного сознания, компенсируется обыденным, включающим в себя другие формы постижения мира – практический опыт, личные наблюдения, религиозные убеждения, верования, нравственные стереотипы, житейскую мудрость, мораль и т.д.

В обыденном сознании, на житейском уровне, представлено все необходимое для вхождения индивидуумов в социум, тогда как научное сознание не может полностью заменить другие формы сознания.

Обыденное сознание «лишено» математических доказательств. Достоверность представленных в обыденном сознании знаний проверяется в быту, повседневной практике. «Несмотря на то, что метаязыковые знания наивного пользователя редко являются верными и истинными с точки зрения науки, они – независимо от степени их эпистемической достоверности – все же являются для него самой конкретной и непосредственной реальностью, неотъемлемой частью его повседневной жизни и видения мира» (Ляхтеэнмяки 1999, с.35). Именно обыденное сознание является источником и базовой основой для научного: «отправной точкой любой отрасли знания выступают наивные предположения о некотором фрагменте мира, а истоками науки в целом являются народные (обыденные) представления о мире» (Пименова 2001, с.35).

В научном сознании все теоретические построения подтверждаются практическими исследованиями.

Обыденное сознание – это «исторически возникшая форма отражения действительности, своеобразная организация знаний, которые характеризуются конкретностью, нерасчлененностью, переплетением истинных и ложных представлений, установлением чаще всего случайных связей между

вновь обнаруженными и уже известными явлениями» (Дубинин, Гуслякова 1985, с.7–8). Наличие столь противоречивых черт в обыденном сознании объясняется переплетением в нем различных познавательных форм: знания, убеждения, предположения, веры, сомнения. Каждый человек обладает особой формой синкетизма, т.е. переплетения обыденных знаний с другими познавательными формами.

Обыденное сознание как самый древний вид сознания представляет собой непосредственное отражение действительности в сознании человека, которое, однако, не передает сущности ее объективных законов, а фиксирует лишь отдельные факты и явления общественного бытия, так как «человек создает в процессе познания ментальный мир, который является одновременно и объективным миром, поскольку порожден объективной действительностью, и субъективным – собственно миром человека, рожденным на базе его субъективного опыта» (Чернетских 2000, с.3). В то же время это самый естественный уровень отражения действительности, который используется в повседневной жизни и который, несмотря на всю его нерациональность, обеспечивает возможность нормального приспособления к действительности» (Улыбина 2001, с.5). Научное сознание также может быть направлено либо на приспособление к среде, либо на ее преобразование. «Очевидно, что в первом случае ценность знания как инструмента действия минимальна, ибо человек пытается вписаться в гармонию окружающего мира, во втором – максимальна, поскольку человек старается преобразовать, изменить мир в соответствии со своими потребностями, установить контроль над природой и обществом» (Яковлев 2001, с.85).

Одним из основных элементов содержания научного и обыденного сознания являются убеждения. Причем «если в одних случаях под убеждением понимается процесс выработки, формирования некоторого феномена сознания, то в других термин "убеждение" служит для выражения результата этого процесса, представляющего уже сложившийся элемент (или же состояние) сознания личности» (Дубинин, Гуслякова 1985, с.40–41).

Исследователи Б.А. Ерунова, Ю.Ф. Борункова, В.И. Губенко, Г. Клаус, А.Д. Назарова рассматривают веру как специфический феномен сознания, различая два вида веры: вера, тесно связанная с убеждением, и религиозная вера.

По словам А.К.Козырева, «вера в отличие от знания является не гносеологическим, а социально-психологическим феноменом, имеющим, правда, свою особую гносеологическую природу. Поэтому проблема веры и знания должна рассматриваться не только в гносеологическом, но, прежде всего и главным образом, в социально-психологическом ключе» (Козырева 1973, с.133).

Вера – компонент обыденного сознания – в значительной мере отличается «от веры ученого в результат познания, в выдвигаемую гипотезу» (Савчук, Сумятин 1984, с.27). Являясь гносеологическим, социально-психологическим и эмоционально-психологическим феноменом, вера опирается на социальные потребности, интересы, традиции, идеалы и существует как переплетение

обыденных представлений, идей, чувств, интуитивных догадок и строго обоснованных выводов, то есть выступает заменителем знания.

Являясь сложным структурным образованием, обыденное сознание включает в себя:

– эмпирические знания: о погоде, природе, повадках животных, орудиях труда, болезнях человека и способах их лечения; эмпирические знания, необходимые человеку для жизни и трудовой деятельности;

– общественную психологию: представления народных масс о своем положении, потребностях и интересах – к ним относятся чувства, привычки, иллюзии, моральные и обыденные нормы житейского поведения;

– народное художественное творчество: фольклор (песни, танцы, былины, сказания, пословицы, поговорки и т.д.).

Состав обыденных знаний, таким образом, очень многообразен. «В нем находят отражение все области реальности: природа, общество, человеческая жизнь во всех ее разнообразных объективных и субъективных проявлениях. Они включают в себя всю совокупность нравственных, правовых, политических, эстетических, философских представлений и ценностных ориентаций» (Гусев, Пукшанский 1994, с.11).

Носителями обыденного сознания, возникающего в ходе повседневной практики как отражение (и в этом смысле осознание) природной и общественной действительности, собственных интересов и стремлений, являются как отдельные личности, так и массы людей.

Обыденное сознание является необходимым, закономерным этапом в развитии общества, отражающим обыденную жизнь народа постоянно и непосредственно. Обладающее такими качествами, как полнота и цельность ощущения, обыденное сознание самоценно, самодостаточно и не является каким-то искусственным образованием.

Как справедливо отмечает Б.Я. Пукшанский, «современное обыденное знание является, как правило, вненаучным, но не донаучным, так как результаты научного познания в той или иной степени широко вошли в жизнь и общее сознание практически любого члена современной общественной организации» (Пукшанский 1974, с.6).

Следует также сказать, что существует целый ряд областей (и материального мира, и сознания человека), которые в силу различных причин еще не стали достоянием научного сознания (например, многие области быта, воспитания, внутрисемейных отношений). В этих случаях обыденное сознание как бы предшествует сознанию научному» (Дубинин, Гуслякова 1985, с.15).

Обыденное сознание носит разнонаправленный и противоречивый характер. Его отличительной чертой является стихийно-эмпирический метод познания. «Будучи регулятором повседневного человеческого поведения, обыденное сознание представляет собой... форму осмыслиения накопленных, но не всегда рационально освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного жизненного опыта и, в целом, не зависят от научно-теоретической мысли, не отменяются с ее развитием, хотя в чем-то и могут корректироваться опытом науки или специализированной практики» (Гусев,

Пукшанский 1994, с.10). «Стремление изучать объекты реального мира и на этой основе предвидеть результаты его практического преобразования свойственно не только науке, но и обыденному познанию, которое вплетено в практику и развивается на ее основе» (Степин 2000, с.45). Научное же сознание изучает не только исторически сложившиеся на данном этапе объекты, но и ставит своей целью прогнозирование их возможных изменений в будущем.

Научное сознание ориентировано на предметное и объективное исследование действительности. Обыденное сознание – это эмоциональный отклик на происшедшее, в котором происходит слияние «субъективного и объективного, которые переживаются как нечто единое» (Карбовский 1984, с.42).

Говорить о безэмоциональности научного сознания также не приходится, так как и в науке нельзя исключить влияние личностных моментов и ценностных ориентаций ученого. «Научное знание – это оправданное мнение, обоснованное мнение, но, тем не менее, – мнение» (Бунге 1967, с.37).

Научные представления часто противоречат обыденным, но и обыденные и научные представления являются определенной формой выражения объективного мира. «Непосредственно-практические представления базируются на видимости, поэтому они включают в себя иллюзии и заблуждения. Научные же представления, несмотря на то, что они порой противоречат непосредственной видимости предмета, некоторым эмпирическим данным о нем, отражают предмет глубже, вернее, полнее, так как они постигают его сущность» (Суматина 1984, с.9).

Фактам обыденного сознания свойственна низкая степень упорядоченности. Для них характерна фрагментарность и эпизодичность. Они «существуют как некий конгломерат сведений по тому или иному вопросу» (Дубинин, Гуслякова 1985, с.20–21). Лишь в определенных случаях обыденные знания могут приближаться к некоторой системе.

Научное сознание является систематизированным: научные знания, в отличие от обыденных, представляют собой целостную систему, поскольку наука – органическое единство знания. Факт становится научным только после того, как определяется его место в системе определенной научной теории. «Особенностью научных фактов, относящихся к той или иной области знания, является то, что они как бы "поддерживают" друг друга, образуя своего рода иерархию» (Зотов 1973, с.70). На уровне научного сознания апелляция к отдельно взятому факту никогда не рассматривается как достаточный аргумент. Научные данные должны быть воспроизводимыми, доказательными.

Само появление научного сознания связано с потребностью человека в целенаправленном познании, когда «существует, во-первых, социальный запрос на объективные знания; во-вторых, социальная возможность выделения особой группы людей, чьей задачей становится ответ на этот запрос; в-третьих, начавшееся разделение труда внутри этой группы; в-четвертых, накопление знаний, навыков, познавательных приемов, способов символического выражения, ориентации в общественном сознании, которые подготовливают революционный процесс возникновения и распространения нового

вида знаний – объективных общезначимых истин науки» (Наливайко 1990, с.9). Новизна знания о том или ином явлении, процессе – это одна из отличительных особенностей научного сознания, в то время как факты обыденного сознания представляются новыми лишь для данного индивида или какой-то социальной группы.

В то же время у двух типов сознания есть много общего. Например, отличительной особенностью данных видов сознания является то, что они проявляются как в мышлении отдельного человека (индивидуальное сознание), так и всего народа (коллективное сознание).

И для научного, и для обыденного сознания свойственна оценочность. В научном сознании для различных элементов знания разрабатывается соответствующая шкала оценок, определенный стандарт. Например, оценивается релевантность, убедительность, неожиданность фактов, полнота, точность, простота теорий, перспективность принципов. «В конечном счете когнитивная ценность знания состоит в его способности объяснять явления действительности, выявлять законы мироздания» (Яковлев 2001, с.85). В «обыденном познании слиты воедино предметный, оценочный и оперативный аспекты, заданные спецификой деятельности как способа бытия человека» (Горелова 1993, с.88). С нашей точки зрения, в обыденном сознании происходит не только осмысление мира, знаний о мире, переживания мира человеком, но и оценка тех или иных его событий, отношения человека к ним. Для обыденного сознания характерно субъективно-оценочное отношение к объекту отражения, что фактически недопустимо в научном.

В обыденном и научном сознании присутствуют стереотипы, выступающие в качестве установки, через которую преломляется весь последующий опыт. Стереотипы являются обобщением многовекового практического опыта человека, обеспечивают оптимальное ориентирование в явлениях окружающей действительности. Основу научного стереотипа составляет рациональная часть, лишь усиливаемая чувственным образом, тогда как на уровне обыденного сознания принятие или непринятие какой-либо информации может идти помимо рациональных механизмов, то есть оно почти всегда направляется чувством (Дубинин, Гуслякова 1985, с.17).

Для научного и обыденного сознания свойственна вербализация. Язык, по мнению Т.В. Симашко, существует в двух формах – обыденной и научной (Симашко 2003, с.33). Общепризнанно, что обыденное сознание оперирует обыденным языком, который богат просторечиями, сравнениями, повторами, восклицаниями, риторическими вопросами, т.е. приемами, более характерными для устной речи. «Доминирование познавательной функции определяет повышенную референциальность языка науки. В нём "объективируется", выражается в знаковой форме истинное знание (информация) о некоторых фрагментах экстралингвистической действительности. Отсюда еще одно важнейшее требование научного языка – требование однозначности и точности терминов и выражений. И действительно, в отличие от естественных, язык науки несравненно более точен, однозначен, недвусмыслен» (Баранов 1993, с.4). Наука направлена на выработку специальной терминологии. Это обусловлено тем, что обыденный язык приспособлен для описания и

предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека (тогда как наука выходит за ее рамки). Точный смысл понятий обыденного языка чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. Наука не может положиться на такой контроль, так как преимущественно имеет дело с объектами, не освоенными в обыденной практической деятельности. Необходимым условием научного исследования является выработка наукой специального языка, пригодного для описания объектов, не обычных с точки зрения здравого смысла. Язык науки развивается по мере ее проникновения во все новые области объективного мира. При этом он оказывает обратное воздействие на повседневный, естественный язык. Например, термины *электричество*, *холодильник* когда-то были специфическими научными понятиями, а затем вошли в повседневный язык (Степин 2000, с.47).

Таким образом, обобщая описание обыденного и научного сознания, отметим, что они имеют множество сходств и отличий. Изменение типа культуры оказывало влияние и на обыденное, и на научное сознание. Являясь достаточно древними образованиями, научное и обыденное сознания отражали изменения в обществе, культуре, политике, экономике и т.д., поэтому не только веками противостояли, но и влияли друг на друга.

Обыденное сознание как наиболее древнее явилось отправной точкой для появления и развития сознания научного. В науке общепринято, что обыденное является низшей формой познания, а научное – высшей.

Различия обыденной и научной форм познания представлены в следующих аспектах:

по способу познания: научное является теоретическим, обыденное – практическим, однако и то, и другое – проверяемое: обыденное – жизненным опытом, а научное – научным экспериментом;

по степени объема отражения действительности: обыденное сознание – безгранично и многомерно, научное – ограничено рамками научного направления и узко специализировано;

по наличию (отсутствию) самосознания: научное обладает самосознанием, обыденное – не обладает;

по степени доказательности: обыденное не нуждается в доказательстве, научное, как правило, – доказательно;

по степени отвлеченности: обыденное – конкретно, научное – абстрактно;

по степени распространения: носителем обыденного сознания является каждый человек, научного – узкий круг специалистов;

по структурированности: научное – упорядоченно, структурировано и систематизировано; обыденное – не упорядочено, не структурировано, эпизодично и фрагментарно;

по степени новизны: научное обладает абсолютной новизной, обыденное – относительной;

по применяемому языку: научное использует в совокупности искусственный и естественный языки, а обыденное – только естественный;

по степени рациональности: обыденное – иррационально, научное – рационально;

по степени оценочности: научное – объективно-оценочное, обыденное – субъективно-оценочное;

по согласованности знаний: обыденное – противоречиво, разнонаправлено, научное – непротиворечиво, односторонне;

по объекту сознания: научное и обыденное сознания могут быть как коллективными, так и индивидуальными;

по стереотипности знаний: и обыденное, и научное сознания, являются стереотипными.

-
1. Баранов А.Н., Карапулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
 2. Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967.
 3. Веремьев А.А. Введение в культурологию. Брянск, 2000.
 4. Дубинин И.И., Гуслякова Л.Г. Динамика обыденного сознания. Минск, 1985.
 5. Зотов А.Ф. Структура научного мышления. М., 1973.
 6. Карбовский Ж. Стереотип как феномен сознания // Сознание и знание. М., 1984.
 7. Козырева А.К. Вера и знание // Ученые записки. Ленингр. пед. ин-та. Т.444. Вып. 1. 1973.
 8. Ляхтеэнмяки М. Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1. Воронеж, 1999.
 9. Наливайко Н.В. Гносеологические и методологические основы научной деятельности. Новосибирск, 1990.
 10. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2000.
 11. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание: Опыт филос. осмысления. Л., 1987.
 12. Савчук В., Сумятин В. О роли мнения, убеждения, веры в процессе познания // Сознание и знание. М., 1984.
 13. Симашко Т.В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте // Мир человека и мир языка. Кемерово, 2003.
 14. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
 15. Сумятин Л. Ограниченность общественно-исторической практики как объективная причина возникновения заблуждений // Сознание и знание. М., 1984.
 16. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001.
 17. Чернетских Т.И. Лексико-семантическая группа «жилище» как представитель фрагмента региональной картины мира (на материале Словаря русских говоров Алтая). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
 18. Яковлев В.А. Бинарность ценностных ориентаций науки // Вопросы философии. № 12. 2001.

Знак как интерпретант концептов в языке

Понятие знака принадлежит к числу фундаментальных понятий лингвистики. Как подчеркивал Х. Спанг-Ханссен в своей работе о теориях знака, вопрос о природе языковых знаков является... основой (the heart of) дальнейшего вопроса о природе самого языка (Spang-Hanssen, 1954, с.14). Таким образом, само определение языка как семиотической системы связывает исследование главных свойств языка с той или иной интерпретацией знака.

Основы интерпретации знака как нерасторжимого единства означающего и означаемого были заложены еще стоиками, а позднее они получили дальнейшее развитие в трудах Августина (Фрагменты ранних греческих философов 1989), терминология которого используется вплоть до настоящего времени. Так Ч. Моррис отмечает: «Определение схоластов *ahquid stat pro aīquo* остается в силе для любого знака, для каждой из его составных частей» (Моррис 1985, с.63).

Р.О. Якобсон определение знака как представителя чего-то вне знака и вместо знака относит также к его составным частям (Якобсон 1985, с.162). Подобное примечание кажется весьма важным, так как оно, собственно, открывает дорогу интерпретации знака как сущности односторонней: в качестве знака может быть осмысlena фонетическая или графическая сторона знака, его тело или же, наоборот, его значение. И все же, когда мы воспринимаем жужжание разных тембров как знак мухи или комара или след на песке определенной формы как знак животного, мы осмысливаем эти величины лишь в определенном конвенциональном отношении, восстанавливая либо привычную связь двух явлений, либо прямое указание одного явления на другое.

Однако вряд ли можно утверждать, что две стороны знака полностью рядоположены: утверждая, что тело знака имеет некую форму (звуковую или графическую), мы указываем на нечто, имеющее онтологический статус, но, утверждая, что знак имеет значение, мы не можем приписать значению такой же модус существования, как, скажем, последовательностям *птица* или же *bird* (Курякова 1993, с.20).

Более того, некая материальная сущность становится способной представлять нечто за пределами этой сущности. Знак *кукушка* нередко представляет не ее саму (концепт-«картинка» *кукушка*), а *подбрасывание птенцов* или *гадание на долголетие* (в английском языке *cuckoo – crazy*); знак *заяц* представляет не его самого, а *трусливость* (в английском языке *chicken – coward*). Точно так же звуковая последовательность *bird* в системе английского языка существенна не как определенным образом организованное следование звуков, но как возбуждающая представление о *птице* (концепт-«схема»).

Материальность, субстанциональный характер знака, наличие у него собственного «тела» – это такое же неотъемлемое свойство знака, как

передаваемое им содержание. Процитируем в этой связи тезис Ч.С. Пирса о том, что *signans* – воспринимаемо, осязаемо, тогда как *signatum* – схватываемо разумом, постижимо, интерпретируемо (*intelligible*) или переводимо (*translatable*) (Пирс 1983, с.176).

С точки зрения Е.С. Кубряковой, если знак материален, коды или семиотические системы, построенные с участием разных по своей субстанции знаков, воспринимаются по-разному и не тождественны по своему положению в жизни общества: знак воспринимаем, но зрительный знак воспринимается не так, как слуховой, а слуховой – не так, как тактильный и т.п. (Кубрякова 2004, с.496).

Тела знаков тесно связаны с функциями, которые они могут выполнять, а потому далеко не безразлично, с какой модальностью связано знаковое средство и то, как оно репрезентирует нашему уму содержание знака. Все связанные с обозначением определенных ощущений знаки могут классифицироваться прежде всего по той субстанции, которая оказывается знакосчителем: и стук копыт (звуковой знак), и запах шерсти (обонятельный знак), и вкус меда (осознательный знак), и оскал клыков (визуальный знак), и шероховатость кожи змеи (тактильный знак) выступают для нас как репрезентирующие конкретные смыслы.

В этой связи несколько расширим определение мыслительной картинки в толковании А.П. Бабушкина как «изображение на плоскости», «картинку», во многом похожую на изображение в иллюстрированном словаре» (Бабушкин 1996, с.6).

Устная и письменная речь, демонстрирующие использование разных по своему типу знаков, обладают специфическими особенностями своей организации уже потому, что для графических знаков в принципе существует возможность использовать их зрительные и пространственные характеристики. Так графический знак (слово) *жуужелица* репрезентируется в концепт-картинку *жуужелица* через единственный, по сути, звуковой сигнал (*жуужжание*).

По характеру соотношения того, как тело знака определенной природы репрезентирует свое содержание, т.е. как соотносятся между собой *signans* и *signatum* знака, по мнению Ч.С. Пирса, выделяются три типа знаков (Пирс 1983, с.239), которые мы рассмотрим на примере репрезентации концепт-картинки «пчела»:

а) иконические знаки, формируемые на основе подобия означающего и означаемого, например, знак «пчела» замещает концепт-картинку «пчела»;

б) знаки-индексы, создаваемые отношением смежности означаемого и означающего; здесь знак «мед» репрезентирует концепт-картинку «пчела»;

в) знаки-символы, порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению, в этом случае концепт-картинка «пчела» обобщенно репрезентируется знаком «трудолюбие», как и в английском языке «bee» – «busy worker».

Р. Карнап, развивая идеи Ч.С. Пирса, отмечает, что «связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства; такой знак обретает статус условного установления и всеобщего правила» (Карнап 1959, с.37). Если число подлинно

иконических знаков, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, связано чисто онтологически реальным сходством объектов или сходством расположения их частей, если число индексальных знаков тоже ограничено объективной эзистенциальной смежностью объектов или же связанностью объектов в определенной структуре деятельности, то произвольность символов ничем и не ограничена (Кубрякова 1993, с.23). Однако самые большие и интересные последствия имеет возможность создания знаков смешанного типа – производных и сложных слов, где иконичность пронизывает все устройства знака в целом, а символизация относится лишь к внутренней организации его частей.

«Исходя» из любого конвенционального знака, мы приходим к одному или нескольким, но определенным концептам (знак *улей* – концепт *пчела*; знак *паутина* – концепт *наук*), наблюдается линейная, синтагматическая цепочка, по Р.О. Якобсону (Якобсон 1983, с.274). В то же время, «идя» от какого-либо концепта, мы приходим к достаточно разнообразным языковым знакам. Так, концепт-картишка *пчела* замещается знаками *мед*, *укус*, *жужжание*, *трудолюбие* и др. По Р.О. Якобсону, сочетаемость знаков представляет собой симультанный пучок признаков, одновременное соединение и даже «наложение» знаков (там же, с.269).

Таким образом, хотя метонимический или синекдохальный принципы и дают возможность считать одну из двух сторон знака знаковой сущностью, понятно, почему концепция знака как односторонней сущности получила меньшее распространение, чем двухсторонняя.

Чтобы понять знак, нужно его *интерпретировать*. Интерпретация знака – это операция по замене исходного знака другим знаком или набором знаков. В «Основаниях теории знаков» Ч. Моррис отмечает, что, согласно учению стоиков, процесс семиозиса описывался как включающий три или же четыре фактора: то, что выступает в качестве законосителя (тела знака); то, на что указывает знак, или то, к чему он отсылает; воздействие знака и, наконец, его интерпретатора (Моррис 1963, с.124).

Знак только потому знак, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором. Кардинальное свойство знака – передавать значение – Р. Якобсон и Ч. Пирс сводят к понятию интерпретируемости или же переводимости знака, т.е. к возможности представить его содержание другими, более эксплицитными, развернутыми знаками (Пирс 1983, с.236).

Знак – это посредник между человеческим мозгом и миром, а системы знаков объединяют их в еще более высокую целостность.

-
1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
 2. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971.
 3. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языковедения. №4. 1993.
 4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
 5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1985.

6. Пирс Ч.С. Элементы логики. Grammatika speculativa // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
7. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
8. Spang-Hanssen H. Recent theories on the nature of the language sign. Copenhage, 1954.

Ж.И. Фридман

**Методы исследования
психологически реального значения слова**
(на примере социально-психологической лексики)

Выявить содержание психологически реального значения слова можно при помощи различных методик: свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента, экспериментов на подбор симиляров, оппозитов, экспликативного, перцептивного экспериментов, эксперимента по конструированию словосочетаний. Покажем возможности разных методик на примерах их применения к исследованию отдельных слов.

Испытуемыми при проведении экспериментов были студенты различных факультетов воронежских вузов – ВГУ (филологического, геологического, юридического, физического, РГФ), ВГПУ, ВГТА, а также члены их семей. Все эксперименты проводились в письменной форме.

Свободный ассоциативный эксперимент

Испытуемым предъявлялась следующая инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, напротив каждого слова напишите первое слово, которое приходит вам в голову. Если такого слова нет, поставьте прочерк. Укажите свой пол, возраст».

В эксперименте участвовали 344 человека (190 женщин, 154 мужчины; 100 человек в возрасте до 20 лет, 100 – в возрасте от 21 до 30 лет, 100 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Приведем в качестве примера полученную в результате обработки результатов эксперимента ассоциативную статью слова «семья».

Семья – дом 61; дети 43; родители 26; любовь 25; родственники 18; родные 14; счастье, уют 10; обязанность, радость 9; брак, вместе, друзья, мама, родня 8; долг, тепло 5; муж, муравейник, родители и дети, фотография, ячейка общества 3; бабушка, близкие, В. Комиссаров, высшая ценность, гнездо, группа, жена, жизнь, забота, клан, кухня, объединение, понимание, прочность, согласие, сын, уважение, ужин 2; дочь, зеркало, ласка, люди, мир, Новый год, образ жизни, общение, одиночество, сон, сплоченность, стремление, тыл, улей, экзамен 1; отказы – 3.

Направленный ассоциативный эксперимент

Информантам предлагалось закончить конструкцию «(слово) X – это...» (например, *война* – это...; *жалость* – это...). В случае затруднения испытуемые ставили прочерк.

В эксперименте участвовало 270 человек (137 мужчин, 133 женщины; 80 человек в возрасте до 20 лет, 97 – в возрасте от 21 до 30 лет, 93 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Результаты эксперимента на примере слова «борьба» выглядят следующим образом.

Борьба – это сражение 27; вид спорта 26; противостояние, сопротивление 24; соперничество 22; драка 18; добиваться чего-либо, преодолевая трудности 17; состязание 16; столкновение противоположностей 14; соревнование 13; отстаивание собственных взглядов 10; когда двое меряются силами 9; действия, которые возникают в результате неудовлетворения требований сторон 6; непременное условие победы 5; активные действия в защиту идеалов, выяснение отношений, способ достижения успеха, стремление искоренить что-то 4; вражда, выживание, схватка 3; когда кто-то хочет доказать свое лидерство, когда одни пытаются одолеть других, поиск независимости, приложение усилий, разрешение конфликта, способ существования природы 2; самовыражение, ссора между людьми или странами 1; отказы – 11.

Эксперимент на подбор симиляров

Испытуемым предлагалась инструкция: «Пожалуйста, напишите напротив каждого предъявленного вам слова другое слово, близкое исходному по значению. Если вы затрудняетесь подобрать такое слово, поставьте прочерк. Укажите свой пол, возраст».

В эксперименте приняли участие 324 человека (149 мужчин, 175 женщин; 106 человек в возрасте до 20 лет, 115 – в возрасте от 21 до 30 лет, 103 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Приведем в качестве примера результаты эксперимента со словом «закон».

Закон – правило 82; порядок 50; Конституция 27; нормативный акт 23; право 19; справедливость 17; норма 14; указ 13; устав 10; обязанность, постановление 8; беспристрастность 5; канон, утверждение 4; власть, возмездие, догма, совесть 3; необходимость, положение, правда, предел 2; несправедливость, ограничение, предписание, рамки, сила, статья 1; отказы – 17.

Эксперимент на подбор оппозитов

Испытуемым предлагалось напротив каждого предъявленного слова написать слово, противоположное по значению исходному. В случае невозможности это следовало поставить прочерк.

В эксперименте участвовало 318 человек (147 мужчин, 171 женщина; 105 человек в возрасте до 20 лет, 113 – в возрасте от 21 до 30 лет, 100 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Покажем результаты на примере слова «зависимость».

Зависимость – независимость 82; свобода 53; самостоятельность 31; демократия, своеволие 2; пассивность 1; отказы – 7.

Экспликативный эксперимент

Испытуемым была предложена инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, объясните значение каждого из названных слов человеку, который его в первый раз слышит (например, иностранцу или маленькому ребенку). Если не можете это сделать, поставьте прочерк. Укажите свой пол и возраст».

В эксперименте приняло участие 268 человек (135 мужчин, 133 женщины; 80 человек в возрасте до 20 лет, 98 – в возрасте от 21 до 30 лет, 90 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Результаты эксперимента выглядят следующим образом (на примере слова «признание»).

Признание – говорить правду 37; сообщение о своих чувствах 31; сознаться в чем-либо 25; оценить по достоинству 23; откровение, раскаянье 14; открытие тайны 12; изложение информации 9; справедливая оценка поступков 8; открыть душу, рассказ о содеянном, уважение 7; искренность, откровенный рассказ, слава, сообщение о своих действиях 6; успех 5; известность, согласие со словами другого человека 4; искупление, положительное отношение со стороны кого-то, почет, увидеть в человеке величие и рассказать об этом всем 3; всенародная любовь, выплескивание своих чувств наружу, похвала, раскрытие всех подробностей совершенного поступка, реакция общества на достижения человека, смелость, согласие с критикой в свой адрес 2; взвеличивание, доверие, найти что-то знакомое в человеке (предмете), сожаление 1; отказы – 18.

Перцептивный эксперимент

Информантам предлагалось описать образ (зрительный, слуховой, чувственный, вкусовой), который вызывает предъявленное слово. Если слово не вызывает никакого образа, нужно было поставить прочерк.

В эксперименте приняли участие 313 человек (146 мужчин, 167 женщин, 110 человек в возрасте до 20 лет, 100 – в возрасте от 21 до 30 лет, 103 – в возрасте от 31 до 50 лет).

Приведем результаты эксперимента на примере слова «независимость».

Независимость – деньги 29; статуя Свободы 17; американский флаг 14; государство 12; свободный от обязательств человек 11; гордый человек 10; митинг 9; страна 8; небо, поле, праздник, птица, совершеннолетний человек, флаг России 6; Конституция, газета, кошка, путешественник 5; Куба, остров Свободы; работающий, родина, СССР, собственная квартира 4; борьба, взрослые люди, власть, герб, депутат, красный флаг, молодежь, море, Чечня 3; будущее, парус, парящий орел, самомнение, уверенный человек, царь, человек, который полностью обеспечивает себя 2; автономия, Африка, банкир, Беловежская Пуща, верблюд в пустыне, два источника питания, должность, Ельцин, жирная прямая среди точек, зять, «Искра», «кулак», лев, молодожены, негры, облако, огромное полотно лениво развевается на башне, предприниматель, радость, разорванная цепь, Россия, семья, Степан Разин, «Унесенные ветром», феминистка, Швейцария 1; отказы – 6.

Конструирование словосочетаний

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Пожалуйста, составьте по три словосочетания с каждым из приведенных слов. Укажите свой пол, возраст».

В эксперименте приняли участие 273 человека (137 мужчин, 136 женщин; 81 человек в возрасте до 20 лет, 98 – в возрасте от 21 до 30 лет, 94 – в возрасте от 31 до 50 лет). В данном эксперименте отказов, как правило, не наблюдается.

Приведем образец ответов по слову «наказание».

Наказание – тяжелое наказание 73; заслуженное наказание 72; жестокое наказание 64; незаслуженное наказание 52; преступление и наказание 49; справедливое наказание 44; понести наказание 41; наказание за преступление 38; несправедливое наказание 30; избежать наказания, страшное наказание 29; условное наказание 25; наказание ребенка 24; наказание ты мое! 23; наказание за плохой поступок 22; физическое наказание 19; отбыть наказание, уголовное наказание 17; дать наказание, наказание неизбежно 14; судебное наказание, ужесточить наказание 13; наказание за шалость 12; наказание Господне, нелепое наказание 10; строгое наказание 9; наказание деньгами, наказание за ложь 8; наказание человека 7; бояться наказания, жди наказания, наказание для туристов, наказание ремнем 6; административное наказание, досрочное наказание, наказание животного 5; мягкое наказание, назначить наказание, наказание розгами, наказание через повешенье, не ребенок, а наказание!, публичное наказание 4; нравственное наказание 3; бессмысленное наказание, новое наказание, просто наказание какое-то!, разумное наказание, родительское наказание 2.

На основании обобщения результатов описанных выше типов экспериментов выявляются как архисемы, так и дифференциальные семы значений исследуемых слов, что позволяет сформулировать психологически реальные значения исследуемых слов как состоящие из некоторых дискретных значений, каждое из которых состоит из набора психологически реальных компонентов.

Некоторые фиксируемые в словарях значения исследуемых лексем экспериментальные методики подтверждают, некоторые – не подтверждают; эксперименты также позволяют выявить значения, не фиксируемые лексикографическими источниками, но реально существующие в сознании носителей языка.

В качестве примера итогового описания психологически реального значения слова по совокупности представленных выше методик приведем описание семантической структуры слова *гость* и структуры образующих его отдельных значений.

ГОСТЬ

Значения, зафиксированные в словарях и подтвержденные в экспериментах (формулировка значения включает ядерные семантические компоненты, отдельно приводятся яркие периферийные семы):

1. Тот, кто посещает кого-либо с целью повидаться, побеседовать.

Периферийные семы: приходит по праздникам; принимают за столом; приносит радость; приходит с добром; приходит к тебе домой; доставляет много хлопот хозяевам; является другом; является знакомым; является посторонним человеком; приходит по приглашению; приходит без приглашения; требует радушного отношения; ему создают уют; сообщает новости; приносит подарки; приходит рано; приходит поздно; посторонний для хозяев человек; любимый человек;уважаемый человек; приходит неожиданно; является соседом; является родственником; приходит на время.

2. Постороннее лицо, приглашенное присутствовать на собрании, заседании, празднестве, телевизионной программе.

3. О том, кто проживает в гостинице.

Значения, не зафиксированные в словарях, но выявленные в экспериментах:

1. Пришелец.
2. Кто-либо (что-либо) из другой местности, внезапно появивший(ее)ся.
3. Посетитель, клиент.

Таким образом, экспериментальные приемы позволяют достаточно полно описать психологически реальные значения лексем. Обращает на себя внимание, что наличие у отдельных семем большой семантической периферии свидетельствует о том, что это значение является в смысловой структуре слова (семантеме) основным.

Очевидно, что целесообразно применять различные методики, которые дополняют и «перепроверяют» друг друга, что позволяет в результате получить наиболее надежные результаты при описании семемной и семной структуры слова.

Языковое сознание

Хамид Акрам Азиз

Определение ассоциативно-частотного лексического ядра русского языка

Под лексическим ядром языка нами понимается самая частотная, коммуникативно важная для народа лексика, имеющая богатое семантическое содержание и многочисленные ассоциативные связи. Выдвигается гипотеза, что исходными формальными критериями выделения лексического ядра русского языка выступают частотный и ассоциативный, а подтвердить принадлежность выделенной в результате применения этих критериев единиц

к ядру русской лексики должен дополнительный семантический критерий (богатое семантическое содержание выделенных единиц, то есть развитая многозначность и большой семный объем основных значений).

Для определения лексического ядра русского языка мы использовали «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной и «Испанско-русский словарь ассоциативных норм» под ред. Ю.Н. Каурова.

Ю.Н. Кауловым была выдвинута идея выделения ассоциативного ядра русского лексикона на базе русского ассоциативного тезауруса, составленного под его руководством Институтом языкоznания РАН. На базе данного тезауруса был определен список стимулов (112 единиц), составляющих ассоциативное ядро русского языка, основу русского языкового сознания. На базе данного ядра создается серия сопоставительных ассоциативных словарей – русско-испанский, русско-белорусский, русско-сербский, русско-немецкий и др.

Нами был взят в качестве исходного для определения лексического ядра русского языка список стимулов Ю.Н. Каурова из «Русско-испанского ассоциативного словаря». В этот список вошли следующие единицы: бабушка, белый, Бог, богатый, больной, большой, быстро, веселый, ветер, вечер, вместе, вода, война, враг, вспоминать, встреча, глаза, глупый, говорить, голова, голос, гора, город, гость, дверь, девочка, дело, день, деньги, деревня, добро, дом, дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть, жадный, жена, женщина, жизнь, жить, зеленый, земля, зло, искать, красный, кричать, лес, лицо, любовь, маленький, мальчик, мать, много, молодой, муж, мужчина, надеяться, народ, начало, ненавидеть, новый, ночь, обещать, обман, огонь, палец, памятник, пить, плохо, помогать, путь, работа, радость, разговор, ребенок, река, родина, родной, рот, руки, свет, свободный, семья, сила, слабый, слово, смерть, справедливость, старый, стол, стыд, счастье, терять, умный, успеть, утро, хлеб, ходить, хорошо, хотеть, человек, черный, чистый.

Далее нами был проанализирован частотный словарь Л.Н. Засориной, из которого были выписаны 150 самых частотных знаменательных слов. Это оказались следующие слова: белый, Бог, большой, борьба, бояться, брать, быстро, быть, важный, великий, вести, весь, взять, вид, видеть, вместе, вода, война, вопрос, время, второй, входить, выйти, высокий, выходит, главный, глаз, говорить, год, голос, город, государство, дать, два, дверь, делать, дело, день, дом, дорога, друг, другой, думать, есть, жизнь, жить, завод, здесь, земля, знать, значить, идти, иметь, имя, казаться, камень, книга, комната, конец, конечно, лето, лицо, любить, люди, маленький, мать, машина, место, мир, много, можно, молодой, мочь, найти, народ, наука, начать, новый, нога, ночь, нужно, общество, один, опять, остаться, ответить, отец, отношение, партия, первый, писать, пойти, полный, получить, понимать, понять, последний, правда, прийти, производство, просто, путь, работа, работать, рабочий, раз, развитие, рука, русский, свет, сделать, сегодня, сидеть, сила, сказать, слово, случай, слышать, смотреть, снова, советский, союз, спросить, старший, старый, стать, стекло, стол, сторона, стоять, страна, теперь, товарищ, три, труд, тысяча, увидеть, уйти, условие, уходить, форма, хозяйство, хороший, хорошо, хотеть, час, часть, человек, черный.

Затем нами были определены совпадающие лексемы в обоих списках. Ими оказались: говорить, большой, дело, новый, человек, рука, жизнь, день, хотеть, работа, думать, глаз, земля, слово, свет, сила, народ, есть, вода, жить, голова, хорошо, война, друг, город, дом, лицо, дверь, много, путь, стол, молодой, голос, мать, вместе, маленький, ночь, быстро, Бог, черный, белый, старый.

Данный список составляет основу лексического ядра русского языка.

Для его уточнения необходимо проанализировать семантику составляющих его лексем.

В лексическое ядро будут входить только богатые по смысловому содержанию высоко многозначные лексемы, что подтвердит их ядерный статус в лексической системе: развитость смысловой структуры слова, его большой метафорический и функциональный потенциал всегда характеризует смысловую и коммуникативную значимость лексической единицы для языкового сознания, ее релевантность для формирования национальной языковой картины мира и, следовательно, ядерный статус в системе языка.

Смысловую структуру слова можно определить по данным современных словарей, и если выделенные на предварительном «формальном» этапе слова действительно являются высоко многозначными, это будет аргументом в пользу признания их ядерного статуса в лексической системе современного русского языка.

Но для подтверждения или отклонения ядерного статуса той или иной лексемы необходимы, на наш взгляд, и другие процедуры, некоторые из которых требуют обращения к словарям, а некоторые – к текстам.

Для признания лексемы ядерной для языковой системы, на наш взгляд, необходимо также, чтобы имело место следующее:

номинация ядерными лексемами культурно значимых для нации денотатов, вхождение ядерной лексемы в национальные паремии (пословицы, поговорки);

фразеологическая активность ядерных лексем (вхождение в многочисленные фразеосочетания);

наличие большого словаобразовательного гнезда у ядерной лексемы;

определение, того, какие конкретно из значений слова входят в ядро – по употребительности в современном языке (анализ текстов разных жанров);

стилистическая характеристика слова (ядерные значения должны быть межстилевыми, современными, общераспространенными, неоценочными, неэмоциональными);

конкретность семантики ядерных значений;

наличие в ядерных семемах большой периферии значения, многочисленных периферийных семантических компонентов;

широкое семантическое варьирование ядерных значений в речи.

Подчеркнем, что основные значения тех или иных лексем могут быть определены экспериментально, путем обращения к языковому опыту рядовых носителей языка.

Перечисленные признаки ядерного статуса лексем в русском языке требуют дополнительной проверки на лексикографическом, экспериментальном и текстовом материале.

**Национальная специфика ассоциативно-частотного
лексического ядра русского языка
в сопоставлении с английским языком**
(наименования лиц)

Язык, как отмечал А.А. Леонтьев, можно рассматривать как систему ориентиров, необходимых человеку для деятельности в мире его родной культуры, т.е. в социальном или предметном мире (Леонтьев 1999, с.101).

Культурное развитие человеческого сознания начинается с момента рождения человека и происходит под действием исторически обусловленной системы общественного обучения и воспитания. Средством фиксации и передачи информации в обществе служит особая знаковая система – язык. Слово – значимая самостоятельная единица языка – обладает значением, которое и состоит из компонентов. Именно значения лежат в основе передачи знаний от поколения к поколению, отражая образ мира определённой культуры. Поиск и исследование национально-культурной специфики семантики отдельных лексических единиц конкретной языковой системы дают возможность расширить и углубить процесс познания чужой культуры, что, в свою очередь, позволяет избежать непонимания, неполного понимания и конфликтов в межкультурном общении.

Одним из способов изучения влияния той или иной культуры на восприятие окружающей действительности является выявление лексического ядра соответствующего языка с последующим анализом его национальной специфики. Согласно данным Ю.Н. Кацурова, полученным в ходе создания словаря ассоциативных норм русского языка, основу лексического ядра русского языка составляют 112 лексических единиц: бабушка, белый, Бог, богатый, больной, большой, брат, быстро, весёлый, ветер, вечер, вечность, вместе, вода, война, враг, время, вспоминать, встреча, глаза, глупый, говорить, голова, голос, гора, город, гость, дверь, девочка, дело, день, деньги, деревня, добро, дом, дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть (кушать), жадный, жена, женщина, жизнь, жить, зелёный, земля, зло, искать, красивый, красный, кричать, лес, лицо, любовь, маленький, мальчик, мать, машина, много, молодой, муж, мужчина, надеяться, народ, начало, ночь, обещать, обман, огонь, палец, памятник, пить, плохо, помогать, путь, работа, радость, разговор, ребёнок, река, родина, родной, рот, руки, свет (освещённость), свободный, семья, сила, слабый, слово, смерть, справедливость, старый, стол, стыд, счастье, терять, умный, успеть, утро, хлеб, ходить, хорошо, хотеть, человек, чёрный, чистый.

Выдвигается гипотеза, что перечисленные единицы ассоциативно-вербальной семантической сети, обладающие наибольшим числом связей с другими единицами сети, являются центральными составляющими русского языкового образа мира, ядром русского языкового сознания. Интересно

проследить, в чем проявляется национальная специфика лексического ядра русского языка по сравнению с возможными способами передачи соответствующих единиц в других языках. Нами предпринято изучение лексического ядра русского языка в сопоставлении с его английскими лексическими соответствиями.

Лексическое ядро русского языка было разбито нами на смысловые группы по основному значению входящих в его состав единиц. Были выявлены следующие группы, перечисляемые в порядке убывания составляющих их компонентов: наименования лиц (17), обозначения качественных признаков предметов, лиц, действий (11), наименования действий (8), артефактов (8), чувственных ощущений (7), морально-этические понятия (6), части тела человека (6), наименования натурафактов (6), физических явлений (5), частей суток (4) и ряд других.

На следующем этапе работы нами были выделены переводные соответствия единиц лексического ядра русского языка (взятые в основных значениях) в английском языке. Использовалась контрастивная методика описания, представленная в работе (Стернин 2004). Проделанный нами межъязыковой компонентный анализ значений лексем показывает, что за внешним сходством у русских и англичан стоят существенно различающиеся образы мира.

Рассмотрим в качестве примера результаты анализа наименований лиц.

Представим в табличной форме денотативные интегральные и дифференциальные семы русского слова и его английских соответствий.

	лицо	муж. пол	зрел. возраст	объединен групп. интересами	имеет хорошие манеры	принадл. к высш. обществу	матер. обеспечен	ведёт праздный образ жизни
мужчина	+	+	+					
man	+	+	+					
male	+	+	+	+				
gentleman	+	+	+	+	+	+	+	
mister	+	+			+	+	+	
playboy	+	+			+		+	+

Выделим также коннотативные и структурно-языковые семы, чтобы представить компонентный анализ в наиболее полной форме.

Компоненты значения	Оценоч. компонент	Эмоцион. компонент	Функци.-стилистич. компонент	Функци.-социальн. компонент	Функци.-территор. компонент	Функци.- temporал. компонент	Функци.-частот. компонент
мужчи-на	не-оцен.	нейтр.-эмоц.	меж-стил.	обще-нар.	обще-распр.	совр.	употр.
man	не-оцен.	нейтр.-эмоц.	меж-стил.	обще-нар.	обще-рас.	совр.	употр.
male	нео-добр.	пре-небр. (оскорб.)	меж-стил.	термин (биол.)	обще-распр.	совр.	мало-употр.
gentle-man	одобр.	ува-жит.	высок. (оф.-дел.)	обще-нар.	BrE	совр.	употр.
mister	одобр.	ува-жит.	офиц.-дел.	обще-нар.	AmE	совр.	употр.
playboy	не-одобр.	презр.	меж-стил.	обще-нар.	обще-распр.	совр.	употр.

Приведённые выше примеры демонстрируют определённое совпадение близких по значению слов в русском и английском языках, что, бесспорно, вытекает из принадлежности их денотатов к универсальной мировой культуре. Эквивалентами можно считать только единицы *мужчина* и *man*, остальные единицы следует считать переводными соответствиями, о чем свидетельствует наличие в контрастивных парах межъязыковых дифференциальных сем, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии национальной специфики семантики исследуемых единиц.

-
1. Longman Dictionary of English Language and Culture. Person Education Limited, England, 2000.
 2. Paperback Dictionary & Thesaurus. Harper Collins Publishers, Glasgow, 2001.
 3. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2003.
 4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
 5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
 6. Система лексических минимумов современного русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2000.
 7. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж, 2004.

К уточнению состава лексического ядра современного русского языка

На предварительном этапе определения состава лексического ядра русского языка нами была выделена группа лексем, обладающих максимальной частотностью и входящая в ассоциативное ядро русского языкового сознания. Этими лексемами оказались: говорить, большой, дело, новый, человек, рука, жизнь, день, хотеть, работа, думать, глаз, земля, слово, свет, сила, народ, есть, вода, жить, голова, хорошо, война, друг, город, дом, лицо, дверь, много, путь, стол, молодой, голос, мать, вместе, маленький, ночь, быстро, Бог, черный, белый, старый.

В соответствии с выдвигаемой нами гипотезой в лексическое ядро языка будут входить только высоко многозначные лексемы: развитость смысловой структуры слова, его большой метафорический и функциональный потенциал всегда характеризует смысловую и коммуникативную важность лексической единицы для языкового сознания, ее релевантность для формирования национальной языковой картины мира и, следовательно, подтверждают ее ядерный статус в лексической системе.

Выделенные нами на первом этапе исследования лексемы полученного списка были проверены по «Большому толковому словарю русского языка» С.А. Кузнецова. Ставилась задача установить, характерна ли для этих единиц высокая многозначность в русском языке.

Проведенный анализ показал следующее.

Говорить: 1. Владеть устной речью. 2. Выражать что-л. словесно (устно или письменно). 3. с кем Вести беседу. 4. Вызывать какие-л. чувства, мысли, воспоминания и т.п. 5. Свидетельствовать о чем-л., указывать на что-л. 6. в ком Проявляться в чьих-л. поступках, словах.

Большой: 1. Значительный по размерам, превосходящий ряд однородных предметов и явлений. 2. разг. Вышедший из младенческого возраста, подросший (о детях). 3. Продолжительный по времени. 4. Значительный по количеству. 5. Значительный по интенсивности, силе воздействия, степени проявления. 6. Важный по содержанию, значению. 7. Характеризующийся высшими достижениями; представленный выдающимися деятелями, мастерами высокого класса. 8. Обладающий какими-л. свойствами в высшей мере.

Дело: 1. Работа, занятие, деятельность, хозяйственное дела. 2. Практическая деятельность. 3. чье То, что непосредственно касается кого-, чего-л., входит в чье-л. ведение, обязанность и т.п. 4. разг. То, что полезно, важно, существенно и т.п. 5. Специальность, профессия; круг занятий. 6. Промышленное или торговое предприятие. 7. Надобность, нужда, потребность. 8. Административное разбирательство. 9. Собрание документов, относящихся к кому-л. лицо, событию, факту; досье. 10. устар. Сражение, бой. 11. Происшествие, событие, факт. 12. разг. Положение вещей, обстоятельства,

связанные с чем-л. 13. Вещь, явление. 14. употр. в составе вводных словосочетаний со значением, соответствующим значению прилагательного.

Новый: 1. Такой, который не существовал раньше. 2. Только что, недавно приобретенный или прибывший, поступивший куда-л. 3. для кого Незнакомый, неизвестный; ранее неизвестанный. 4. Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший или предназначенный заменить его; следующий, очередной. 5. Относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени, эпохе.

Человек: 1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. 3. о каком-л. лице; Кто-то, некто. 4. Дворовый слуга.

Рука: 1. Каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев. 2. Часть тела как единица измерения. 3. (в косв. падежах с предлогом и опр.) Сторона, бок. 4. Почерк. 5. Согласие на замужество, готовность вступить в брак. 6. (обычно мн. с опр.) О человеке какой-л. квалификации, социального положения, нравственных качеств и т.п. 7. только ед. разг. О высокопоставленном лице, способном оказать покровительство, содействовать кому-л. 8. с опр. разг. употр. для указания на вид, сорт, качество и т.п.

Жизнь: 1. Особая форма существования материи, основным отличием, которой от неживой природы является обмен веществ. 2. Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения до смерти. 3. Полнота физических и духовных сил и ее внешнее проявление. 4. Период существования кого-л. от рождения до смерти. 5. Образ существования кого-л. 6. кого - чего, с опр. Деятельность отдельных людей в тех или иных ее проявлениях. 7. Реальная действительность; бытие. 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ.

День: 1. Часть суток от восхода до захода солнца, между утром. 2. = Сутки. 3. Промежуток времени в пределах календарных суток, характеризуемый чем-л., предназначенный для чего-л., занятый чем-л. 4. Календарная дата, связанная с чем-л. 5. только мн: Время, пора, период.

Хотеть: 1. кого-что, чего, с инф. Испытывать потребность, необходимость (делать что-л.) (1 зн.) в ком-, чем-л. 2. что за кого-что Оценивать в какую-л. сумму при продаже, требовать в обмен на кого-, что-л. 3. кого, разг. Испытывать чувственное влечение к кому-л. 4. с инф., разг. Иметь возможность осуществляться (о любом действии по отношению к кому-л. предмету, явлению и т.п. 5. с инф., с отриц. Отказываться делать что-л. 6. в составе определительных местоимений и наречий.

Работа: 1. только ед. к работать. 2. обычно с опр. Вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей. 3. только мн., обычно с опр. Производственная деятельность по созданию, производству чего-либо. 4. Труд, занятие как источник заработка; служба. 5. То, над чем работают, что находится в процессе изготовления. 6. Продукт труда, готовое изделие, произведение. 7. с опр. Качество, способ, манера, исполнения. 8. Физический процесс превращения одного вида энергии в другой.

Думать: 1. (о ком, чем) Размышлять, предаваться раздумью. 2. Полагать, считать, предполагать. 3. с инф. Намереваться, рассчитывать, собираться. 4. о ком-чем Заботиться, беспокоиться.

Глаз: 1. Орган зрения. 2. Способность видеть. 3. Присмотр, надзор.

Земля: 1. Третья планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца, орбита которой находится между Венерой и Марсом. 2. Место жизни и деятельности людей. 3. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства). 4. Верхний слой земной коры; грунт. 5. только ед. Верхний плодородный слой земной коры. 6. Территория, находящаяся в чём-л. владении, управлении, пользовании, используемая в основном в сельскохозяйственных целях. 7. Страна, государство. 8. только ед. В составе названий красок. 9. В Австрии, в Германии: крупная административно-территориальная единица.

Слово: 1. Единица языка, служащая для названия отдельного понятия. 2. только ед. Речь, язык. 3. Высказывание, выражение, фраза. 4. только ед. Мнение, решение, вывод. 5. только мн., неодобр. Пустая болтовня, разговоры, не подкрепленные делом. 6. только ед. Обязательство сделать, выполнить что-л.; обещание. 7. только ед. Публичное выступление, речь, устное официальное заявление и т.п. 8. только ед. Литературное произведение в форме ораторской речи, проповеди или послания. 9. только мн. Литературный текст (обычно к музыкальному произведению). 10. только ед. Достижение в какой-л. области.

Свет: 1. Лучистая энергия (электромагнитные колебания в определенном диапазоне длин волн), воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир. 2. Место, откуда исходит освещение, пространство, где светло. 3. Источник освещения и приспособления для освещения в домах и улицах. 4. разг. Рассвет, восход солнца. 5.иск. Светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-л. участка изображаемого. 6. Блеск глаз под влиянием какого-л. чувства. 7. Символ разума. 8. нар.-поэт. Ласковое, приветливое обращение к кому-л.

Сила: 1. обычно ед. Способность живых существ к физическим действиям, требующим значительного напряжения мышц. 2. Способность человека выдерживать большие психологические нагрузки или проявлять в полной (высшей) степени свои умственные наклонности и душевные состояния, свойства. 3. только ед. Совокупность физических и духовных свойств человека как основа деловой и творческой активности; жизненная энергия, жизнеспособность. 4. только ед., неодобр. Физическое насилие или моральное, экономическое и т.п. давление. 5. только ед. Способность производить какую-л. работу; энергия (2 зн.), мощность (2 зн.). 6. только ед. Степень проявления чего-л.; интенсивность, напряженность. 7. только ед. О том, кто или что способно производить сильное впечатление, оказывать сильное влияние; могущество (1 зн.), авторитет (1 зн.), власть (2 зн.). 8. только ед. Правовая или финансовая действенность чего-л.; правомочность. 9. Материальное или духовное начало как источник или побуждение к какой-л. деятельности, поведению. 10. Общественная или профессиональная группа, слой общества, отличающийся определенной направленностью своей деятельности. 11. только мн. Войска. 12. в функц. сказ. нар.- разг. Огромное количество,

множество. 13. *спец.* Величина механического взаимодействия тел, вызывающего их ускорение или деформацию.

Народ: 1. Население той или иной страны. 2. Нация, национальность, народность. 3. *только ед.* Основная трудовая масса населения страны. 4. *только ед.* Род.; *собир.* люди.

Есть: 1. *(кого-что)* Поглощать пищу, питаться, насыщаться. 2. *(кого) разг.* Кусать, жалить (о насекомых). 3. *что* Портить, уничтожать, грызя, съедая (о грызунах, насекомых). 4. *что* Причинять повреждения, разрушая химически. 5. *что* Раздражать (о дыме, газе). 6. *(кого), разг.* Мучить, не давать покоя (о болезни, заботе). 7. *разг. (кого)* Изводить бесконечными попреками, замечаниями, придирками и т.п.

Вода: 1. Прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом. 2. *только мн.* Минеральные источники, курорт с такими источниками. 3. Водное пространство моря, реки и т.п. его поверхность, уровень. 4. Чистота окраски, блеск, прозрачности драгоценного камня. 5. *только мн., разг.* Жидкость, окружающая плод в течение беременности.

Жить: 1. Существовать, быть живым. 2. *с кем-чем* Быть поглощенным, увлеченным кем-, чем-л., считать что-л. смыслом жизни. 3. Вести тот или иной образ жизни. 4. Пребывать, проживать где-л. 5. *с кем, разг.* Находиться с кем-л. в любовной связи. 6. Иметься.

Голова: 1. *только ж.* Часть тела человека или позвоночного животного, состоящая черепной коробки и лица (у человека) или морды (у животного). 2. *обычно мн.* Единица счета животных. 3. *только ж.* Ум, рассудок. 4. *(с опр.) только ж.* О человеке как носителе каких-л. свойств, качеств. 5. Председатель, руководитель некоторых выборных органов; военное или гражданское звание. 6. Начальник, старший по положению, роли и т.п. 7. Передняя часть чего-л. движущегося и вытянутого (группы людей, предмета и т.п.).

1. Хорошо: I. нареч. к Хороший (2,7 зн.). II. *в функции сказ.* 1. Об окружающей обстановке, доставляющей удовлетворение, наслаждение. 2. *кому* Об ощущении здоровья, удовлетворения, удовольствия, радости и т.п. испытываемом кем-л. 3. Очень удачно, кстати. III. *вводн. сл., разг.* допустим, положим. IV. *частица* 1. Согласен, да, пусть будет так; 2. *с частичей же, разг.* Ну, смотри; погоди же; запомни же.

2. Хорошо: *неизм.* Положительная оценка успеваемости; соответствует четырем балам в пятибалльной системе.

Война: 1. Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т.п. или общественными классами внутри государства. 2. Борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического политического и т.п. воздействия на кого-, что-л. 3. *разг.* Действия, направленные на искоренение чего-л.

Друг: 1. Человек по отношению к тому, с кем он связан дружбой. 2. *кого-чего* Сторонник, приверженец, защитник. 3. Дружеское обращение.

Город: 1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. 2. *ист.* Древнее поселение, огороженное укрепленной стеной; крепость; ограда, стена, окружающая такое поселение.

3. В различных, подвижных играх (в лапте, городках и т.п.): очерченное на земле место, являющееся лагерем каждой из играющих партий, площадкой, из которой выбивают городки и т.п.

Дом: 1. Здание, предназначенное для жилья или размещения учреждений, предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. 4. Царствующий род, династия. 5. В названиях различных учреждений, заведений.

Лицо: 1. Передняя часть головы человека. 2. Характерный облик кого-л., отличающий его от аналогичных предметов, явлений и т.п., отличительные черты, особенности, составляющие сущность кого-, чего-л. 3. Отдельный человек; индивидум. 4. Передняя сторона дома, строения, сооружения и т.п. 5. Обращенная наружу (лицевая) сторона чего-л. 6. лингв. Грамматическая категория, показывающая отношение действия к говорящему и выражаемая изменением глаголов в соответствующих формах спряжения, а также особой группой местоимений.

Дверь: 1. Отверстие в стене для входа и выхода из помещения, а также створ, закрывающий это отверстие. 2. перен. Доступ к чему-либо.

Много: 1. В большом количестве, в значительной степени; не мало. 2. Значительно, гораздо. 3. Неопределенно большое количество кого-, чего-л.

Путь: 1. Полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога. 2. Железнодорожная или трамвайная колея, линия. 3. Пространство, по которому осуществляется транспортное сообщение. 4. Место для прохода, проезда куда-л. 5. Расстояние, которое проходит или проезжает кто-л. 6. Орган в виде канала, в котором совершается какая-л. Деятельность. 7. Передвижение куда-л. поездка, путешествие. 8. Направление движения, маршрут. 9. Направление деятельности, развития кого-, чего-л. 10. Средство, способ достижения чего-л. 11. Жизнь человека, ее течение.

Стол: 1. Род мебели в виде широкой пластины из досок, пластмассы и других материалов, укрепленной в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках, служащий для размещения на поверхности каких-л. Предметов. 2. Предмет медицинской обстановки, стационарный или способный изменять высоту (на одной ножке с регулировкой). 3. Такой предмет мебели вместе со всем, что поставлено на нем для еды. 4. Набор, выбор и качество блюд в предприятии общественного питания. 5. Пища, еда, съестное. 6. Деталь станка в виде горизонтальной доски, служащей для установки, закрепления и поддержания заготовки при ее обработке. 7. Отдел в учреждении, занимающееся каким-л. специальным кругом дел. 8. Отдел в учреждении; само учреждение, занимающееся узким кругом канцелярских дел. 9. в *Древней Руси*: княжеский престол. 10. геогр. Массивная каменная глыба или плита, лежащая на ледяной подставке на поверхности ледника.

Молодой: 1. Находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет. 2. Свойственный человеку этого возраста. 3. Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке любого возраста его состоянии, чертах характера и т.п.). 4. Относящийся к следующему поколению (употр. при фамилии детей для отличия от родителей, имеющих ту же фамилию). 5. разг. Слишком неопытный для кого-л., непригодный по молодости к чему-л. 6. Недавно появившийся, начавший

существовать, расти. 7. Недавно возникший, образовавшийся. 8. Недавно приготовленный и еще не имеющий достаточной крепости, остроты (о виноградном вине, продуктах).

Голос: 1. Звуки, возникающие вследствие колебания голосовых связок при разговоре, крике, пении и т.п. 2. Способность петь. 3. Отдельная самостоятельная партия в музыкальном произведении. 4. Звуки, сопровождающие какое-л. явление, работу каких-л. Устройств. 5. Внутреннее побуждение, осознание чего-л. 6. Мнение, суждение, высказывание. 7. Право заявлять свое мнение при решении вопросов в государственных и общественных учреждениях. 8. *разг.* О радиостанциях буржуазных стран, ведущих внешнеполитическую пропаганду.

Мать: 1. Женщина по отношению к рожденным ею детям; женщина имеющая или имевшая детей. 2. *трад.-нар.* О том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-л. духовную ценность. 3. Самка по отношению к своим детенышам. 4. *разг.* О том, от которого или в котором зарождается, образуется что-л. новое или подобное ему. 5. *обычно в обращ.*, *фам.* О женщине, жене. 6. О жене священника или монахине (обычно при соединяется к имени или званию).

Вместе: 1. Сообща; совместно; в соединении с кем-, чем-л. 2. Одновременно.

Маленький: 1. Незначительный по величине, размерам.; невысокого роста; короткий, немногословный; небольшой по количеству, немногочисленный. 2. Незначительный по силе, степени проявления; не имеющий существенного значения. 3. Занимающий невысокое положение. 4. Малолетний.

Ночь: 1. Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра. 2. Темнота, мрак во время этой части суток.

Быстро: 1. Происходящий, совершающийся с большой скоростью. 2. Движущийся с большой скоростью; способный развивать такую скорость; скоростной. 3. Очень подвижный, живой; проворный, шустрой; свойственный такому человеку.

Бог: 1. По монотеистическим представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщий мировое начало; в христианстве: триединое божество – Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. 2. При политеизме: одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-, чему-л. языческие боги. 3. Материализованный образ такого существа в искусстве. 4. Об одаренном человеке, гении. 5. О предмете поклонения, восхищения.

Черный: 1. Самый темный из всех цветов, имеющий цвет сажи, угля. 2. Темный, более темный по сравнению с обычным цветом, принявший темную окраску (о побывавшем на солнце, испачканном, грязном или потемневшем). 3. Имеющий темный цвет кожи как признак негроидной расы. 4. *устар.* Принадлежащий к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью. 5. Не требующий высокого мастерства, неквалифицированный, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный (о работе, труде и т.п.). 6. Предназначенный для каких-л. служебных или бытовых нужд, не главный, не парадный. 7. Не вызывающий одобрения, предосудительный.

8. Мрачный, безрадостный связанный с тяжестями жизни. 9. По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, магический, связанный с нечистой силой. 10. Очень плохой, крайне отрицательный. 11. Злостный, низкий, коварный. 12. Составная часть некоторых зоологических и ботанических наименований.

Белый: 1. Цвета снега, молока. 2. Очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет. 3. Лишенный дополнительной окраски. 4. *трад.-нар.* Чистый, связанный с добром.

Старый: 1. Проживший много лет, достигший старости. 2. Свойственный такому человеку; старицкий, старческий, немощный, утративший силу, бодрость. 3. Не подходящий по возрасту, прошедший, минувший определенную черту, меру, недостаточно молодой для чего-л. 4. Негодный, дурной, несообразительный (о человеке). 5. Давно существующий, созданный. 6. Давно находящий в употреблении, давно сделанный. 7. Опытный, бывалый, более знакомый с какой-л. Деятельностью. 8. Давно приготовленный и имеющий большую крепость, остроту (о виноградном вине). 9. Давно прошедший, давно минувший; давний, прежний (о времени). 10. Сохранившийся, дошедший от давних, прежних времен; стариный (1 зн.). 11. Ведущий свое начало, происхождение из далекого прошлого, из старины (о роде, фамилии). 12. Живший, творивший в стариину. 13. Не современный, устарелый. 14. Такой, который был прежде, предшествующий кому-, чему-л., имеющемуся теперь; прежний (1 зн.).

Таким образом, практически все единицы данного списка многозначны, имею от двух до десятков значений. Это является дополнительным подтверждением того, что данные слова можно рассматривать как лексическое ядро русского языка.

С.М. Гетманцев

Семантические процессы в синонимических рядах

Специфика синонимии предполагает наличие у каждого члена синонимического ряда чётко ограниченной специализации, ясно очерченной семантической характеристики, выделяющей его среди других синонимов данной группы. Специфика синонимии заключается в том, что каждый член синонимического ряда несёт в своём значении что-то своё, оригинальное, чего нет у соседних синонимов. Синонимы нужны языку именно как разные единицы, как одинаковые они обречены.

Вот почему так называемые абсолютные синонимы недолговечны: их одинаковость противоречит основной задаче синонимов – изображать одно и то же, но по-разному.

Если судить по исследованиям синонимов, выполненным в последние годы, можно подумать, что они служат исключительно для выражения «тончайших оттенков мысли» и никогда не используются в целях перефразирования. Такой вывод был бы неверным.

Синонимия в широком смысле слова – настолько фундаментальная черта всех естественных и искусственных языков, что было бы крайне странно, если бы лексические синонимы не имели к ней никакого отношения.

Применительно к лексическим синонимам вопрос об их месте в перифрастической системе языка сводится к вопросу о том, какие синонимы и в каких контекстуальных условиях способны к взаимозаменам. Очевидно, что этим свойством обладают, прежде всего, семантически точные синонимы, если их лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость хотя бы частично совпадает.

С другой стороны, способностью к взаимозаменам обладают и некоторые неточные синонимы. Для этого необходимо, во-первых, чтобы их семантические различия были нейтрализуемыми и, во-вторых, чтобы их сочетаемостные свойства были сходными.

Проиллюстрируем эти положения на нескольких синонимичных прилагательных размера английского и русского языков.

Так, ещё сравнительно недавно, в XIX веке, английские синонимические прилагательные *small* и *little* имели достаточно чёткие смысловые границы; у каждого из них была своя специализация. В частности, в сочетании с существительным *child*, *little* обозначало *маленький по возрасту*, а *small* – *маленький ростом*.

Как пишет С.Г. Шафиков (Шафиков 1988, с.59), «...в сочетании *a little boy* слово *little* означает скорее возраст, чем физическую характеристику ребёнка, а также отношение говорящего (ср.: *a big boy*), в словосочетании же *a small boy* или *a large boy* имеется в виду только размер, рост».

В английском языке XX века всё чаще и чаще сочетание *small child* (*boy*, *girl*) употребляется при обозначении возраста: «... *She had two small children to provide for*».

Чёткость разграничения между этими двумя синонимами в данном варианте сочетаемости в значительной степени утрачена, и разницу в значениях уловить трудно. Пожалуй, ещё больше стёрлась в течение XX века грань между синонимами *big* и *large* в некоторых вариантах сочетаемости.

О.В. Бублик (Бублик 1990, с.13) пишет о том, что прилагательные *big* и *large* часто не разграничиваются в употреблении, но с XIX – XX вв. *big* начинает вытеснять *great* и даже *large*, особенно в разговорной речи. *Big* также входит в состав словарных дефиниций членов синонимического ряда: *large – a general designation for considerable magnitude, big; great – thick, stout, massive, bulky, big; chopping – big and vigorous*.

Как уже упоминалось выше, в течение XX века стёрлась грань между синонимами *big* и *large* в некоторых вариантах сочетаемости. Особенно это относится к сочетаемости *big* и *large* с существительными *man*, *fellow*, *chap*, *boy* и т.д. Если раньше сочетание *big man* означало *крупный мужчина*, а *large man* – *полный, толстый, тучный*, то сейчас *big* и *large* употребляются в этих сочетаниях в первом из этих значений – *крупный, большой*.

«...*trotting between two large powerful fellows, obviously his bodyguards*» (W. Clowes) – «... а по обе стороны от него двое крупных, здоровенных парней, по-видимому, телохранителей».

«... a very stout peony-faced woman... with a large boy and small girl under one arm, and a large boy and a small girl under the other arm» (A. Bonnet. *«Jack-at-a-Venture»*) – «... очень толстая женщина с лицом, похожим на пион, ... и при ней большой мальчик и маленькая девочка, цепляющаяся за одну руку, и большой мальчик, и маленькая девочка, цепляющаяся за другую руку».

В первом из приведённых примеров широкий контекст, по-видимому, исключает возможность значения *толстый*.

Во втором примере *small*, употреблённое с традиционной для этого прилагательного импликацией роста, указывает на значение *large*, которому оно противопоставлено: *крупный, большой*.

Утрачена отчётливость грани, отделяющей *big* от *large*, также и в некоторых других сочетаниях. Трудно, например, объяснить разницу между значением прилагательных в сочетаниях *big eyes* и *large eyes*; *big hands* и *large hands* и некоторых других. Такая утрата чёткости разграничения объясняется тем, что синонимические группы, как и всё в системе языка, находятся в постоянном движении. Именно влияние близких по значению слов является распространённой причиной семантических сдвигов, и поэтому связи между синонимами отнюдь не статичны, а гибки и изменчивы.

По-видимому, внутри синонимических групп постоянно действуют две противоположные силы: тенденция к нивелировке значений и тенденция к их разграничению. Когда при синхронном рассмотрении группы или пары синонимов мы не обнаруживаем чётких и постоянных линий разграничения, а синонимы проявляют тенденцию к взаимозаменяемости, это значит, что данные синонимы как раз проходят сейчас стадию нивелировки или же что процесс размежевания находится в начальной стадии. Так, на данном этапе развития английского языка в стадии нивелировки находятся, по-видимому, прилагательные *big* и *large*, упоминавшиеся выше: *large* всё больше и больше расширяет свой смысловой объём за счёт *big*.

Интересно, что в таких случаях более активным, жизнеспособным и устойчивым является обычно более новое слово. В столкновении между *big* и *large* заимствованное *large* определённо теснит исконное *big*.

Таким образом, если тот или иной член синонимического ряда обнаруживает расплывчатость и нечёткость семантической характеристики, исторический анализ может способствовать её уточнению, а также установлению тенденции развития данного слова в его связях с другими синонимами группы. Разнородный характер составляющих синонимических рядов с точки зрения происхождения свидетельствует о подвижности и условности границ данной группы.

Следует заметить, что при сопоставлении разновременных групп древнерусского и современного русского языков обращают на себя внимание некоторые изменения, произошедшие в значениях слов и в области их функционирования за определённый период времени. В древнерусском языке антонимическая пара, определявшая структуру группы, была представлена прилагательными *великий – малый*.

По-видимому, прилагательное *большой* постепенно вытесняло в литературном языке прилагательное *великий*, которое с течением времени

стало специализироваться на более узких значениях. Прилагательное *маленький* является более поздним образованием от слова общеславянского происхождения – *малый*. Как считает Б.Я. Шмуклер, прилагательные линейного размера в русском языке можно найти в памятниках древнерусского языка, т.е. они относятся к наиболее древнему пласту лексики. А прилагательные совокупного размера с точки зрения их происхождения в русском языке имеют различные источники (Шмуклер 1995, с.39-40).

Итак, рассмотрение лексической сочетаемости приводит нас к выводу, что для любого синонима из конкретного синонимического ряда важно, чтобы были выяснены типы специфических для него контекстов, а для любой пары синонимов – типы контекстов, в которых они взаимозаменяемы.

1. Бублик О.В. Синонимические ряды прилагательных со значением размера // Семантические корреляции на лексическом и синтаксическом уровнях. Саранск, 1990. С.10-15.
2. Шафиков С.Г. Компонентный анализ прилагательных, выражающих понятие «Размер» в английском языке // Вопросы семантики языковых единиц. Уфа, 1988. С.56-59.
3. Шмуклер Б.Я. Структура лексико-семантической группы прилагательных размера // Функционирование языковых единиц в разных формах речи. Саратов, 1995. С.37-42.

Л.В. Лаенко

Национальная специфика репрезентации перцептивного образа «тупой» в русском и английском языках

Перцептивный образ «тупой» репрезентируется в русском языке в семантике прилагательного *ТУПОЙ*, в английском же языке – в семантике двух прилагательных – *BLUNT, DULL*. Анализ синтагматических особенностей данных ЛЕ позволяет, с одной стороны, определить предметные и непредметные зоны приложения означенного признака, с другой стороны, определить стратегии распределения концептуальной нагрузки между номинирующими данный признак прилагательными.

Так, русское прилагательное *тупой* по семеме Д1 характеризует:

1) по семеме Д1:

- неострые, незаточенные инструменты, которые в норме должны быть острыми и хорошо резать, прокалывать: *тупой нож, тупая бритва, тупая пила, тупое лезвие, тупой секатор, тупая игла, тупой топор, тупая лопата, тупые ножницы, тупой буров, тупой лом, тупой бритвенный станок, тупой тесак, тупое оружие, тупое копье, тупой кинжал, тупые зубы, тупой меч; к старости зубы тупее, а язык острее (посл.); острый топор быстро тупится, а тупой и камень перерубит (посл.);*

- по семе «не суживающиеся к концу острым углом» маркирует форму вещей, предметов, не суживающихся к концу: тупой подбородок, конец, мыс, карандаш, нос ботинка; тупой конец жезла, тупые когти, тупой клюв, тупое древко, тупой гвоздь, тупой конец посоха, тупая морда зверя, тупое дуло оружия, тупое лицо, тупой лоб вездехода, тупой носик аэрозоля, тупой нос корабля, тупой оскал гранитных камней, тупой срез цилиндра, тупой нос подводной лодки, тупой бампер машины, тупой ствол револьвера, давно не стриженная тупая бородка, тупые пальцы, тупые пятки ног, ботинки с тупыми носами, птицы летели тупым клином, тупое и короткое рыло крокодила, тупой угол; из-под кровати глядели тупые и острые носы длинного ряда всевозможных туфель (Чехов, Тина);

2) по семеме Д2-1 «не резкий, не очень чувствительный» описывает степень развитости перцептуальных способностей человека и животного, болевые ощущения человека: *тупая боль, тупое давление в голове; он почувствовал тупой тычок ножа, тупое нытье в лодыжке, тупое подергивание в стопе, тупой голод; у борзых чутье весьма тупое, у гончих острое* (Даль 4, с.374);

3) по семеме Д2-2 «не имеющий выхода, прохода, тупиковый: *тупой переулок*;

4) по семеме Д2-3 «глухой и низкий» передает восприятие звуков: *тупой стук топора, тупой удар, тупой звук, тупой и протяжный грохот, тупой колесный перестук, тупой стук, тупой хруст, тупой звук падающего тела, беспорядочные тупые выстрелы, тупой рев, тупой звон, тупое потрескивание костра.*

По отмеченным первым трем ситуациям **ТУПОЙ** противопоставлено **ОСТРЫЙ**. В типе же ситуации, характеризующейся наличием экспериенциера, который вынужден реагировать на объект, прилагательному **ОСТРЫЙ** противопоставлено **МЯГКИЙ**, а не **ТУПОЙ**: *острый – мягкий сыр*. Но в области многих метафорических переносов такое противопоставление есть: *острый – тупой взгляд, острый – тупой юмор* и т.д.

Так, русское тактильное **ТУПОЙ** развивает семеи К1:

- «невыразительный, почти бессмысленный, лишенный разумности»: *тупой взгляд, тупая улыбка, тупая маска равнодушия, тупое лицо, тупой и сырый вид, тупая физиономия бандита, тупые рожи солдат, тупая морда бабы (груб.), тупая арабская морда (груб.), тупая уродливая сила, тупая страсть туземцев к разрушению, тупая мысль, тупое безвременье, тупое удивление, делать что-либо с тупым усердием, тупое любопытство, тупое недоумение, тупое упрямство, тупая статья*;

- «лишенный острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности: *тупой ум, тупой человек, тупое самодовольство, тупая безглазая нечисть, тупая интеллигенция, тупая масса жует американскую жвачку и повторяет удобные лозунги, тупая деревенщина (груб.), тупое животное (груб.), тупая молодежь, тупая бюрократия, тупое и жадное отребье, тупой варвар, тупой ученик, тупой народец, тупой остряк, тупая женщина, тупой дикарь, тупой солдафон, тупые культисты, тупые бездари, тупые жсиводеры, тупой самодовольный*

кретин, тупые равнодушные приспешники, тупой треп в ментовке (жарг.), тупая важность, тупое чванство, тупые любезности, тупое самодовольство, тупая наглость; умел он весело поспорить, остро и тупо отвечать, порой расчетливо смолчать, порой расчетливо повздорить (Пушкин. Евгений Онегин);

- «безропотный, безответный, притерпевшийся к чему-либо неприятному, отупелый, равнодушный, безразличный»: тупая покорность, тупое состояние, тупое безразличие, тупое отчаяние, тупое раздражение, тупое равнодушие, тупое спокойствие, тупое изумление, тупое занятие, тупое механическое действие, тупая злоба, тупая безнадежность, тупой страх, тупая служебная скука, тупая сосущая тоска, тупая ситуация, тупая ярость, тупая угрюмая тяжесть, тупая унылость, тупая апатия, тупая усталость.

Сущности, стоящие за вопросом, улыбкой, статьей и под., агентивны по своей сути (вопрос и улыбка обращены к кому-то, статья написана для кого-то), они обращены к адресату и призваны воздействовать на него своим содержанием. Маркированные же как тупые, они не позволяют «проникнуть внутрь» экспериенцера и вызвать его ответную реакцию по одной из двух причин: либо в них нет смысла, либо они не соответствуют интересам адресата. Поэтому *тупой вопрос*, *тупой юмор* значит «бессмысленный» или «примитивный, неглубокий по содержанию», *тупая улыбка* – «механическая, лишенная смысла». Тот же компонент «бессмысленный» проявляется и в сочетании с именами состояний и процессов: *тупая ненависть*, *тупой страх*, *тупая покорность*, *тупая злоба*; *тупая зурбажка*, *тупая проверка* и т.д.: В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора и с тупым страхом ждал, что вот-вот и запор сейчас выскочит (Достоевский. Преступление и наказание). Потом вся тупая и злая боль вытекла из головы, стекла с висков в её мягкие руки, а по ним и по её телу – в пол, крытый пыльным, пухлым ковром, и там погибла (Достоевский. Преступление и наказание).

В отличие от прилагательного *ОСТРЫЙ*, для которого актуальны моментальность, быстрое начало процесса и его резкое воздействие на адресата, *ТУПОЙ* дает общую характеристику состоянию, процессу. Действительно, состояние тупой злобы или ненависти не сиюминутно. Ср.: *Вы извели всех за полтора месяца своим тупым упрямством* (М. Булгаков). Компонент длительности, встроенный в семантику *ТУПОЙ*, имеет этимологическое подтверждение: *ТУПОЙ* восходит к литовскому *TAMPYTI* «тянуть» (Этимологический словарь Фасмера).

Английское *BLUNT* по семеме D1 «не острый, не заостренный, не заточенный» описывает те же типы объектов, что и русское *ТУПОЙ*:

а) инструменты и оружие: *a blunt knife* – тупой нож, *a blunt saw* – тупая пила, *a blunt razor* – тупое лезвие, *a blunt seateurs* – тупой секатор, *a blunt needle* – тупая игла, *a blunt axe* – тупой топор, *a blunt shovel* – тупая лопата, *blunt scissors* – тупые ножницы;

б) геометрические фигуры: *a blunt angle* – тупой угол;

в) все предметы, которые имеют тупой край или кончик или конец, противоположный *острому*: *a blunt hill* - холм с тупым верхом, *a blunt rocket* - ракета с тупым носом, *a blunt tip* - тупой кончик: *Ray chopped furiously at the tree trunk with his blunt axe* – тупым топором; *He has shaved with a blunt razor, cutting his neck at the several places* – тупой бритвой; *Police say the victim was hit with a blunt instrument, possibly a hammer* – тупым инструментом (CCELD, p. 1209). *My pencil is blunt – can I borrow your sharpener?* (LDEL&C, p. 128) – карандаш тупой.

ЛЕ *BLUNT* образует следующие метафоры:

- К1-1 «грубый, бес tactный, бесцеремонный»: описывается неуместная правда, неуместно оглашаемые факты или неуместно высказанные мысли, даже если человек на самом деле так думает, когда: *Visitors are often shocked by Maria's blunt manner* (букв. тупая манера) – Посетителей часто шокирует грубая манера Марии; *He replied to my polite inquiry with a blunt refusal* (CCELD, p.629) (букв. тупой отказ) – На мой запрос он ответил грубым отказом; *It was blunt David's speech* (букв. тупая речь) – Это была бесцеремонная речь Давида; *blunt words* – бесцеремонные слова, *He was a forthright, critical man whose tongue could be both sharp and blunt* (букв. тупой язык) – он был прямолинейным критичным человеком, высказывания которого могли быть одинаково остроумными и бесцеремонными; *He held against her the blunt, even impolite way of speaking* (букв. тупая манера) – он говорил с ней в бесцеремонной, даже в невежливой форме; *He is blunt and sometimes disarmingly frank about his attitudes and dealing with others* (букв. он тупой) – он бесцеремонно и иногда обезоруживающе откровенен в своих отношениях с другими людьми;

- К1-2 «прямой, не требующий острого ума для понимания “прямым текстом”»: *a blunt statement* (букв. тупое утверждение) – прямое утверждение, *blunt accusations* (букв. тупые обвинения) – прямые обвинения; *To be quite blunt, I think the government has made a complete mess of things* (LDEL&C, p.128) (букв. быть тупым) – Если честно, то я думаю, что правительство натворило дед; *After all if he isn't going to take a hint she simply has no choice but to be blunt* (букв. быть тупым) – Если он не поймет намека, у нее не будет другого выхода, как быть прямолинейной; *Their message to the government was blunt and straight forward* (букв. послание было тупым) – Их послание правительству было прямым и по существу; *His words were blunt and laconic* (букв. его слова были тупыми) – Его слова были по существу и лаконичны (Bank of English).

- К1-3 – «заторможенный, с притупленными чувствами»: *She is spirited, restless, blunt, clear sighted, principled* (букв. она тупая); *Melanie was like an empty chocolate box, tempting on the outside nothing inside, to be blunt, frigid* (букв. желающая быть тупой) (Bank of English).

Blunt и *тупой*, таким образом, эквиваленты только по семеме Д1, репрезентирующей информацию о тактильном ощущении при взаимодействии человека с плохо режущими или колющими предметами, и по семеме Д2 при зрительном или тактильном контакте с незаостренными к концу предметами. Остальные смыслы лексемы *тупой*, создаваемые носителями русского языка по ассоциации с этим ощущением, передаются в английском языке лексемой

dull («тусклый» в прямом значении), что весьма любопытно, так как, претендуя на синонимичность с *blunt* при характеристике тупых предметов, *dull* звучит при этом не совсем естественно и даже несколько официально: *What use is a knife with a dull blade?* (букв. тусклое лезвие).

Dull в свою очередь передает следующие значения:

- (о звуке) «глухой» (not clear or sharp) *There was a dull thud as his head hit the floor* (CCELD, p.439) (букв. тусклый удар) – Как только его голова ударилась об пол, раздался тупой звук;

- «не резкий, не очень чувствительный, но ноющий» (not acute) *dull pain*; *The dull ache in her belly began again* (CCELD, p.439) (букв. тусклая боль) – В животе у нее снова появилась тупая боль; *He hated school games with a dull passion* (CCELD, p.439) (букв. тусклая страсть) – Он ненавидел школьные игры с тупым исступлением;

- «несообразительный, медленно думающий, понимающий» *dull, stupid, slow-witted*: *...these factors affect both intelligent and dull students* (CCELD, p.439) (букв. тусклые студенты) – такие факторы отрицательно влияют как на умных, так и на тупых студентов; «ограниченный» *dull/slow brain, dull/slow wits*. Думается, в этом значении *DULL* функционирует как эвфемизм к *BLUNT*.

«Тусклые» перцептивные истоки *dull* при переосмыслении носителями английского языка приводят к созданию следующих метафор:

- «тусклый → пасмурный»: *It's very dull today but I don't think it will rain* (CCELD, p.439) (букв. сегодня тускло) – Сегодня очень пасмурно, но я не думаю, что пойдет дождь. Реализуется семема Д2;

- «тусклый → скучный, монотонный»: *It's a terribly dull place; nothing much goes on here at all* (CCELD, p. 439) (букв. тусклое место) – Это ужасно скучное место: там вообще ничего не происходит. Реализуется семема К1;

- «тусклый → вялый»: *She became dull and silent during the last part of the long journey* (CCELD, p.439) (букв. она стала тусклой) – К концу длинного путешествия она стала менее энергичной и молчаливой.

Наиболее органичной сферой действия *DULL* в данном значении является торговля: *a dull day on the stockmarket* (букв. тусклый день на рынке) – вялый, неактивный день на фондовом рынке. Реализуется семема К1.

Вполне очевидно, что все отмеченные смыслы, репрезентированные английскими ФС, порождены на основе одной яркой семы «неявно выраженный, нечетко обозначенный».

Обращает на себя внимание жесткая английская ассоциация *тупой покорности* со слепотой: *blind submission* (что возможно и в русском дискурсе: *тупая/слепая покорность/повиновение*).

Английская метафорическая тупость, таким образом, связана с невежливостью, граничащей с грубостью, репрезентированной в семантике *blunt*, и замедленностью ментальных процессов, отсутствием должной скорости их протекания (*dull*), создающим впечатление размытости последних. Русская тупость пронизана идеей бессмыслинности как следствия плохо сформированной способности остро воспринимать, схватывать.

CCEL – Collins Cobuild English Dictionary. Harper Collins Publishers Ltd, Great Britain, 1995. – 1702 p.

LDEL & C – Longman Dictionary of English and Culture. – Addison Wesley Longman, 1998. – 1568 p.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1980. – Т. 4. – 683 с.

М.Я. Розенфельд

Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем

Лексическое значение представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. В словах и словосочетаниях «представлена свёрнутая в материю языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев 1972, с.51).

Во второй половине XX века в лексикологии наметился интегральный подход к значению слова. Он учитывает психологически реальное значение лексемы. Интегральный подход к семантике знака опирается на понимание значения как отражательного явления. «Категория значения является отражательной категорией, поэтому нельзя установить её специфику как чисто лингвистической категории, в отличие от философской, логической, психологической и т.д., так как нельзя изолировать язык от реального мира, который и является основой существования языка» (Виноградова 1981, с.64).

Осуществляемое человеком отражение действительности носит комплексный характер: человек выделяет и классифицирует предметы и явления в их необходимых отношениях и связях, вследствие этого соответствующие признаки, их отношения и связи обнаруживаются и в значениях слов, закрепляющих результаты такого отражения. Сторонники интегрального подхода к лексическому значению предлагают выделять в семантической структуре слова, помимо традиционных денотативного и коннотативного, эмпирический (образный) компонент. «Эмпирический компонент значения – закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» (Стернин 1979, с.129).

Чувственно-наглядный компонент входит в значение большого количества конкретных слов. Часто мы в полной мере можем определить значение предметного существительного или конкретного глагола, только если чувственно представляем реалии, которые они называют. Однако в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике» указывается, что в ходе экспериментальных исследований те или иные чувственные образы были обнаружены в связи со словами абстрактной лексики (религия: молящиеся люди, церковь и т.д.) (Попова, Стернин 2001,

с.58). Можно предположить, что чувственный образ также входит в смысловую структуру слов неконкретной лексики.

Цель нашего исследования – выявить экспериментальным путём, вызывают ли слова конкретной и абстрактной лексики чувственные образы в сознании носителей языка, описать содержание этих образов, определить, какие факторы влияют на характер образных ассоциаций слова.

Материал исследования – конкретное существительное *рука*, абстрактное существительное *дело*, конкретный глагол *говорить* и абстрактный глагол *знать*. Слова отобраны из списка наиболее частотных слов русского языка (по «Частотному словарю русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной).

Метод исследования – направленный ассоциативный эксперимент. Этот метод принадлежит к сфере психолингвистики. «Гам, где вступает в свои права идеальное, содержательное, а не материальное, формальное, поиски объективных методов познания становятся особенно трудными. Последние десятилетия в развитии языкоznания характеризуются усиленной разработкой и применением психолингвистических методов для описания лексико-семантической системы» (Левицкий, Стернин 1989, с.4).

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось описать всё, что они видят, слышат, чувствуют, когда экспериментатор произносит слова *рука, дело, говорить, знать*.

Опрошено 100 человек – учащихся 11-х классов МОУСОШ № 13 города Воронежа.

Результаты эксперимента

Рука: я пишу 21; нежные женские руки 13; кольца на пальцах 8; белые кисти 7; длинные пальцы 7; правая рука, длинная рука 6; руки моей мамы 5; ученик поднимает руку, волосатая рука, рукопожатие, открытая ладонь 4; учитель пишет на доске, реклама кремов, обручальное кольцо на безымянном пальце, браслеты на запястье, наручные часы, перчатка 3; мой друг машет рукой, розовые руки, большая ладонь 2; кисти нашей учительницы по русскому языку, маленькие ладони, я крашу ногти, футболист поднимает руку, драка, рука Мэри-Кейт Олсен из к/ф «Мгновения Нью-Йорка», белая ладонь на чёрном фоне, чёрная рука вылезает из-под кровати, французский маникюр, указательный палец, моя мама делает массаж, квадратная ладонь, рука лежит на парте, вскрытые вены, кофта с голубыми рукавами, я мою посуду, рука тянется из тумана, рука лежит на компьютерной мышке, тонкое запястье, рука тянется из тумана, рука лежит на компьютерной мышке, тонкое запястье, рука тянется к ветке, мужчина закатывает рукава, пухлая кисть, перстень с бриллиантом, я открываю учебник, ладонь шестидесятилетнего мужчины: жёлтые ногти, пигментные пятна – мудрый человек, симпатичный мужчина стоит на улице, неприятный запах 1; 100. Отказы – 0.

Дело: папка с надписью «Дело №» 20; я делаю уроки 13; я убираю квартиру 12; мужчина работает на станке 9; нечто серьёзное 6; мы убираем кабинет, стол и учебники, человек с серьёзным выражением лица, пустой класс 4; неприятное ощущение ожидания 3; я разговариваю с другом, мужчина рубит дерево, я смотрю телевизор, надпись «Делу время – потехе час», мужчина в строгом костюме, люди строят дом 2; женщина вяжет, я иду в магазин, моя учительница химии, мужчина сидит в кресле, я читаю учебник

истории, тушь течёт по щекам, крики присяжных, я ем, гладкая деревянная поверхность, спортсмен в спортзале, столяр пилит доску, мужчина идёт по улице, ручка и тетрадь на парте, мужчина копает землю, мужчина что-то пишет, мужчина с дипломатом, мужчина в галстуке, я мою посуду, нечто глупое, слышу пословицу «Сделал дело – гуляй смело» 1; 100. Отказы – 0.

Говорить: я беседую с другом 22; учитель объясняет новую тему, я отвечаю урок, открытый рот 10; громкий голос 7; я у телефона, моя соседка по парте 5; экран телевизора, мужчина жестикулирует 4; голоса моих друзей 3; голос моей учительницы; мой друг, высунутый язык, приятный голос, звуки смеха 2; зубы, губы шевелятся, надломленный голос, облака в небе, эхо, КВН по телевизору, я лежу на кровати, актёр из к/ф «Побеждая Лондон», шёпот 1, слышу вперемешку слова из анекдотов, весёлое лицо моей мамы 1; 100. Отказы – 1.

Знать: книга на столе 18; я на уроке 10; здание школы, я читаю книгу 9; я у доски 6; огромная голова 5; открытый учебник 4; учитель у доски, нечто важное, чувство уверенности 3; моя одноклассница, серое вещество мозга, улыбка, я учу стихотворение 2; мой аттестат, мужчина с лампочкой над головой, ученик за партой поднимает руку, выпускной вечер за границей, девочка у доски, текст в открытой тетрадке, опущенные глаза, журнальный столик, тетрадь по физике, знак вопроса, формула на доске, спокойное настроение, серый цвет, люди в шапочках с кисточками 1; 100. Отказы – 3.

Обсуждение результатов эксперимента

Так как предмет нашего исследования – чувственные образы, мы попытались классифицировать ассоциации по наиболее обобщённому признаку – по принадлежности образа к деятельности того или иного органа чувств. Образные ассоциации можно разделить на зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые.

Ф.Е. Василюк в статье «Структура образа» (Василюк 1993, с.9) указывает на то, что существует ряд слов, в образных ассоциациях которых предметность выступает на первый план. По мнению исследователя, испытуемый не вслушивается в слово, не вдумывается в понятие, его сознание сразу от слова, сквозь понятие направляется на внешний мир, в котором испытуемый находит соответствующую предметную ситуацию. Предмет становится доминантой образа. Такие образы мы будем называть предметными.

Помимо сугубо предметных образов, где реалии видятся изолированными и относительно статичными, в перечне ассоциатов присутствуют динамические образы, которые отражают предмет в движении, в окружении других предметов. Я-образы мы будем называть субъектными, а образы, связанные с ситуацией эксперимента – ситуативными.

Следует отметить, что один и тот же образ может быть одновременно и ситуативным, и субъектным, и динамическим, и предметным. Однако какая-то характеристика ассоциации в каждом случае обычно выходит на первый план. По доминирующей характеристике мы и будем именовать образ.

Рука

Зрительные образы: кольца на пальцах 8; белые кисти 7; длинные пальцы 7 и т.д.

В перечне ассоциатов зрительные образы преобладают, это связано с самой природой зрительного восприятия действительности. Приблизительно 80% информации о мире человек получает благодаря органу зрения. Зрительные образы наиболее яркие, кроме того, они проще в описании, чем слуховые, обонятельные и проч.

Обонятельные образы: неприятный запах 1.

Предметные образы преобладают. Большинство образов – это ассоциации не на слово «рука», а на слово «кисть»: рукопожатие 4; открытая ладонь 4 и т.д. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующее определение слову «рука»: «Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев» (Ожегов, Шведова 1999, с.686). Возможно, вторая часть дефиниции уже представлена в сознании как самостоятельное значение, которое кодируется отдельным образом.

Динамические образы: рукопожатие 4; учитель пишет на доске 3; мой друг машет рукой 2 и т.д.

Категориальное значение существительного – предмет. Обилие процессуальных образов у конкретного существительного указывает на то, что специфика образных ассоциаций не в полной мере определяется категориальным значением соответствующего слова.

Субъектные образы: я крашу ногти 1; я мою посуду 1 и т.д. Наличие я-образов свидетельствует о том, что психологическое значение слова рождается из личного опыта индивида. Этот процесс напоминает механизм возникновения лексического значения, в основе которого лежит опыт коллектива, общественная практика.

Ситуативные образы: я открываю учебник 1; рука лежит на парте 1 и т.д. Опрос проводился на уроке в школе. На характер образных ассоциаций может влиять ситуация эксперимента.

Интересны ассоциаты «волосатая рука 4»; «рука Мэри-Кейт Олсен из к/ф «Мгновения Нью-Йорка» 1». Они указывают на культурную составляющую образа. К этой же группе ассоциатов можно отнести: «рука тянется из тумана 1», «чёрная рука вылезает из-под кровати 1». Вряд ли испытуемые наблюдали такие картинки в жизни. На характер образа здесь влияет не только личный, ситуативный опыт индивида, но и его культурный опыт – стереотипы, закреплённые в сознании народа.

Ассоциаты «мой друг машет рукой 2»; «футболист поднимает руку 1» относятся не к слову рука, а к словосочетаниям «махать рукой» и «поднимать руку». В данном случае образные ассоциации не первичны.

На специфику образа влияет не только личный и культурный опыт индивида, но и его языковой опыт – знание сочетаемости лексемы.

В перечне образных ассоциаций на конкретное существительное «рука» преобладают зрительные предметные образы.

Дело

Зрительные образы: мужчина у станка 9; стол и учебники 4 и т.д.

Слуховые образы: крики присяжных 1; слышу пословицу «Делу время – потехе час» 1.

У абстрактного существительного, как и у конкретного, зрительные образы составляют ядро образного представления. Однако незрительных ассоциаций здесь больше, чем в предыдущем примере. Возможно, обилие зрительных образов у конкретного существительного связано с его семантикой: слово называет предмет, который можно наблюдать в жизни, что и порождает обилие зрительных образов. В данном случае этого не наблюдается.

Предметные образы: гладкая деревянная поверхность 1; тетрадь на парте 1; папка с надписью «Дело №» 20 и т.д. Интересна природа последнего образа. Испытуемым представляется не реалия, которую обозначает данное слово, а сама знаковая оболочка лексемы. То есть образом в сознании может кодироваться не только означаемое, но и означающее. Следовательно, не всегда на характер образных ассоциаций влияет семантика слова-стимула. В связи с конкретным существительным таких ассоциаций не возникло – на первый план выходит реалия, которую обозначает слово.

Динамические образы: я убираю квартиру 12; мы убираем кабинет 4 и т.д. Динамические образы преобладают (в образной структуре конкретного существительного доминируют предметные образы). Возможно, это связано с тем, что *дело* – отглагольное существительное. Образные ассоциации отглагольного существительного по своей специфике ближе к образным ассоциациям глагола, чем к реакциям на конкретное существительное.

Субъектные образы: я делаю уроки 13; я разговариваю с другом 2 и т.д.

В перечне реакций часто встречаются «мужские ассоциаты»: мужчина у станка 9; мужчина сидит в кресле 1; столяр пилит дерево 1 и т.д. Здесь отразилось устоявшееся в сознании людей восприятие мужчины как деятеля. Такие образы – отражение культурных стереотипов испытуемых. Культурную составляющую имеют и образы «слышу пословицу «Сделал дело – гуляй смело» 1», «надпись «Делу время – потехе час» 1».

Ситуативные образы: моя учительница химии 1.

Образы «крики присяжных 1» и «тушь течёт по лицу 1» указаны одним испытуемым. Это описание ситуации суда. Слово *дело* многозначно. Здесь реализуется не первое денотативное значение: «дело – работа, занятие, деятельность», а значение – «дело – судебное разбирательство, процесс» (Ожегов, Шведова 1999, с.159). Различные значения многозначного слова могут кодироваться в сознании различными образами.

Образные ассоциации «нечто серёзное 6», «нечто глупое 1» указывает на сложность описания образа абстрактного существительного. Однако эти ассоциации не свидетельствуют об отсутствии образа. Видимо, представления, связанные с абстрактной лексикой, отличаются от образных ассоциаций конкретных существительных. Они менее конкретны и не всегда связаны с семантикой слова.

В перечне образных ассоциаций на абстрактное существительное «дело» преобладают зрительные динамические образы.

Говорить

Зрительные образы: открытый рот 10; я у телефона 5 и т.д.

Слуховые образы: громкий голос 7; голоса моих друзей 3; смех 1 и т.д. Среди всех слов экспериментального списка больше всего слуховых

ассоциаций связано с данным словом. Это можно объяснить семантикой глагола. «Говорить – общаясь, разговаривать, вести беседу» (Ожегов, Шведова 1999, с.134).

Предметные образы: экран телевизора 4; высунутый язык 2; зубы 1 и т.д. Предметных образов так же немного, как и динамических. Видимо, образные ассоциации на слово не определяются его категориальным значением. (У существительного, наоборот, много процессуальных образов).

Динамические образы: мужчина жестикулирует 1; губы шевелятся 1 и т.д.

Субъектные образы: я беседую с другом 22; я у телефона 5 и т.д.

Ситуативные образы: учитель объясняет новую тему 10; я отвечаю урок 10 и т.д. Ситуативные образы в данном случае являются реакцией на семантику слова. Сама ситуация урока связана с говорением.

В перечне образных ассоциаций глагола, как и существительного, встречаются образы, имеющие культурную составляющую («Актёр из к/ф «Побеждая Лондон» 1»).

Среди образных ассоциаций конкретного глагола «говорить» доминируют зрительные и ситуативные образы.

Знать

Зрительные образы: я на уроке 10; здание школы 9; моя одноклассница 2 и т.д.

Предметные образы: книга на столе 18; здание школы 9; огромная голова 5.

Динамические образы: я учу стихотворение 2.

Субъектные образы: я читаю книгу 9; я у доски 6.

Ситуативные образы: открытый учебник 4; учитель у доски 3; моя одноклассница 2. В списке ассоциаций абстрактного глагола тоже много ситуативных образов. Вероятно, это не связано со сходством лексических значений глагола «знать» и глагола «говорить». Ситуативные образы лексем пересекаются, потому что оба глагола связаны с ситуацией урока. Психологическое значение слова оказывается шире лексического.

Среди образных ассоциаций абстрактного глагола «знать» преобладают зрительные предметные образы.

Базируясь на данных эксперимента, можно предположить, что все слова экспериментального списка связаны в сознании носителей языка с чувственными образами. Само наличие таких образов не зависит от того, конкретная это лексема или абстрактная.

Специфика образных ассоциаций слова определяется экстралингвистическими и лингвистическими факторами, среди последних – лексическое и грамматическое значение лексемы, однозначность или многозначность слова, его сочетаемость. Экстралингвистические факторы – это личный и культурный опыт испытуемых, их возраст, условия проведения эксперимента.

По всей вероятности, чувственный образ можно квалифицировать как компонент семантической структуры слова, так как:

1. «Объективное значение рождается как переход субъективного значения в объективное в ходе познания человеком окружающего мира» (А.А. Леонтьев 1976, с.62).

2. Лексическое значение – это обобщение. В перечне образных ассоциаций каждого слова много повторяющихся, частотных.
3. Образ связан в сознании как с конкретными, так и абстрактными существительными. Отказы в эксперименте практически отсутствуют.
4. По образным ассоциациям слова можно выявить различные семы, сочетаемость лексемы. Это уже черты не психологического, а лексического значения.

-
1. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. №5.
 2. Виноградова В.С. К вопросу о лексико-семантическом уровне и его единицах // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1981.
 3. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.
 4. Леонтьев А.А. Психологический аспект языкового значения //Принципы и методы семантических исследований. Москва, 1976.
 5. Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание //Вопросы философии. 1972. №12 .
 6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
 7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.
 8. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Ж.И. Фридман

Социально-психологическая лексика в языковом сознании

Проблема языкового сознания в последнее время стала очень актуальной. Е.Ф. Тарасов под языковым сознанием понимает «образы сознания, овеществляемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» (Тарасов 2000).

Определение языкового сознания может быть многоаспектным: либо это единство ментальных и языковых структур в противопоставлении их совокупности структурам деятельности; либо это оперирование языковыми структурами для прояснения когнитивных структур (Сусов 1988).

Мы понимаем под языковым сознанием «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» (Стернин 2003).

Языковое сознание является компонентом когнитивного сознания. И.А. Стернин различает понятия «языковое сознание» и «коммуникативное сознание» (Стернин 2004).

Исследовать языковое сознание можно на разных уровнях: на лингвистическом, психолингвистическом и нейролингвистическом. В настоящей статье мы используем методику описания значения слова на психолингвистическом уровне.

Объектом нашего исследования является социально-психологическая лексика. Под социально-психологической лексикой мы понимаем такие единицы языка, которые в равной мере имеют общественную и личную значимость. Они являются предметом внимания общества в целом и интерпретируются человеком применительно к его личной жизни. Рассматриваемые понятия связаны с жизнью и отношениями людей в обществе (то есть являются общественными по своему характеру), и в то же время они раскрывают особенности душевного мира человека.

В качестве исследуемого материала выступают имена существительные, поскольку, как указывает А. Вежбицкая, существительные называют концепты, которые не сводимы к какой-либо комбинации признаков, как, например, прилагательные. «Существительные обозначают категории, которые могут быть идентифицированы посредством некоторого положительного образа, т.е. не некоторого положительного стереотипа, но образа, выходящего за пределы всех перечисленных признаков» (Вежбицкая 1999).

Для отбора слов использовался «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной (М., 1977). Были выбраны слова, которые представлены на всех трех уровнях сознания: бытийном, рефлексивном и теоретическом (Зинченко 1991). Данные слова были распределены по трем группам:

- 1) морально-этическая лексика (совесть, несправедливость, справедливость, правда, ложь, помощь, благородство, обязанность);
- 2) общественно-политическая лексика (труд, война, преступник, борьба, независимость, зависимость, наказание, закон, жертва, насилие);
- 3) субъективно-психологическая лексика (жалость, жадность, самостоятельность, грех, долг, ответственность, родина, уважение, слава, признание, семья, гость).

Затем с каждым из названных выше слов был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Было опрошено 300 человек (из них 120 мужчин, 180 женщин; 100 человек в возрасте до 20 лет, 100 – в возрасте от 21 до 30 лет, 100 – от 31 до 50 лет). Испытуемыми были студенты различных факультетов ВГУ (филологического, исторического, геологического, юридического, биологического, физического, РГФ) и члены их семей.

Каждое слово анализировалось по следующей схеме:

- I. Составлялась ассоциативная статья слова.
- II. Производилась атрибуция ассоциативных реакций отдельным значениям слова (реакции распределялись по отдельным значениям, отражающим разные денотаты).

III. Все реакции, отражающие выделенные значения, распределяются по смысловым зонам.

IV. Проводилась семная интерпретация смысловых зон.

V. Моделировалось психологически реальное значение исследуемого слова (сформулированные семы располагались по убыванию яркости).

Покажем описанную методику на примере анализа слова «гость».

Этап I.

Гость – друг 60, праздник 28, друзья, радость 24, застолье 15, человек 13, дом, приятный посетитель 12, татарин 10, веселье, угощение 9, нежданный 7, чай 6, приятный человек, тапки 5, накрытый стол, подарки, хозяин, чужой человек 4, добро пожаловать, приглашение 3, внезапность, гостеприимство, еда, знакомый, неожиданный визит, новости, родственник, сосед, стул, сунта, теплота 2, вечеринка, воспоминание, дверь, долгожданный, дружба, нечто, обуза, порог, посланный, приветствие, приезд родных, прием, приходящий, пришелец, приятель, прохожий, радущие, разговор, смех, странник, театр, торт, уборка, часы, хорошо 1.

Этап II.

1. Человек, приходящий в гости: друг 60, праздник 28, друзья, радость 24 и др.;

2. Пришелец: иностранец, странник, пришелец, посланный 1.

Этап III.

Гость – 1. Лицо, приходящее в гости:

1) отношение к хозяину (друг 60, друзья 24, приносит подарки, чужой человек 4, родственник 3, знакомый, сосед 2, дружба, приятель 1, прохожий 1);

2) повод посещения хозяина (праздник 28, веселье 9, нежданный 7, тир, приглашение 3, внезапность, неожиданный визит 2, вечеринка, долгожданный 1);

3) совершаемые им действия (приходит домой 12, сообщает новости 2, поддерживает разговор 1);

4) форма приема (за столом 37, застолье 15, угощение 9, чай 6, тапки 5, накрытый стол 4, добро пожаловать 3, гостеприимство, еда, стул, теплота 2, радущие, торт 1);

5) влияние на хозяев (радость 24, приятный посетитель 12, татарин 10, убыток 4, сунта 2, обуза, смех, уборка, халевщик, хлопоты 1);

6) длительность посещения (приходящий, часы 1).

2. Пришелец: посланный, пришелец, странник 1.

Этап IV.

Гость

1. Лицо, приходящее в гости:

1) отношение к хозяину (является другом 86, чужим человеком 5, знакомым 2, соседом 2, родственником 2, приносит подарки 4);

2) повод посещения хозяина (приходит на праздник 41, приходит без приглашения 11, приходит по приглашению 4);

3) совершаемые им действия (приходит домой 12, сообщает новости 2, поддерживает разговор 1);

4) форма приема (*принимают за столом 37, проявляют радущие 8, дают танки 5*);

5) влияние на хозяев (*доставляет радость 37, причиняет хлопоты 14, приводит к финансовым потерям 3*);

6) длительность посещения (*приходит на время 2*).

2. Пришелец 3.

Этап V.

Гость. 1. Человек, который является другом 86, приходит на праздник 41, доставляет хозяевам радость, его принимают за столом 37, причиняет хлопоты 14, приходит домой 12, приходит без приглашения 11, его радушно встречают 8, дают танки, является чужим человеком 5, приносит подарки, приходит по приглашению 4, приводит к финансовым потерям 3, является знакомым, родственником, соседом, сообщает новости, приходит на время 2, поддерживает разговор 1.

2. Пришелец 3.

Приведем описание психологически реального значения некоторых других слов из группы «социально-психологическая лексика».

Борьба. 1. Вид спорта 24, включающий такие разновидности, как бокс 15, сумо 7, кулачный бой 6, дзюдо 4, самбо 3, единоборство 2, греко-римская 1, карате 1, происходит на ринге 13 между борцами 5.

2. Стремление добиться чего-либо, преодолевая трудности 52.

3. Противостояние 19, формой выражения которого является война 15, сражение 9, столкновение 3, конкуренция 1, целью – добиться справедливости 8, выполнения требований 2, может привести к революции 7, многочисленным жертвам 1, субъектами выступает власть 5, соперник 3, народы 1, раб 1.

4. Столкновение противоречивых чувств 19.

5. Стремление уничтожить, искоренить 12.

Несправедливость. 1. Нарушение справедливости, примерами которой является зло 7, беспредел, слезы, унижение 5, беззаконие, неравенство 4, жестокость, непорядочность, фашизм 3, бедность, закон, зарплата 2, боль, война, горе, гроб, коррупция, необъективность, месть, пенсия, угнетение 1, оценивается негативно 9, приводит к борьбе 4, возмущению 3, страху 2, горечи, жалости, каре, горчению, отчаянию, раздражению, смиренению, ярости 1, ассоциируется с весами 2, деньгами, кнутом, осколками 1, отмечается, что она субъективна 1, наблюдается стремление ее избежать 1.

2. Несправедливый поступок, отношение к кому-либо, примером является обида 74, жизнь 13, решение суда 6, насилие 3, недоверие 2, агрессия, детство, избиение, незачет, подлость, политика, пощечина, приговор, сдача экзамена, случай, судьба, хамство 1, оценивается отрицательно 13, субъектом выступает плохой человек 3, судья 2, власть, господин, люди, принц и нищий, общество, родитель, учитель 1, объектом – артист 1, ассоциируется с тюрьмой 2, детдомом 1.

3. Ложь 35.

4. Несправедливые слова 7.

5. Ошибка 1.

Признание. 1. Откровенное сообщение 64 в разговоре 7 о своем поступке 2, причиной такого сообщения выступает честность 14, чувство вины 12, раскаяние 12, смелость 4, невыносимость 3, решительность 2, тяжесть 1, давление милиции 1, результатом является приговор 6, такое сообщение оценивается как разумное 3, прототипом выступают герои из романа «Воскресение» Л.Н. Толстого 1 и Раскольников 1.

2. Пылкое 1 объяснение в любви 89 ночью 1 на берегу моря 1, которое вызывает радость 2 и краску на лице 1; атрибутами являются букет 4 и кольцо 1.

3. Слава 33.

4. Уважение 14.

5. Согласие 5 считать заслуги 4, удачу человека 1, телепрограмму 1 законной 1.

6. Оценка обществом 2 одаренных деятелей искусств и науки, их произведений 6, вручение наград 2.

7. Понимание 4.

8. Положительное отношение со стороны кого-либо 3.

Преступник – человек, который должен быть посажен в тюрьму 52, который ограбил кого-либо 50, вызывает негативные чувства 49, убил 45, подлежит наказанию 31, нарушает закон 24, несет зло 18, вызывает жалость 8, совершил насилие 7, использует нож 5, вызывает страх 4, жестокий, слабый человек 4, использует маску 3, занимается террором, скрывается, безответственный 2, без царя в голове, глупый человек, изменил, шантажирует, является порождением общества или следствием воспитания 1.

Закон. 1. Постановление 55 высшего органа государственной власти 36, за несоблюдение которого следует наказание 31, оценивается как справедливое 19, гарантирует гражданам определенные права 15, накладывает определенные обязанности на человека 11, может быть интерпретирован в любую сторону 9, направлен против преступников 8, является основой деятельности судебной власти 8, опубликован в книгах 7, обязателен для исполнительной власти 5, подлежит неукоснительному исполнению 3, характеризуется негативно 3, является строгим 3, он необходим 1.

2. Правило общественного поведения, которое создает порядок 49, накладывает определенные обязанности на человека 11, является строгим 3, не писан 2, необходим 1, является помехой некоторым желаниям 1, за несоблюдение следует наказание 1.

3. Система нравственных требований какого-либо религиозного учения 5.

4. Догма 3.

5. Юриспруденция 2.

6. Печатный текст, содержащий описание закона 1.

Наказание. 1. Мера воздействия, применяемая за преступление 57 и предполагающая лишение свободы 51, кару 39, физическое воздействие 34, является справедливой 25, предполагает лишение жизни 19, моральное воздействие 10, постановку в угол, является следствием обиды 9, оценивается как жестокое 7, предполагает запрет 6, брань, месть 4, применяется за ошибку, потерю, вызывает слезы, типичным объектом наказания выступает Раскольников, является несправедливой 3, предполагает насилие, субъект – родители

2, плач, объект – ребенок, приводит к раскаянию, предполагает штраф, причиной является плохое поведение 1.

2. Кто-то (что-то) крайне неприятное, досаждающее чем-либо, причиняющее хлопоты, затруднения (*моя бабушка 2, коза, крест мой 1*).

Как видно из приведенных материалов, число значений исследуемых слов, которые обнаруживаются при описании психологически реального значения слова, больше, чем в словаре, но среди них есть значения разной степени яркости, а также сугубо индивидуальные значения.

Что касается описания структуры отдельных значений, то психологически реальное значение по количеству компонентов также оказывается шире «лексикографических» значений (приводимых в словарях), а также компоненты в структуре психологически реального значения ранжированы по яркости, актуальности для языкового сознания носителя языка, что позволяет описать любое такое значение как поле – со своим ядром и периферией.

-
1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
 2. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С.17-28.
 3. Стернин И.А. О понятии «языковое сознание» // Язык и национальное сознание. Вып. 5. Воронеж, 2004. С. 3-7.
 4. Стернин И.А. Развитие русского коммуникативного сознания и прогнозирование развития русского языка // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1. Воронеж, 2003. С.64.
 5. Сусов И.П. Лингвистика на подступах к языковому сознанию / И.П. Сусов // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 1988. С. 173-174.
 6. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М, 2000. С. 3.

Е.И. Грищук

Коммуникативно-психологическая лексика в языковом сознании старшеклассников

Предметом нашего изучения является семантика абстрактных лексических единиц, которые в системе отражают особенности коллективного языкового сознания современных подростков.

Под языковым сознанием понимается часть коммуникативного сознания, обеспечивающая пользование языком: порождение речи, восприятие речи и хранение в памяти языковой системы. Языковое сознание формируется у человека в процессе усвоения языка и развивается всю жизнь. Языковое сознание может изучаться традиционными лингвистическими методами наблюдения и описания (результаты такого изучения представлены в словарях

и грамматиках) и психолингвистическими методами, результатом использования которых является описание психологически реальных значений слова.

Психологически реальное значение слова как единицы языкового сознания отличается от словарного значения, представленного в словарях на уровне языковой системы, и требует особых методов исследования. Таким образом, психологически реальное значение слова – это совокупность семантических компонентов, составляющих значение языковой единицы в сознании носителя языка, полученных или подтвержденных экспериментальными психолингвистическими методами.

Исследование языкового сознания может быть осуществлено при помощи комплекса экспериментальных методик, в число которых входят: свободный ассоциативный эксперимент; направленный ассоциативный эксперимент; метод субъективной дефиниции; подбор симиляров; подбор оппозитов; интерпретирующий эксперимент.

Анализ речевого материала показывает, что слова с абстрактными значениями понимаются учащимися старших классов недостаточно адекватно, а точнее – не так, как взрослыми. Старшеклассники, трактуя то или иное значение абстрактной лексемы, достаточно часто включают в него не замечаемые взрослыми людьми семантические компоненты (сему «артистизм», например, у слова «талант», «неумение заработать на жизнь» у слова «бедность») или семы и значения, которые не зафиксированы в существующих толковых словарях, но отмечаются и в языковом сознании взрослых носителей русского языка.

Возраст старшеклассников, видимо, оптимален для научного отслеживания бытия абстрактных слов. Опрашивать детей более младшего возраста – значит получать в абсолютном большинстве случаев ответы «не знаю». Опрашивать взрослых – получать в абсолютном большинстве случаев стандартные ответы, навеянные СМИ. Между тем именно на рубеже этого школьного возрастного периода (14-17 лет) происходит кардинальное изменение доминанты в становлении языковой личности человека.

Результаты, полученные в ходе анализа конкретного речевого материала, позволяют выделить зоны несовпадений при интерпретации абстрактной лексики составителями толковых словарей и рядовыми носителями языка; выявить логику формирования языкового сознания человека, показывают особенности индивидуального и группового тезауруса, его способность отражать, во-первых, уровень развития когнитивного мышления, во-вторых – степень социолингвистической компетенции языковой личности.

Формирование абстрактных значений в языковом сознании учащихся происходит стихийно. На формирование значений абстрактной лексики оказывают влияние различные, часто противоречивые тенденции в общественной жизни современной России; неверно или недостаточно правильно понятые подростками факты, интерпретированные книги, кинокартини; самостоятельный анализ поведения взрослых; те изменения, которые происходят с самими испытуемыми. Значения многих из исследуемых слов сформировались в сознании старшеклассников под влиянием речевого поведения учителя, прецедентных текстов.

Рассмотрим конкретные результаты исследования по одной из тематических групп абстрактной лексики – коммуникативно-психологической (Грищук 2002). В нее вошли следующие слова: *дружба, воспитание, уважение, благодарность, ирония, грубость, взаимопонимание, хамство, общение, нежность, строгость, такт, молва, интеллигентность, терпимость*.

В сознании старшеклассников слово *дружба* представлено двумя системными значениями, дополнительными семами («отношения, которые строятся на готовности оказать помочь, взаимовыручке»; «искренность, откровенность в общении»; «длительные взаимоотношения»); значением, не зафиксированным в словарях: «любовь».

Наиболее ярким является значение «взаимоотношения людей». Под влиянием прецедентного текста «друг познается в беде» сформировался дополнительный компонент значения «взаимопомощь, взаимовыручка».

Слово *воспитание* представлено в сознании старшеклассника системными значениями, дополнительными семами («присмотр за детьми»; «существляется с помощью насилия»; «строгость»; «владение навыками культурной речи»); значением, не зафиксированным в словарях «образованность».

Наиболее ярким и актуальным для языкового сознания старшеклассника является значение «навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной и личной жизни». В сознании учащихся это значение связано с характеристикой воспитанного человека, со значением слова *воспитанность*. Старшеклассники дополняют характеристику воспитанного человека еще одним признаком – *образованность*.

Слово *уважение* представлено в языковом сознании старшеклассников четырьмя системными значениями («Чувство, основанное на признании чьих-либо заслуг, качеств, достоинств»; «Почтение, почтительное отношение»; «Уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам»; (прост.) «Снисхождение, уступка, поблажка»); дополнительными семами к первому значению («признание и понимание чьих-либо взглядов, чувств», а также значениями, не зафиксированными в словарях («Преклонение перед кем-либо»; «Необходимость подчиняться»; «Отношение к уважаемому человеку»).

Слово *уважение*, таким образом, имеет очень широкое по объему позитивное семантическое содержание в сознании старшеклассников.

Испытуемые в индивидуальных дефинициях разделили «то или тот, кого уважают», «то или тот, кто уважает», «то, за что можно уважать». Заслуживает внимания и такой ярко выраженный компонент значения слова как «отношение к людям старше по возрасту или положению». *Уважение* рассматривается не как чувство, а как «хорошее отношение к человеку»; «особое отношение»; «отношение и оценка поступков людей». Уважать – это значит «признавать мнение или чей-то поступок правильным», «преклоняться перед кем-то».

Уважение рассматривается как совокупность некоторых качеств уважаемого человека, т.е. за что можно уважать: воспитанность, вежливость; деятельность человека, за которую он получил признание; честность,

доверчивость, помочь человеку в трудную минуту; качество человека, основанное на доверии и доброте. «Не грубить, уметь выслушать, уступить место в транспорте, проявить толерантность, обращаться на вы, не оскорблять, быть вежливым» – может быть понято и как проявление уважения (не грубить человеку – значит, уважать его) и как характеристика уважаемого человека (не грубит – значит, достоин уважения). Подростки подчеркивают в своих дефинициях слова *уважение* обоюдный характер отношений людей с одинаковыми взглядами, которые нравятся друг другу. Позитивное отношение к тому, что названо словом *уважение*, проявляется в таких умозаключениях, подменяющих определение значения слова: «уважение нельзя купить, его надо заработать»; «дружба основана на уважении»; «уважение перерастает в дружбу»; «уважение – основа всего и в политике, и в экономике, и в обществе».

В языковом сознании старшеклассников слово *благодарность* представлено не всеми системными значениями. Не выявлено в ходе исследования ни одного случая актуализации значения «Официальная положительная оценка труда, деятельности кого-либо как форма поощрения». Наиболее актуальным является значение «Слова, выражющие признательность». Наиболее частотной реакцией, подтверждающей это системное значение, было слово «спасибо». В сознании детей умение пользоваться этим словом тесно связано с их представлением о культурном, вежливом поведении, что ложится в основу формирования дополнительного компонента значения «культура». Дополнительный компонент «ощущение долга» выявлен и в структуре системного значения слова «Чувство признательности за сделанное добро, оказанное внимание, услугу».

Слово *ирония* представлено в сознании старшеклассников двумя системными значениями: «Тонкая скрытая насмешка»; «Странная случайность»; шестью значениями, не зафиксированными в словарях: «Судьба»; «Легкомыслие»; «Любовь»; «Удача»; «Изdevательство»; «Нелепость». Все значения, не зафиксированные в словарях, являются ложными и сформировались под влиянием фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром». Не выявлено системное значение слова «Стилистический оборот, фраза, слово, в котором преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете». Двадцать процентов опрошенных старшеклассников отказались (не смогли) ответить на вопросы анкеты. Слово не освоено языковым сознанием подростка.

Слово *грубость* представлено в сознании старшеклассников двумя системными значениями: «Отсутствие культуры, чуткости, деликатности, такта, резкость; выражение неуважения, пренебрежения»; «Грубое выражение, слово, замечание, поступок, поведение».

Два системных значения «Жесткость, шероховатость на ощупь»; «Нарушение элементарных правил чего-либо, недопустимость, непозволительность (грубая ошибка)» не выявлены в языковом сознании подростков.

Значения, не зафиксированные в словарях, «Мужественность»; «Невежество» и дополнительные семы «проявление характера»; «вызывается

неприязнью к человеку» отражают возрастную специфику содержания значений этого слова в сознании старшеклассников.

Слово **взаимопонимание** представлено в сознании старшеклассников системным значением «Взаимное понимание и согласие», дополнительной семой «создает основу для хороших отношений» и ложным значением «Понятливость».

Слово **хамство** представлено в сознании старшеклассников двумя системными значениями: «Некультурность, невежество, свойственное хаму (грубому наглому человеку)»; «Грубость, наглость, беззастенчивость»; дополнительной семой «оскорбительное использование грубых слов». Наиболее ярким, актуальным значением является «Грубость, наглость, беззастенчивость». В структуру значения включен признак, характеризующий речь, наличие в ней грубых слов, мата. Из двух значений, не зафиксированных в словарях: «Намеренное нанесение обиды», «Лицемерие» – одно (ложное «Лицемерие») сформировалось под влиянием значения похожей лексемы **ханжество**.

В сознании старшеклассников слово **общение** представлено системным значением «Взаимная деловая или дружественная связь», дополнительными компонентами значения: «разговор между людьми, которые нравятся друг другу»; «контакт с Богом»; «контакт с миром окружающей человека природы»; значением, не зафиксированном в словарях, «Способность к общению».

Испытуемые выделили в своих дефинициях разные виды общения: духовный контакт с Богом; духовный контакт с окружающим миром. Значение, не зафиксированное в словарях, – «Способность к общению» – является актуальным для сознания старшеклассника.

В интерпретации подростками значения слова **общение** отсутствуют ложные компоненты. Но частотные дефиниции, определяющие значение слова как «процесс передачи информации, обмен информацией» скорее всего сформировалось в сознании старшеклассников под влиянием преподавания регионального предмета «Культура общения». Наиболее актуальным компонентом системного значения слова **общение** является «разговор». Многие компоненты значения слова **общение**, полученные в результате проведенных экспериментов, не являясь ложными, остаются, как видим, за пределами системного значения слова. Не дифференцируются значения слов **общение** и **общительность**.

Слово **нежность** представлено в сознании испытуемых всеми системными значениями: «Нежное чувство, ласковость, мягкость в отношении к кому-либо, в обращении с кем-либо»; «Поступки, слова, выраждающие нежные чувства (мн. ч)»; «Физическая или душевная слабость; телячи нежности» и значениями, не зафиксированными в словарях: «Проявление чувственности»; «Любовь»; «Осторожность».

Весьма высок уровень эмоционально-оценочного отношения к значению слова: «словами выразить нельзя, это надо чувствовать». Испытуемые подчеркивают, что нежность присуща женщинам; проявление нежности для них связано прежде всего с произнесением нежных слов: когда человек

говорит ласковые слова. Зрительные образы, рождающиеся в сознании старшеклассников, когда они слышат слово *нежность*, носят явно выраженный чувственный, сексуальный характер. Системное значение слова *нежность* – «Физическая или душевная слабость» – нашло отражение в названных информантами оппозитах: твердость; жесткость; жестокость; мужественность.

Слово *строгость* в сознании старшеклассников представлено тремя системными значениями: «Высокая требовательность, взыскательность»; «Строгое отношение к кому-либо, строгое обращение с кем-либо»; «Строгие порядки, строгие меры, строгие правила» (разг.); дополнительным компонентом системного значения «средство воспитания»; пятью значениями, не зафиксированными в словарях: «Наказание за проступок»; «Жестокость»; «Серьезность»; «Авторитетность»; «Справедливость». Одно из значений, не зафиксированных в словарях («Авторитетность»), является ложным.

Анализируя результаты экспериментов, нельзя не отметить, что слово *строгость* в языковом сознании детей тесно связано с воспитанием как процессом, наказанием за проступки, характеристикой поведения учителей и родителей (добрый – справедливый – строгий – жестокий). Значение, не зафиксированное в словарях, – «Серьезность», формируется, видимо, под влиянием выражения «строгий деловой костюм». Значение слова находится в стадии формирования, в целом формируется в правильном направлении, но носит ярко выраженный возрастной характер.

В сознании старшеклассников слово *такти* представлено не всеми системными значениями. Не выявлено специальное значение «Часть рабочего цикла какого-нибудь механизма». В структуре значения «Умение вести себя, уважая других; чувство меры в поведении, в поступках, подсказывающее, как себя вести по отношению к кому-нибудь, чему-нибудь» выявлен дополнительный компонент значения «доброжелательность». По слову получено очень большое число отказов (34%). Ни одно из значений, не зафиксированных в словарях, не может рассматриваться как адекватное – это ложные значения: «Пунктуальность»; «Точное планирование»; «Умение рассчитать все до мелочей»; «Чувство времени»; «Неискренность». Наиболее актуальным для возрастного языкового сознания оказалось ложное понимание слова *пунктуальность*.

В сознании старшеклассников однозначное слово *молва* представлено системным значением «Слухи, толки», дополнительными компонентами значения «разговор»; «клевета»; «может быть позитивной и негативной»; «разносится быстрее, чем позвонить по телефону»; пятью значениями, не зафиксированными в словарях: «Недостоверная информация»; «Разглашение тайны»; «Общение»; «Молитва»; «Просьба». Из значений, не зафиксированных в словарях, два – ложные («Молитва» и «Просьба»), сформировались под влиянием формального сходства лексем (молить – мольба – просьба; молить – просить – молиться – молитва). Выявлен оценочный негативный признак.

Слово *интеллигентность* представлено в сознании старшеклассников системным значением «Большая внутренняя культура образованных людей, профессионально занимающихся умственным трудом», дополнительными

компонентами значения: «проявление образованности, интеллект»; «проявление воспитанности»; «следить за своей внешностью»; «неестественность, неискренность поведения»; «общительность»; «надменное поведение»; «материальное благосостояние»; «таких мало»; «отсутствие мыслей о насущных проблемах», значениями, не зафиксированными в словарях: «Способность делать все обдуманно и с расстановкой»; «Хорошая легкая профессия».

Значения слова *интеллигентность*, не зафиксированные в словарях, но выявленные в ходе эксперимента, являются ложными. В сознании старшеклассника значение слова *интеллигентность* связано со значением слова «интеллект». В структуре содержания значений исследуемого слова выявляется описание человека интеллигентного как носителя *интеллигентности*.

За словом *интеллигент* в сознании испытуемых закрепляется целый комплекс внутренних качеств и внешних поведенческих характеристик («не плюются», «подают руку выходящим из троллейбуса», «уступают место даме», «с женщиной разговаривают стоя», «перенесут девушку через лужу», «за столом ведут себя прилично»), а слово *интеллектуал*, в представлении старшеклассников, обозначает человека, занимающегося умственным трудом. Тридцать один процент опрошенных старшеклассников отказались (не смогли) ответить на вопросы анкеты. Слово не освоено старшеклассниками.

Слово *терпимость* представлено в сознании старшеклассников системным значением слова «Способность мириться с кем-либо, чем-либо; умение без вражды, терпеливо, снисходительно относиться к чужому мнению, взглядам, поведению, обычаям; терпимое отношение», дополнительными семами «спокойствие»; «умение общаться с разными людьми»; «умение проявить милосердие», значениями, не зафиксированными в словарях: «Выдержка, терпение, терпеливость»; «Сдержанность»; «Усидчивость»; «Умение ждать»; «Способность переносить душевную и физическую боль, не показывая своих переживаний окружающим»; «Способность безропотно переносить все унижения и оскорблений». Некоторые из значений, не зафиксированных в словарях, являются ложными. Так, значения «Выдержка, терпение, терпеливость» (наиболее актуальное значение для испытуемых), «Усидчивость, умение долго ждать», «Способность безропотно переносить все унижения и оскорблений» являются ложными и сформировались под влиянием значения слов *терпение*, *терпеливость*.

Анализ показал, что в целом абстрактные значения слов коммуникативно-психологической тематической группы понимаются старшеклассниками недостаточно адекватно.

Семантическое поле коммуникативно-психологической лексики формируется стихийно, под влиянием жизненного опыта подростка. Многие негативные качества в этом возрасте воспринимаются школьниками как позитивные или желательные. *Грубость*, например, воспринимается как проявление мужественности, а *нежность* как проявление слабости. *Интеллигентность*, *культурность* воспринимаются как искусственность поведения, манерность, *такт* как неискренность.

Наиболее ярко представлены в сознании старшеклассников системные значения полисемичных слов *дружба, воспитание, хамство, нежность* (от 53% до 69%).

Наибольшее количество отказов (более 20 процентов от числа опрошенных старшеклассников по каждому слову) у слов *такт, интеллигентность, взаимопонимание, хамство*. Больше всего значений, не зафиксированных в словарях, в структуре следующих слов: *ирония* (6), *терпимость* (6), *уважение* (5), *молва* (5), *нежность* (3), *такт* (3). Большое количество ложных значений выявлено в структуре слов *ирония, терпимость, интеллигентность, такт*.

Семантически освоено подростками слово *дружба*; не освоены слова *ирония, такт, интеллигентность*.

В языковом сознании старшеклассников обнаружено также явление, которое может быть названо «недифференцированностью значений». Так, сознание целого ряда испытуемых не дифференцирует значения слов, *терпимость и терпеливость, общение и общительность*. Подобное явление мы рассматриваем как проявление возрастных особенностей языкового сознания.

В список хорошо освоенных подростками слов мы включили слово *дружба*, несмотря на то, что в его структуре выявлено значение, не зафиксированное в словарях – «Любовь». Слово представлено в языковом сознании испытуемых всеми системными значениями, по нему получено мало отказов (4%), значение, не зафиксированное в словарях, может быть охарактеризовано как результат семантического развития языка.

В языковом сознании подростка ряд абстрактных значений представлен смыслом «человек, обладающий этим качеством»: *интеллигентность – интеллигентный человек, уважение – человек, к которому испытывают уважение и др.*

Актуальными для подростков и ярко представленными в их сознании являются значения, имеющие поведенческую основу, характеризующиеся более высоким уровнем конкретизации. Эти максимально коммуникативно-релевантные значения образуют активную зону языкового сознания носителей языка.

Это одно из системных значений слов *дружба, воспитание, взаимопонимание, хамство, общение, нежность*.

Результаты экспериментального исследования показывают, что в языковом сознании носителя языка существует как возрастная, так и гендерная специфика абстрактных лексем.

Наблюдается **взрастная** динамика развития значений исследуемых слов. Выделяются такие формы проявления возрастной специфики значений, как наличие возрастных значений, отмирающих во временной динамике, наличие возрастных семантических компонентов, изменение яркости значений и отдельных компонентов значения во временной динамике, различная яркость значений и отдельных компонентов в структуре значения. *Общение* для 14-летних подростков, например, ассоциируется прежде всего с разговором, беседой, диалогом, «тусовкой», для 16-летних старшеклассников *общение –*

это прежде всего коммуникабельность, общительность, способность быть душой компании.

С возрастом изменяется степень актуальности и значимости различных значений многозначного слова, изменяется количество реакций, связанных с тем или иным значением, идет накопление количества значений с постоянным изменением степени их яркости, актуальности.

Наибольшие возрастные расхождения отмечены у слов *общение, тант, нежность*, что объясняется, по-видимому, существенными изменениями в психоэмоциональной сфере подростка в данный период. Это также свидетельствует, что данные значения находятся в состоянии активного становления в языковом сознании детей.

Наименьшие возрастные различия характерны для лексем *взаимопонимание, уважение*. Это объясняется, с одной стороны, высоким уровнем абстрактности этих значений, с другой стороны – актуальностью этих понятий для подростков.

Возрастные различия в содержании абстрактных лексем отмечены у большинства исследуемых слов. Это свидетельствует, что данные значения находятся в состоянии активного становления в языковом сознании детей.

Не зафиксированы возрастные различия в понимании значения лексемы *благодарность*. Следовательно, значение этой лексической единицы можно рассматривать как уже сформировавшееся к 15 годам и не изменяющееся в ходе взросления подростков.

Гендерная специфика абстрактной лексики проявляется в гендерной обусловленности частотности абстрактных лексем (в речи девочек коммуникативно-психологическая лексика более частотна, чем в речи мальчиков), в различной яркости отдельных значений и семантических компонентов в языковом сознании мальчиков и девочек, в степени освоенности значения мужским и женским языковым сознанием.

Реакции, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, экспериментов на подбор оппозитов, симиляров, наиболее ярко демонстрируют гендерную специфику в понимании значений абстрактных лексем.

Для мальчиков в значении слова *воспитание* более актуален компонент «процесс воздействия на развитие личности»: *воспитание* для них связано с нравоучением, наставлением, контролем, запретом, режимом, ремнем. Для девочек более актуально значение «навыки поведения»: культура, вежливость, этикет, хорошее поведение, культурность, тактичность, хорошие привычки, прилежность, манеры.

Наиболее яркая гендерная специфика отмечена у слов *воспитание, интеллигентность, нежность*. Эти различия связаны с расхождением интересов мальчиков и девочек в данный период.

Наименее гендерно дифференцированы в сознании старшеклассников значения слов *дружба, уважение, благодарность*, что связано, видимо, с тем, что эти слова сформировались у детей в раннем детском возрасте, когда гендерные различия не были столь существенными, и сохранились к подростковому возрасту практически в неизменном виде.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что в целом гендерные различия и возрастная динамика развития абстрактных значений представляют собой реальный факт языкового сознания подростка.

Проведенный анализ приводит к ряду выводов общелексикографического характера. Языковое сознание не равно сумме значений, представленных в словарях. Словари неизбежно отстают от процесса развития языка и неправомерно обобщают, объединяют в одно разные значения. Словари включают также значения, не обладающие психологической реальностью, и не включают многие значения, реально существующие в языковом сознании народа. В связи с этим неправомерно говорить об отсутствии значения в лексико-семантической системе языка только на основании того, что это значение не зафиксировано в том или ином, даже достаточно авторитетном словаре.

Значения, выявленные нами в языковом сознании школьников, не зафиксированные в современных словарях, могут развиваться по двум сценариям:

- 1) по «взрастному» сценарию: они исчезнут с взрослением ребенка и усвоением им лексико-семантической системы родного языка;
- 2) по сценарию семантического развития: эти значения могут войти в лексико-семантическую систему русского языка как новые, как результат смыслового развития соответствующих слов.

В нашем материале есть свидетельства, указывающие на возможность обоих сценариев развития. Так, явно возрастными являются значение слова *терпимость* – «Усидчивость».

Тенденцию семантического развития можно проиллюстрировать такими, например, еще не зафиксированным, но уже вошедшим в практику употребления значением слова *нежность* – «Осторожность». Это значение фиксируются и в языковом сознании взрослых, но закрепятся ли они в лексико-семантической системе языка или нет, покажет будущее.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

А.В. Рудакова

Психологически реальное значение лексемы «быт» (на материале ассоциативного эксперимента)

Лексема «быт» является важным фрагментом ассоциативно-вербальной сети (термин Ю.Н. Кацулова) русского языка.

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления содержания лексемы «быт» в русском языковом сознании (Рудакова 2003). На основе анализа результатов была составлена ассоциативная статья лексемы «быт».

Быт 680: дом 174; кухня 43; семья 40; уют 34; жизнь 22; работа 21; хозяйство 16; уборка 12; посуда 11; деньги, домашний, жилье, квартира, комната, кровать, мебель, однообразие 5; еда, заел, кастрюли, рутина, семейный, скука, стирка, стол, тяжелый 4; дети, домашние дела, неустроенный, серость, уровень жизни, холодильник, чистота 3; вещи, диван, забота, заботы, занятие, здоровый, изба, кастрюля, лодка, неустроенность, обыденность, огород, плохой, проживание, пылесос, работа по дому, рыбалка, серый, скучный, спокойствие, стол, тепло, ужин, уклад, утюг, хлопотать, хлопоты, школа 2; бардак, белье, болото, бритье, будни, бытовая техника, бытовой, бытовые приборы, ванна, веник, веселые песни, время, вода, Высоцкий, выходной, в семье, газопровод, дела, двор, дома, домашние заботы, домашние приборы, домашние хлопоты, домашний быт, домашняя обстановка, домашняя обязанность обслуживать себя, домашняя работа, Дом быта, дома, Домострой, достаток, досуг, жизнедеятельность, завтрак, зайти на рынок, зал, затянул, здоровый образ жизни, идеал, инструменты хозяйствственные, каждодневность, каждодневная уборка, ковер, комфорт, комфорtabельный, корова, кролики, культура, лес, много работы, музыка, муж, мусор, мусорное ведро, мыть посуду, мытье посуды, мягкий уголок, навести порядок, налаженный, напряг, народ, народов, недостаток, неудобство, нехватка времени для создания уюта, не устроен, нож, нужен, обед, образ, обустроенность, обустроенность условий жизни людей, общежитие, обычаи, обязанности, однообразный, одно и то же, одно и то же каждый день, окружающая действительность, окружение, орудия труда, отдых, отпуск, отсутствие денег, очаг, повседневная жизнь, повседневность, повседневные занятия, поросенок, порошок, потребность, презерватив, приятность, проблемы материальные, разбилась лодка любви о быт, ремонт, родители, роскошь, русская печь, сельский, семейная обстановка, семейный быт, семейный уют, сено, сила, скарб, скучная жизнь, скучно, сложный, старина, телевизор, телефон, теплота, теплый, техника, техника, которая необходима дома, техника, которая нужна в доме, труд, трудность, трудности, убирать квартиру, уборка квартиры, углы квартиры, которые давят, удобство, уклад жизни, условия жизни, усталость, устроен, утро, уютный, уютный дом, финансы, хаос, хлам, хороший, хорошо, цветы, чайник, часы, черный, что-то делать нужно, шкаф, электричество 1. Всего реакций – 203, одиночных – 142. Отказы 12.

Далее при обработке результатов был использован метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю.Н. Карапуловым (Карапулов 2000).

Большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную Ю.Н. Карапуловым «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности (Карапулов 2000, с.194). Семантический гештальт ассоциативного поля является одним из способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей какого-либо языка. В исследовании нами

используется термин «смысловая зона» (по Ю.Н. Караулову – «семантическая зона»).

В результате анализа содержания ассоциативного поля лексемы «быт» было выделено 9 смысловых зон. Слова в зоне сгруппированы по смысловой близости, с учетом убывания частоты. Там, где это было возможно, выделялись подгруппы в соответствующих семантических зонах.

1. Предметные составляющие быта – 322 (общее число единиц, составляющих зону, что составляет 47,4% от общего числа назвавших данные ассоциаты).

Данная зона является самой широко представленной среди других зон, включает в себя все многообразие предметов, связанных с бытовой жизнью человека.

Перечислим подгруппы, выделяющиеся в данной смысловой зоне:

- 1) общее наименование совокупности предметов домашнего обихода 21: *хозяйство 16, вещи 2, домашняя обстановка, скарб, хлам 1;*
- 2) типичные бытовые помещения и места ведения хозяйства 237: *дом 174, кухня 43, жилье, квартира, комната 5, изба 2, двор, зал, общежитие 1;*
- 3) наименование конкретных предметов домашнего обихода 64:
мебель 20: *мебель, кровать 5, стул 4, диван, стол 2, мягкий уголок, шкаф 1;*
посуда 19: *посуда 11, кастрюли 4, кастрюля 2, нож, чайник 1;*
бытовая техника 17: *холодильник 3, пылесос 2, бытовая техника, бытовые приборы, домашние приборы, музыка, телевизор, телефон, техника, техника, которая необходима дома, техника, которая нужна в доме, утюг, часы, электричество 1;*
бытовые инструменты 2: *инструменты хозяйствственные, орудия труда 1;*
предметы обихода, украшающие дом 2: *ковер, цветы 1;*
- 4) домашние животные и уход за ними 4: *корова, кролики, поросенок, сено 1.*

2. Символы быта – 176 (25,9%).

Данная смысловая зона была выделена на основании наличия символизма определенных предметов быта. Анализируемая зона невелика по числу составляющих ее ассоциатов, однако единицы данной зоны достаточно значимы для носителей языка: *дом 174, очаг, русская печь 1.*

3. Семья, окружающие человека в быту люди – 82 (12%).

Данная смысловая зона была выделена на основе анализа результатов свободного ассоциативного эксперимента. Ни в одном из словарей данный смысл не отмечается как составляющая быта, однако важность данной смысловой зоны отмечается многими испытуемыми. Возможно, в настоящее время данная зона семантического гештальта «быт» активно формируется в сознании носителей русского языка. В анализируемой зоне выделяются следующие подгруппы:

- 1) лица, присутствующие, окружающие в быту:
общее наименование окружающих человека в быту людей 1: *окружение 1;*
близкий круг людей, немногочисленный 52: *семья 40, семейный 4, дети 3, в семье, муж, родители, семейный быт, семейная обстановка 1;*

- дальний круг людей, многолюдие 24: работа 21, школа 2, общежитие 1;
 2) характер взаимоотношений людей в бытовой сфере 5: тепло 2, домострой, теплота, теплый 1.

4. Состояние быта – 63 (9,3%).

Данная смысловая зона характеризует быт с точки зрения его материального состояния, а также степени устроенности.

В смысловую зону «Состояние быта» входят следующие подгруппы:

- 1) состояние материальной составляющей быта 5: уровень жизни 3, достаток, роскошь 1;
 2) степень устроенности быта:

устроенность 47: уют 34, чистота 3, комфорт, комфорtabельный, налаженный, обустроенность, обустроенностъ условий жизни людей, семейный уют, удобство, устроен, уютный, уютный дом 1;

неустроенность 11: неустроенный 3, неустроенность 2, бардак, недостаток, неудобство, не устроен, нехватка времени для создания уюта, хаос 1.

5. Типичная бытовая деятельность – 186 (27,4%).

Это одна из самых ярких смысловых зон. Единицы данной зоны присутствуют как в ассоциативной статье лексемы «быт», так и достаточно широко представлены в ЛФП «Быт». Кроме того, особенностью данной зоны является то, что она имеет сложную структуру, что и отмечено испытуемыми. Ассоциативный эксперимент позволяет выделить в этой смысловой зоне дополнительные признаки, которые не могут быть получены путем построения ЛФП: трудоемкость, обязательность, необходимость, принудительность типичной деятельности.

В данной смысловой зоне возможно выделение следующих подгрупп:

- 1) общее наименование деятельности, связанной с ведением домашнего хозяйства 26: хозяйство 16, домашние дела, работа по дому, хлопотать 2, дела, домашние заботы, домашние хлопоты, домашняя работа 1;
 2) наименование конкретной деятельности, связанной с ведением домашнего хозяйства:

приготовление пищи 72: кухня 43, посуда 11, еда, кастрюли 4, кастрюля, ужин 2, завтрак, зайти на рынок, мыть посуду, мытье посуды, обед, русская печь 1;

уход за одеждой 9: стирка 4, белье, ванна, вода, порошок, утюг 1;
наведение чистоты, порядка в доме 23: уборка 12, чистота 3, веник, каждодневная уборка, мусор, мусорное ведро, навести порядок, ремонт, убирать квартиру, уборка квартиры 1;

- 3) типичная деятельность 31: работа 21, занятие, огород, рыбалка, школа 2, бритвь, повседневные занятия 1;
 4) трудоемкость типичных действий, связанных с ведением домашнего хозяйства 10: тяжелый 4, много работы, сложный, труд, трудность, трудности, усталость 1;
 5) принудительность, обязательность и необходимость выполнения определенных бытовых действий 5: домашняя обязанность

обслуживать себя, нужен, обязанности, потребность, что-то делать нужно 1;

- 6) сфера бытового обслуживания 1: *Дом быта 1;*
- 7) этапы бытовых действий 5: *ужин 2, завтрак, обед, утро 1.*

В данной смысловой зоне выделяется группа оппозитных ассоциатов, относящихся к подгруппе «Трудоемкость типичных действий, связанных с ведением домашнего хозяйства» 4: *выходной, досуг, отдых, отпуск 1.*

6. Проблемность быта – 16 (2,4%).

Смысловая зона «Проблемность быта» тесно связана с такими смысловыми зонами, как «Эмоциональная составляющая быта», «Семья, окружающие человека в быту люди» и «Типичная бытовая деятельность». Данная смысловая зона указывает на негативные последствия быта, а именно: трудность ведения домашнего хозяйства, отсутствие необходимых материальных средств, негативное влияние на взаимоотношения людей в быту, нудность и принудительность быта и др.

В данную смысловую зону входят следующие подгруппы:

- 1) проблемность материальной составляющей быта 9: *деньги 5, недостаток, отсутствие денег, проблемы материальные, финансы 1;*
- 2) проблемность личных взаимоотношений в быту 3: *лодка 2, разбилась лодка любви о быт 1;*
проблемность поддержания бытовых условий жизни 4: газопровод, нехватка времени для создания уюта, трудность, трудности 1.

7. Жизнь, существование человека – 50 (7,4%).

Данная смысловая зона соответствует парцелле ЛФП «Жизнь, существование человека», являясь ее одной из составных частей. В результате анализа возможно выделение дополнительных признаков данной подгруппы: традиционность, ритуальность жизни, выделение различных типов образа жизни.

В данной смысловой зоне вычленяются следующие подгруппы:

- 1) общее наименование существования человека 25: *жизнь 22, проживание 2, жизнедеятельность 1;*
- 2) установившийся порядок жизни человека 4: *уклад 2, образ, уклад жизни 1;*
- 3) традиционность, ритуальность жизни 7: *веселые песни, культура, народ, народов, обычаи, русская печь, старина 1;*
- 4) типовая характеристика жизни:
по отсутствию вредных привычек 3: здоровый 2, здоровый образ жизни 1;
по образу жизни 1: сельский 1;
по сфере жизни 8: домашний 5, дома, домашний быт 1.

- 5) обстановка, в которой протекает жизнь человека 2: *окружающая действительность, условия жизни 1.*

8. Эмоциональная составляющая быта – 48 (7%).

Данная смысловая зона включает в себя достаточно разнородные подгруппы, связанные одним смыслом: обозначать эмоции, чувства человека, возникающие в бытовой жизни, отношение к быту.

В данной зоне возможно выделение следующих подгрупп:

- 1) общая эмоциональная оценка 4: *плохой 2, хороший, хорошо 1*;
- 2) эмоциональное восприятие быта (негативное) 32: *однообразие 5, засел, рутиной 4, серость 3, забота, заботы, серый, обыденность, хлопоты 2, болото, будни, затянулся, однообразный, углы квартиры, которые давят, черный 1*;
- 3) испытываемое эмоциональное состояние в быту 12: *скука 4, скучный 2, напряг, приятность, скучная жизнь, скучно, спокойствие, усталость 1*.

9. Повседневная жизнь человека – 15 (2,2%).

Данная смысловая зона соотносится с парцеллой ЛФП «Жизнь, существование человека», является одной из составляющих ее частей. Испытуемыми отмечаются такие признаки повседневной жизни, как повторяемость, однообразность, приземленность и прозаизм жизни человека.

Данная смысловая зона состоит из следующих подгрупп:

- 1) общее наименование жизни без каких-либо отличительных признаков 6: *обыденность 2, будни, каждодневность, повседневная жизнь, повседневность 1*;
- 2) повторяемость событий, действий человека каждый день 8: *однообразие 5, однообразный, одно и то же, одно и то же каждый день 1*;
- 3) приземленность, отсутствие романтизма 1: *презерватив 1*.

Индивидуальные ассоциаты, не вошедшие ни в одну из смысловых зон составляют небольшую группу 5 (0,7%): *бытовой, Высоцкий, лес, идеал, сила 1*.

На основе результатов, полученных при обработке эксперимента, можно следующим образом представить структуру психологически реального значения.

Быт

1. Непосредственное материальное окружение человека как совокупность предметов (*дом 174, хозяйство 16*), так и отдельные его составляющие (*мебель 20, бытовая техника 17, посуда 19, домашние животные 4* и др.), которые принадлежат человеку лично или совместно с кем-либо (*семья 40*), являются необходимым атрибутом комфортного существования, включают минимальный набор предметов для существования, набор предметов для комфортного существования (*уют 34, комфорт 1, комфорtabельный 1, удобство 1* и др.), характеризуют человека со стороны его материального положения, его традиций и привычек, отношения к окружающим людям (*уровень жизни 3, достаток 1*), имеют собственные символы (*дом 174, кухня 43, русская печь 1, очаг 1*), выполняют защитную от внешней среды и эстетическую функции (*обустроенност 1, уют 34*), функцию поддержания традиций и культуры данного этноса (*старина 1, русская печь 1, культура 1, обычаи 1*), оценивается как нечто положительное (*хороший 1, хорошо 1, уют 34, комфорт 1, комфорtabельный 1, тепло 2*).

2. Повседневная бытовая деятельность человека (*работа 21, занятие, огород, рыбалка, школа 2, бритъе, повседневные занятия 1*), преимущественно связанная с ведением домашнего хозяйства (*хозяйство 16, домашние дела, работа по дому, хлопотать 2, дела, домашние заботы, домашние хлопоты, домашняя работа 1*), приготовлением пищи (*кухня 43, посуда 11, еда,*

кастрюли 4, кастюля, ужин 2, завтрак, зайти на рынок, мыть посуду, мытье посуды, обед, русская печь 1), уходом за одеждой (стирка 4, белье, ванна, вода, порошок, утюг 1), наведением порядка и чистоты в доме (уборка 12, чистота 3, веник, каждодневная уборка, мусор, мусорное ведро, навести порядок, ремонт, убирать квартиру, уборка квартиры 1), является обязанностью людей (домашняя обязанность обслуживать себя 1, нужен 1, обязанности 1, потребность 1, что-то делать нужно 1), выполняется преимущественно в личное время (внерабочее: дом 174, домашний 5, отпуск 1), требует определенных затрат времени (время 1, много работы 1, нехватка времени для создания уюта 1), однообразная, не требующая особого творческого подхода, повторяющаяся (обыденность 2, каждодневная уборка 1, однообразный 1, однообразие 5, одно и то же 1, одно и то же каждый день 1), осуществляется преимущественно в доме, на кухне, в ванной (дом 174, кухня 43, ванна 1), вызывает много материальных проблем (деньги 5, недостаток, отсутствие денег, проблемы материальные, финансы 1); создает проблемы в личных взаимоотношениях (лодка 2, разбилась лодка любви о быт 1); создает трудности (газопровод, нехватка времени для создания уюта, трудность, трудности 1), вызывает преимущественно негативные чувства (однообразие 5, зал, рутина 4, серость 3, забота, заботы, серый, обыденность, хлопоты 2, болото, будни, затянулся, однообразный, углы квартиры, которые давят, черный 1, скука 4, скучный 2, напряг, приятность, скучная жизнь, скучно, спокойствие, усталость 1), оцениваемая преимущественно негативно (плохой 2, хороший, хорошо 1).

3. Существование человека (жизнь 22, проживание 2, жизнедеятельность 1), а также обстановка, в которой оно протекает (окружающая действительность, условия жизни 1).

4. Сложившийся порядок повседневной жизни человека (обыденность 2, будни, каждодневность, повседневная жизнь, повседневность 1), протекает в форме однообразных действий человека, событий, с ним происходящих (однообразие 5, однообразный, одно и то же, одно и то же каждый день 1), предполагает обязательность действий (нужен 1), представляет собой определенный ритуал (традиция 1, обычаи 1), оценивается преимущественно положительно (хороший 1, хорошо 1).

В словарях русского языка у лексемы «быт» отмечаются следующие значения:

1. Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды и т.п. ;
2. Повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни;
3. Домашнее хозяйство и заботы по его ведению.

Как показало наше исследование, реальных значений данного слова в языковом сознании носителей современного русского языка больше, а также существенно больше объем каждого из значений.

Таким образом, ассоциативный эксперимент выступает как эффективное средство верификации словарных дефиниций толковых словарей.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С.191-206.

Рудакова А.В. Объективизация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.

А.Б. Лихачева

Обозначение времени в литовской языковой картине мира

Являясь по самой своей природе понятием относительным, время получает разное выражение в этнических картинах мира. Как отмечает Ю.С. Степанов (Степанов 2001, с.258), понимание времени как «формы представлений» уже заложено в формах языков.

В соответствии с вышеуказанным, можно отметить более или менее существенные различия в хронологических представлениях, отражающихся в русском и литовском языках.

1. В литовском языке используется одинаковая форма при обозначении конкретного года и периода времени в несколько лет. Например, *pokario metai* может означать как ‘год после войны’, так и ‘послевоенные годы, послевоенное время’: в обоих случаях используется форма множественного числа, букв. ‘годы’. Сравните еще: *2004-ieji metai* (‘2004-й год’, букв. ‘2004-е годы’), *šiaišs metais* (‘в этом году’, букв. ‘этими годами’). С другой стороны, для выражения собственно понятия «время» литовская языковая картина мира располагает двумя лексемами, ср.: *neturiu laiko* (‘у меня нет времени’), *poilsio metu* (‘во время отдыха’), *sunkus metas / laikas* (‘тяжелое время’) – с формой единственного числа, *sunkūs laikai* (‘тяжелые времена’) с формой множественного числа.

2. В литовском языке, в отличие от русского обозначения точной даты, принят иной порядок следования временных компонентов. Обозначение даты по-русски реализуется при помощи схемы ‘число – месяц – год’, которая сопровождается варьированием падежных форм, например: *сегодня / завтра /чера было 1-ое июля 2004 года; это произошло / он родился / встретимся 1-го июля 2004 года*. По-литовски актуализируется схема ‘год – месяц – день’, например: *šiandien / rytoj / vakar buvo 2004 metų liepos 1-oji diena* с именительным (vardininkas) падежом при обозначении дня и *tai atsitiko / jis gime / susitiksim 2004 metų liepos 1-ąjį dieną* с винительным (galininkas) падежом.

3. Двенадцатичасовой рубеж (полдень) в языковой картине мира русских делит сутки на утро и день. В литовской языковой картине мира 12 часов дня – время обеда. Соответственно, то, что, с точки зрения русских, есть ‘последнее время’, – по мнению литовцев, является ‘послеобеденным временем’. Например, сообщение о точном времени на русском радио может

звучать так: ‘Сейчас 14 часов / два часа (**пополудни**)’. В литовском эфире услышим: *Dabar yra 14 valandų / antra valanda po pietų* – букв. ‘Сейчас (есть) 14 часов / два часа **после обеда**’.

4. В литовской языковой картине мира не различаются понятия *день месяца / недели и число* – оба значения передаются словом *diena* (‘день’), поэтому выражение *Kuri šiandien diena?* без лексических уточнений, конкретизирующих вопрос, может быть понято и как *Какое сегодня число?*, и как *Какой сегодня день (недели)?*

5. У русских и литовцев не совпадает обозначение десятилетий. Если по русски числовое название десятилетия обусловлено тем, что эксплицировано в названии временного периода (например, *шестидесятые годы* – это годы с 1961-го по 1969-ый), литовское обозначение того же периода обусловлено имплицитным временным вектором: в литовской языковой картине мира годы с 1961-го по 1969-ый – это *septyniasdešimtieji metai*, или *septintas dešimtmetis*, т.е. ‘семидесятые годы’, ‘седьмое десятилетие’. Поэтому, рассказывая об особой общественной атмосфере периода так называемой «оттепели», литовцы, в соответствии с литовскими правилами хронологизации событий, говорят о *семидесятых годах*. Сравните еще: *XIX a. keturiadasdešimtųjų metų pradžioj Vilnius universitetas buvo uždarytas* (букв. ‘В начале **сороковых годов** XIX в. Вильнюсский университет был закрыт’, при этом речь идет о 1831-1832 гг.).

6. Для обозначения обстоятельства времени в литовском языке используется большее, чем в русском, количество падежных форм в беспредложных конструкциях. Наиболее типично употребление форм винительного (*galininkas*) и творительного (*įaginiinkas*) падежей, ср.: *Ateik pirmadienį / kitą savaitę* (‘Приходи **в понедельник / на следующей неделе**’, букв. ‘Приходи **понедельник / следующую неделю**’) и *Jie susitinka laisvalaikiu / poilsio dienomis* (‘Они встречаются **в свободное время / по выходным**’, букв. ‘Они встречаются **свободным временем / выходными**’). Окончаниями творительного падежа в литовском языке часто оформляются те фрагменты суток, которые в русском языке получают обязательное предложно-падежное выражение, напр.: *atsikėlė paryčiu / paryčiais* (‘поднялся **под утро, к утру**’), *pavakare / pavakariais sugrįžo* (‘под вечер, **к вечеру вернулся**’) (Paulauskienė 1994, с.98-138).

Для обозначения времени могут использоваться формы дательного (*naudininkas*) и местного (*vietininkas*) падежей, ср.: *Sesuo atvažiavo vasarai / savaitei / dviem dienom* (‘Сестра приехала **на лето / на неделю / на два дня**’, букв. ‘Сестра приехала **лету / неделе / двум дням**’) и *Ką nori pjauti senatvėj, tą turi sėti jaunatvėj* (‘Что хочешь пожать **в старости, то нужно посеять в юности**’), *Vilnius įkurtas keturioliktame amžiuje* (‘Вильнюс основан **в четырнадцатом веке**’).

Наконец, обстоятельство времени может быть выражено формой именительного падежа при наличии в предложении подлежащего в той же падежной форме, ср. *Jis kas savaitę aplanko tėvus* (‘Он **каждую неделю** навещает родителей’, букв. ‘Он **каждая неделя** навещает родителей’) (Labutis 1998, с.287-290).

Временной отрезок, по прошествии которого происходит повторение какого-либо действия, в литовском языке оформляется конструкциями с существительными множественного числа в форме творительного (inagininkas) падежа (Paulauskienė 1994, с.131-132). Во многих случаях подобное грамматическое представление в русской языковой картине мира невозможно. Например, для обозначения регулярности нормативными являются литовские конструкции с названиями дней недели *antradieniais*, *trečiadieniais* ... *sekmdieniai* (ср. по-русски **по вторникам, по средам ... по воскресеньям**, при невозможных *вторниками, средами* и т. п.). Сравните еще примеры с литовскими существительными в форме множественного числа творительного падежа, служащими для выражения повторяемости, регулярности действия, явления, состояния: *mènesienomis matyadoo pražuvusių medžiotojų šešelius* ('**при лунном свете** он видел тени погибших охотников'), *rytais anksti keliamas* ('**по утрам рано встаем**'), *dienomis važiuodavome prie jūros* ('**днем** ездили к морю'), *pavasariais sielių plukdyti išeidavo* ('**каждую весну** уходили сплавлять лес'), *šventvakariais ir šventadieniais ten rinkdavos sodžiaus jaunimas* ('**в канун праздников и по праздникам** там собиралась сельская молодежь') (примеры в сокращенном виде из: Paulauskienė 1994; Paulauskienė, Tarvydaitė 1986).

Итак, мы показали некоторые отличия в обозначении времени в литовской и русской языковых картинах мира. Данные наблюдения, безусловно, подтверждают мысль о том, что время «релятивизировано относительно системы данного – того или иного – языка. Но речь при этом идет лишь о различной «сукладке», различной «упаковке» одних и тех же по существу понятий» (Степанов 2001, с.256).

-
1. Степанов Ю.С. Время // Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С.248-268.
 2. Labutis V. Lietuvių kalbos sintaksė. Vilnius, 1998.
 3. Paulauskienė A. Lietuvių kalbos morfologija. Vilnius, 1994.
 4. Paulauskienė A., Tarvydaitė D. Gramatikos normos ir dabartinė vartosena. Kaunas, 1986.

О.В. Студёнова

Романтический компонент коннотации слова

Теория значения слова различает лексему (звуковую оболочку) и семему (содержательную сторону). Существуют денотативные и коннотативные семемы. Денотативная семема – это основное значение слова, коннотативная – добавочное, неосновное значение.

Термин «коннотативный» употребляется также для обозначения стилистических, эмоциональных, оценочных, экспрессивных компонентов значения слова, существующих в нем наряду с денотативным компонентом (Копыленко, Попова 1978; Стернин 1979). По мнению И.А. Стернина,

коннотативный макрокомпонент значения включает семантические компоненты «оценка» и «эмоция» (Стернин 1979).

Эмоциональный и оценочный компоненты в структуре значения тесно связаны, и иногда их трудно разграничить. Оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, но эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки, ибо всякая эмоция носит оценочный характер, хотя и не всякая оценка обязательно эмоциональна (Шаховский 1975).

Кроме того, в состав коннотации иногда включают так называемый функционально-стилистический компонент. В отличие от эмоционального и оценочного семантических компонентов, он не характеризует предмет, а несет информацию о ситуации, в которой протекает речевой акт (формальная, неформальная, устная, официальная) (Стернин 1985).

Изучение коннотации слов позволяет находить все новые и новые коннотативные семы. В нашей статье мы хотим представить романтический компонент коннотации на примере анализа слова «поезд».

Слово «поезд» обозначает конкретную реалию, хорошо известную всем носителям русского языка. Но эта реалия может по-разному кодироваться в сознании людей. В частности, мы обнаружили, что мыслительный образ поезда содержит романтическую окраску.

С помощью семенного анализа и анализа микротекстов, содержащих описание поезда, были получены данные, свидетельствующие о появлении в них ассоциаций с большой скоростью и дальними странствиями.

Так, в русских художественных текстах акцентируется признак скорости:

<p><i>Поезд мчится как конь:</i></p>	<p>Мчится, мчится железный конек! По железу железо гремит. Пар клубится, несется дымок, Мчится, мчится железный конек, Подхватил, посадил да и мчит. (Полонский)</p>
<p><i>«Поезд» в значении «душа», «чувство»:</i></p>	<p>Полюбить, словно высунуть голову Из окошка летящего поезда: Ветер город сдувает за городом И косою проходится по лесу. (Поляков Ю.)</p>
<p><i>Поезд символизирует движение:</i></p>	<p>И пусть отправляю составы в пустыни, Где только барханы в горячих лучах, – Мои поезда не вернутся пустыми. Пока мой оазис совсем не захах. (Высоцкий)</p>
<p><i>Скорость поезда ассоциируется с быстротечностью времени, событий:</i></p>	<p>Как хорошо было знакомо Гаврику, жителю Ближних Мельниц, это чувство ожидания летящего поезда (Катаев). В действительности они (события) приближались с чудовищной быстротой курьера поезда (Катаев).</p>

<p><i>Поезд порождает фантастические сны и грезы:</i></p>	<p>Длинный виделся ему сон: земля, залитая водою, без волн, без трещин и даже без ряби... По воде идет паровоз и тянет вагоны, целый состав, и след, расходясь в стороны, растворяется вдали (Астафьев).</p>
<p><i>Ассоциации с преодолением больших расстояний:</i></p>	<p>Когда поезд уходил, клочья дыма еще плавали меж деревьев... и запах паровозного дыма был запахом путешествий, больших городов. (Гринин).</p> <p>Присядем, друзья, перед дальней дорогой, Пусть легким окажется путь! Давай, машинист, потихонечку трогай И песню в пути не забудь! (Дыховичный В., Слободской М.)</p>
<p><i>Поезд воспринимается как живое существо:</i></p>	<p>Видели ли вы, Как бежит по степям, В туманах озерных кроясь, Железной ноздрей храпя, На лапах чугунных поезд? (Есенин)</p> <p>Впереди по-ребячыи бесшабашно кричал паровоз (Астафьев).</p> <p>Паровоз тяжело дышит, пыхтит не в тakt шуму поезда, и в общем получается какое-то клокотанье (Чехов).</p>

Приведенные примеры отражают ассоциации, порождаемые непосредственно образом поезда (как если бы человек видел его со стороны). Но существуют еще и «косвенные» зарисовки (а именно описания пейзажа, который можно наблюдать из окна вагона). На основе исследования художественных микротекстов, содержащих описания таких пейзажей, нами были сделаны следующие наблюдения: человек, едущий в поезде, воспринимает картины природы, виды городов и других населенных пунктов, его взгляду представляется пространство неба, он переполнен впечатлениями. Например:

1. *Картины природы.* Облокотившись на столик, Петр Захарович всматривался в проплывающее за окном шелковисто-легкое сияние

остролистных кленов, тяжелые кровавые пятна низкорослых рябин, вельможное постоянство и нетронутость кряжистых дубов (Волохов).

2. *Городской пейзаж*. Поезд идет по Польше, и я вижу хуторочки, сады, старинные замки, рвы, деревни или маленькие города с черепичными крышами и костелы, высокие башни – это все Польша (Прилежаева).

3. *Вид неба*. За окном вагона была весна. В ясном небе треугольником летели куда-то медленные журавли (Дангулов).

4. Едущий в поезде человек *испытывает также сложные и разнообразные чувства, переживания*:

Сегодня утром мы из Кисловодска ехали в Баку, и, глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, на душе сделалось как-то тесно и неловко (Есенин).

За тонкой жестяной стеной вагона, за его окнами была степь, июльская, знойная, звенящая кузнецами. Вечерами над нею пылали долгие тревожные закаты (Гончаров Ю.).

Хорошо ехать в летний день и видеть из окна вагона то темный, глубокий лес, то полосы ржи с синеющими васильковыми глазками, и всем своим существом предчувствовать любовь, улыбаться втихомолку, ждать, мечтать (Прилежаева).

На основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что чувства и эмоции, испытываемые пассажиром, связаны с пейзажем за окном вагона, а также с быстротой движения поезда: герой испытывает вдохновение, наблюдая сменяющие друг друга картины. Кроме того, у едущего в поезде человека создается предчувствие чего-то нового, неизведанного; это окрыляет его, дает почувствовать атмосферу путешествия.

Но в то же время с поездом могут быть связаны и чувства печали, душевной тесноты, неловкости, даже тревоги. Такое восприятие зависит либо от настроения героя, либо от характера пейзажа за окном.

Полученные данные свидетельствуют о том, что с поездом у людей связаны яркие, разнообразные ассоциации. Романтизм здесь, безусловно, присутствует. Даже *чувство тревоги* может быть воспринято как романтическое («тревога нетерпения», «тревога мятежная»):

Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела» едва тащится, в то время как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса (Паустовский).

Просторы звали их (матросов) темными голосами затравленных паровозов, бурями, рыжими лохматыми дымами пожаров (Лавренев).

Поезд выступает не только как традиционный символ дальних странствий, но и как носитель лирических ассоциаций: «сон», «душа», «живое существо».

Можно отметить, что романтическая окраска данного слова связана с тем, что фрагмент действительности, который им вербализован, имеет две ярких составляющих: скорость и преодоление значительных расстояний.

Таким образом, слово «поезд», обозначающее, казалось бы, прозаическую реалию, получает весьма «романтическую» окраску, что позволяет говорить о существовании романтического коннотата в значении слова.

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978.

2. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
3. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
4. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Рязань, 1975. Вып.2. С. 18.

Н.В. Аленькова

Языковая символика горестного чувства в английском и русском языках

Цель данной работы – выявить сходства и отличия языковой символики горестного чувства в английском и русском языках. Символом называется условный знак какого-либо понятия, явления, идеи. Горестное чувство – тяжёлое чувство, вызываемое неприятностью, неудачей, разочарованием и т.п.

Фактический материал, отобранный по материалам словарей методом сплошной выборки (Кузнецов 2000; Кунин 1999; Мюллер 1969), был распределён по следующим группам:

- 1) цветовые обозначения как символы печали;
- 2) названия символов из мира растений, цветов и деревьев;
- 3) названия одежды как символа печали.

Мы рассматриваем как сами символы, так и их языковые номинации. Символика вещей помогает лучше понять этимологию и значение языковой единицы, их обозначающей.

1. Цветовые обозначения как символы печали

В данной группе можно выделить четыре подгруппы, а именно:

Чёрный цвет – символ горя и скорби как у русских, так и у англичан. Сравните: *чёрные тучи – black as thundercloud, thunder, sin; почернеть от горя – to look black; рисовать в чёрных красках – to paint in dark colours; чёрная тоска, чёрный сплин, чёрная меланхолия. Я посюю горе во чистом поле: Ты взойди, мое горе, черной чернобылью, /Черной чернобылью — горькою полынью (русская народная песня). My soul is dark – Oh! quickly string/ The harp I yet can brook to hear.* (G.G.Byron) *The gaudy leonine sunflower/ Hangs black and barren on its stalk* (O. Wilde). У англичан с печалью и унынием связаны такие слова, как *black dog* и *black ox*. Чёрная собака олицетворяет колдовство, дьявольскую силу, смерть. *To have the black dog on one's back* означает «находиться в унынии, хандрить». Чёрных быков приносили в жертву богу подземного царства Плутону, именно поэтому появилось выражение *to have the black ox tread on one's foot*, что означает «быть неудачником, знать, что такое горе».

Серый цвет – символ печали и уныния, а темно-серый обозначает траур и депрессию. Например, *посереть от горя – to be grey. Серым ненастым измучены мы, / Жизнь наша хуже тюрьмы.* (B. Башкин). *This gorgeous fiery-coloured world of ours/ Seems fallen into ashes dull and grey* (O. Wilde).

Зелёный цвет у русских поэтов и цвет ивовых листьев (*glaucous – серовато-зелёный*) у английских – это символы грусти, одиночества, например, *тоска зелёная, позеленеть, лицо покрылось зеленью*.

Синий цвет – с одной стороны, это цвет неба, а с другой стороны, это цвет, связанный со злым духом. У русских поэтов этот цвет ассоциируется со счастьем: *Синее счастье: Лунные ночи!* (С. Есенин), а у англичан – с унынием, хандрией, подавленностью, грустью (*to look blue, to give somebody the blues, to be down with the blue devils, to feel blue, the blues*). *He rests at last beneath God's veil of blue:/ Taken from life when life and love were new* (O. Wilde).

2. Названия символов из мира растений, цветов и деревьев

- В России любые белые цветы не принято дарить пожилым женщинам, так как это символы скорби и траура. Хризантема, самый поздний цветок осени, символ угасания жизни, символ скорби и печали, а гвоздика белая и астра являются свидетельством тихой грусти и тоски. *Опустел наш сад, вас давно уже нет, / Я брожу один, весь измученный, / И невольные слезы катятся / Пред увядшим кустом хризантемы* (В.Д. Шумской). *Астры осенние, грусти цветы, / Тихи, задумчивы ваши кусты; / Тихо качаясь, грустно склоняется / Осеню поздней к земле* (А. Грей).
- Англичане считают символом печали, заимствовав у древних греков, прелестные весенние цветы, которые в нашем сознании олицетворяют весенне пробуждение природы. Это – фиалка, гиацинт, анемона, нарцисс. *No cypress shades his grave, no funeral yew, / But gentle violets weeping with the dew* (O. Wilde). Их траурная символика связана с легендами и мифами, в которых появление этих цветов связывалось с печальными событиями, и, кроме того, весенние цветы недолговечны, их красота живет всего лишь несколько недель – маленький миг в бесконечном течении времени, такой же, как наша земная жизнь.
- В Англии символика цветов и растений также связана с легендой об Иисусе Христе и религией. Например, красные розы (*Tudor rose*) и маки (*poppies*) символизируют кровь, пролитую страдающим на кресте Иисусом; трясунка (*quaking grass*), шпорник (*Larkspur*), росянка (*sundew*), фиалка (*violet*) – слезы матери Христа, ее печаль; медуница или мертензия виргинская (*Lungwort*) – красные от слез и горя глаза Марии; папоротник (*maidenhair fern*), спаржа (*asparagus fern*) – волосы Марии, выдернутые от горя. Считается, что красота розы блекнет так же быстро, как незаметно пролетает наша жизнь. *Rose leaves, when the rose is dead, / Are heaped for the beloved's bed;/ And so thy thoughts, when thou art gone, / Love itself shall slumber on* (P.B. Shelley). *And, where the chaliced poppies flame to red, / In the still chamber of yon pyramid* (O. Wilde). *A maid whom there were none to praise / And very few to love:/ A violet by a mossy stone/ Half hidden from the eye!* (W. Wordsworth). Розмарин (или «морская роса», а также «роза Марии») используется англичанами в похоронных церемониях. Его кладут на гроб, чтобы сказать этим, что ушедший не будет забыт, и до сих пор часто высаживают на кладбище.
- В России символом скорби являются плакучие березы: их высаживают у мемориалов, а ветви возлагают на могилы усопших в день праздника Троицы. Светлая кора, нежная листва и ажурная крона березы рождают в

дуках родственников и близких усопшего светлое настроение, созвучное христианскому восприятию смерти как перехода в мир иной, лучший и бесконечно более совершенный. *Белые березы, жидкие осины, / Пашни да овраги – грустные картины (А.И. Плещеев). Печальная береза/ У моего окна (А. Фет).* В английской культуре во время похоронных обрядов используют ветки ивы (Masonic funerals). Отсюда и пошло выражение «*to wear the willow*» – «горевать, скорбеть». *At rest now from her hopes and fears/ She sleeps beneath the willow tree (Eng. folk song). All round my hat I will wear the greenie willow/ All round my hat for a year and a day/ And if anyone should question me the reason for my wearing it / I tell them my own true love is ten thousand miles away (Eng. folk song).* Плакучая ива – тотемное дерево, «*скорбное дерево*» («tree of human sadness», «Nature's lament»), символ тоски по возлюбленному. *Othello: the poor soul sat sighing, by a sycamore tree; Sing willow, willow, willow (W. Shakespeare). Down by the sallow (=willow) gardens/ My love and I did meet (Eng. folk song).*

- Благодаря специальному горькому вкусу, руты (*rue*), ароматическое растение, является традиционным символом горя в Англии. *In opposition to their tithing of each separate day into the fixed routine of prescribed duties, as they tithe mint and rue... (O. Wilde).* В России эту символическую функцию выполняет трава полынь, придающая горечь коровьему молоку. *Эх ты, доля моя,/ Доля-сиротинка!// Что полынь ты трава,/ Горькая осинка! (И.З. Суриков).*

3. Названия одежды как символа печали

В русских сказках платок обладает чудодейственной силой. Платочек дарит девушка, жена при разлуке: он унимает любовную тоску. В европейской культуре эту же функцию выполнял локон возлюбленной, носимый на груди в холщовом мешочке или купоне.

И в Англии, и в России приспускают национальные флаги в дни траура, на похороны надевают одежду черного цвета с траурными белыми манжетами (*weepers*) или траурной повязкой на плече, покрывают голову темным платком или креповой вуалью. *Он в черном одеянье / На кляче подъезжал. / «Скидайте юбку алу, / Не румяньте себя, – / Привез печаль немалу, / Оденьтесь так, как я» (песнь неизв. автора).* Обычай надевать черное на похороны родился еще в языческие времена. Люди полагали, что при этом дух умершего не может их узнать и причинить им вред.

Итак, англичане воспринимают окружающий мир, преимущественно опираясь на свои религиозные представления, в то время как русские видят все сквозь призму явлений природы, то есть той естественной среды, в которой человек обитает и переживает свои чувства. Наибольшие совпадения символики горестного чувства наблюдаются в группах «*цветовые обозначения как символы печали*» и «*названия одежды как символа печали*». Скорее всего, это объясняется тем универсальным явлением, что зеленый, синий, серый и черный – цвета холодные. А наиболее существенные различия характерны для группы «*названия символов из мира растений, цветов и деревьев*», что можно объяснить местными различиями условий произрастания растений.

-
1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
 2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1999.
 3. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1969.
 4. Русские песни и романсы. М., 1989.
 5. Уайльд О. Избранные произведения в 2 т. (на англ. языке). М., 1979. Т. 2.
 6. <http://symbols.pochta.ru>
 7. <http://www.omsk.edu.ru>, статья «Таблица символики цвета»
 8. <http://www.greeninfo.ru/siter/?page>, статьи «Растения – символы скорби и печали» и «Траурный букет».
 9. <http://www.mgardens.org/JS-FSOMS.html>, статья «Flower Symbols of Mary's Sorrows».
 10. <http://www.contemplator.com> (английские народные песни).

Е.Г. Селезнева

Русские предметно-семиотические фразеологизмы в лингвокультурологическом аспекте

В культуре любого общества существуют особые действия, имеющие знаковый характер. Они могут быть связаны с традициями, обычаями, ритуалами, церемониями, принятыми в том или ином обществе. Многие из этих знаковых действий присутствуют только в одной культуре, некоторые носят интернациональный характер, а иногда одно и то же действие по-разному интерпретируется в разных культурах. Так, кивок в русской культуре – знак согласия, а у болгар этот знак имеет противоположное значение – отрижение, отказ.

Обычно знаковые действия получают словесное описание. В ряде случаев значение словесного описания обобщается, абстрагируется от конкретного действия, и словосочетание развивает фразеологическое значение. Так образуются предметно-семиотические фразеологизмы.

Рассмотрим этот процесс на примере фразеосочетания (ФС) **быть/ударить/ударять (себя) кулаком в грудь**. В русской культуре, если один человек, говоря другому о чем-л., бьет себя кулаком в грудь, то это действие – знак настойчивого уверения в истинности его слов. Данное действие получило в русском языке словесное описание **быть/ударить/ударять (себя) кулаком в грудь**. В таком описании каждое из слов употреблено в прямом денотативном значении (Д1Д1): *Он бил себя кулаком в грудь, уверял, что никогда не будет видеться с Таней*. Позднее первичное значение этого ФС было переосмыслено и стало означать, что человек раскаивается в чем-либо; клятвенно заверяет, что больше не будет совершать каких-то действий; уверяет кого-то в истинности чего-либо: *Он никогда ничего не обещал, считая, что нужно не быть себя кулаком в грудь, а дело делать*. Таким образом, данная номинация приобретает фразеологическое значение, при этом знаковое

действие уже может не совершаться, оставаясь во фразеологическом образе. Так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с традиционным русским действием.

В других русских предметно-семиотических фразеологизмах наличествуют иные «следы» культуры – следы обычаев, традиций, исторических событий и материальной культуры, вырабатываемые веками.

Отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, ФС фиксируют и передают от поколения к поколению стереотипы, эталоны, культурные установки. Ф.И. Буслаев определял фразеологизмы как своеобразные микромиры, содержащие в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации (Маслова 2001, с.82). Благодаря этому, фразеология является богатейшим источником культурологического материала.

Интересной в лингвокультурологическом плане представляется группа фразеологизмов, называющих знаковые действия людей с различными предметами. Например, **встречать (кого-то) хлебом-солью; звонить/позвонить в колокольчик; целовать крест**. Действия, о которых идет речь в этих фразеологизмах, конвенциональны, то есть вырабатывались посредством конвенции, договора между людьми.

Среди проанализированных нами фразеологизмов, являющихся описаниями знаковых действий людей с предметами, выделяются следующие наиболее крупные группы:

И. Фразеологизмы, называющие действия с культовыми предметами.

II. Фразеологизмы, называющие действия с оружием и флагами (из военной сферы).

III. Фразеологизмы, включающие в свой состав названия одежды.

IV. Фразеологизмы, описывающие действия с картами (сфера карточных игр).

Рассмотрим эти группы подробнее.

I. Группа фразеологизмов, называющих действия с предметами христианской религии, включает в себя несколько подгрупп:

1. ФС – описания действий с культовыми предметами – атрибутами христианской религии: обменяться/ поменяться крестами; крестовый брат; целовать крест (ист.), а также его вариант (совершать) крестное целование; окропить/ окроплять/ кропить (кого или что-л.) святой водой; терновый венец; (надеть) (на себя) терновый венец, а также его вариант (надеть на кого-л. или кому-л.) терновый венец; выдавать/ выдать/ дать (кому-л.) индульгенцию и т.п.

В этой группе особенно много фразеологизмов со словом *крест*. Хотя крест с доисторических времен служит охранительным символом почти во всех культурах мира, для русских он, прежде всего, символ Христа, его распятия, а следовательно, символ христианской веры и церкви.

Слово *крест* присутствует в составе следующих фразеологизмов: **обменяться/ поменяться крестами – побрататься; целовать крест**, а также

его вариант (**совершать**) **крестное целование**, с фразеологическим значением – присягнуть или поклясться в чем-л.

Фразеологизм **крестовый брат** имеет значение: человек, с которым заключен союз на вечную дружбу, закрепленный обменом нательными крестами. *Тут крестами да богатыри побратались, Назвались да братьями крестовыми* (Гильфердинг. Онежские былины).

Креста нет (на ком-л.) (устар.). Если человек не носит нательного креста, то это знак того, что он некрещеный, не христианской веры, а значит, по мнению православных русских, способен на любой злой поступок. Данная номинация имеет фразеологическое значение «бессердечный, бессовестный человек». *А ежели вы насчет недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Креста на нем нет, на старосте-то* (Чехов. Злоумышленник).

2. ФС, обозначающие действия, связанные с ситуацией свадьбы и венчания в церкви, а также ритуальные действия, которые исполняются в этих ситуациях. Слово **ритуал** в одном из своих значений называет «выработанный обычаем или установленный порядок совершения чего-л., церемониал» (СРЯ 1987, т. III, с. 719). В данной подгруппе находим такие фразеологизмы, как **обвести (кого-л.) вокруг аналова; идти/ пойти (с кем-л.) под венец** и его вариант **идти / пойти к венцу**, а также их вариант **повести (кого-л.) под венец/ к венцу**.

Бракосочетание у христиан сопровождалось обрядом венчания в церкви. Во время этой церемонии жених должен был обвести невесту вокруг высокого столика, на который клались церковные принадлежности (книги, иконы) – аналова. Об этом ритуальном действии нам напоминает устаревший сейчас фразеологизм **обвести вокруг аналова**.

Еще один эпизод церемонии венчания в православной церкви связан со старинным обычаем возлагать во время бракосочетания (венчания) на голову жениха и невесты венец – убор в виде короны. Это действие было знаком того, что мужчина и женщина сочетались браком. Такой обычай закрепился во фразеологизме **идти под венец**, то есть сочетаться браком.

3. ФС – названия действий, совершаемых с колоколами: ударить/ быть в набат (разг., экспресс.) и его варианты **бить набат** (разг., экспресс.); **приударить в набат** (устар.), а также вариант **ударять/ ударить в колокола** (разг., экспресс.). Данное действие исполняется следующим образом: человек звонит в колокол, чтобы звоном оповестить о бедствии, созвать людей на помощь. Для этих целей мог использоваться специальный колокол, но чаще эту функцию выполнял церковный колокол. Действие это является знаком, оповещающим о какой-л. беде, несчастии, например, о пожаре, о нападении врагов.

Пимен: Вдруг слышу звон, ударили в набат, Крик, шум (Пушкин. Борис Годунов). Слыши, в Херсоне на одной колокольне бьют в набат (Белинский. Письмо М.В. Белинской. 13 авг. 1846).

Значение ФС **ударить в колокола / ударить в набат** – поднимать тревогу, усиленно призывая обратить внимание на что-л. грозящее опасностью, неприятными последствиями. *Некоторые учителя смотрели на него как на*

неудачника. А десятиклассница полюбила одинокого добряка. Он провожал ее под вечер домой, их увидела строгая женщина – завуч, ударила в колокола, созвала педсовет и громогласно потребовала объяснений (Кикнадзе. Слепой музыкант). Фамусов: Я постараюсь, я, в набат я приударю. По городу всему наделаю хлопот И оглашу во весь народ (Грибоедов. Горе от ума).

Таким образом, ФС, называющие действия с культовыми предметами, показывают, что многие ритуалы у русских связаны с православной религией и ее атрибутами. Так, с ними связаны свадьба, присяга и клятва, действия при всенародных бедствиях или празднествах. Фразеологизация этих ФС – указатель их востребованности и частотности употребления.

II. Фразеологизмы, называющие действия с предметами из военной сферы, подразделяются на следующие подгруппы:

1. ФС, называющие действия, производимые с оружием: например, **вложить меч в ножны** (устар.); **стрелять в (на) воздух**, а также вариантовые ему ФС **выстрелить в воздух** и **(сделать) выстрел в (на) воздух**; **класть/ положить/сложить оружие**; **браться/ взяться за оружие** с вариантами **схватиться/ хвататься за оружие** (разг., экспресс.) а также синонимичное ему УС **поднять оружие (меч) (на кого-л.)**; **кланяться /не кланяться пулям** (ирон.) и др. Многие из этих описаний приобретают символическое значение. Например, ФС **браться/ взяться за оружие; поднять оружие (меч)** означают: начинать вооруженные действия, войну. А ФС **класть/ положить/сложить оружие** берет свое начало из следующего обычая: побежденные после сражения клади свое оружие на землю перед победителями. Такое действие означало: признать свое поражение, сдаться, признать себя побежденным, прекратить вооруженные действия: *В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах... Пришбышевский со своим корпусом положил оружие* (Толстой. Война и мир).

ФС приобретает фразеологическое значение – отказаться от продолжения спора, борьбы, от каких-л. действий: *Долго друзья спорили, ни один не соглашался сложить оружие*.

2. ФС, называющие действия, производимые с флагами/ знаменами: вывешивать/ вывесить белый флаг, с вариантом выбросить белый флаг; вставать/ встать под знаменем (кого) (устар.) и его вариант стать/ встать под знамя/ знамена (кого/ чего); под знаменем (чего); поднять знамя (чего) (высок.); высоко поднять/ держать знамя чье/ знамя чего (высок.)

Например, **поднять знамя (чего)** (высок.). Конвенциональное действие с предметом, описываемое этим УС, совершалось во время боя. Оно являлось знаком того, что у знамени еще есть защитники, которые готовы сражаться, т.е. что войско еще не побеждено. Выражение имеет фразеологическое значение – став во главе, начать борьбу за что-л., во имя чего-л., поддержать какую-л. идею. *И вольности поднять не смели знамя* (Толстой. Дракон).

III. Фразеологизмы, включающие в свой состав названия одежды. Они называют действия с одеждой и ее элементами. Сюда относятся такие фразеологизмы, как **бросать/ бросить перчатку (кому/ чему); поднимать/ поднять (чью-л.) перчатку; засучить/ засучивать рукава** с вариантом **(работать (делать что-то)) засучив рукава и спустить/ спускать рукава с**

вариантом **работать (делать что-то)) спустя рукава; пойти под красную шапку** (ист.) и т.п.

Из этих фразеологизмов мы узнаем, например, об особенностях русской одежды. Так ФС **засучить рукава**, который означает – приниматься за дело или делать что-то усердно, старательно, энергично, с готовностью, рассказывает о непомерно длинных рукавах одежды, носившейся в Древней Руси. Незасученные концы их ниспадали до колен, а то и до земли. Естественно, что, не подняв таких рукавов, нечего было и думать о работе.

Некоторые знаковые действия с предметами пришли в русскую фразеологию из других культур. Так фразеологизм **бросать (кому-л.) перчатку**, имеющий значение – вызвать кого-л. на борьбу, состязание или вступить в острую борьбу с кем или чем-л., восходит к западноевропейским средневековым традициям, согласно которым сеньор вручал перчатку рыцарю при установлении вассальной зависимости. Бросание перчатки вассалом сеньору служило выражением непокорности и вызова.

Позднее в русском дворянском обществе это действие стало служить знаком вызова на дуэль. *Дон-Жуан: Мне по сердцу борьба! Я обществу, и церкви, и закону перчатку бросил: кровная вражда уж началась открыто между нами* (Толстой. Дон-Жуан).

IV. Небольшую группу составляют фразеологизмы, описывающие действия, связанные с карточной игрой: (**положить/ выложить**) **карты на стол** (разг., экспресс.) и синонимичный ему фразеологизм **карты открыты** (разг., экспресс.), его вариантом является фразеологизм **раскрыть/ открыть (свои) карты** (разг., экспресс.), а также ФС (**чья-л.**) **карта бита** (разг., экспресс.).

ФС (**положить/ выложить**) **карты на стол; карты открыты; раскрыть открыть (свои) карты** будут названиями следующего конвенционального действия: по окончании карточной игры участники выкладывают карты на стол (внутренней стороной, на которой обозначены масти и очки) или просто показывают их внутреннюю сторону друг другу. Данное действие будет знаком того, что карточная игра завершена и игроки могут открыть друг другу свои планы, расчеты. Выражения имеют фразеологическое значение – перестать скрывать свои тайные замыслы, расчеты. *«Карты на стол» – это превосходный лозунг. И нам прежде всего хотелось бы, чтобы он был применен в газете «Живое дело». Карты на стол, господа!* (Ленин. Карты на стол). Ясно одно: надо во что бы то ни стало отложить разговор, перенести его. Теперь, когда карты почти открыты, поискать новую систему доказательств (Есин. Имитатор).

Нами рассмотрены только наиболее крупные группы фразеологизмов, называющих знаковые действия с предметами во время свадьбы, военных действий, принесения клятвы и присяги, во время отдыха. Более мелкие группы освещают и другие стороны жизни русских людей: похороны, встречу гостей, деловую сферу.

Многие из этих фразеологизмов описывают действия с предметами, берущие свое начало в древних обычаях и традициях русского народа, например, ФЕ **встречать кого-л. хлебом-солью**, означающий «встречать

гостеприимно, радушно». Но, помимо этого, исследуемая группа имеет в своем составе и ФЕ, которые описывают реалии, появившиеся сравнительно недавно. Например, номинация **(давать/ дать) (кому-л.) зеленый свет (светофора)** (К1Д1) описывает ситуацию, когда на светофоре горит зеленый свет – это знак пешеходу о том, что он может переходить улицу и водителю – о том, что он может ехать. *Красный свет – проезда нет, желтый – будь готов к пути, а зеленый свет – кати.*

Такое ФС приобретает фразеологическое значение – разрешить чью-л. деятельность или способствовать кому-л. в его деятельности.

Однако некоторые ритуальные действия с предметами, возникшие в совсем недавнем прошлом, так и не смогли закрепиться во фразеологии, хотя они, несомненно, были важны. Мы говорим о таких ФС, как, например, **надеть (повязать) красный/ пионерский галстук**. Это было конвенциональное действие, при котором ребенок или подросток в возрасте от 10 до 14 лет завязывал на шее красную косынку. Такая косынка была обязательной частью костюма пионера и поэтому являлась знаком того, что ребенок состоит в пионерской организации: *Коль повяжешь галстук – береги его, Он ведь с нашим знаменем цвета одного*. Нам не встретилось примеров, в которых это ФС применялось бы в переносном значении. Возможно, что это связано с недолговечностью самого ритуала с точки зрения истории.

Таким образом, русские предметно-семиотические фразеологизмы дают богатый культурологический материал о многих сторонах жизни разных слоев русского общества в различные периоды его существования.

-
1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
 2. Словарь русского языка: В 4-х т. / А.П. Евгеньева, Е.А.Иванникова и др. М., 1989. Т. 3.

Е.Ю. Федосова

Отражение национальной культуры в языке (на материале русских многозначных фразеосочетаний)

Фразеологическое богатство любого языка – достояние его национального языкового сознания. Фразеологические единицы представляют собой наиболее маркированный с точки зрения проявления национально-культурной специфики пласт языка. Они являются своеобразным эталоном народной мудрости, выражают национальную самобытность. В них отражено мировоззрение данного общества, закреплены определенные знания об окружающем мире. С их помощью передается жизненный опыт от поколения к поколению, культурно-исторические традиции народа.

Маркированность национальной специфики фразеологического образа часто создается специальным отбором лексики: это и названия каких-либо реалий, известных только носителям одной нации, и своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-то страны, территории.

Объяснения одних выражений и слов следует искать в правовом быте Древней Руси, толкование других можно найти в описании каких-то бытовых проявлений жизни того времени: земледельческих, ремесленных и т.п., большое число фразеосочетаний связано с историческими событиями. Многие фразеологизмы ведут нас к народным обычаям и верованиям, сказаниям и преданиям «старины глубокой».

Рассмотрим несколько групп многозначных фразеосочетаний (ФС), обладающих ярко выраженной национальной спецификой.

1. Фразеосочетания, в которых описываются различные промыслы, профессиональная деятельность людей (многие профессии в настоящее время уже забыты).

Плести лапти – в денотативной ситуации производство лаптей (в старину: дешевой и удобной для ходьбы обуви русских крестьян) описывается так: «Легко плетутся: подошва, перед и бока; замедляется работа на запястье, куда надо свести все лыки и связать петлю так, чтобы, когда пронедутся оборы (завязки у лаптей), они не кривили бы лапти и не трудили бы ног в одну сторону» (Максимов 1955, с.34). Но не всякий это умеет делать. Поэтому фразеологические значения (Ф3) являются своеобразной характеристикой этого процесса: Ф3 1 – путать в деле и разговоре; Ф3 2 – неумело, бесполково делать что-либо, медленно, плохо работать (в старину это выражение применяли к тем, кто очень медленно и вяло работал, хотя самый хороший работник успевал изготовить в сутки не больше двух пар лаптей).

Из области этого ремесленного производства взято довольно много выражений для живого языка, очень метких и поучительных: «звонить в лаптю» – бездельничать, лодырничать; «это не лаптю сплести» – укоризненно говорят тому, кто вдруг и сразу захотел сделать дело, но ничего из этого не получилось; «переобуться из сапог в лапти» – обеднеть по своей неосмотрительности, глупости; «черт плетет лапти по три года кряду» – о том, кому ничем нельзя угодить, как ни старайся.

Гнуть в дугу – в старину: дуга – круто изогнутая деревянная часть упряжки, скрепляющая оглобли с хомутом. Кроме того, гнули еще ободья и полозья. Это производство на Руси было очень распространенным, т.к. дуги были покупным и ходовым товаром. Для их изготовления предпочитались вяз, ильм, осина, ива различных пород, у которых древесина твердая и упругая.

Сам процесс производства происходил следующим образом: сначала дерево парили (обычно в жарко натопленной бане), затем с помощью станка сгибали дерево, связывали концы и оставляли «слеживаться» до остывания. После этого обтесывали топором, шлифовали и просушивали. А уже на просушенных дугах вырезали узоры, продевали кольцо и вешали колокольчик.

Выражение *гнуть в дугу* продолжает жить и сегодня, но уже в ином качестве. Фразеосочетание описывает разные негативные цели этого действия, которые запечатлелись в Ф3 1 – принуждать, притеснять, подавлять; добиваться покорности, полного подчинения (ср.: «гнуть в бараний рог»); Ф3 2 – угнетать, мучить.

Попасть впросак – в денотативной ситуации это выражение описывает кустарный промысел изготовления веревки, бечевки или каната. На Руси

целые села занимались этим. На улицах стояли столбы с крючьями, от них канаты тянулись к деревянным колесам. Их вращали лошади, бегая по кругу. Все эти приспособления для витья веревок или канатов назывались просак (от латинского *pressum* – «давление», «сжатие»). Но необходимо было внимательно следить, чтобы случайно не зацепиться за тую свертывающийся в просаке жгут. Если попадет туда кончик одежды, волосы, то просак все изорвет, а иногда и самого человека изувечит.

Отсюда и возникло последовательно несколько фразеологических значений, в которых запечатлелись разные результаты этого действия: ФЗ 1 – запутаться; ФЗ 2 – оказаться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности.

2. Национальное сознание очень ярко отражено и в многозначных фразеосочетаниях, которые рассказывают нам о народных поверьях и обрядах, обычаях и традициях.

Выносить сор из избы – обычно это фразеосочетание употребляется с отрицанием: «*Не выноси сор из избы*». Некоторые исследователи (В.И. Даляр, С.В. Максимов) связывают это выражение с «нечистой силой». По древним поверьям, у крестьян сор никогда не выносился и не выметался на улицу, потому что недобрый человек мог бы по сору наслать порчу. Сор сметался в избе под лавку, а затем непременно сжигался в печи. Существовала даже приговорка: «*Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку, да клади в печь, чтоб дымом вынесло*» (Максимов 1955, с.59).

По мнению других лингвистов (А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни), переносное значение выражение «*не выноси сора из избы*» получило в силу звуковой близости слов «сор» и «ссора». То, что выносится из избы: сплетни, кляузы и т.п., это в некотором роде отбросы, щепки, т.е. сор.

Этот русский народный обычай имел несколько целей, которые параллельно отразились в значениях ФС. ФЗ 1 – не следует разглашать ссоры, дрязги, происходящие между близкими людьми; ФЗ 2 – не разглашать где-либо или кому-либо тайны узкого круга лиц.

Бобы разводить – выражение это происходит от обычного в старину способа гадания, по которому раскладывали (или разводили) бобы определенным образом, предсказывая судьбу. Бобами гадальщик разводит и угадывает. В старину тайнами гаданий и ворожбы владели в основном простолюдины.

Развитие многозначности у данного ФС обусловлено разными аспектами действия. ФЗ 1 – болтать, вести пустые разговоры; пускаться в отвлекающие от чего-либо разговоры; ФЗ 2 – заниматься пустяками, делать какую-то бесполезную работу; ФЗ 3 – канителиться, тянуть, делать что-либо медленно.

Выводить на чистую воду – в народных поверьях и обрядах вода всегда имела важное значение. Существует множество рассказов и легенд о чудесных свойствах воды, об исцелении с ее помощью.

Объяснить денотативную ситуацию этого ФС можно несколькими версиями. Одна из них связана с рыболовным промыслом: «выведение» пойманной рыбы на чистую, открытую воду. Вторая версия предполагает, что в этом выражении упоминается «Божий суд», когда обвиняемого человека

«выводили» к чистой воде и толкали в нее: если тот всплывал, это значило, что чистая вода его не приняла, и он виновен; если же тонул, несчастного посмертно оправдывали. Существует и еще одно толкование исходного выражения – речь идет о разоблачении какого-либо обмана, преступления человеком, который обладал даром ясновидения. Он «выводил» на поверхности воды образ совершившего злое дело или напустившего на кого-либо порчу.

Скорее всего, этим последним толкованием и можно объяснить параллельное появление нескольких ФЗ, в которых отразились разные результаты описанного действия: ФЗ 1 – разоблачать кого-либо (о темных делах, махинациях или лицах, причастных к ним); ФЗ 2 – уличать в чем-либо, поймать на совершении чего-либо запретного.

3. В некоторых фразеосочетаниях отразилась повседневная жизнь русского народа, его быт, нравы, специфичные черты русского характера, поведения.

Шиворот-навыворот – в общем употреблении «шиворот» обозначал ворот, расшитый воротник, затылок или загривок. Ворот служил даже важным этнографическим признаком, по которому различали северных русских людей (с косым воротом в одежде) от южных жителей (с прямым воротом). В старорусских обычаях ворот играл более значительную роль: он отличал боярина от простолюдина. Во времена Ивана Грозного провинившегося боярина заставляли надевать вывернутую наизнанку верхнюю одежду с расшитым воротником-шиворотом и сажали на лошадь лицом к хвосту (это было большим позором). За тот же шиворот хватали и тех, которых ловили на месте преступления, выворачивали их одежду наизнанку и в таком виде вели к ответу.

Впоследствии во фразеосочетании *шиворот-навыворот* закрепились два фразеологических значения: ФЗ 1 – в обратном порядке, в противоположном направлении, наоборот (сделать, поставить, надеть и т.п.); ФЗ 2 – не так, как следует, не так, как полагается (думать, сказать, поступить и т.п.). Развитие нескольких значений у этого ФС обусловлено многофункциональностью ворота в русском быту.

Выражение *делать что-либо по-русски* говорит нам о великой, неповторимой русской душе. По-русски можно жить и поступать, говорить и думать, одеваться и обуваться, причесываться и наряжаться, петь и плясать, браниться и бороться. Русскому человеку обязательно все делать по-своему, совсем не так, как принято у других народов.

Говорить по-русски – это значит сказать прямо, решительно и коротко. В старину в деревнях не любили говорить много, осуждали пустомель.

Отрезать по-русски – сказать решительно и окончательно, прямо и бесповоротно голую правду.

Принять (угостить) по-русски – выражение развивает противоположные значения: ФЗ 1 – (одобр.) принять гостей с душой нараспашку, от чистого сердца, приветливо; угостить до отвала, по старому крестьянскому обычанию; ФЗ 2 – (неодобр.) так пробрать, так «угостить», что мало не покажется.

Эти немногие примеры показывают, что русские многозначные фразеологизмы несут огромный объем культурной, исторической, страноведческой

информации и могут быть использованы в качестве материала для изучения русского национального характера и культуры русских людей.

-
1. Максимов С.В. Крылатые слова. М., 1955.
 2. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. С.-Петербург, 1999.
 3. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
 4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

С.М. Подвигина

Образы неба и небесных светил в русской и немецкой фразеологии

В нашей статье рассматривается русская и немецкая фразеология, включающая наименования неба и небесных светил (небо – *der Himmel*; звезда – *der Stern*; месяц, Луна – *der Mond*; Солнце – *die Sonne*). Нас заинтересовало, какие фразеологические значения возникают на основе образов небесного пространства у разных народов, одинаковы они или различны.

Методами нашего исследования послужили семемный анализ, компонентный анализ, контрастивный анализ. Семемный анализ – определение принадлежности конкретного значения лексемы к одному из типов семем (Д1, Д2, К1, К2, К3). Компонентный анализ предполагает разложение семем на компоненты – семы. Контрастивный анализ заключается в сопоставлении близких по значению слов и групп слов в разных языках.

Небо – *der Himmel*

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова	Немецко-русский словарь
Небо; мн. небеса	<i>der Himmel</i>
1. Видимое над Землей воздушное пространство (Д1); 2. По религиозным представлениям: место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай (Д2); 3. О, Небо! – выражение мольбы; Прил. небесный //междометное значение. Силы небесные! (восклицание, выра-	1. Воздушное пространство над Землей (Д1); 2. Место, где (по религиозным представлениям) пребывает Бог, и куда люди после смерти хотят попасть – рай противопоставляется аду (Д2); 3. Бог (Д2); 4. Разновидность покрывала из материала над кроватью – балдахин (Д2); 5. Под свободным небом, на воле; 6. Между небом и землей, высоко над землей (в опасных ситуациях, без доверия к

жающее испуг, удивление).	обстановке); Междометное значение используют в ситуации испуга или в проклятиях: O, Himmel!
---------------------------	--

Сопоставление показывает: в немецком языке лексема, обозначающая небо, имеет больше словарных значений, чем в русском. Заметим, что в немецком языке слово «der Himmel» мужского рода. Во фразеологии der Himmel очень часто выступает как божество. У древних германцев существовал культ богов неба. Не удивительно, что сама лексема «der Himmel» приобрела мужской род и стала синонимом лексемы «der Gott».

Совпадают друг с другом в русском и немецком языках два значения:

1. *Видимое над Землей воздушное пространство:*

- Между небом и землей (ФСМ, с.272);
- Dafür sorgen, daß die Bäume nicht in den H. wachsen – заботиться о том, что деревья не растут до неба; заботиться о том, чего не может быть (ФС- 2, с.286).

2. По религиозным представлениям: *место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай* (в немецком словаре оговаривается еще и желание человека попасть туда после смерти и дается противопоставление аду). Нужно отметить, что в русском языке не наблюдается такого яркого противопоставления неба и ада, более актуальна антиномия «рай-ад»:

- Небо – терем Божий; звезды – окна, откуда ангелы смотрят (ДП-1, с.566);
- J-m hängt der H. voller Geigen (ФС-2, с. 285) – кто-то висит на небе полном скрипок; кто-либо наверху блаженства, в упоении, в восторге.

В немецкой фразеологии присутствуют значения, не отмеченные в русской: 1. *Бог* – Das weiß der H. – это знает небо; одному Богу известно – (разг.) (ФС-1. с.286); 2. *Свобода* – Unter freiem H. – под свободным небом; под открытым небом, на свежем воздухе (ФС-2, с.286).

Интересно, что в обоих языках есть междометные значения: в русском языке восклицание «Силы небесные!» – знак испуга, удивления; «О, Небо!» – знак мольбы, а в немецком «O, Himmel!» – знак испуга, удивления и проклятия. Междометные значения становятся стилистически маркированными, некоторые приобретают негативную коннотацию.

Совпадает в русском и немецком языках дополнительное значение *высота, недостижимость* (хотя оно не отмечено в русском словаре, но присутствует во ФЕ):

- Возносить (превозносить, превознести) до небес (ФСМ, с.75);
- Aus allen H. fallen (ФС-286(1)) – упасть со всех небес; остыбенеть, быть огороженным.

В русской фразеологии первое словарное значение *небо – пространство* развило следующие дополнительные: 1. *Высота (очень далеко от Земли, повседневности)* – как (будто, точно, словно) с неба свалился (упал) (ФСМ, с.410); 2. *Покров* – наш двор крыт небом, а обнесен ветром (ДП-1, с.566); 3. *Беспредельное пространство* – попал пальцем в небо (да в саму сердку) (ДП-1, с.106); а второе – *обитель Бога* – дало семы: 1. *Одеяние Бога* – небо – нетленная риза Господня (ДП-1, с.566); 2. *Высшее*

блаженство – попадать (попасть) на седьмое небо (ФС, с.342); 3. *Нечто плоское – метлы (кометы) небо подметают перед Божими стопами* (ДП-1, с.567).

Немецкое фразеологическое пространство лексемы «der Himmel» более разработано. Это связано с развитием значений *небо – пространство* (1) и *небо – Бог* (3). Значение *небо – пространство* (1) обусловило актуализацию таких дополнительных сем, как: 1. *Высота, недостижимость – J-n, etw. in den (oder bis an den, bis in den) H. heben* – за что-либо поднимают до неба; превозносить до небес (кого, что) (ФС-2, с.286); 2. *Спокойствие, стабильность, вечность – Eher stürzt der H. – раньше небо обрушится; скорее небо обрушится, чем произойдет что-либо* (ФС-2, с.285); 3. *Высшее проявление чего-либо, предел возможностей – J-m himmelhoch überlegen sein* – кто-либо обдумывает быть выше неба; быть на голову выше кого-либо, намного превосходить кого-либо (умом и т.д.) (ФС-1, с.287); 4. *Небо-покров* (присутствие в немецком языке корня *-himmel-* в лексеме *Himmelbett* (балдахин). Значение *небо – Бог* (3) вызвало к жизни следующие семы: 1. *Мериле истинности – Das Blaue vom H. herunter lügen* – голубизну неба внизу оболгут; рассказывать небылицы, заливать, врать с три короба (разг.) (ФС-1, с.89); 2. *Носитель свободного начала – Des Menschen Wille ist sei Himmelsreich* – человеческая воля есть небесное царство; охота пуще неволи (ЦП, с.67); 3. *междометное*; 4. *Механизм – Der H. öffnet seine Schleusen* – небо открывает свои шлюзы; небо разверзлось – (шутл.) (ФС-1, с.489).

К специфическим относятся значения лексемы *небо* в русском языке – 1. *Одежда Бога*; 2. *Беспредельность*; 3. *Небо как нечто плоское*; а в немецком языке – 1. *Бог*; 2. *Спокойствие, стабильность, вечность*; 3. *Высшее проявление чего-либо*; 4. *Мериле истинности*; 5. *Механизм*.

Звезда – **der Stern**

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова	Немецко-русский словарь
Звезда (уменьш. звездочка)	der Stern
<p>1. Самосветящееся небесное тело, сходное по своей природе с Солнцем и видимое на ночном небе как яркая точка (Д1);</p> <p>2. О знаменитом человеке (обычно в сфере искусства, спорта) (Д2);</p> <p>3. Геометрическая фигура с острыми конечными выступами, равномерно расположеннымными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра (Д2);</p> <p>4. Светлое пятно на лбу животного; // морская звезда – иглокожее животное (Д2).</p>	<p>1. Одна из маленьких светлых точек, которые можно видеть ночью в небе (Д1);</p> <p>2. Звезда, которая светит сама, например, Солнце или постоянные звезды (Д1);</p> <p>3. Фигура с пятью концами (Д2);</p> <p>4. Символ высокого обслуживания, квалификации: пятизвездочный отель (К1);</p> <p>5. Планета или знак зодиака, которые, по мнению некоторых людей, оказывают влияние на наше будущее (Д2);</p> <p>6. Хорошая звезда – о приятном случае (К1).</p>

Рассмотрим лексемы «звезда» и «der Stern». В словарях совпадают значения Д1 – *небесное тело, светящаяся ночью яркая точка на небе* и Д2 – *фигура с пятью острыми концами*, хотя формулировки определений несколько расходятся. Стоит обратить внимание на тот факт, что значения К1 – *символ высокого обслуживания, квалификации* и Д2 – *планета или знак зодиака, которые оказывают влияние на наше будущее* присутствуют и в русском языке, но в словаре под редакцией С.А. Кузнецова они не отмечены.

В русском языке на основе значения *небесное тело, ночью видимое как светящаяся точка* (Д1) появилось множество дополнительных: 1. Судьба – верить в свою звезду (О, с.221); 2. Удачное обстоятельство – путеводная звезда (2 знач. – то, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность) (ФСМ, с.172); 3. Время – на семи поясах Бог поставил звездное течение (ДП-1, с.566); 4. Кусочек месяца – старый месяц Бог на звезды крошит (ДП-1, с.567); 5. Окно – небо – терем Божий; звезды – окна, откуда ангелы смотрят (ДП-1, с.566); 6. Ориентир – по звездам корабли ходят; 7. Комета – звезда с хвостом – к войне (примета) (ДП-1, с.141); 8. Далекое, доступное не всем – звезд с неба не хватает (кто-л.) (О, с.221).

Совсем не похож на русский немецкий ряд: 1. Недостижимость, высота – Die Sterne vom Himmel holen (wollen) (ФС-1, с.540) – хотеть принести звезду с неба; быть готовым на всё для кого-либо, быть готовым звезду достать; 2. Искра – J-d sieht S. (ФС-1, с.540) – кто-то видит звёзды; у кого-либо искры из глаз посыпались – (разг.); 3. Планета – Auf einem andern Stern leben (ФС-1, с.540) – на другой звезде живут; быть не от мира сего, отрешённым от реальной жизни. Однако совпадение все-таки есть – «далекое, доступное не всем» в русском и «недостижимость, высота» в немецком языке. Семена *выдающийся человек, направляющий человек* присутствует в русском языке. В немецком языке есть значения 1. Счастливый случай – Ein (mein) guter Stern (ФС-2, с.539) – одна (моя) хорошая звезда; 2. Жизнь – J-s Stern ist gesunken (ФС-2, с.539) – звезда опустилась; чья-либо звезда закатилась (померкла) – (высок.); 3. Слава, известность – Ein aufgehender Stern (ФС-2, с.539) – входящая звезда; восходящая звезда, светило (можно о человеке); 4. Высокое качество – Eins mit Stern (ФС-2, с.146) – единица со звёздочкой; знак наивысшего качества, высшая отметка (пять с плюсом) – (разг.).

Таким образом, у лексемы «звезда» в русском языке более, чем в немецком, разработано значение *небесное тело*, а в немецком – специфическое для него значение *приятный случай*. Близки дополнительное значение *удачное обстоятельство* в русском языке и *счастливый случай* в немецком, отмеченные как словарные.

Обратимся к рассмотрению лексем «месяц», «луна», «der Mond». В русском языке одна и та же небесная реалия обозначается двумя лексемами – «месяц» (м. р.) и «луна» (ж. р.), а в немецком одной – «der Mond» (м. р.). На первый взгляд кажется, что более точным будет перевод der Mond словом «месяц» (совпадает род), однако с другой стороны, слово «месяц» в словаре имеет две семанты: первую – Д2 и лишь потом Д1, не полностью совпадающую с первым значением лексемы «луна».

Луна, месяц – **der Mond**

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова		Немецко-русский словарь
Месяц	Луна	der Mond
<p>1. Единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года и имеющая каждая самостоятельное название (Д2);</p> <p>Период времени в 30 дней, отсчитываемых от какого-либо дня;</p> <p>2. (разг.) О луне (Д1).</p>	<p>1. (как термин с прописной буквы). Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом (Д1);</p> <p>2. Астрон. Спутник любой планеты (Д2).</p>	<p>1. Большое, круглое тело, которое обходит за 28 дней вокруг Земли и которое ночью в небе можно видеть (Д1);</p> <p>2. Луна во всех фазах (Д1);</p> <p>3. Тело, которое вращается вокруг какой-либо другой планеты (Д2);</p> <p>4. Близко по форме полуокругу чего-либо (Д2).</p>

В русском сознании месяц чаще выступает не как спутник Земли (в отличие от Луны), месяц – это определенная небесная реалия, которая связывается не с Землей, а со звездами и солнцем (свет более тусклый, чем у солнца; месяц превращается в звезды). Луна, как правило, в русском понимании видится в форме диска (полная луна, лунообразная физиономия), а месяц, несмотря на словарное значение *диск луны или его часть*, чаще все-таки осмысливается как фаза (месяц рогатый; месяц рожками вверх).

Значение семанты *небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным светом (месяц)* в русском языке легло в основу ряда дополнительных: 1. *Свет, более тусклый, чем у солнца* – и месяц светит, когда солнца нет (ДП-1, с.189); 2. *Холодный свет* – месяц светит, да не греет; только напрасно у Бога хлеб ест (ДП-1, с.567); 3. *Превращается в звезды* – старый месяц Бог на звезды крошил (ДП-1, с.567).

В русском словаре лексема «луна» имеет два значения – общее и специальное. Развитие получило общее значение: на основе семанты *небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным светом (луна)* (Д1) сформировалось значение *отдаленность*:

- Как с луны упал (свалился) (ФСМ, с.410).

В немецком языке та же семанта дала гораздо больше значений: 1. *Невежество* – Ist nicht hinter dem Mond (ФС-1, с.399) – кто-либо не находится за луной; кто-либо человек не тёмный (просвещенный) – (разг., фамил.); 2. *Время, лунный цикл* – Die Uhr geht nach dem Monde (ФС-1, с.400) – часы идут после луны; часы врут – (разг., шутл.); 3. *Безрезультатные действия (в силу отдаленности объекта)* – In den Mond gucken (ФС-1, с.400) – смотреть на луну; оставаться ни с чем, оставаться ни при чём – (разг.); 4. *Скучный человек* – So ein trauriger Mond (ФС-2, с.399) – такая печальная луна! Какой скучный, занудный человек! Угрюмая личность! – (разг.); 5. *Отдаленность* – Nach dem Mond greifen (ФС-1, с.400) – хватать за луной, дальние луны; пытаться достичь невозможного. Общим является значение *отдаленность*.

Немецкое восприятие луны сводится к тому, что она безучастна в отношении земных событий (3), персонифицируется в скучного человека (4), является спутницей невежества (1); это связано с её отдаленностью и слабым светом.

В немецком языке не указанное в словаре значение *блестящий диск* сформировало одно дополнительное: *лысина, плеши* – Hat schon einen mächtigen Mondschein (ФС-1, с.400) – у кого-то могущественный лунный свет; у кого-то уже лысина во всю голову – (разг., шутл.). Такое образование еще раз доказывает, что точнее будет перевести немецкое «der Mond» русским словом «луна», так как только «луна» имеет дополнительное значение *круглый*.

Солнце – die Sonne

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова	Немецко-русский словарь
<p>Солнце</p> <p>1. Центральное тело Солнечной системы, представляющее собой гигантский плазменный раскаленный шар, излучающий свет и тепло (Д1); 2. Свет и тепло излучаемые этим светилом, место, освещенное им (Д2); 3. перен. чего (высок.). О том, что является источником жизни, счастья и т. п. для кого-л., чего-л. (К1); 4. Центральная планета других планетных систем (Д1); 5. Гимнастическое упражнение на турнике – вращение тела на руках вокруг перекладины (Д2); 6. Раскрой юбки в виде круга (Д2).</p>	<p>die Sonne</p> <p>1. Большая звезда в небе, которую видно днём и от которой Земля получает тепло и свет (Д1); 2. Свет и тепло Солнца (Д2); 3. Место под светом Солнца; противоположное – тень (Д2); 4. Звезда, свет и тепло которой чувствует тело на пляже (Д2).</p>

Лексема «солнце» во фразеологии русского языка, наряду с со словом «небо», достаточно актуализировано. Если остановиться на значениях, закрепленных в словарях, то русских также больше, чем немецких, и они не всегда сходны с немецкими значениями. Совпадают в русском и немецком языках значения *небесное светило* Д1 и *свет и тепло, излучаемые Солнцем* Д2.

На базе семанты *небесное светило* в русском языке возникли дополнительные значения: 1. *Отдаленность* – дальше солнца не сошлют (ДП-1, с.422); 2. *Вечность, неизменность* – когда солнце задом оборотится (ДП-1, с.462) – никогда не будет этого, а в немецком – только *вечность*: Es gibt nichts Neues unter der S. (ФС-1, с.520) – нет ничего нового под солнцем; ничто не ново под солнцем – (посл.). Таким образом, дополнительное значение *вечность* является общим для двух языков.

На основе семанты *свет и тепло, излучаемые солнцем* Д2 в русском развились множество дополнительных, например, семанта *свет Солнца* дает ряд переосмыслений: 1. *Противопоставление тьме* – солнце за лес – казацкая радость (о воровстве) (ДП-1, с.315); 2. *Красота* – краше красного солнышка, светлее ясного месяца (загадка: икона) (ДП-1, с.87); 3. *Правда* – за ушко да на солнышко (ДП-1, с.380);

4. *Счастье* – взойдет солнце и над нашими воротами (ДП-1, с.93); 5. *Гениальность* – и на солнце бываюят пятна (даже великие люди не безупречны) (О, с.735); 6. *Любимый человек* – прости (закатилась) моя звезда, моё солнышко (ДП-1, с.101).

В немецком языке семема *свет и тепло Солнца* дала два переосмысления: 1. *Правда* – Die S. bringt es an den Tag – солнце приносит это в день (днём); шила в мешке не утаишь (ФС-1, с.520); 2. *Счастье* – J-d hat S. im Herzen – у кого-либо солнце в сердце; кто-либо излучает радость – (от ставшего крылатым выражения Фланштейна: «Hab S. in Herzen» – пусть будет солнце в твоём сердце) (ФС-1, с.520). Данные значения совпадают с русскими, но подтверждаются малым количеством примеров.

Таким образом, общей для немецкого и русского языков является актуализация образа лексемы «небо»: четыре значения прямо соответствуют друг другу. Однако в каждом языке развились различающиеся фразеологические значения – в русском языке их пять, а в немецком – семь. Специфической для русского языка является актуализация образа лексемы «солнце»: семь дополнительных фразеологических значений, в немецком – только два. Характерна для немецкого языка актуализация образа лексемы «луна» – шесть дополнительных фразеологических значений, в русском их всего три и они представлены единичными примерами. Интересные дополнительные значения при двух общих сформировались на основе образа лексемы «звезда»: в немецком языке их четыре, в русском – шесть.

Возможно, такое разделение связано с тем, что в России более суровый климат, чем в Германии, и Солнце является для русских более важным. Количество значений, сформированных в немецком языке у образовочных светил, и количество подтверждающих их примеров говорит о том, что ночные светила более актуальны для немецкой фразеологии.

Количество примеров

	небо	звезды	месяц, луна	солнце
Русский язык	34	12	9 (+2)	47
	Der Himmel	der Stern	der Mond	die Sonne
Немецкий язык	61	19	16	15

-
1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.
 2. **ДП-1:** Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 3 т. Т. 1. М., 1993.
 3. Немецко-русский словарь: ок. 95 000 слов – 2-е изд., стереотип. М., 1993.
 4. **ФС-1:** Немецко-русский фразеологический словарь// Сост. Бинович Л.Э. и Гришин Н.Н.// Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К.Агрикола. М., 1975.
 5. **ФС-2:** Русско-немецкий словарь крылатых слов // Ю.Н.Афонькин// М.-Лейпциг, 1985.
 6. **ФСМ:** Фразеологический словарь русского языка / Ред. А.И. Молотков. М., 1978.

7. ЦП: Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок М., 1984.
 8. О: Словарь русского языка. Сост. С.И.Ожегов. М., 1987.

Н.Н. Волкова

Эмотивные фразеологизмы в русском и польском языках

Под эмотивными фразеологизмами мы понимаем фразеологические единицы, номинирующие определенные чувства и эмоции. Мы ставим цель проследить национальную специфику формирования эмотивных фразеологических единиц в двух языках, выявив общие и национально-специфические особенности образования этих единиц. Источниками материала послужили словари: 1) Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997; 2) Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998; 3) Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1995; 4) Skorupka S. *Slownik frazeologiczny języka polskiego*. W 2 t. Warszawa, 1974 и некоторые другие.

Рассмотрим эмотивные фразеологические единицы (далее – ЭФЕ), которые образуются на базе компонентов-существительных, которые могут быть распределены по некоторым тематическим подгруппам: 1) соматизмы; 2) явления природы; 3) наименования эмоций; 4) артефакты (предметы, произведенные человеком); 5) сфера сверхъестественного.

Самую многочисленную подгруппу образуют фразеологические обороты, в составе которых присутствуют *соматизмы* – названия частей тела и внутренних органов. Сюда же можно отнести компоненты *души*, *дух* и *кровь* как своеобразные «составляющие» человека.

Чаще всего во фразеогизмах данной подгруппы встречается компонент *сердце / serce*. Они могут обозначать практически любые эмоции (как положительные, так и отрицательные), что связано с древним представлением о сердце как о средоточии чувств. Как в русском, так и в польском языке они образованы в основном по следующим структурно-семантическим моделям: 1. **Сердце + глагол** = «сердце делает что-либо» = человек испытывает какую-либо эмоцию: *сердце болит*, *сердце взыграло*, *сердце ноет*, *сердце радуется*, *сердце разрывается*, *сердце кровью обливается*, *сердце тает*, *сердце упало*; *serce boli*, *serce się kraje*, *serce mięknie (taje, topnieje)*, *serce rośnie*, *serce rwie się <na strzępy>*, *serce wre*, *serce wyskakuje z piersi* и т. д. 2. **Глагол + сердце** (в косвенном падеже) = «кто-либо, что-либо действует на сердце» = кто-либо, что-либо вызывает в человеке какую-либо эмоцию: *бередить сердце*, *камень с сердца свалился, разбить сердце*, *безл. защемило сердце*, *отлегло от сердца*; *chwytać za serce*, *ciążar spada z serca*, *kamień serce przygniąta*, *coś kluje w serce*.

Разнообразные эмоциональные переживания обозначаются также фразеогизмами с компонентом *душа / dusza*, которые образуются по тем же

структурно-семантическим моделям, что и фразеологизмы с компонентом *сердце / serce*: 1) *душа болит, душа в пятки уходит, душа горит, душа наизнанку, душа на небе, душа не на месте; dusza poszła w pięty, dusza siedzi na ramieniu, dusza się wstrząsa, dusza zamiera, ledwie dusza nie wyskoczy;* 2) *бередить душу, выматывать душу, переворачивать <всю> душу, плевать в душу, раздирать душу; brać do duszy, cisza wstępila do duszy, padać ciężarem na duszę, rozdzierać duszę.*

Нередки обороты, где компоненты *душа / сердце (dusza / serce)* выступают как вариантные: *бередить душу (сердце), душа (сердце) не на месте, душа (сердце) переворачивается, душа (сердце) в пятках, раздирать душу (сердце); brać do serca (do duszy), cisza wstępila do duszy (do serca), dusza (serce) drze się na strzępy, dusza (serce) rośnie, rozdzierać serce (duszę).* В польском языке также представлено чередование компонентов *серце и pierś* (метонимическая замена): *ciężar spada z serca (z piersi), kamień spada z serca (z piersi), rozrywać serce (piersi).*

В обыденном сознании понятия «душа» и «дух» сближаются. Однако в пределах одного фразеологического оборота компоненты *душа и дух (dusza и duch)* никогда не варьируются. В одних ЭФЕ русского языка компонент *дух* сближается по смыслу с компонентом *душа (не в духе, падать духом, воспрянуть духом)*, а в других обозначает «дыхание» (*дух захватывает, перехватило дух (дыхание, дых)*). Польский язык дает два разных компонента: *duch и dech (oddech)* соответственно (*padać na duchu, dech zapiera*).

Компонент *кровь / krew* также ассоциируется с эмоциональными состояниями (страсти, волнения, страха и др.): *кровь играет, кровь стынет в жилах, кровь ударила в голову, портить кровь кому, портить себе кровь; krew gra, krew kipi (wre) w kim, krew stygnie w żyłach, krew się ścina, krew ucieka (odplywa, odbiega) od serca, <nagla> krew kogo zalewa, pucić komu krew, pucić sobie krew* и т.д. Фразеологический оборот *krew stygnie w żyłach* омонимичен русскому обороту *кровь стынет в жилах*, поскольку имеет значение «*кто-то стае się coraz spokojujniejszy, chłodniejszy, coraz mniej zapała się do czego*».

Можно сказать, что компоненты *сердце / serce, душа / dusza, дух / duch, кровь / krew* являются символически маркированными (символически мотивированными), поскольку они характеризуются устойчивыми семантическими ассоциациями (Жуков 1986, с.11).

Фразеологические единицы, имеющие в своем составе компонент *нервы / nerwy*, более позднего происхождения. Они соотносятся со значением нервного напряжения и со значением «нервничать, раздражаться»: *действовать на нервы, трепать нервы, портить нервы, нервы на пределе; działać na nerwy, nerwy poniosły, pucić nerwy, targać (szarpać) nerwy.*

Остальные соматические компоненты ЭФЕ – *бока, волосы, глаза, голова, зубы, кожа, ноги, рот, руки, уши и др.* – обычно участвуют в прямом или переносном описании жестов, мимики и ощущений, сопровождающих эмоции: *всплеснуть руками, волосы дыбом, глаза на лоб лезут, коленки трясутся, мураски по спине, разводить руками, разевать рот, уши горят, хвататься за голову; gryźć palce, łamać ręce, łydki drżą, nie móc podnieść oczy, oczy wychodzą na wierzch, rozkładać ręce, skóra cierpie, włosy stają dęba, zwiesić nos.* Исключение представляют выражения *встать с левой ноги / wstać lewą nogą*, в

которых отразилось поверье о «плохой» левой стороне, и *кусать себе локти* как жест невыполнимый (в польском языке имеется аналог *pluć sobie w brodę*).

Вторую по величине подгруппу ЭФЕ образуют фразеоглизмы с компонентами, обозначающими явления живой и неживой природы. *Явления неживой природы* представлены в следующих фразеологических оборотах: как огня бояться, как в воду опущенный, готов сквозь землю провалиться, метать громы и молнии, как <живой> воды напился, как громом пораженный; *bać się jak ognia, chcieć skryć się (zapaść się) pod ziemię, mieć <swój> dobry dzień, mieć <swój> zły dzień, miotać gromy (pioruny), jakby w kogo piorun strzelił*.

ЭФЕ данного разряда часто содержат именные компоненты, соотносящиеся с понятиями «жар» и «холод», что мотивировано связью эмоциональных состояний с физиологическими процессами, происходящими в организме человека. В таких фразеоглизмах отражены, например, ощущение озноба, сопровождающее страх: *мороз по коже подирает, бросает то в жар, то в холод; mróz ścina krew w żyłach, mróz przechodzi po kościach*; повышение температуры тела при волнении, возбуждении: *перен. гореть в огне; бросает (кидает) в жар; gorzeć (palać, płanąć) ogniem, ogień kogo pożera* и т.д. Фразеологический оборот *ни жарко ни холодно* означает равнодушие, отсутствие эмоциональной реакции.

Камень / kamień, а в русском языке также *гора* символизируют тяжелое душевное состояние: *гора <лежит> на душе, <тяжелый> камень лежит на сердце (на душе, на совести); kamień serce przygniąta, kamień spada komu na serce (на piersi)*. Ср. *камень с души свалился, гора с плеч <свалилась>; kamień spadł z serca* – о чувстве облегчения, избавления от тягостного состояния.

К давним, дохристианским ассоциациям восходит в русском языке компонент *свет (белый свет)*. Он имеет положительную оценку и совмещает значения «весь мир, земля» и «солнечный, дневной свет». Позже в церковной литературе появляется вариант *божий свет* (Колесов 1986, с.220-224). См.: *невзвидеть света, свету белому не рад –* кто-либо остро ощущает боль, гнев, страх и т.п.; *белый свет не мил –* ничто не радует, все угнетает, раздражает кого-либо; *свет в глазах померк, свет в рогожку покажется, свет с овчинку покажется –* кому-либо становится невыносимо тяжело, плохо, страшно; одно из значений ЭФЕ *увидеть свет –* почувствовать облегчение.

В ряде ЭФЕ присутствуют названия растений и животных: *все тряпьё трава, действует, как на быка красная тряпка, злой как собака, кошки скребут на душе, мухи дохнут, реветь белугой, червь сосет; boi się jak zajęc bębna, być komu cierniem w oku, chodzi jak pies, kiedy zje sadło, ирон. cieszy się jak goły (nagi) w pokrzywach, działać jak cherwona plachta na byka, mieć muchy w nosie, mieć tchórza, nudzić się jak mops, płakać jak bób, podpędzić komu kota, robak (mól) gryzie kogo, siedzieć jak mysz na pudele*. Соотношения со значением чувств и эмоций здесь разнообразны. В этих оборотах, как правило, отражены свойства живой природы и поверья, с ней связанные.

Небольшую подгруппу составляют ЭФЕ с названиями артефактов: *выпрыгнуть из <собственных> штанов, держать себя в узде, хоть под стол залезай, до лампочки кому что, лезть в бутылку, биться об стену, лезть на стену (на стенку), как маслом по сердцу, как обухом по голове, подпрыгивать*

до потолка, свет в рогожку покажется; *bić (tluc) głową o mur (o ścianę)*, *bić (uderzyć) obuchem w głowę, być solą w oku, być w <dobrym (swoim> sosie, chleb kogo w zęby kluje, ocet siedmiu złodziej, portki się komu trzęsą, rozdrierać szaty na sobie*. Символическое значение отчетливо прослеживается у компонента *нож / нóż* (значение острой, внезапной душевной боли, страдания): *нож острый что кому, нож в сердце, как ножом резануть по сердцу; jakby nóż kto w sercu utopił, pchnąć nożem, wrazić komu nóż w serce*.

Наконец, можно выделить фразеологизмы, в составе которых присутствуют компоненты, связанные *с религией, с областью сверхъестественного*. В основном это междометные фразеологизмы и устойчивые сравнения. Обращение к высшей силе, выражения из Библии и молитв представлены в ЭФЕ *Боже милостивый, Боже (Бог) <ты> мой, слава Богу, слава тебе Господи, Христос с тобой; Boże mój, Boże drogi, Boże kochany, wielki Boże, żał się Boże, niech cię Bóg ma w swojej opiece, wszelki duch <Pana Boga chwali>, w imię Ojca <i Syna>, Jezus Maria, Jezusie najśłodzsy, na miłość Boską, wielkie nieba, rany Boskie, rany Pańskie, słowo stało się ciałem*. Как видим, в польском литературном языке подобные восклицания более разнообразны.

Не менее распространены фразеологизмы, где упоминается «нечистая сила», прежде всего *черт / diabel*. «Многообразие функций этого персонажа, нашедшего отражение в народных преданиях, легендах, сказках – с одной стороны, и необычайно яркая экспрессия этого слова – с другой, способствовали фразеологизации словосочетаний, в состав которых входит эта лексема» (Николаева 1990, с.61). *Koń (какой) черт, леший тебя (его и т.п.) возьми, черт возьми, черт побери, черт знает что <такое>, что за черт (дьявол), чертиолосатые; do biesa, na biesa, i biesa, do diabła <старого>, и diabla, niech to diabli wezmą (porwą), na rogi Lucypera, sto (do stu, do stu par, do stu tysięcy, do milion set) diabłów.*

Во фразеологии отразилось представление о дьяволе как о причине неадекватного поведения человека и сильных отрицательных эмоций (гнев, ярость): *бес (сатана, дьявол) вселился в кого; diabli biorą kogo, diabel opętał kogo, mieć diabla za pacuchą, diabel patrzy komu w oczy*. В устойчивых сравнениях выступают его «взаимоотношения с церковными обрядами»: *бояться как черт ладана, bać się jak diabel święconej wody, bać się jak diabel krzyża*.

Таким образом, эмотивные фразеологические единицы русского и польского языков обнаруживают большое сходство в механизмах образования, прежде всего – в компонентах-соматизмах и названиях явлений природы; меньшее сходство обнаруживается у фразеологизмов, включающих названия животных и растений, артефактов и религиозных понятий.

-
1. Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.
 2. Колесов В.В. Мир человека в слове древней Руси. Л., 1986.
 3. Николаева Е.К. Польские устойчивые сравнения с мифологическим компонентом // Советское славяноведение. 1990. №2.

Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Auge»

Исследование национальной специфики фразеологических единиц позволяет говорить о нескольких возможных вариантах проявления такой специфики.

Во-первых, можно говорить о проявлении нулевой специфики – если фразеологические единицы двух языков совпадают по семантике и образу, лежащему в их основе.

Сопоставление немецких фразеологизмов с компонентом *Auge* с их соответствиями в русском языке позволило выявить большое количество полных совпадений, то есть фразеологических эквивалентов.

1. Отсутствие национальной специфики

jmdm. gehen die Augen auf (ugs.) (Duden, S.62) у кого-л. раскрываются глаза, кто-л. вдруг все понимает (НРФС, с.50);

jmds. Augen brechen (geh.) (Duden, S.62) *высок. эвф.* взор его меркнет, гаснет (наступает смерть) (НРФС, с.50);

so weit das Auge reicht (Duden, S.62) насколько хватает глаз (НРФС, с.47);

[große] Augen machen (ugs.) *разг.* сделать большие глаза, удивиться (НРФС, с.52);

jmdm. [schöne] Augen machen (ugs.) (Duden, S.62) строить глазки кому-л., кокетничать с кем-л. (НРФС, с.52);

jmdm. die Augen öffnen (Duden, S.63) открыть глаза кому-л. (на что-л.) (НРФС, с.51);

die Augen offen haben/offenhalten *досл.* держать глаза открытыми (Duden, S.63) быть начеку, глядеть в оба (НРФС, с.51);

die Augen schließen/zumachen/zutun (verhüll. эвф.) (Duden, S.63) *высок. эвф.* закрыть глаза навеки (умереть) (НРФС, с.51);

die Augen aufreißen (ugs.) (Duden, S.63) *разг. фам.* вытаращить глаза (от удивления) (НРФС, с.51);

kein Auge zutun/zumachen (ugs.) (Duden, S.63) не смыкать глаз (БНРС);

sich die Augen nach jmdm., nach etwas ausgucken/aus dem Kopf gucken/schauen (фам.) (Duden, S.64) *разг.* все глаза проглядеть (в ожидании кого-чего) (НРФС, с.51);

sich die Augen ausweinen/rot weinen/aus dem Kopf weinen (Duden, S.64) *разг.* выплакать все глаза (НРФС, с.51);

jmdm. [am liebsten] die Augen auskratzen [mögen] (ugs.) (Duden, S.64) *досл.* кому-л. (хотеть) выцарапать глаза (Duden, S.64) ich könnte ihm (oder ihr) die Augen auskratzen! *разг. фам.* я бы ему (или ей) глаза выцарапала! (НРФС, с.51);

ein Auge auf jmdn., auf etwas werfen (ugs.) (Duden, S.64) *разг.* обратить внимание на кого-что; остановить свой выбор на ком-чем; присмотреть себе кого-что (НРФС, с.48) примеч. более точное значение: обратить внимание, «положить глаз на кого/что-л. (НРСРЛ, с.84);

ein Auge auf jmdn., auf etwas haben (Duden, S.64) не спускать глаз с кого-чего, внимательно смотреть на кого-что (НРФС, с.49);

hinten keine Augen haben (ugs.) (Duden, S.64) на затылке глаз нету (невозможно видеть, что происходит сзади (НРСРЛ, с.85);

kein Auge von jmdm., von etwas lassen, wenden (Duden, S.64) не сводить глаз с кого-л., чего-л. (БНРС);

die Augen vor etwas verschließen (Duden, S.64) закрывать глаза на (какой-л. факт) (НРФС, с.51);

aus den Augen, aus dem Sinn (Duden, S.65) *насл.* с глаз долой – из сердца вон. (НРФС, с.52);

jmdn., etwas aus dem Auge/aus den Augen verlieren (Duden, S.65) потерять кого-л. из виду (НРФС, с.52);

jmdn., etwas nicht aus dem Auge/aus den Augen lassen *знач.* зорко следить (Duden, S.65) 1. не спускать глаз с кого-чего, не упускать из виду кого-что; 2. глаз не отрывать от кого-что, любоваться кем-чем (НРФС, с.52);

jmdm. etwas an/von den Augen ablesen (Duden, S.65) читать по глазам у кого-л. что-л. (НРФС, с.53);

jmdm. aus den Augen gehen: Geh mir bloß aus den Augen! (Duden, S.65) уходи с глаз (моих) долой! (НРФС, с.52);

jmdm. aus den Augen sehen *досл.* видно по глазам: что-л. понять по выражению лица, по взгляду (Duden, S.65);

seinen (eigenen) Augen nicht trauen (ugs.) (Duden, S.65) не верить своим глазам (НРФС, с.51);

jmdm./jmdn., etwas aus den Augen schaffen *досл.* у кого-л. убрать с глаз кого-л., что-л. (Duden, S.65);

in jmds. Augen... (Duden, S.66) в чьих-л. глазах; на чей-л. взгляд (НРФС, с.53);

jmdm. nicht in die Augen sehen können бояться смотреть кому-л. прямо в глаза; er kann keinem in die Augen sehen ему совестно (или он не может) людям в глаза смотреть (НРФС, с.52);

jmdn., etwas im Auge behalten/haben (Duden, S.66) 1. следить за кем-чем, не спускать глаз с кого-чего; 2. следить за кем-л., обращать внимание на кого-л.; 3. следить за чем-л., не терять из виду чего-л.; 4. иметь в виду (НРФС, с.49);

einer Sache ins Auge sehen/blicken (Duden, S.66) смотреть в глаза чему-л. (НРФС, с.50);

ins Auge/in die Augen springen/fallen (Duden, S. 66) бросаться в глаза (НРФС, с. 52)

jmdm. Auge in Auge gegenüberstehen *досл.* стоять очень близко напротив кого-л. (Duden, S.66) один на один, лицом к лицу, с глазу на глаз (НРФС, с.49), глаза в глаза;

in jmds. Augen steigen/sinken (Duden, S.66) вырасти или упасть в чьих-то глазах (НРФС, с.53);

jmdn., etwas mit den Augen verschlingen (ugs.) (Duden, S.67) *разг.* пожирать глазами кого-что (НРФС, с.53);

jmdn., etwas mit scheelen Augen ansehen/betrachten (ugs.) (Duden, S.67) косо смотреть на кого-л.; завидовать кому-л. (БНРС, с.159);

etwas mit eigenen Augen gesehen haben (Duden, S.67) видел собственными глазами (НРФС, с.53);

Auge um Auge, Zahn um Zahn (Duden, S.67) око за око, зуб за зуб (*библ.*) (НРФС, с.50);

unter jmds. Augen (Duden, S.67) на глазах у кого-л. (НРФС, с.53);

jmdm. unter die Augen kommen/treten (Duden, S.67) показываться, попадаться на глаза кому-л. (НРФС, с.53);

mit offenen Augen durch die Welt gehen (Duden, S.67) смотреть на мир открытыми глазами (быть любознательным; быть непредубежденным) (НРФС, с.53);

mit offenen Augen schlafen (ugs.) (Duden, S.67) *разг.* спать с открытыми глазами (быть невнимательным, рассеянным) (НРФС, с.53);

jmdn., etwas mit anderen/mit neuen Augen [an]sehen (Duden, S.67) смотреть на что-л. другими глазами, [по-другому], по-новому взглянуть на что-л. (БНРС, с.159);

eine Krähe hackt der anderen kein Auge aus (Duden, S.413) *посл.* ворон ворону глаз не выклевает (НРФС, с.347);

sich den Schlaf aus den Augen reiben (Duden, S.621) протирать глаза со сна (НРФС, с.486);

jmdm. fällt ein Schleier von den Augen (Duden, S.625) с чьих-то глаз спадает пелена (БНРС) пелена (или покров, завеса) падает с чьих-л. глаз (НРФС, с.488);

jmdm. wird [es] schwarz vor [den] (Duden, S.646) темнеет в глазах у кого-л. (НРФС, с.54);

dem Tod in die Augen schauen (geh. – *высок. стиль*) (Duden, S.726) смотреть смерти в глаза; (НРФС, с.569).

Таким образом, 47 немецких фразеологизмов с компонентом **Auge** имеют в русском языке фразеологические эквиваленты.

Выделяется группа немецких фразеологизмов, которым соответствуют в русском языке **фразеологизмы со стилистическими различиями**:

ganz Auge und Ohr sein (ugs.) (Duden, S.62) обратиться в зрение и слух (НРФС, с.48): в нем. языке *разговорное*, в рус. языке *книжное*;

sich die Augen aus dem Kopf schämen (Duden, S.64) *разг.* не знать, куда глаза девать от стыда (НРСРЛ, с.84): в нем. языке *межстилевое*, в рус. языке *разговорное*;

vor etwas nicht mehr aus den Augen sehen können (Duden, S.65) не видеть света (белого) (от непосильной работы, от насморка и т.п.): нем. *межстилевое*, рус. *разг.* (НРФС, с.52).

Подобные единицы будем считать близкими соответствиями.

2. Наличие национальной специфики

a) Соединение значения, различие образа:

unter vier Augen *досл.* между четырех глаз (устар. ФСРЯ, с.102) с глазу на глаз (НРФС, с.3);

jmdm. gehen die Augen über (Duden, S.62) 1. *поэт.* на глазах у кого-л. выступили слезы; 2. у кого-л. глаза разгорелись при виде чего-л. (НРФС, с.50);

kleine Augen machen (ugs.) *досл.* делать маленькие глаза: быть очень уставшим [и быть едва в состоянии не закрывать, не смыкать глаза; едва держать глаза открытыми] (Duden, S.62) клевать носом (НРФС, с.52);

Augen machen wie ein [ab]gestochenes Kalb (ugs.) *досл.* сделать глаза, как у заколотого теленка: смотреть глупо, удивленно (Duden, S.62) *разг. фам.* выпучить глаза от удивления (НРФС, с.51);

ein Auge riskieren (ugs.) (Duden, S.63) *разг. шутл.* взглянуть украдкой (НРФС, с.48);

seine Augen überall/vorn und hinten haben (ugs.) *досл.* иметь глаза повсюду/спереди и сзади (Duden, S.63) *разг.* кто-л. все видит, от кого-л. ничто не укроется (НРФС, с.50);

jmdm. wie aus den Augen geschnitten sein *досл.* быть как вырезанным из глаз (примеч. ср. разрез глаз): быть очень похожим на кого-л. (Duden, S.62) быть вылитым портретом кого-л. (НРФС, с.52); *der Sohn ist dem Vater wie aus den Augen geschnitten* сын похож на отца, как две капли воды, сын – вылитый отец (БНРС, с.159);

mit einem lachenden und einem weinenden Auge *досл.* с одним смеющимся и одним плачущим глазом (Duden, S.66) со смешанным чувством; не зная, плакать или смеяться (БНРС, с.159);

[jmdm.] ins Auge/in die Augen stechen (ugs.) *досл.* колоть в глаз(а) (Duden, S.66) что-л. приглянулось, бросилось в глаза (НРСРЛ, с.85);

mit einem blauen Auge davonkommen (ugs.) *досл.* отделаться синяком: легко (дешево) отделаться (Duden, S.67) *разг.* отделаться пустяком, дешево отделаться (при несчастном случае; тж. перен.) (НРФС, с.50) отделаться легким испугом (БНРС);

jmdm. wird [es] Nacht vor [den] Augen *досл.* у кого-л. ночь перед глазами (Duden, S.646) темнеет в глазах у кого-л. (НРФС, с.54);

es fällt jmdm. wie Schuppen (чешуйки) *von den Augen* (Duden, S.641) у кого-л. словно пелена упала с глаз (НРФС, с.501).

Таких единиц с компонентом *Auge* оказалось в нашем материале 12. Эти единицы получают статус переводных фразеологических соответствий.

б) близость значения, различие образа:

vier Augen sehen mehr als zwei *досл.* четыре глаза видят больше, чем два (Duden, S.62) Ум хорошо, а два лучше (НРФС, с.50);

das Auge beleidigen; eine Beleidigung für das Auge sein *досл.* оскорблять глаз; быть оскорблением для глаза (Duden, S.63) резать глаз (НРФС, с.73);

ein Auge für etwas haben *досл.* у кого-л. правильное понимание, необходимые/соответствующие умственные способности (Duden, S.64) у кого-

л. глаз набит, наметан на что-л. (НРФС, с.48) Значение в ФСРЯ, с.258: приобретать умение, опыт, определять что-л. сразу, по первому впечатлению;

mit offenen Augen/(geh. *высок.*) **sehenden Auges ins Unglück rennen** досл. с открытыми глазами бежать навстречу несчастью: не хотеть видеть явную опасность (Duden, S.67) самому лезть в петлю (НРФС, с.48);

Knöpfe auf den Augen haben (ugs.) досл. у кого-л. на глазах пуговицы (Duden, S.394) разг. у кого-л. шоры на глазах (не видит или не хочет видеть то, что видно всем) (НРФС, с.333);

jmdm. ein Dorn im Auge sein досл. быть кому-л. колючкой, терном в глазу: мешать кому-л. и поэтому быть ненавистным, ненавидимым (Duden, S.155) бельмо на глазу (о том, что сильно раздражает, угнетает) (НРФС, с.128);

jmdm. den Daumen aufs Auge drücken/halten/setzen (ugs.) досл. нажимать большим пальцем на глаз кому-л.: на кого-л. сильно наседать, кого-л. к чему-л. принуждать (Duden, S.143) разг. принуждать силой (или угрозами) кого-л. к чему-л.; взять за горло кого-л. (НРФС, с.121);

ein Auge/beide Augen zudrücken (ugs.) досл. закрывать один/оба глаза: снисходительно, благосклонно не замечать чего-л. (Duden, S.63) закрывать глаза на что-л., не замечать чего-л. (НРСРЛ, с.84); смотреть сквозь пальцы на что-л., не очень придираться к чему-л. (НРФС, с.48);

etwas nicht nur um jmds. schöner/blauer Augen willen tun;
etwas nicht nur wegen jmds. schöner/blauer Augen tun (ugs.) (Duden, S.67) разг. ирон. делать что-л. не за прекрасные глаза (или не ради прекрасных глаз) (НРФС, с.54);

den Splitter im fremden Auge, aber den Balken im eigenen nicht sehen (Duden, S.678) (der Splitter – заноза) видеть сучок в чужом глазу, а в своем бревна не замечать (ббл.) (БНРС);

die Augen sind größer als der Magen (fam.) досл. у кого-л. глаза больше, чем желудок: положить на тарелку больше, чем можно съесть (Duden, S.62) разг. у кого-л. глаза были не сыты (НРФС, с.50) брюхо сыто, а глаза голодны (БНРС);

jmdm. verliebte Augen machen (ugs.) (Duden, S.63) смотреть влюбленными глазами (НРФС, с.52);

keine Augen im Kopf haben (ugs.) досл. у кого-л. нет глаз в/на голове (Duden, S.64) hast du (denn) keine Augen (im Kopf)? разг. у тебя что, глаз нет?, ты что, не видишь? (НРФС, с.51);

Augen und Ohren aufhalten (ugs.) досл. держать открытыми глаза и уши: внимательно следить за чем-л. (Duden, S.63) смотреть во все глаза, быть внимательным (БНРС).

Таких случаев нами зафиксировано 13. Они могут быть квалифицированы как переводные фразеологические соответствия.

3. Безэквивалентные немецкие фразеологизмы

das Auge des Gesetzes (scherzh.) (Duden, S.61) око (или страж) закона (полиция); das Auge des Gesetzes wacht не дремлет закона око / это

идиоматическое выражение (известное крылатое выражение) из стихотворения Ф. Шиллера «Песня о колоколе»/ (НРФС, с.47);

da bleibt kein Auge trocken (ugs.) 1. все растроганы до слез; 2. все смеются до слез; 3. никто не избежит этого (Duden, S.62);

für die Augen zuwenig, für den Bauch/(derb: Arsch zuviel (fam.) (Duden, S.65) *досл.* для глаз слишком мало, для брюха (*груб.*), для задницы слишком много (*фам.*);

in diese Suppe schauen mehr Augen hinein als heraus (ugs.; scherzh.) *досл.* в этот суп смотрит больше глаз, чем из него; это выражение игра слов со значением «глаз» – «капельки жира, плавающие на поверхности жидкости» (Duden, S.62) шутл. в этом супе нет ни жиринки (НРСРЛ, с.85);

ein Auge/ein paar Augen voll Schlaf nehmen (ugs.; landsch.) (Duden, S.63) соснуть (НРФС, с.48);

die Augen aufmachen/aufsperrren/auftun (ugs.) *досл.* широко открыть глаза; смотреть во все глаза: внимательно смотреть, что происходит вокруг (Duden, S.63) *разг.* внимательно смотреть, наблюдать (НРФС, с.51);

die Augen auf Null stellen/drehen (ugs.) *досл.* поставить/поворнуть глаза на ноль: умереть (Duden, S.63);

Augen haben wie ein Luchs *досл.* у кого-л. глаза, как у рыси: видят очень хорошо (Duden, S.64) *разг.* у кого-л. глаза, как у рыси (далеко видят) (НРФС, с.51);

mit bloßem/nacktem/unbewaffnetem Auge *досл.* голым глазом: без оптических вспомогательных средств (Duden, S.63) невооруженным глазом (НРФС, с.50);

nur Augen für jmdn., für etwas haben (ugs.) *досл.* иметь глаза только для кого-л., чего-л. (Duden, S.64) обращать внимание только на кого-л., видеть, замечать кого-л., что-л. (НРФС, с.48);

etwas im Auge haben *досл.* иметь что-л. в виду (в глазу): иметь что-л. в виду, намереваться что-л. сделать, стремиться к чему-л. (Duden, S.63): 1. думать о чем-л., сосредоточивать свое внимание на чем-л. 2. думать, заботиться о чем-л. 3. иметь в виду кого-что (НРФС, с.49) значение в ФСРЯ, с.184: иметь в виду. 1. Подразумевать кого-либо или что-либо. 2. Принимать во внимание, учитывать;

kaum die Augen aufhalten können (ugs.) *досл.* едва держать глаза открытыми: едва (с трудом) бодрствовать, не спать (Duden, S.63);

Augen im Kopf haben (ugs.) *досл.* у кого-л. есть глаза в голове: мочь что-л. понять, оценить (Duden, S.64);

jmdm. etwas aufs Auge drücken (ugs.) *досл.* нажимать на глаз кому-л.: взваливать на кого-л. что-л. (неприятное) (Duden, S.65);

ins Auge gehen (ugs.) (Duden, S.66) *разг.* что-л. плохо кончается (НРФС, с.50);

jmdm. zu tief ins Auge/in die Augen sehen *досл.* посмотреть кому-л. в глаза слишком глубоко (Duden, S.66) *разг.* влюбиться в кого-л. (НРФС, с.50);

etwas ins Auge fassen (глагол fassen означает «хватать») знач.: что-л. взвешивать, обдумывать, принимать во внимание; взяться за что-л., намереваться (что-л. делать) (Duden, S.66), а в НРФС даются следующие значения: 1. по-

смотреть, взглянуть на кого-что; 2. иметь в виду, учитывать, принимать в расчет, предвидеть что-л. (НРФС, с.49);

einen Knick im Auge haben (ugs., scherz.) *досл.* у кого-л. в глазу излом, надлом, трещина, вмятина: 1. косить; 2. видеть все неправильно (Duden, S.392) *разг.* 1. косить, быть косым; 2. видеть все как в кривом зеркале (НРФС, с.331);

passen wie die Faust aufs Auge (ugs.) *досл.* подходить как кулак к глазу: 1. вообще не подходить; 2. подходить очень хорошо, совершенно точно. Это сравнение сначала выражало, что что-л. к чему-л. совершенно не подходит: кулак и глаз не подходят друг к другу, потому что это в высшей степени неприятно получить удар кулаком в глаз. Благодаря частому ироническому употреблению возникло противоположное значение (Duden, S.538) что-л. совершенно не вяжется, идет как корове седло (НРСРЛ, с.85);

Tomaten auf den Augen haben (ugs.) *досл.* у кого-л. на глазах томаты: ничего не видеть, ничего не замечать (Duden, S.728) *фам.* ничего не замечать вокруг себя (НРСРЛ, с.85);

jmdm. nicht das Weiße im Auge gönnen (ugs.) *досл.* завидовать у кого-л. даже белку глаза (Duden, S.538) *разг.* завидовать кому-л. в каждой мелочи (НРФС, с.616);

mit dem linken Auge in die rechte Westentasche/ mit dem rechten Auge in die linke Westentasche sehen (ugs.) *досл.* левым глазом смотреть в правый жилетный карман (карман жилета)/ правым глазом смотреть в левый жилетный карман (карман жилета): сильно косить левым/правым глазом (Duden, S.802).

Выявлено 22 фразеологизма этого типа.

Всего нами проанализировано 97 немецких фразеологизмов с компонентом *Auge*. Анализ показал, что в значительной своей части эти фразеологизмы имеют в русском языке фразеологические эквиваленты, близкие фразеологические соответствия или переводные (возможные) фразеологические соответствия. Это может быть объяснено тем, что оба народа примерно одинаково воспринимают соматизм ГЛАЗ. Однако при этом почти каждый пятый фразеологизм оказался безэквивалентным на фоне русского языка, из чего следует, что языковое мышление народа в любом случае демонстрирует национальную специфику – даже в случае с соматизмами, которые, формально говоря, должны были бы восприниматься обоими народами в принципе одинаково. Таким образом, сфера национально-специфического во фразеологии существует и проявляется в разных видах межъязыковых фразеологических соответствий. Эта сфера требует дальнейшего исследования.

-
1. **БНРС** – Большой немецко-русский словарь. Под ред. О.И. Москальской. М., 1980.
 2. **НРСРЛ** – Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994.
 3. **НРФС** – Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. М., 1975.
 4. **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.

5. **Duden** – Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Bd. 11. Dudenverlag, 1992.

В.А. Калугина

Национально-культурная специфика прилагательного «горячий» и его английского эквивалента

В настоящее время возросла актуальность изучения семантики в контексте неразрывной связи языка и культуры, что важно для раскрытия особенностей менталитета, истории и жизни народа через языки.

Целью настоящей работы является выявление сходств и различий в функционирования лексем, репрезентирующих концепт-представление «тепло» в английском и русском языках.

Прилагательные *горячий* и *hot* в статусе семемы Д1, сочетаясь с существительными, обозначающими объекты неживой природы, реализуют значение «высокая температура, превышающая норму человеческого тела» и называют такую степень высокой температуры предмета, при которой тактильный контакт неприятен. Указанные объекты обладают этой температурой в силу своих природных свойств, структуры, состава или приобретают ее, нагреваясь под действием внешних или внутренних источников.

Следует отметить, что в обоих языках восприятие температуры как более высокой или более низкой обусловливается спецификой самих объектов. Так, части тела человека и животного обозначаются лексемой *горячий*, если их температура выше нормальной, а при характеристике других объектов, доведенных до более высокой степени нагрева, отсчет начинается после 40° (например, *hot poker* – раскаленная кочерга или *hot asphalt* – раскалившись асфальт).

В результате исследования было установлено, что лексемы *горячий* и *hot* в значении семемы Д1 могут сочетаться в сопоставляемых языках с существительными, обозначающими жидкость, пищу, части тела человека и животного, вещества, натурфакты, артефакты.

В ходе анализа лексем *горячий* и *hot* в статусе семемы Д2 выяснилось, что они совпадают лишь в сочетании с существительным *компресс* (*hot compress*, *hot pack – горячий компресс*).

Рассматривая вторичные денотативные семемы исследуемых единиц, можно отметить немало расхождений в семантике, сочетаемости, частотности употребления и переводе, что объясняется, вероятно, отражением в семантике слов различий в климатических условиях носителей двух культур.

Так, англичане, живущие на острове в условиях мягкого умеренного климата и не испытывающие на себе воздействия очень высокой температуры воздуха, используют при характеристике температуры окружающей среды лексему *hot* (*hot climate*, *hot country*, *hot summer*). *We went on continental holidays for about fourteen years all over Europe, except the hot countries – we didn't touch Spain!* В русском языке аналогичное значение зачастую

вербализуется при помощи лексемы *теплый* (*теплые края, теплые страны, теплое утро, теплая погода*) и лишь в индивидуально-авторском употреблении можно встретить прилагательное *горячий*, используемое для обозначения преобладающей высокой температуры на территории какого-либо географического объекта: *Из тьмы неведомых горячих стран пролагает свой путь священная река, источники которой знали лишь жрецы Саиса* (Бунин И.А. *Тень птицы*).

В обоих языках лексемы *hot* и *горячий* в сочетании с существительными, обозначающими пищу, реализуют семему Д2 «свежая, домашняя пища, приготовленная на огне». Такая пища противопоставляется различным полуфабрикатам, холодным закускам. При обозначении пищи по признаку «горячий», вероятно, подразумевается, что данная пища подается всегда в горячем виде, причем, в отличие от русского прилагательного, которое может быть субстантивированным (*горячее*) и обозначать чаще всего жидкую пищу, лексема *hot* употребляется, в основном, по отношению к твердой пище. *Мечтаю о большом количестве горячей пищи. Hotchpotch – рагу из мяса и овощей, hot cake – оладья; блин.*

Только в английском языке наблюдается использование прилагательного *hot* в значении «имеющий острый вкус вследствие добавления большого количества специй». *Pepper makes food hot.* (Longman). *Hot curry, hot mustard, hot sauce.*

Для английского языка также типично сочетание прилагательного *hot* с существительными, обозначающими напитки (*hot drink, hot Scotch* – виски с горячей водой). Однако в русском языке спиртные напитки обозначаются словом *горячительный*. Таким образом, русские дифференцируют признаки высокой температуры и содержания алкоголя, а англичане, напротив, совмещают их.

Кроме того, в английском и русском языках существуют количественные расхождения в составе группы «объекты, помещения, обогреваемые горячим воздухом». Словосочетания, выражающие данный смысл, более многочисленны и детализированы в английском языке. Например, *hot room* – парная; *hot mine* – 1. шахта или рудник с высокой температурой; 2. газовый рудник; *hot-air sterilizer* – спец. сушильный шкаф; *hot-bed* – парник; *hot-air balloon* – воздушный шар; *hot house* – оранжерея, теплица. Таким образом, англичане в номинации этих понятий акцентируют признак высокой температуры, в то время как русским представляются более релевантными признаки «влажности» (парник), «сухости» (сушильня), «наличие воздуха» (воздушный шар).

Обращает на себя внимание различие в частотности употребления прилагательных *горячий* и *hot* в значении «физические термины, термины металлообработки» (*hot-press* – сатинировать; *hot test* – спец. испытание в горячем состоянии; *hot work* – тех. горячая обработка; *hot blast* – метал. горячее дутье). В английском языке эти термины отличаются большей частотностью.

Переводные несоответствия проявляются в выражениях *hot iron, hot fuel*, соответствующих в русском языке словосочетаниям *жидкое топливо, жидкий чугун*, что объясняется разными признаками, лежащими в основе

номинации: признак «высокой температуры» в английском и «физического состояния» в русском языке. Это может свидетельствовать о том, что англичане более остро воспринимают высокую температуру.

Особый интерес в русском языке представляют словосочетания, в которых прилагательное *горячий* может употребляться с такими существительными, как блеск глаз, румянец цвет лица, глаза, свет для обозначения цвета или света. Примечательно, что в английском языке отсутствует соответствующая номинация для данных понятий. Такие словосочетания выступают в роли синестетических эпитетов, так как в них происходит совмещение двух признаков – тепла и света. *Небо отражается в стеклах, как в темной воде, а солнце отлетает от них горячими вспышками. И надо шагать!* (Бунин И.А. *Темные аллеи*).

Следует пояснить, что синестезия (от греч. *synaisthesis* – совместное чувство, одновременное ощущение) – явление, состоящее в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но одновременно еще и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств. У многих людей желто-оранжевый цвет вызывает ощущение тепла, а сине-зеленый – холода. По своей природе синестезия, по-видимому, представляет собой усиленное взаимодействие анализаторов. Нередко такая ассоциация отражает цветовосприятие (ср. горячий матовый цвет лица) или становится основой синестетического восприятия, отлитого в форму сложного эпитета (на горячий солнечный свет).

Таким образом, исследование лексем *горячий* и *hot* в статусе семемы Д2 позволяет сделать вывод о том, что данные лексемы полностью совпадают в обоих языках при употреблении в значении «объект, доведенный до высокой температуры и используемый для повышения температуры другого объекта».

Частично общим для обоих языков являются также значения: «свежая, домашняя пища, приготовленная на огне», «высокая температура на территории какого-либо определенного географического объекта».

Значительные переводные, семантические несовпадения, количественные расхождения наблюдаются в сочетании исследуемых единиц с существительными, обозначающими пищу, имеющую острый вкус вследствие добавления большого количества специй, жидкость, напитки, помещения, обогреваемые горячим воздухом, физические термины, термины металлообработки, цвет или свет.

Наибольший интерес, несомненно, представляет выявление в семантике исследуемых прилагательных коннотативных значений. Многие сочетания, реализующие коннотативные семемы, в обоих языках метафоризованы. Они приобрели статус фразеологических, и в этих случаях мы часто имеем дело с национально-специфическими семемами.

В обоих языках исследуемые прилагательные в статусе семемы К1 реализуют значение «свежий, новый», например, когда говорят о событии, произошедшем в недавнем прошлом, но все еще актуальном и интересном. *If you hear any hot news from Yugoslavia, you will let us know, wont you* (J. Galsworthy. *To Let*). Подобное метафорическое значение – «то, что еще не

успело потерять актуальность, интерес» – не чуждо и русскому языку. Смысл «свежесть, новизна» актуализируется, например, в словосочетании *горячие следы (найти, расследовать по горячим следам)*.

И в русском, и в английском языках словосочетания *горячая точка/ hot spot* в значении «опасный» обозначают «территорию, в которой сосредоточена или из которой распространяется политическая и военная напряженность». Они могли возникнуть по аналогии с чувствами и ощущениями, возникающими при попадании в горячую среду, где находиться тяжело, неприятно, опасно.

Лексема *hot* так же, как и ее русский эквивалент *горячий*, способна реализовать значение «активно поддерживающий что-либо, страстно увлеченный» в сочетании с такими существительными, как *патриот, приверженец, сторонник, hot-gospeller* – *прем. ирон. проповедник-евангелист, hot baseball fan – страстный поклонник бейсбола*.

Общим для данных прилагательных в обоих языках является также значение «яркий, резкий, кричащий». Я, будучи родом из Пензенской губернии, был в ту пору красив почему-то южной, *горячей красотой*, был даже «неприлично красив», как сказал мне однажды один знаменитый актер (Бунин И.А. *Темные аллеи*). *Hot pink* – ярко-розовый, *hot blush* – густая краска (стыда и т.п.), *hot yellow* – ядовито-жёлтый.

При образовании метафорических значений в сопоставляемых языках часто актуализируется семантический компонент «интенсивность». Эта же сема лежит в основе образования сочетаний, относящихся к военной тематике и к области человеческих отношений. Так, для английского и русского языков естественны сочетания *горячий бой, горячая схватка, горячее сражение, hot battle, hot contest, hot argument, hot resistance*.

Кроме того, из метафорических употреблений лексем *горячий* и *hot* в значении «интенсивный» в обоих языках путем метонимического переноса возникают сочетания *горячая пора, горячее время, горячая работа, горячие дела, горячая минута, hot time, hot job, in hot haste – в страшной спешке; как на пожар, обозначающие периоды времени, в течение которых происходит интенсивная деятельность.*

Несмотря на наличие общих закономерностей в образовании мотивированной коннотативной семемы лексем *горячий* и *hot*, важным представляется выявление и анализ различий между ними.

Так, только сочетание прилагательного *hot* с такими существительными, как *topic, issue, news, place, show, person* реализует значение – «популярное событие, тема, человек». *Frank Sinatra was the hot test singer of the 1940s – в сороковых годах самым популярным певцом был Фрэнк Синатра*. В русском языке лексема *горячий* не актуализирует подобного значения.

В английском языке весьма востребованным является прилагательное *hot* в значении «важный, противоречивый», в случае, когда характеризуют актуальное, злободневное событие или тему, вызывающие ожесточённые споры. *The role of women in war has been a hot topic of debate in America since the Gulf Conflict*. В русском языке вербализация данного смысла происходит посредством других лексических средств.

Национально-культурная специфика прилагательного *hot* реализуется в сочетании с существительным *temper* при характеристике несдержанного человека с тяжелым характером. *His hot temper was making it increasingly difficult for others to work with him* (*Times*). *Hot with rage* — в пылу гнева; *разъярённый*.

Следует заметить, что проявление бурных чувств не имеет таких сильных негативных коннотаций в русском языковом сознании, какие можно обнаружить в английском, так как вспыльчивость — если не неотъемлемая, то, во всяком случае, типичная черта русского характера. *Иркутяне — народ горячий и падкий на экзотику. В нас крови пять литров и вся горячая. Да, горячие головы?* (И. Бродский. Проза. «Поэт и проза», «Демократия!»). Данное выражение представляет собой метафору, в которой переосмысливаются оба ее компонента (K1K1), за счет чего создается единый метафорический контекст. Известно, что у англичан же, напротив, превалирует умеренность, сдержанность в выражении чувств. По-видимому, данное обстоятельство объясняет отсутствие в английском языке положительной оценки эквивалентов сочетаний лексемы *горячий* в значении «интенсивный» с такими существительными, как *участие, воодушевление, энтузиазм, интерес, приветы, слова, поздравления, аплодисменты, отклик, прием, вера, стремление, радость, угрозы, преданность, признательность, ощущение счастья; hot words* — *резкие выражения /слова (в споре)*. Конечно, она *ждет от него горячего и, кроме того, определенного объяснения* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам*).

Семантическое различие наблюдается и в словосочетании *hot money* «деньги, полученные незаконным путем»: на первый план в английском языковом сознании выступает ощущение опасности, так как такие деньги «жгут руки», вызывают чувство беспокойства и тревоги. В русском языке данное значение передается словосочетанием *грязные деньги*, что может свидетельствовать о большей озабоченности русских нравственной стороной дела. Однако в последнее время сочетание *hot money* приобрело ярко выраженный интернациональный характер в значении «краткосрочные денежные капиталы, стихийно перемещающиеся по каналам мирового рынка ссудных капиталов между странами в поисках прибыли и надежного убежища» (вариант: *блуждающий капитал*). Следует отметить, что в данном значении сочетание продолжает активно использоваться в сфере публицистики, откуда оно перешло в понятийный аппарат экономической науки.

К национально-специфическим выражениям можно отнести сочетания лексемы *hot* с существительными, обозначающими украденные и разыскиваемые полицией вещи, например *hot goods* — *краденые или контрабандные товары, hot oil* — *краденая или незаконно добываемая нефть, hot jewelry* — *ворованные драгоценности, а также преступников, скрывающийся от правосудия и усиленно разыскиваемых полицией (the hot test criminal in town — преступник, чьё имя стоит первым среди разыскиваемых в городе, white-hot amer. сл. разыскиваемый полицией за тяжкое преступление)*.

Итак, исследование семантического развития прилагательных позволяет выявить все основные типы лексических соответствий. В случае актуализации

значений: «свежий, новый», «опасный», «активно поддерживающий что-либо, страстно увлеченный», «яркий резкий, кричащий», «интенсивный» (о времени, работе) – ведущее место среди них принадлежит линейным соответствиям.

Семантические расхождения исследуемых лексем проявляются при реализации следующих значений: «интенсивный» (о чувствах), «популярное событие, тема, человек», «важный, противоречивый», «несдержаный человек, обладающий тяжелым характером», «деньги, полученные незаконным путем», «украденные и разыскиваемые полицией вещи», «преступник, скрывающийся от правосудия и усиленно разыскиваемый полицией».

Таким образом, сопоставительный анализ прилагательных *горячий* и *hot* позволяет выявить запас наглядно-опытных знаний и национальных особенностей, отраженных в обоих языках.

З.Д. Попова, Э.Д. Хаустова

Иронические наименования обуви в русском языке в свете проблемы «слова и вещи»

Исследование лексико-семантического поля «обувь» в русском языке позволило отметить широкое использование в современном языке устаревших и диалектных наименований обуви, несмотря на то, что сама обувь уже давно вышла из обихода или получила другое название. Правда, данные лексемы вошли в общенародный литературный язык с иронической окраской.

Например, лексема *бахилы* широко представлена в толковых словарях русского языка со значениями «крестьянская обувь, представляющая собою кожаные или плетеные из бересты полусапожки, спереди стягивающиеся ремешками» (Новояз), «у рыбаков и охотников: мягкие кожаные сапоги с закрывающими бедро голенищами на помочах» (БТС 2000, с.62). В современном русском языке более употребительным является производно-номинативное значение лексемы *бахилы* «специальные защитные чулки, надеваемые поверх обуви (у хирургов, атомщиков и т.п.). Брезентовые бахилы» (БТС 2000, с.62). Однако интересным представляется использование лексемы *бахилы* в разговорной речи для названия большой, не по размеру (обычно грубой) обуви. *Это не туфли, а настоящие бахилы* (БТС 2000, с.62).

Лексема *башмаки* имеет тюркское происхождение. В старину башмаками называлась преимущественно женская изящная (обычно с разрезом на подъеме) обувь из кожи или ткани (бархата, атласа), иногда на каблуке, с застежками, бантами и другими украшениями (БТС 2000, с.63). В современном русском языке лексема *башмаки* приобрела ироническое звучание. Башмаками называют грубую, тяжелую, неудобную обувь. *Ходить в рваных башмаках. Таскать отцовские башмаки* (БТС 2000, с.63).

Лексема *чеботы*, согласно толковому словарю В.И. Даля, имеет первичное значение «мужская и женская обувь, высокий башмак, по щиколотки, ботики с острыми кверху носками». В значении «башмаки, сапоги» лексема *чеботы* сохранилась в диалектах. *Купить чеботы. Топать чеботами. Чинить чеботы*

(БТС 2000, с.1469). В современном употреблении лексема **чеботы** приобрела иронический оттенок. Так говорят о грубой, неизящной обуви. *Что это у тебя за чеботы?* (БТС 2000, с.1469).

Лексема **баретки** имеет значение «закрытые уличные туфли на шнурках или застежках» (БТС 2000, с.59). Примеры, взятые из Internet, иллюстрируют ироническое употребление данной лексемы в разговорной речи:

Но вот суеты [перед свадьбой] море, а именно: встань ни свет ни заря, чисто выбрейся, галифе погладь, пинджак одень, веревку повяжи, баретки нагуталинь, веник выбери, подтянись к бракодому.

Фирма под названием «Пальмира» — это, в частности, обувь «Монарх» (магазин-склад отстойных бареток — наверняка, знаете...).

Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит, как на гвозде.

Лексема **чуни** в народно-разговорной речи является синонимичной лексеме лапти: «лапти из пеньковой веревки. *Веревочные чуни*» (БТС, 2000, с.1487). В настоящее время лексема **чуни** употребляется в языке в производно-номинативном значении «резиновая или кожаная обувь в виде галош, надеваемая на разутую ногу при работе в шахтах, рудниках. *Резиновые чуни*» (БТС 2000, с.1487). Однако интерес представляет современное ироническое звучание данной лексемы:

По мнению истцов, оскорблением послужила статья главного редактора газеты Вячеслава Семерикова «Уважаемому человеку чуни поцеловать не впаду. За реальный-то интерес!», в которой, как считают обвинители, содержались оскорбительно-неприличные выражения в адрес ныне действующего главы администрации (Пример взят из Internet).

Задумавшись над причиной популярности устаревших наименований, используемых для современных видов обуви, мы столкнулись с необходимостью изучения самих предметов обуви, давно вышедших из употребления, но «оставивших глубокий след» в языке. Словарное описание не всегда дает наглядное представление о предмете. И чтобы понять причину наименования вещи, нужно обратиться к истории самой вещи.

Идея изучения истории слова в связи с историей вещи принадлежит лингвистической школе «Слова и вещи», оформленной в 1909 г., когда стал выходить издаваемый Р. Мерингером одноименный журнал. Ученые данной школы (Р. Мерингер, В. Майер-Любке, Г. Шухардт, В. фон Вартбург и др.) заявили, что «слово существует лишь в зависимости от вещи», и в качестве основных принципов выдвинули принципы изучения лексики в связи с культурой и историей народа (Звегинцев 1964, с.301; Языкоzнание 1998, с.597).

Один из основных представителей направления «Слова и вещи» австрийский лингвист Гуго Шухардт считал, что исследование слов не в состоянии противостоять воздействию, исходящему со стороны науки о вещах. Исследование вещей и исследование слов должно идти совместно; они должны проникать друг в друга, переплеться и приводить к результатам, одинаково необходимым и ценным как для той, так и для другой области. Союз «и» в выражении «вещи и слова» должен превратиться из символа

сложения в символ умножения; необходимо создать историю веще-слов (Шухардт 1964, с.314).

Затрагивая вопрос о соотношении слова и вещи, Г. Шухардт писал, что вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук. Таким образом, вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее. Не случайную, но закономерную и необходимую роль в отношении между словом и вещью играют представления. Представление неизменно находится между вещью и словом, поскольку оно не заменяет собою слова (Шухардт 1964, с.314-315).

Большое значение Г. Шухардт придает переходу от рассмотрения вещей и слов в состоянии покоя к рассмотрению их в развитии. Деятельность творит и оформляет вещи. Слова, называющие вещи, воспроизводятся бесчисленное количество раз и тоже становятся историей, и эта история в основном является историей говорящего.

В качестве доказательства своей мысли ученый проводит аналогию: подобно тому, как два слова, объединяясь друг с другом, образуют новое слово, так и две вещи, объединившись, порождают новую вещь; и так как такое объединение приводит к самым разнообразным последствиям, то при исследовании преемственности вещных форм возникают те же затруднения, как и при исследовании связи словесных рядов. Вещи и слова, несмотря на самостоятельное развитие, тесно переплетены друг с другом. Чтобы понять историю слов, нужно начать с вещей, учитывая при этом, что они вступают в связь со словами только с помощью представлений, а последние возникают у нас лишь в меру присущей словам прозрачности (Шухардт 1964, с.316-317).

Анализируя развитие отношений между вещью и словом, исследователь отмечает, что не всегда изменение или неизменение вещи влечет за собой соответственное поведение обозначения. В действительности обозначение так же часто сохраняется неизменным в случае, если вещь претерпевает изменение, как и изменяется, если вещь остается, по крайней мере в существенном, неизменной. Последнее находит свое объяснение в том, что одна и та же вещь рассматривается и оценивается разными людьми совершенно различно. Главная причина кроется в чрезвычайно различных индивидуальных интересах каждого (Шухардт 1964, с.317).

Вещь может изменяться, а слово, напротив, оставаться неизменным. Это происходит, когда то общее, что ощущается как ее сущность, сохраняется во всех модификациях вещи. Иногда одного назначения вещи, при изменении до неузнаваемости других ее признаков, оказывается достаточно, чтобы вещь удержала свое старое наименование. Таким образом и когда новое обозначение, возникшее первоначально наряду со старым, заменило его, можно установить лишь в отдельных случаях. Основная причина данной замены – это ощущаемая тем или иным индивидуумом потребность в ней. Эта потребность вызывается известным преимуществом нового обозначения по сравнению со старым (Шухардт 1964, с.317-318).

Одной из основных задач методики своего исследования австрийский ученый считал объяснение основных отношений между «вещами и словами».

По его мнению, «если бы мы не были осведомлены о способах приготовления древними гусиной печенки или какого-нибудь столь же изысканного блюда, то мы не могли бы понять романских слов со значением "печенька"». Кроме того, слова отражают культурное значение вещи. Многочисленные примеры наглядно демонстрируют связь географии вещей и слов. Иногда слово может многое рассказать об истории вещи. Так, то или иное старое слово сохраняется как название какой-нибудь вещи, а изменение этой вещи обозначается путем добавления к нему другого слова, как правило, противоречащего основному. Например, *Silbergulden* – серебряный гульден – буквально обозначает серебряный золотой (Шухардт 1964, с.320).

Таким образом, изучение истории вещей (в нашем случае предметов обуви) помогает нам понять сохранение и использование в современном языке, казалось бы, давно устаревших наименований. Такие предметы обуви, как бахилы, башмаки, чеботы, чуни, когда-то были широко распространены на Руси. Подтверждение этому находим в языке. Лексема «башмаки», например, имеет богатый набор семем и входит в ряд фразеосочетаний («быть под башмаком у кого-либо», «оказаться под башмаком», «держать под башмаком»), которые отражают культурные и исторические традиции русского народа. Данные предметы обуви вышли из употребления или сильно изменились, стали более изящными и комфортными. Однако лексемы, их называющие, остались в языке для наименования грубой, неизящной обуви.

Итак, методы изучения «слов и вещей» позволяют исследовать посредством истории слов различные связанные с ними стороны материальной и духовной культуры и среды, в которой на определенном историческом этапе жили носители языка (Языкоzнание 1998, с.620).

-
1. Звегинцев В.А. История языкоzнания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.И. М., 1964.
 2. Шухардт Г. Избранные статьи по языкоzнанию // Звегинцев В.А. История языкоzнания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.И. М., 1964. С.304-324.
 3. Хаустова Э.Д. Семантические процессы, происходящие в лексико-семантической группе наименований обуви // Культура общения и ее формирование. Вып. 10. Воронеж, 2003. С.135-138.
 4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
 5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1997.
 6. Новый словарь русского языка // www.rubricon.ru.
 7. Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

Слова «окно» и «window» в русском и английском языковом сознании

Семантика слов в языке постоянно развивается. В развитии значения может отмечаться как расширение, так и его сужение. Переакцентировка сем в структуре значения приводит к возникновению производного значения, к развитию семантики слова.

Новые значения слов возникают в результате семантических преобразований старых значений по законам системы языка. Контекст конкретизирует, уточняет, воспроизводит значения слов. В языковом сознании слово представлено в совокупности всех компонентов его лексического значения. В словарях представлены только наиболее важные для говорящих компоненты значения, которые часто воспроизводятся в речи. Это, как правило, ядерные семы и семемы. Но значение слова содержит также периферийные, часто скрытые семы, которые актуализируются в контексте. Актуализация таких сем приводит к возникновению единичных, индивидуально-авторских значений, которые всегда интересны с точки зрения развития семантики слова.

Представляется интересным рассмотреть функционирование слов «окно» и «window» в русском и английском языковом сознании.

Рассмотрим значения слова «окно».

Значения, зафиксированные в словарях

Окно – отверстие в стене здания для света и воздуха, а также застеклённая рама, закрывающая это отверстие. Семема Д1 (Словарь русского языка, т.2, с.607).

Когда её долго не было, мы кидали камни – помельче в окна, покрупнее в дверь (Пискунов).

Окно – подоконник. Семема Д2(1) (метонимический перенос).

Опять была знакомая, радующая его тишиной комната с зелёными зарослями на окнах (Светов).

Окно – отверстие в разделяющей что-нибудь стенке, перегородке, сделанное для какой-то цели. Семема Д2(2) (Ожегов, Шведова 1999, с.449). Метафорический перенос по семам *форма* и *отверстие*. Это окно выполняет другую функцию: оно не пропускает свет и воздух, а служит для сообщения людей, для подачи чего-либо (*окно кассира, окно рецептурного отдела аптеки*).

За окном (за окнами) – на дворе, на улице (о времени года, суток, о погоде). Семема Д2(3) (Ожегов, Шведова 1999, с.449) Лексико-грамматический фразеологизм, такое значение имеет только одна форма слова (за окном).

Туча затмнила день, в доме всё помрачнело, и за окном вместе с шелестом ветвей и листвы, вместе с молниями и громами зашумел, засветился дымчатым столбом густой ливневый дождь (Семёнов).

Но однажды очнулся – просветлённо и мудро.

И увидел: за окнами – божее утро (Таран).

Уже рассвело, город за окном давно проснулся, идёт нормальная жизнь, а у него и жизнь и мозги набекрень (Светов).

Окно – просвет, отверстие в чём-нибудь. Семема Д2(4) (Ожегов, Шведова 1999, с.449). Метафорический перенос по семе *отверстие* (часть пространства, не заполненная тем, что находится вокруг).

То-то блудное сердце так вздрогнуло вдруг,

Лишил озёрным оконцем мне дол подмигнул (Костров).

Окно – не заросший водой остаток водоёма, провал, полный воды, в болоте, трясине Семема Д2(5) (Словарь русского языка, т.2, с.607). Метафорический перенос по семе *отверстие*.

Окно – ничем не занятое время, промежуток в цикле работ, в учебном расписании Семема К1(1) (Ожегов, Шведова 1999, с.449). Метафорический перенос по семе *отверстие* (временное пространство, не заполненное чем-либо: окно в расписании, окно между лекциями).

Словари фиксируют развитую систему значений лексемы «окно» (7 значений). Среди них много переносных метафорических (*просвет; провал, полный воды; ничем не занятое время*).

Эти значения широко функционируют в речи людей, они стали языковыми метафорами. Большое количество словарных значений говорит о важности лексемы «окно» в русском языковом сознании.

Текстовые значения

Окно – светлое место на тёмном небе. Метафорический перенос по семам *свет* и *форма*. Семема Д2(6).

Вдохновенье, розовое небо,

чёрный дом с одним окном

огненным. О, это небо,

вылитое огненным окном! (Набоков).

Дыра окна – только оконный проём без рамы и стекла. Семема Д2(7).

Но Корытин видел другое: расхлебененные ворота, чёрные дыры окошек, нечищенные базы – а ведь лето (Екимов).

Окна – глаза, зрачки. Метафорический перенос по семе *отверстие* и по функции *пропускать свет*. Семема Д2(8).

Вот сейчас откуда-нибудь – остронасмешливый угол поднятых к вискам бровей, и тёмные окна глаз, и там, внутри – пылает камин, движутся чьи-то тени (Замятин).

… она смотрит на меня, она медленно втягивает меня в себя сквозь узкие золотые окна зрачков (Замятин).

Окно – метонимический перенос свойств, действий человека, предмета или явления на окно. Семема Д2(9).

И окно погасло: кончил бриться (Набоков).

-Караул! – снова раздался крик из крохотного окошка.

-Караул! – снова закричало окошко (Белов).

Возможно, темнота кажется большие, чем есть, из-за того, что, когда Ключарёв идёт совершенно пустой улицей, среди тысячи тёмных окон два окна вдруг вспыхивают и словно выстреливают в глаза (Маканин).

Сложив руки рупором, Чурсин взыывает к окнам домов: «Э-эй!» – после чего тянется долгая-долгая минута (Маканин).

Прорубить окно (фразеосочетание К1К1) – устраниТЬ преграду, установить связи с кем-либо. Метафорический перенос по семе «отверстие в преграде».

-Ваше Высочество, - сказал австрийский резидент, большой любезник, - вы прорубили окно в Европу (Мережковский).

Свет в окне (фразеосочетание К1К1) – человек, предмет или явление, на котором сосредоточены все мысли и чувства; смысл жизни. Метафорический перенос по семе *ценность света для человека*.

Я тебя не пугаю. Тебя ли пугать, Настёна? Ты для меня весь свет в окошке (Распутин).

Прощай, любовь. Прости, семья.

Погасни, свет в окне (Костров).

Окно – сильное чувство, воспоминание, которое всегда живо в душе человека. Семема К1(2). Метафорический перенос по семам *свет*, *яркость*, *теплота* (воспоминание – свет из прошлого, человек или событие – яркая вспышка, которая остаётся в памяти).

В какой-то момент старухе почудилось, что она находится в старом, изношенном домишке с маленькими закрытыми изнутри окнами... Каждое из окошек – это воспоминание о ком-нибудь из ребят... Сверху ещё один ряд совсем маленьких заколоченных окошек, которые трогать ни к чему, – это воспоминание о тех, кого уже нет в живых (Распутин).

Окно – выход для эмоций. Семема К1(3). Метафорический перенос по семе *проход для света* (проход для света – проход для эмоций).

Крик разлук и встреч –

Ты, окно в ночи!

Может – сотни свеч,

Может – три свечи... (Цветаева).

Окно – отверстие, через которое можно что-то увидеть. Семема К1(4). Метафорический перенос по семе *отверстие, через которое что-то видно*.

Солнце – вечное окно

в золотую ослепительность (Белый).

И сквозь окна снов бессвязных

Не встречают звёзд алмазных

Утомлённые мечты (Брюсов).

Твоя неуловимая для меня душа неотрывно стоит у небесного окошка и жалобно смотрит на землю (Палей).

Слово «окно» развивает целый ряд индивидуально-авторских значений, которые зафиксированы в художественных текстах. Большинство таких значений – метафорические переносы, которые осуществляются по семам *свет* и *форма* (значение «просвет, светлое место на тёмном фоне»), *отверстие* и

функция «пропускать свет» (значение «глаза, зрачки»), *ценность света для человека* (значение «свет в окне – что-то дорогое, близкое, родное»). Очень интересно развитие значения «сильное чувство, воспоминание» по семам *свет*, *яркость*, *теплота*. В большинстве же авторских значений слово «окно» выступает как «отверстие», «просвет».

Выделяется ещё группа примеров, где слово «окно» выступает в прямом номинативном значении (семема Д1), но в контексте приобретает дополнительные семы: окно выступает как часть образа-олицетворения (окна – это глаза олицетворённого предмета). Такие образы-олицетворения встречаются часто в художественных текстах. Их частотность можно объяснить тем, что в русском языковом сознании слово «окно» тесно связано со словом «глаз» («око»). Этимологически слово «окно» восходит к слову «око», которое является устаревшим в современном языке. И в художественных текстах наблюдается обратный перенос: «окно» – «глаз».

... *жмуряются на солнце* *всевидящие очи* – слуховые окна чердаков (Горький).

*Ветер студён, и вода студена,
Дети и твари попрятались в норы;
Справа за салмою в створе видна
Кереть, глядящая окнами в море* (Сухарев).
*Но равнодушно и мертво
Окно глядело в душу,
И уходил я, твоего
Покоя не нарушив* (Гордейчев).

Рассмотрим значения слова **«window»**.

Значения, зафиксированные в словарях

Window – an opening in a building, vehicle, ship for admitting light and air, usually having a pane or panes of glass set in a frame or sash that is generally movable for opening or shutting it (отверстие в здании, экипаже, автомобиле, корабле для доступа света и воздуха, обычно закрытое стеклом, находящимся в раме или скользящей раме, которая легко открывается и закрывается) (Websters's., т. 2, с. 1669). Семема Д1.

Anne looked out of the window. The country was dark (Maughan, 2002, с.240.).

Window – a windowpane: as, he broke the window (оконное стекло, например, он разбил окно) (Websters's., т.2, с.1669). Семема Д2(1). Метонимический перенос.

Window – a window with its sash and casement (окно с его рамой и переплётом) (Websters's., т.2, с.1669). Семема Д2(2). Метонимический перенос.

It was a pale grey house with white windows (White 1977, с.47).

Window – any opening resembling a window in shape, position or use (некое отверстие, похожее по форме, месту расположения или функции на окно)

(Websters's., т.2, с.1669). Метафорический перенос по семе *отверстие, форма, функция*. Семема Д2(3).

Текстовые значения

Окна как глаза дома и глаза человека как окна. Здесь слово «window» (как и слово «окно») выступает в значении Д1, но в контексте приобретает дополнительные семы одушевлённости).

... he walked along the dull street and the windows of the houses were like eyes (Hill).

She stared into his blue eyes as if they were open windows (Maugham).

Значение слова «window» в словарях более детализировано, содержит большее число сем (по сравнению со словом «окно»). Лексема «окно» развивает метонимическое языковое значение «подоконник», а лексема «window» метонимические значения «стекло» и «переплёт рамы». В обоих языках отмечается развитие такого переносного значения «отверстие, похожее по форме или размеру на окно, но выполняющее другую (специальную) функцию».

Также слова «окно» и «window» в художественных текстах приобретают дополнительные семы, являясь частью образа-илицетворения.

-
1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
 2. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981 – 1984.
 3. Websters's new world dictionary of the american language. Cleverland and New York, 1951.

Е.Ю. Лазуренко

Образ начальника в языковом сознании носителя русского языка

Объектом нашего исследования стал стереотипный образ начальника, сформировавшийся в массовом сознании носителя русского языка. Начальник, руководитель являются представителями профессиональной культуры. Одним из критериев сформированной профессиональной культуры можно считать возможность выделить ее представителя благодаря наличию стандартных характеристик, приписываемых общественным сознанием представителям конкретной профессиональной группы (Е.Ю. Харченко). Речь идет о закрепившихся культурных стереотипах, которые являются обобщенными представлениями о типичных чертах, характеризующих представителей определенной группы. Данные стереотипы отражаются в значении наименований начальников и руководителей как компоненты психологически реального значения соответствующих лексем.

Нами была поставлена задача – выявить и описать психологически реальное значение слова *начальник* в русском языковом сознании с тем, чтобы впоследствии методами когнитивной интерпретации можно было бы

морделировать концепт «начальник» в русском когнитивном сознании. Лингвистическое исследование является первым этапом на пути к описанию концепта.

При описании психологически реального значения мы воспользовались экспериментальными методиками. В эксперименте участвовали 102 человека: 59 женщин и 43 мужчины разного возраста и профессий: врачи, учителя, инженеры, рабочие, студенты.

ИИ предлагалось подобрать антонимы и синонимы к слову *начальник* и ответить на вопросы: *внешность типичного начальника – какая?; поведение – какое?; характер – какой?; работает где?; работает чем?*.

ИИ предлагалось реагировать первой пришедшей в голову реакцией. Время выполнения задания ограничивалось 5 минутами.

Результаты эксперимента

1. Синонимический ряд слова *начальник* получился таким: *руководитель 50; шеф 28; босс 16; директор, командир 10; глава 7; организатор 6; хозяин, управляющий 4; работодатель, заведующий отделением, бугор 3; отец родной, главный врач, вышестоящий, патрон, шишка на ровном месте, правитель, барин, администратор, главный 2; власть, авторитет, управлениец, заведующий, господин, вождь, пахан, предводитель, глава администрации, вожак, сам, ст. медсестра, надзиратель, лидер, координатор, золотой человек, хозяйственник, мама, повелитель, специалист 1.*

2. Антонимы слова *начальник*: *подчиненный 50; рабочий 14; исполнитель 4; служащий 3; рядовой 2; демократ, бездельник, выскочка, младший, холоп, трудяга, слуга, лакей, друг, санитарка, главный, плохой начальник, «негры», злюка, выдра, дурак, расточитель, букашка, лох, размазня 1.*

3. При описании внешности начальника были даны следующие характеристики: *строгий деловой костюм 16; рубашка 12; строгий, галстук 11; аккуратный 10; опрятный 7; толстый, солидный, деловой, серебряный, стройный, подтянутый, хорошо одет, в очках, лысый, с зализинами, официальный 4; усы, консервативный вариант одежды, подстриженный 3; упитанный, брови, скромный в одежде, образцовый, самодовольный, суровый, высокомерный, сотовый телефон, ботинки, портфель, представительный, приятный, властный взгляд, пузатый, в теле 2; полный, крупный, с животом, умный, гипертоник среднего и более возраста, решительный, напыщенный, сноб, элегантный, с папкой, хорошая машина, задумчивый, грязные ноги, неприятный, наглый, надменный, подтянутый, самоуверенный, красивый, высокий, молчаливый, ухоженный, хмурый, большой, чисто выбрит, энергичный, деловой 1.*

4. Типичное поведение начальника выглядит так: *руководит 25; пишет и отдает приказы подчиненным 10; дает указания 9; управляет 8; ругает, распекает 7; командует, организует 6; говорит громко, орет 5; пишет, разговаривает по телефону 4; спокойное, контролирует, сидит в кресле 3; подписывает документы, корректное поведение, пьет кофе, сидит за столом, проверяет, наказывает, распоряжается, требует, учит и спрашивает, учит, как надо и не надо работать, жить, думать, думает и принимает решения 2;*

дает поручения, планирует, советует, указывает на недостатки в работе, решает сложную проблему, хорошо знает подчиненных, отклоняет возражения, говорит строго, четко, шутит, жестикулирует, бегает, собирает совещание, поощряет, принимает решения, спокойно работает, сотрудничает, вникает, умеет защищать подчиненных, умеет слушать, обещает, угрожает, заставляет, показывает, действует, решает проблемы, делает умное лицо, постоянно занят или делает вид, направляет, суетится, создает видимость кипучей деятельности 1.

5. Типичный характер начальника: уравновешенный 19; несдержаный, вспыльчивый, спокойный 8; властный 7; требовательный 6; строгий, сдержаный, уверенный в себе 5; умный 4; невыдержаный, взрывной, справедливый, высокомерный 3; грубый, волевой, лживый, хитрый, твердый, компетентный, нордический, настойчивый, несговорчивый, суровый 2; нервный, агрессивно скрытый, «Фюрер», сильный, подавляющий сопротивление, знающий, рассудительный, нетерпеливый, толстокожий, властолюбивый, жадный, добный, нормальный, своенравный, отзывчивый, недовольный, целеустремленный, деловой, принципиальный, энергичный, не болтливый, понимающий, лояльный, самоуверенный, самодовольный, покладистый, порядочный, коммуникабельный, упрямый, вреоный, немногословный, замкнутый, ужасный, внимательный, честный, добропорядочный, мудрый, не терпит возражений, злая, увертливый, гуманный 1.

6. Орудием деятельности большинства начальников названы ручка 32, слово 18, приказы 12, телефон 8, речь 6, компьютер, голова, мозг, ум 5, указания 4, язык, дело 3, внушение, бумага, документы, распоряжения, секретарь, жесты, деловой личный пример 2; злой язык, подчиненные, кнут и пряник, власть, ноги, взгляд, объявление, воспитание, печать, руки 1.

7. Место труда начальника: кабинет 64; офис 8; стол, производство 6; коллектив, предприятие 5; кресло в кабинете 4; завод 3; цех, класс, объект, школа, контора, учебное заведение 2; техникум, больница, аудитория, бюджетная организация, трибуна, организация, территория 1.

Обсуждение результатов эксперимента

1. Общие результаты.

Таким образом, симиляры слова *начальник* в русском языке следующие: руководитель 50; шеф 28; босс 16; директор, командир 10; глава 7; организатор 6; хозяин, управляющий 4; работодатель, заведующий отделением, бугор 3; отец родной, главный врач, вышестоящий, патрон, шишка на ровном месте, правитель, барин, администратор, главный 2.

Оппозитами слова *начальник* следует признать: подчиненный 50; рабочий 14; исполнитель 4; служащий 3; рядовой 2.

Поведение начальника респонденты охарактеризовали так: руководит 25; пишет и отдает приказы подчиненным 10; дает указания 9; управляет 8; ругает, распекает 7; командует, организует 6; говорит громко, орет 5; пишет, разговаривает по телефону 4; контролирует, сидит в кресле 3; подписывает документы, пьет кофе, сидит за столом, проверяет,

наказывает, распоряжается, требует, учит и спрашивает, учит, как надо и не надо работать, жить, думать, думает и принимает решения, корректное поведение, спокойное 2.

Характер начальника выглядит так: *уравновешенный 19; несдержаный, вспыльчивый, спокойный 8; властный 7; требовательный 6; строгий, сдержаный, уверенный в себе 5; умный 4; невыдержаный, взрывной, справедливый, высокомерный 3; грубый, волевой, лживый, хитрый, твердый, компетентный, настойчивый, несговорчивый, суровый 2.*

Следует отметить, что, определяя поведение и характер начальника, ИИ дали наибольшее количество ответов: 63 характеристики поведения и 76 черт характера. Это свидетельствует о повышенном внимании языкового сознания к этим характеристикам начальника, хотя 75 ответов из приведенных – единичные, что одновременно указывает на отсутствие семантического признака – доминанты в данной смысловой сфере.

Наиболее яркими характеристиками внешности начальника являются *строгий деловой костюм, рубашка, галстук 39; толстый, упитанный, пузатый, в теле, полный, крупный с животом 12; строгий 11; аккуратный 10; опрятный 7; солидный, деловой, серье́зный, стройный, подтянутый, хорошо одет, в очках, лысый, с запысинами, официальный 4; усы, консервативный вариант одежды, подстриженный 3; брови, скромный в одежде, образцовый, самодовольный, суровый, высокомерный, сотовый телефон, ботинки, портфель, представительный, приятный, властный взгляд 2.*

2. Прослеживается гендерная специфика в оценке начальников: женщины, характеризуя типичную внешность начальников, дали 42 определения, демонстрируя большую наблюдательность, чем мужчины, которые дали 29 определений. Женщины детально описывают внешность начальников: цвет костюма, обувь, прическу (*лысый, опрятная прическа*), различные аксессуары (*телефон, папка, очки*), особенности телосложения (*стройный, подтянутый, высокий брюнет, полный, крупный, пузатый, упитанный, солидный*), аккуратность (*чистый, аккуратный, опрятный, грязные ноги*). Мужчины дают преимущественно общие внешние характеристики: *серье́зный, образцовый, суровый, ухоженный, красивый, хмурый*.

Мужчины и женщины, определяя особенности характера начальников, единодушно дают в подавляющем большинстве случаев негативные характеристики: *нервный, надменный, агрессивно скрытный, Фюрер, подавляющий сопротивление, взрывной, высокомерный, несговорчивый, нетерпеливый, толстокожий, властолюбивый, жадный, своенравный, недовольный, ругает, распекает, орет, наказывает, распоряжается, бегает, учит, жестикулирует, командует; грубый, лживый, холерик, впадающий в истерики, хитрый, высокомерный, упрямый, вредный, ужасный, злая, увертливый*. Из 76 приведенных характеристик – 37 негативных.

Таким образом, семантическая структура слова *начальник* в языковом сознании носителей русского языка в опоре на наиболее яркие признаки, выявленные в эксперименте, выглядит так: *начальник – это человек, который руководит, управляет, ругает, пишет и отдает приказы, уравновешенный, в деловом костюме, полный, аккуратный, сидит в кресле, орудует ручкой*.

Национально-культурные коннотации образов русской природы

Национально-культурный компонент значения занимает особое место в этнически маркированной языковой картине мира. В разные периоды исследования этот компонент обозначался в лингвистике по-разному: как внутренняя форма языка (у В. Гумбольдта), как специфическая категория-зация мира средствами определенного языка в теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, как концентрированное выражение культурного контекста (у Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), как часть концептосферы языка (у Д.С. Лихачева).

Чтобы рассмотреть этот компонент как национально-культурную коннотацию, обратимся к структуре коннотации. В.И. Говердовский выделяет четыре ее типа: экспрессивно-оценочный, языковой, историко-языковой и историко-культурный. Наиболее значительную долю среди слов, обладающих национальной спецификой, составляют слова, маркированные коннотацией историко-языкового и историко-культурного типов, особенно коннотацией культуры (Говердовский 1989).

Г.М. Шипицына в числе наиболее регулярных компонентов системно-языкового значения слова выделяет комплекс прагматических сем: историко-культурная, ассоциативно-национальная, национально-языковая семы, семы национального и индивидуального эгоцентризма, связанные с особенностями восприятия значения, социально-ассоциативная и индивидуально-ассоциативная семы (Шипицына 1993, с.68). Первые четыре типа сем (историко-культурная, ассоциативно-национальная, национально-языковая семы и сема национального эгоцентризма) представляют собой национально-культурную коннотацию.

Коннотация этого типа обозначается в лингвистике в зависимости от объема и набора коннотативных компонентов как «географическая или региональная коннотация» (Rossipal 1973, с.5), «индикаторная коннотация» (Rössler 1979, с.64), «культурный компонент» (Комлев 1969, с.116), «культурно-цивилизационное со-значение» (Комлев 1992, с.52), «национально обусловленный культурный компонент» (Бельчиков 1988, с.30), «культурная коннотация» (Говердовский 1989, с.124; Токарев 2003), «культурно-национальная коннотация» (Телия 1996, с.215). Мы придерживаемся термина *национально-культурная коннотация*.

Опираясь на положение Умберто Эко, который представлял коннотацию как “Summe aller kulturellen Einheiten, die das Signifikans dem Empfänger institutionell ins Gedächtnis rufen kann” – «сумму всех культурных единиц, которые институционально могут вызвать сигнификат в памяти слушающего» (Eco 1972, с.111), О.И. Быкова определяет национально-культурную коннотацию как «комплекс особым образом структурированных разнопорядковых,

потенциальных ассоциативных и социокультурных признаков микрофрейма, этноконнотатов» (Быкова 2003, с.57).

Структура национально-культурной коннотации определяется как гетерогенная, содержащая в качестве дифференциальных компонентов «локус» и « temporальную определенность», детерминированные концептуальной картиной мира данной лингвокультурной общности. В состав национально-культурной коннотации входят этноконнотат и этноэмотив (входящий в этноконнотат). Его функцией является выражение эмоций говорящего с идиоэтнической спецификой, которая обусловливается культурно-национальным своеобразием критерииев оценки, связанных с коренящимися в картине мира лингвокультурной общности ее национально-специфическими стереотипами, по Н.А. Красавскому, – особенностями менталитета, народной психологии, национального характера того/иного этноса (Красавский 1999, с.163).

Мы формулируем наше понимание национально-культурной коннотации, исходя из следующего определения коннотации и предмета этнолингвистики. **Коннотация** – это выраженное в соответствующих компонентах лексического значения слова определенное отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции или оценки, а также стилистическая информация, характеризующая ситуацию общения (Попова, Стернин 1984). С другой стороны, предметом этнолингвистики является «отражение в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний» (Толстой 1982). Имея в виду эти два момента, можно попытаться определить национально-культурную коннотацию как выраженное в соответствующих компонентах лексического значения слова определенное, национально-специфическое и непосредственно связанное с концептосферой народа отношение говорящего к предмету номинации.

Цель данной работы – определить специфику национально-культурной коннотации как особой семантической категории на конкретном языковом материале. В качестве материала мы избрали лексемы русского языка, презентирующие примарные (Болдырев 1999, с.17) концепты *лес, поле, степь, луг, гора, овраг, море, река, озеро, пруд, болото* в русском языке, содержащиеся в текстах русских народных паремий, загадок и сказок.

Лексемы, вербализующие концепты, составляющие образ родной природы в русском языке, были предварительно выделены методом сплошной выборки из словарей и окончательно отобраны в результате анализа текстов. Выявлению национально-культурных сем образов родной природы предшествовало определение ядра каждого из концептов методами анализа значения ключевых слов по словарям и их семемного анализа. Толкования значений рассматриваемых в работе слов сверялись с содержащимися в авторитетных словарях русского языка. Для расширения набора признаков концепта были использованы этимологический анализ и анализ интерпретационного поля – обстановочных контекстов (Бельчиков 1988, с.31) концептов (паремии, загадки, сказки).

Выявление непосредственно национально-культурных сем образов родной природы осуществлялось посредством сопоставления значений слова,

зафиксированных в словарях, с установленными нами признаками репрезентируемых этими лексемами концептов. Некоторые национально-культурные признаки концепта отражены в словарях с пометками «народно-поэтическое»; другие признаки концептов не отражены в словарях. Поскольку эти коннотативные значения появляются с высокой регулярностью в фольклорных текстах, можно считать их национально-культурными коннотациями в соответствии с принятым нами определением национально-культурной коннотации как выраженного в соответствующих компонентах лексического значения слова определенного, национально-специфического и непосредственно связанного с концептосферой народа отношения говорящего к предмету номинации.

В результате предпринятого анализа мы установили национально-культурные коннотации каждого из указанных концептов, а также их относительную яркость, отражаемую частотностью. Эти данные представлены в таблице «Количественные характеристики национально-культурных коннотаций концептов элементов рельефа». В таблице по вертикали представлены коннотации, выявленные в отдельных концептах. По горизонтали в процентах приводится число примеров употребления данной лексемы (от общего числа зафиксированных нами примеров), в которых выявлена соответствующая коннотация.

Количественные характеристики национально-культурных коннотаций концептов элементов рельефа

№	Коннотация	КОНЦЕПТЫ											
		лес	поле	луг	степь	гора	овраг	море	озеро	пруд	река	богаты	
1.	Место, где возможны чудеса	13,2	12,2	19,6	-	7,8	20	9,9	27	18	8,4	23	
2.	Место обитания животных	10,5	3,3	4,9	-	3,4	-	10,2	13,6	36	5,5	22	
3.	Место, где происходит перемещение	7,2	7,5	2,9	7,7	8,6	-	15,2	3,4	-	10,5	9,3	
4.	Опасное место / Гибельное место	2,2	-	-	-	1,4	-	15	4,5	9	10,5	2,3	
5.	Препятствие при передвижении	2,6	-	-	-	1	26	4,4	8	-	3,4	15	
6.	Глухое место / Труднодоступное, изолированное пространство /	1,3	7,2	-	26,9	4,2	-	4,6	2,3	-	-	5,8	

21.	Место, где растет трава	-	1,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22.	Открытое просторное ровное место	-	-	7,8	-	-	-	-	-	-	-	-
23.	Тяжелое, неподвижное	-	-	-	-	1,5	-	-	-	-	-	-
24.	Место, где происходят сражения	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25.	Высокое место	2,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26.	Место, где много одинаковых единиц	3,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Как показывает таблица, национально-культурные коннотации «Место, где возможны чудеса», «Место обитания животных» и «Место, где происходит перемещение» фиксируются у большинства исследованных концептов. Также у многих концептов фиксируются коннотации «Опасное / гибельное место» (лес, гора, море, озеро, пруд, река), «Препятствие при передвижении» (лес, гора, море, озеро, река), «Мера пространства, отдаленное место» (лес, степь, море, озеро, река), «Глухое место, где нет новостей и люди «темные» / Труднодоступное, изолированное пространство / Пустынное, необжитое место, противопоставленное дому и человеку» (лес, гора, поле, море, озеро, болото), «Источник материальных благ» (лес, поле, гора, пруд, река), «Граница между своим и чужим пространством, чужое пространство» (лес, гора, море, река), «Место отдыха» (лес, поле, река), «Большая величина» (гора, озеро, река).

Только отдельные концепты (два и меньше) обнаружили следующие коннотации: «Место казни» (лес, поле), «Огороженное место / Собственность, место, находящееся рядом с дворцом, домом» (поле, луг), «Место, где растут отдельные деревья» (луг, гора), «Укрытие» (лес, овраг), «Параллель миру, людям» (море), «Бурное, непредсказуемое» (море), «Враждебная стихия» (море), «Глубокое место» (море), «Гаинственное, неизвестное место» (лес), «Место, где много одинаковых единиц» (лес), «Высокое место» (лес), «Место, где растет трава» (поле), «Место, где происходят сражения» (поле), «Открытое просторное, ровное место» (луг), «Тяжелое, неподвижное» (гора).

В трех концептах (поле, озеро, болото) доминирует коннотация «Место, где возможны чудеса»; в двух (море, гора) концептах наибольшую яркость обнаруживает коннотация «Место, где происходит перемещение»; в двух (лес, поле) – коннотация «Источник материальных благ» (две коннотации концепта поле имеют одинаковую яркость).

Высокая или низкая яркость коннотаций определяется их универсальностью («Место, где возможны чудеса», «Место обитания животных», «Место, где происходит перемещение», «Опасное место / Гибельное место», «Препятствие при передвижении», «Труднодоступное место») или специфичностью

для элементов рельефа. Таковы, например, коннотации концепта *море* – «Бурное, непредсказуемое», концепта *гора* – «Тяжелое, неподвижное», концепта *поле* – «Место, где растет трава», концепта *лес* – «Таинственное, неизвестное место» и др.

Доминирование тех или иных коннотаций отражает, вероятно, степень их релевантности с точки зрения русского национального сознания. Так, доминирование коннотации «Место, где возможны чудеса» обусловлено связью традиционной народной культуры с архаической моделью мира, яркость коннотации «Место обитания животных» – большим значением фауны и как промысла, и как источника потенциальной опасности. Аналогичным образом и другие коннотации базируются на практической (хозяйственной, бытовой) и «географической» (связанной с ориентацией в пространстве) потребностях.

-
1. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. Отв. ред. Ю.Н. Карапулов. М., 1988. С.30-35.
 2. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура: В 3 ч. Ч.1. Тамбов, 1999. С.15-18.
 3. Быкова О.И. Открытость структуры этноконнотата // Проблемы вербализации концепта в семантике языка и текста: В 2 ч. Ч.1. Волгоград, 2003. С.56-62.
 4. Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.
 5. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры. М., 1969.
 6. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992.
 7. Красавский Н.А. Семантическая структура номинантов эмоций в немецком и русском языках // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и культурной семантики. Волгоград, 1999. С.162-172.
 8. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
 9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragmaticический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 10. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале презентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград, 2003.
 11. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1982. Т.41. №5. С.397-405.
 12. Шипицына Г.М. Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами // Филологические науки. 1993. №3. С.67-75.
 13. Eco Umberto. Einführung in die Semiotik. München, 1992.
 14. Rossipal Hans. Konnotationsbereiche, Stiloppositionen und die sogenannten „Sprachen“ in der Sprache // Germanistische Linguistik. 1973.Н. 4. S.1-87.
 15. Rössler, Gerda. Konnotationen. Untersuchungen zum Problem der Mit- und Nebenbedeutung // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1979. Beihefte. Neue Folge. Nr. 29. Der Zeitschrift für Mundforschung. Wiesbaden. S.1-177.

Языковая личность президента в аспекте национальных ценностей

В современной лингвистике принято рассматривать человека, принимая во внимание все возможные измерения его взаимодействия с окружающим миром и учитывая, что личность в значительной мере является продуктом общественного развития. В то же самое время опыт современных гуманитарных исследований свидетельствует о том, что, хотя личность воспитана своей эпохой, ее общественным сознанием, психологией, культурой, системой разрешений и запрещений, социальный опыт разных лиц никогда не бывает тождественным.

Реальная личность всегда обладает рядом типических свойств, ролевых и статусных характеристик, отражающих её социальную составляющую. Эта социальная составляющая нередко предопределяет характер коммуникативного поведения человека.

Совокупность конкретных коллективно-психологических факторов, характерных для языкового мышления социальных групп, составляет «языковой паспорт» личности (термин Е.Д. Поливанова).

Придерживаясь в целом деятельностного подхода к изучению личности, Ю.Н. Кацулов выдвигает на первый план интеллектуальные (в его трактовке – когнитивные) характеристики личности и вводит понятие «языковая личность», определяя её как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) определённой целевой направленностью (прагматический уровень); б) глубиной и точностью отражения действительности (когнитивный уровень); в) степенью структурно-языковой сложности (вербально-семантический уровень) (Кацулов 1987, с.45-46).

Вопросы изучения языковой личности представляются актуальными и для нашего исследования, поскольку языковую личность главы государства в политическом дискурсе также можно охарактеризовать с позиций норм и ценностей, языкового сознания, коммуникативного поведения. Таким образом, языковая личность может быть изучена с точки зрения ценностного, познавательного и поведенческого аспектов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. В данной статье мы рассмотрим ценностный план изучения языковой личности, проявляющейся в нормах поведения, закреплённых в языке.

Под ценностью в аксиологии понимается объект разнообразных человеческих желаний и устремлений. Такое понимание ценностей оказывается близким обыденному, житейскому сознанию. М. Вебер разделяет представление о ценности как о норме, способом бытия которой является значимость для субъекта (Вебер 1990). П.С. Гуревич называет ценностью «личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и

информации, но и собственного жизненного опыта человека» (Гуревич 1995, с.120).

Важнейшим средством выражения ценностей являются оценки, нормы и оценочные стереотипы. В конкретном акте оценки наблюдается взаимодействие общечеловеческой системы ценностей и ценностной системы автора оценки как представителя своей социальной группы. Всё, что интерпретируемо в терминах ценностных установок, мировоззрения и миропонимания народа, признаётся релевантным в аспекте национальной культуры (Демьянков 1994). Важнейшим инструментом измерения ценностей в дискурсе являются концепты, понимаемые как многомерные смысловые образования, определяемые в языковой форме и имеющие ценностные измерения.

Существуют общечеловеческие ценности (как этические, так и утилитарные); ценности, свойственные определённому типу цивилизации (например, нормы поведения согласно тому или иному вероучению); ценности, характеризующие определённый этнос, а также подгруппы внутри этноса (такие этногрупповые ценности лингвистически выделяются в регионах и социолектах). Наконец, выявляются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности. Соответственно коммуникативную личность можно охарактеризовать в ценностном аспекте по соотношению доминантных ценностей, по степени их дифференциации и т.д. (Карасик 2002, с.26).

Ценностные ориентиры языковой личности прослеживаются в любом из типов дискурса, будь то обыденное или институциональное общение. Вместе с тем в определённых сферах общения личностная специфика оценки проявляется более выраженно, чем в других. Например, политический дискурс весьма насыщен ценностными знаками. Политическая лексика обнаруживает значительную оценочную лабильность в зависимости от предпочтений и позиций тех, кто использует соответствующие слова.

Национальные ценности находят своё отражение в том числе в речах глав государств. Так, практически все президенты США, обращаясь к своему народу, говорят о том, что необходимым условием роста и благосостояния нации для американцев является равенство возможностей, эгалитаризм. Предоставление такого равенства – одна из основных задач лидеров государства как в XIX-м, так и в XX-м веке.

“Equal rights for all, special privileges for none” (Thomas Jefferson). – «Равные права для всех, особых привилегий – никому».

“More than 100 years ago, Abraham Lincoln said that our Nation could not exist half-slave and half-free. We know a peaceful world cannot long exist one-third rich and two-thirds hungry” (James E. Carter). – «Более чем 100 лет тому назад Авраам Линкольн сказал, что американская нация не может быть наполовину рабской и наполовину свободной. Мы знаем, что мир не может быть на одну треть богатым и на две трети голодным».

Американские президенты ориентируют своих сограждан на будущее/оптимизм.

“This great nation will endure as it has endured, will revive and will prosper” (Franklin D. Roosevelt). – «Эта великая нация выстоит, выживет и будет процветать».

“Democrats should be of good cheer and proud because America is a better place than it was in 1992” (W.J. Clinton). – «Демократы имеют повод быть довольными собой, потому что Америка изменилась в лучшую сторону после 1992 года».

Однако нельзя не отметить, что оптимизм по-американски – не слепая вера в удачу. Франклин Рузвельт говорит о том, что его страна выстоит, потому что Соединённым Штатам уже приходилось оказываться в непростых исторических ситуациях, и они с честью выходили из них. Мысль Клинтона сводится к тому, что его администрация хорошо поработала в течение 7 лет в интересах народа, а потому имеет право на оптимизм. Таким образом, естественный, природный оптимизм в сочетании со стремлением к успеху даёт возможность американцам уверенно смотреть в будущее.

В американском политическом дискурсе общество ориентируется на изменение и динамику действий.

“I shall try to correct errors when shown to be errors, and I shall adopt new views as fast as they shall appear to be true views” (Abraham Lincoln). – «Я обещаю исправить свои ошибки и изменить свои взгляды, как только появится необходимость в новых взглядах».

“Since the beginning of our American history, we have been engaged in Change – in a perpetual peaceful revolution – a revolution which goes on steadily, quietly adjusting itself to changing conditions” (Franklin D. Roosevelt). – «С самого начала нашей истории мы живём в условиях мирной революции, имя которой Изменение и которая протекает мирно, постепенно приспосабливаясь к новым обстоятельствам».

Данные примеры показывают, что изменение воспринимается американскими политиками как адекватная реакция на появление новых обстоятельств. По их мнению, изменение взглядов или позиций человека возможно, если они утратили свою актуальность. В высказывании Франклина Рузвельта заложено глубокое понимание изменения как поступательного и эволюционного процесса, служащего залогом развития общества.

Анализ речей президентов США показал, что в них представлены такие установки сознания, как эгалитаризм, оптимизм, динамичность действий и другие. Таким образом, президенты США в своих речах упрочивают национальные ценности и морально-этические устои общества в целом.

Безусловно, ценностные установки и ориентиры определяются соответствующей культурой, под влиянием которой находится и отдельная языковая личность. В частности, для австрийской президентской риторики характерны ценностные ориентиры, отражающие национально-культурную специфику и историю Австрийской Республики. Для австрийского народа, оказавшегося во времена Второй Мировой войны под гнётом фашизма, особую ценность составляют независимость, нейтралитет и безопасность государства. Подтверждением этому являются наиболее известные речи президента Австрии Томаса Клестиля, выполнявшего свои обязанности в течение 12 лет:

“Die Neutralitaet ist nicht Selbstzweck, sondern dient der Sicherheit unseres Landes... Europas Sicherheit ist auch unsere Sicherheit” (T. Klestil). – «Нейтрализация – не самоцель, он служит безопасности нашей страны... Европейская безопасность – это также и наша безопасность».

Знаменуя своим выступлением начало председательствования Австрии в Европейском Союзе, Томас Кlestil заявляет: “Oesterreich ist selbstaendig. Es ist das Land, in dem jeder seinen Platz und seine Mitverantwortung hat” (T. Klestil). – «Австрия – самостоятельная страна, в которой у каждого есть своё место и своя доля ответственности».

Сегодня в России одной из основных задач является достижение единения всех граждан, национальностей и конфессий. Не случайно президент России Владимир Путин в своих обращениях к народу подчёркивает важность этой национальной идеи: «Вместе мы должны сделать Россию сильной и единой». Эта задача особенно актуализируется в трагические моменты истории современной России: «Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага» (В.В. Путин после теракта в Беслане 4.09.04).

Таким образом, ценностные доминанты в разных культурах могут быть как универсальными, так и специфическими – в зависимости от исторической и культурной традиции страны. Ценностные установки и ориентиры общества влияют на коммуникативное поведение языковой личности, что определяет в том числе и создание этой личностью соответствующих речевых произведений, примеры которых были рассмотрены в данной статье.

-
1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
 2. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994.
 3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / Вопросы языкознания. 1994. №4. С.17 – 23.
 4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
 5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Активные процессы в современном русском языковом сознании

Г.Ю. Юмашева

Основные тенденции развития стилистических парадигм русского существительного

Откликаясь на все изменения, затрагивающие русскую лексику на современном этапе, стилистические парадигмы русского существительного демонстрируют заметную динамику развития.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что в стилистической парадигматике русской лексики находят отражение следующие динамические тенденции:

- 1) расширение синонимических рядов происходит преимущественно за счет лексики сниженных стилистических регистров;
- 2) межстилевые единицы демонстрируют тенденцию к приобретению прежде всего стилистически сниженных синонимов;
- 3) сниженная лексика существенно расширяет сферу своего функционирования в языке;
- 4) стилистические неологизмы возникают, в основном, в разговорном, просторечном и жаргонном пластиках лексики.

Анализируя стилистические изменения в русской лексике 90-х г., И.А. Стернин отмечает, что они, прежде всего, затрагивают изменения функционально-стилистического компонента значения широкого круга единиц (Стернин 2004). Особо исследователь останавливается на межстилизации лексики как одной из основных тенденций современного развития языка.

Проведенный анализ показывает, что отмечаемый исследователями (О.П. Ермакова, О.В. Загоровская, И.А. Стернин, О.В. Милованова) процесс утраты целым рядом лексических единиц функционально-стилистического компонента *книжное* в системе анализируемой нами субстантивной лексики не носит масштабного характера. Анализ языкового материала позволяет выделить некоторые лексические единицы, демонстрирующие тенденцию к утрате стилистического компонента *книжное* и приобретению компонента *межстилевое*, но их количество на общем фоне невелико. Сопоставление стилистических характеристик имен существительных в словарях синонимов З.Е. Александровой 1975 г. и 1989 г. (в дальнейшем ССА-75 и ССА-89), выявило следующие слова, имеющие в ССА-75 помету *книжное* и не имеющие ее в ССА-89: гангстер (доминанта *бандит*), дегенерат (доминанта *вырожденец*), чародей (доминанта *колдун*), вандал (доминанта *варвар*), обитатель (доминанта *житель*).

При сопоставлении стилистических помет в ССА-89 и в Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова (в дальнейшем БТС) выявлены следующие слова, утратившие помету *книжное*: апологет (доминанта *защитник*), анналы (доминанта *летопись*), антагонист (доминанта *противник*), мессия (доминанта *спаситель*), пария (доминанта *отщепенец*), сомнамбула (доминанта *лунатик*), фекалии (доминанта *исправления*), фолиант (доминанта *книга*).

Отмечаются случаи утраты помет, указывающих на специальную область применения слова. Так, существительное *дерматолог* (доминанта *кожник*) в ССА-89 имеет помету *мед.*, отсутствующую в БТС.

Существительное *токсин* (доминанта *яд*) в словаре ССА-75 и в ССА-89 имеют помету *мед. биол.*, отсутствующую в БТС.

Существительное *прихожане* в словаре синонимов ССА-75 имеет помету *церк.*, в БТС такая помета отсутствует.

В целом же пополнение межстилевой лексики идет преимущественно за счет разговорных лексических единиц, приобретающих стилистический компонент *межстилевое*.

Данная тенденция обнаруживается уже при сопоставлении стилистических характеристик определенной группы слов в ССА-75 и ССА-89. Все приведенные ниже слова (если рядом со словом не указана доминанта, следовательно, это слово само является доминантой синонимического ряда) в ССА-75 имеют стилистическую помету *разговорное*, а в ССА-89 – данные примеры даются без помет: ватник, гнилье (доминанта *гниль*), горняк (доминанта *шахтер*), искусник (доминанта *мастер*), очковтиратель, оригинал (доминанта *чудак*), посредственность (доминанта *бездарность*), половник, пустослов, расческа (доминанта *гребень*), спиртное (доминанта *алкоголь*), скотина (доминанта *скот*), специалист (доминанта *мастер*), счастливчик (доминанта *счастливец*), бездельник, рыболов (доминанта *рыбак*), ветренник, медик (доминанта *врач*), мама (доминанта *мать*), квартирант (доминанта *жилец*).

Процесс утраты стилистического компонента *разговорное* прослеживается также при сопоставлении стилистических характеристик имен существительных в ССА-89 и БТС.

Все приведенные ниже примеры в БТС даны без пометы *разговорное*: еда (доминанта *пища*), гребешок (доминанта *гребень*), беловик (доминанта *чистовик*), топчан (доминанта *лежак*), босс (доминанта *начальник*), книжка (доминанта *книга*), колючка (доминанта *шип*), лавка (доминанта *скамья*), пластинка (доминанта *грампластинка*), попадья, столетник (доминанта *алоэ*), старики (доминанта *родители*).

Наиболее ярким в субстантивной лексике является процесс коллоквализации, т.е. процесс перехода единиц более низких стилистических разрядов в разговорные. Данные словарей довольно последовательно отражают переход единиц из разряда *просторечное в разговорное*.

Приведенные ниже примеры изменения стилистических характеристик зафиксированы при сопоставлении стилистических помет имен существительных в ССА-75 и ССА-89: бобик (доминанта *собака*), глазищи (доминанта *глаза*), дуралей (доминанта *дурак*), дурачина (доминанта *дурак*), дубье (доминанта *дурак*), дурень (доминанта *дурак*), дурачье (доминанта *дурак*), драндулет (доминанта *повозка*), ехидна (доминанта *злюка*), заяц (доминанта *безбилетник*), идиот (доминанта *дурак*), колдобина (доминанта *яма*), мелкая сошка (доминанта *ничтожество*), набитый дурак (доминанта *дурак*), орава (доминанта *толпа*), рева (доминанта *плакса*), хам (доминанта *невежа*).

Об активизации этого процесса свидетельствует возросшее количество примеров с изменившейся стилистической характеристикой *просторечное (разговорное)*, выявленных в ходе сопоставления стилистической паспортизации существительных в ССА-89 и БТС: бабник (доминанта *женолюб*), бабка (доминанта *знахарка*), баранка (доминанта *руль*), безотцовщина (доминанта *сирота*), дока (доминанта *знаток*), закусон (доминанта *закуска*), закусь (доминанта *закуска*), задница (доминанта *зад*), зубоскал (доминанта *насмешник*), котелок (доминанта *голова*), квиток (доминанта *квитанция*), киношник (доминанта *кинематографист*), краюха (доминанта *кусок*), кино (доминанта *фильм*), латка (доминанта *заплата*), мастак (доминанта *знаток*), малец (доминанта *мальчик*), недотепа (доминанта *растяпа*), наколка (доминанта *татуировка*), пашан (доминанта *мальчик*), пятерня (доминанта *рука*),

племяшка (доминанта *племянница*), поросенок (доминанта *неряха*), разносолы (доминанта *кушанье*), родич (доминанта *родственник*), столовка (доминанта *столовая*), технарь (доминанта *техник*), телик (доминанта *телеизор*), фотка (доминанта *фотография*), хохмач (доминанта *остряк*), хохол (доминанта *украинец*), численник (доминанта *календарь*), читалка (доминанта *читальня*) и др. (всего 105 единиц).

Подобные факты дают основание говорить о том, что сниженная лексика, в данном случае просторечная, активно поднимается вверх по «стилистической лестнице».

Данный процесс охватывает и сферу жаргона, чему способствует особая интенсивность взаимодействия литературного языка с просторечием и жаргонами. Активное включение этих пластов лексики языка в средства массовой информации способствует расширению периферии синонимических рядов. Сам факт фиксации многочисленных новых синонимических соответствий отражает естественное обогащение реальной синонимики русского языка. Именно становление устойчивых синонимических связей со словами литературного языка является важным шагом продвижения субстандартных единиц в литературный язык, несмотря на стремление изолировать его от жаргона.

Повышенная частотность употребления единиц из разрядов функционально-ограниченной лексики в различных сферах общения лексических определяет их актуализацию в современном речевом общении.

С одной стороны, в стилистических парадигмах имен существительных отмечается факт новообразований в сфере жаргона, большую часть составляют заимствованные англицизмы, особенно в сфере молодежного жаргона: мэн (доминанта *мужчина*), бой (доминанта *юноша*), вайф/вайфа (доминанта *жена*), кент, кентарп, кентуха (доминанта *друг*), рэрены, парэнсы, парэнты (доминанта *родители*), френды, френдуха (доминанта *подруга*), шуз, шузы (доминанта *ботинки*), фейс, фейсина (доминанта *лицо*), тэн, тэнок (доминанта *десятирублевка*), сингарша (доминанта *певица*).

При этом в современных словарях жаргонным единицам даются разные пометы. Например, слова бычок (доминанта *окурок*), лабух (доминанта *музыкант*), тачка (доминанта *автомобиль*), толчок (доминанта *унитаз*), чинарик (доминанта *окурок*) в ССА-89 даны как *просторечное*, в БТС – как *жаргонное*.

В данном случае помета *жаргонное*, зафиксированная в БТС, скорее указывает на «стилистическую этимологию» данных слов, поскольку они вышли за рамки жаргона и их скорее можно отнести уже к общенациональному сленгу, процесс формирования которого отмечается лингвистами (О.П. Ермакова, Е.Л. Земская, Р.И. Розина, И.А. Стернин, О.В. Загоровская).

«Под сленгом понимается общенациональный жаргон, то есть совокупность общеизвестных лексических и фразеологических единиц, носящих сниженный стилистический характер и обладающих экспрессивностью. Важной чертой сленга является то, что жаргонный характер образующих его единиц отчетливо осознается говорящими, осознается и экспрессивность, образность, яркость, сочность этих единиц, что искушает говорящих к использованию данных единиц в речи» (Стернин 2004, с.40).

В иерархии функционально-стилистических пластов сниженной лексики сленг занимает место ниже пласта разговорной лексики, но выше пласта лексики жаргонной, просторечной. Образование сленга из жаргонов также представляет собой движение лексических единиц вверх по «стилистической лестнице», и многие из этих единиц впоследствии демонстрируют дальнейшую тенденцию к переходу из сленга в разговорный пласт лексики (ср. *татчка*).

Исследование показало, что в целом для стилистической системы русского языка характерна тенденция к расширению пласта разговорной лексики за счет единиц более низких стилистических разрядов (просторечие, жаргон, сленг). При этом имеющиеся словари русского языка фиксируют стилистическую принадлежность и стилистические изменения в словах достаточно непоследовательно, и здесь необходимы дополнительные исследования.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Воронеж, 2004.

М.М. Иванова

**Слово «предприниматель»
в русском языковом сознании**
(на материале словарных статей)

Слова, образующие лексико-семантическую группу «Наименования лиц по занятию предпринимательской деятельностью», являются ярким примером отражения в языковом сознании народа особенностей исторического и экономического развития страны. Одним из ключевых в указанной ЛСГ является слово «предприниматель».

Слово *предприниматель*, по мнению В.В. Виноградова, появилось в книжном русском языке не ранее 40-50-х годов XIX века. «Слово *предприниматель* (от глагола *предпринимать*) в русском языке появилось позднее, чем слово *предприятие*. Оно (предприниматель – М.И.) образовано под сильным влиянием французского слова *entrepreneur*. В журнально-публицистическом языке 50-х годов XIX века это слово звучало как неологизм» (Виноградов 1999, с.980).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля слово *предприниматель* дается в словарной статье слова *предпринимать* и истолковывается как «предпринявшій что-либо». Значение слов *предпринимать*, *предпринять* – «затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного», далее слово *предприимчивый* – «склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам; смелый, решительный, отважный на дела этого рода».

С развитием инфраструктуры капиталистической системы хозяйствования в конце XIX - начале XX века слова, составляющие ЛСГ «наименования лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью», и, прежде всего, слово

предприниматель, вошли в повседневный язык большинства населения России и пополнили активный лексический запас. Но Первая Мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война разрушили основу для развития предпринимательства. Некоторое оживление предпринимательской деятельности начинается в 1921-1926 годах в условиях новой экономической политики – нэпа. Но сворачивание нэпа и монополия общественной, государственной собственности на многие десятилетия подорвала основы предпринимательства. До середины 80-х годов XX века предпринимательская деятельность в России была запрещена. Официально была разрешена только «работа старателей и единоличников» (Лапуста 2004, с.14).

В языке это отразилось следующим образом: большинство слов, обозначающих различные стороны предпринимательской деятельности, ушли из активного употребления в пассивный лексический запас. Например, в «Словаре языка Совдепии», который, по замыслу авторов, «должен всесторонне представить советскую эпоху в лексическом отображении» (Мокиенко 1998, с.9) отсутствуют слова *предприниматель, предпринимчивый*.

Но в условиях социалистической системы хозяйствования и официального запрета на самостоятельную экономическую деятельность стала развиваться т.н. «теневая» экономика. Под влиянием жесткого идеологического контроля в языковом сознании подавляющего большинства советских людей слово *предприниматель* обрело семы «действует в капиталистическом обществе», «действует с нарушением закона», «действует в целях личной выгоды», «неодобрительное», а в толковых словарях русского языка советского периода это слово стало иметь два значения. Сравним:

Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова: 1. *Капиталист – владелец промышленного или торгового предприятия.* 2. *Человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий (неодобр.).*

Словарь под редакцией С.И. Ожегова: 1. *Капиталист, владеющий предприятием.* 2. *Предприимчивый человек, делец.*

Словарь под редакцией А.П. Евгеньевой: 1. *Капиталист – владелец промышленного, торгового и т.п. предприятия.* 2. *Неодобр. Делец, ловкий организатор выгодных предприятий.*

Слово же *предприимчивый* в словаре Д.Н. Ушакова имеет помету книжн. и толкуется так: «Энергичный и находчивый, обладающий практической сметкой, изобретательностью и энергией». Словарь А.П. Евгеньевой практически повторяет словарь Д.Н. Ушакова: «Энергичный, находчивый и изобретательный, обладающий практической сметкой». В словаре С.И. Ожегова видим небольшие отличия: «Умеющий предпринять что-нибудь в нужный момент, находчивый, изобретательный и практичный». Пометы книжн. слово *предприимчивый* в этих словарях уже не имеет. Интересно, что в этих словарных дефинициях нет оценочного компонента значения. Во всяком случае, нет неодобрительной оценки. Можно предположить, что в сознании носителей языка существовало противоречие в восприятии слова *предприниматель*: «Предприниматель – это предприимчивый человек. Предприимчивый – это скорее хорошо, чем плохо. Но предприниматель – это плохо». Возможно, именно это противоречие способствовало тому, что слова

предпринимчивый, а вместе с ним и *предприниматель*, приобрели двуоценочность.

Изменения, произошедшие в конце XX века в общественно-политической и экономической системе России, не могли не найти отражения в языковом сознании народа. В 80-90 годы XX века происходит возвращение слова «*предприниматель*» в активный словарный запас, но в представлении многих носителей языка оно имеет резко отрицательную оценку. Это обусловлено многими факторами, в том числе и тем, что государство, провозгласив ценность предпринимательства, не позаботилось о цивилизованных способах ее утверждения. На примере слова *предприниматель* можно было наблюдать «процесс групповой семантической дупликации – единое ранее значение раздваивается, превращаясь фактически в две семемы, различающиеся по семному составу и функционирующие в разных социальных группах. В среде предпринимателей данная лексема выступает в значении «руководитель, организатор производственной, коммерческой деятельности», а у определенных социальных слоев общества для этого слова сформировалось значение «лицо, занимающееся бизнесом, наживающее деньги легким или нечестным трудом и в силу этого имеющее много денег» (Стернин 2004, с.33-34.).

В «Русском семантическом словаре» слово *предприниматель* входит в состав разных подмножеств лексического класса «Названия лиц».

Во-первых, в подмножество [Названия лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиями, функциями, отношениями] «в хозяйственной, экономической сфере деятельности» в составе лексико-семантического ряда «в сфере предпринимательства, торговли, финансов; общие обозначения»: *Предприниматель* – деятель в экономической, финансовой сфере – владелец или совладелец предприятия, фирмы (Русский семантический словарь 2000, с.303).

Во-вторых, в составе лексико-семантического ряда «Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность» оно входит в подмножество [Названия лиц] «по чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими чертами характера»: «*Предприниматель* – предпринимчивый и ловкий человек, делец (разг.)» (Русский семантический словарь 2000, с.111).

Несмотря на это, во многих толковых словарях русского языка конца XX века слово *предприниматель* имеет лишь одно значение. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова авторы используют лишь знак смыслового варьирования, не выходящего за пределы основного значения: «Предприниматель – владелец промышленного, торгового и т.п. предприятия. // Организатор выгодного дела, выгодного мероприятия». Как видим, здесь отсутствует сема «капиталист» («характерно для капиталистического общества»), «ловкий человек», «делец», а также отсутствует помета «неодобр.». Подобное толкование дается и в «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. Отличие состоит, в основном, лишь в отсутствии знака смылового варьирования:

«Предприниматель – владелец промышленного, торгового и т.п. предприятия; тот, кто берется за организацию какого-нибудь дела, приносящего доход».

В «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред Г.Н. Скляревской (1998, 2000 гг.) слово *предприниматель* также имеет только одно значение (без смыслового варьирования), в котором появляются семы, характерные для экономического понятия «предприниматель»: «Предприниматель – тот, кто имеет свое дело, владеет предприятием или на свой риск занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход». Однако в числе примеров употребления слова *предприниматель* приводятся особые случаи с пометой *ирон*. Например: *Если носителем протестантской трудовой этики стал Робинзон Крузо, то наши «советские» представления о предпринимателе воплотились в Остапе Бендере. Это не различие литературных эпох и литературных традиций. Это – различие менталитета* (МН, 19.04.92).

В этих словарях толкование слова *предприимчивый* уже не вступает в противоречие с толкованием слова *предприниматель*, а является логичным дополнением, указывающим на важные денотативные компоненты значения этого слова: «Предприимчивый – энергичный, находчивый и изобретательный, обладающий практической сметкой. // Характеризующийся практичностью, деловитостью» (словарь под ред. С.А. Кузнецова); «Предприимчивый – находчивый, изобретательный и практичный» (словарь под ред. Л.Е. Лопатина); «Предприимчивый – способный самостоятельно предпринимать что-либо для дела, идя на риск; способный к новым формам деятельности, активный, инициативный» (словарь под ред. Г.Н. Скляревской).

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современных толковых словарях русского языка лексема *предприниматель* представлена двумя семемами.

Одна семема (**предприниматель 1**) имеет следующий набор сем: человек (лицо); владеет каким-либо имуществом; занимается какой-либо хозяйствственно-экономической деятельностью; цель деятельности – систематическое получение прибыли; проявляет инициативу; проявляет активность в организации какого-либо дела; проявляет находчивость в сложных ситуациях; проявляет изобретательность (склонен к поиску новых решений); может самостоятельно принимать решения; обладает практичностью (практической сметкой); способен к риску (не боится рисковать); успех зависит от личных качеств; успех зависит от профессионального мастерства; неоценочное; неэмоциональное; межстилевое; общенародное; общераспространенное; современное; употребительное.

Другая семема (**предприниматель 2**) имеет такой набор сем: человек (лицо); занимается какой-либо хозяйствственно-экономической деятельностью; цель деятельности – систематическое получение прибыли; использует нечестные способы получения прибыли; проявляет инициативу; проявляет активность в организации какого-либо выгодного для себя дела; проявляет находчивость в сложных ситуациях; проявляет изобретательность (склонен к поиску новых решений); может самостоятельно принимать решения; обладает практичностью (практической сметкой); способен к риску (не боится риско-

ваться); успех зависит от личных качеств; неодобрительное; отрицательно-эмоциональное; межстилевое; общенародное; общераспространенное; современное; употребительное.

Следует сказать, что слово *предприниматель*, являясь общераспространенным, выражает также и специальное экономическое понятие. Термин «предприниматель» в западной экономической науке впервые был использован в XVIII в. французским ученым-экономистом Р. Кантильоном. Под «предпринимателем» он понимал субъекта, который, приобретая производственные ресурсы по определенной цене, намерен произвести товары и реализовать их по цене более высокой в сравнении с затратами, но пока еще не известной ему. Другой французский ученый (Ж. Бодо) считал, что предприниматель – это лицо, несущее ответственность за предпринимательское дело. Это тот человек, который планирует, контролирует, организует и владеет предприятием. Это лицо, совмещающее функции собственника капитала и управляющего им. Для развития своего предприятия предпринимателю необходимо постоянно осваивать новые знания.

Классик экономической теории А. Смит считал, что предприниматель – это собственник капитала, который ради реализации какой-то коммерческой идеи идет на экономический риск и получает прибыль. Французский экономист начала XIX в. Ж.Б. Сэй дает определение сущности предпринимателя, считая, что это экономический агент, который комбинирует факторы производства, перетаскивает ресурсы из сферы низкой производительности и прибыльности в области, в которых они могут дать наибольший результат (прибыль, доход).

Выводы, сделанные из теории зарубежных классиков экономической науки XVIII – XIX вв., можно сформулировать так: предприниматель – это собственник капитала, владелец собственного дела, а также управляющий им, часто совмещающий функции собственности с личным производительным трудом, особенно на первой стадии функционирования собственного капитала (дела). Мотивом предпринимательства является получение прибыли (дохода) путем производства продуктов (выполнения работ) и их реализации конкретным потребителям с учетом спроса (Лапуста 2004, с.10-13).

Во многом современное толкование российскими учеными экономического понятия «предприниматель» базируется на определениях, данных ему экономистами XVIII, XIX, начала XX вв., о которых мы говорили выше, а также на работах зарубежных представителей современной экономической науки. Это обусловлено тем, что в экономике России, а значит, и в экономической науке, в течение многих лет понятие «предпринимательство» находилось под идеологическим запретом и не рассматривалось как развивающаяся система. В экономических словарях советского периода понятия «предприниматель», «предпринимательство» не рассматривались. В «Советском энциклопедическом словаре» под ред. А.М. Прохорова была лишь статья о «предпринимательском доходе»: «Предпринимательский доход – часть прибыли, остающаяся у функционирующего (промышленного или торгового) капиталиста после выплаты процента за банковскую ссуду».

В современной западной экономической литературе существует несколько подходов к характеристике предпринимателя. В одном из них *предприниматель* и *собственник* (т.е. владелец) рассматриваются как синонимичные понятия. Другой подход, напротив, отрицает их тождество. Его сторонники исходят из того, что собственность не выступает существенным признаком предпринимательской деятельности. В последнее время при определении сущности предпринимателя в западной экономической науке делается акцент на использовании им различных инноваций: «*Предприниматель – хозяйствующий субъект, способный начать и вести какое-то выгодное дело, ищущий и воплощающий ранее неизвестные новые рыночные возможности в виде новых товаров, услуг, технологий, новаторских идей, сфер приложения капитала*» (Современная экономическая энциклопедия 2002, с.516).

В российской экономике в настоящее время существуют термины «*предприниматель*» и «*индивидуальный предприниматель*». Они дифференцированы по некоторым признакам. Сравним: «*Предприниматель – гражданин или объединение граждан, занятых инициативной, самостоятельной деятельностью (в производстве, торговле, финансовой сфере, менеджменте, сфере услуг и т.д.), осуществляющей от имени гражданина, под его имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность объединения граждан (юридического лица), цель которой – получение прибыли или личного (коллективного) дохода. Предпринимателями являются граждане и организации, имеющие статус физических и юридических лиц, принимающие участие в хозяйствовании в тех организационно-правовых формах, которые установлены законодательством конкретной страны. В зависимости от формы собственности предприниматель может осуществлять свою деятельность в государственном секторе, частном, а также на условиях смешанных форм хозяйствования. Предпринимателем в определенной сфере деятельности может быть и общественная организация, имеющая статус юридического лица*» (Экономический словарь 2004, с.429).

«*Предприниматель индивидуальный – гражданин, занятый инициативной, самостоятельной деятельностью (в рамках, не запрещенных законом), осуществляющей от своего имени, под свою имущественную ответственность, цель которой – получение прибыли или личного дохода. Индивидуальный предприниматель осуществляет хозяйственную деятельность за свой счет, несет полную имущественную ответственность за ее результаты, сам управляет своим предприятием, полностью самостоятелен в организации и развитии своего дела, единолично решает вопросы распределения полученного дохода после уплаты налогов. Все это обуславливает возможность гибкой адаптации, но и повышает степень риска. Индивидуальный предприниматель имеет право, как и юридическое лицо, привлекать наемный труд, в отличие от юридического лица, имеет право завещать свое имущество. Индивидуальный предприниматель имеет статус физического лица, принимает участие в хозяйствовании в тех организационно-правовых формах, которые установлены законодательством конкретной страны. В России в 90-е гг. юридически оформились две формы индивидуального предпринимательства: а) индивидуальный предприниматель; б) крестьянское (фермерское) хозяйство.*

Наибольшее распространение индивидуальное предпринимательство получило в розничной торговле, сфере услуг, сельском хозяйстве, в различного рода промыслах» (Экономический словарь 2004, с.431).

Проанализировав все вышесказанное можно сделать следующий вывод: терминологически слово *предприниматель* представлено в современных русских экономических словарях двумя семемами. Поскольку лексема *предприниматель* имеет две семемы с общераспространенными значениями, следующие две мы обозначим *предприниматель 3* и *предприниматель 4*.

Семема **предприниматель 3** имеет такой набор сем: хозяйствующий субъект; занимается какой-либо хозяйственно-экономической деятельностью; осуществляет инициативную деятельность; осуществляет самостоятельную деятельность; в процессе деятельности несет юридическую и имущественную ответственность; цель деятельности – систематическое получение прибыли (дохода); имеет право использовать наемный труд; деятельность не должна нарушать законодательство; успех зависит от личных качеств; успех зависит от развитости рыночной инфраструктуры; успех зависит от профессионального мастерства; неоценочное; неэмоциональное; межстилевое; экономический термин; общераспространенное; современное; употребительное.

Семема **предприниматель 4** имеет следующий набор сем: человек (физическое лицо); занимается какой-либо хозяйственно-экономической деятельностью; является организатором дела; управляет организованным делом; осуществляет инициативную деятельность; осуществляет самостоятельную деятельность; в процессе деятельности несет личную имущественную ответственность; цель деятельности – систематическое получение прибыли (дохода); может единолично распределять доходы; имеет право завещать свое имущество; имеет право использовать наемный труд; деятельность не должна нарушать законодательство; успех зависит от личных качеств; успех зависит от развитости рыночной инфраструктуры; успех зависит от профессионального мастерства; неоценочное; неэмоциональное; межстилевое; экономический термин; общераспространенное; современное; употребительное.

Таким образом, в современном русском языке слово *предприниматель* представляет собой семанту, состоящую из четырех семем. Для каждой семемы можно составить синонимический ряд, представляющий данную семему в языковом сознании народа.

Предприниматель 1: владелец, собственник, хозяин, капиталист, бизнесмен, промышленник, товаропроизводитель, коммерсант, торговец, кооператор, акционер, пайщик, частник, фермер, ремесленник, заводчик, фабрикант, землевладелец, нэпман, миллиардер, миллионер, мультимиллионер, магнат, монополист, олигарх, банкир, финансист, деловые люди, деловые круги, бизнес-сообщество, бизнес-элита и другие.

Предприниматель 2: делец, бизнесмен, аферист, авантюрист, спекулянт, перекупщик, ростовщик, мошенник, ловкач, контрабандист, браконьер, пират (видео-, аудио- пират), работторговец, наркоторговец, барыга, деляга, торгаш, жучок, денежный мешок, новый русский, черный старатель и другие.

Предприниматель 3: для обозначения физического лица практически повторяет синонимический ряд семемы «предприниматель 1» + слова,

обозначающие посредническую предпринимательскую деятельность: посредник, дилер, брокер, маклер, дистрибутор, риэлтор и другие. Помимо этого, для обозначения юридического лица можно продолжить этот ряд наименованиями должностей, дающих право подписи и печати: директор, генеральный директор, коммерческий директор, президент (компании, акционерного общества и т.д.), вице-президент, начальник, председатель, сопредседатель, главный менеджер, менеджер, управляющий (компанией) и другие. Кроме того, для обозначения юридического лица могут использоваться слова, называющие организацию, о которой идет речь: предприятие, фирма, компания, концерн, коммерческий банк, акционерное общество, товарищество и другие.

Предприниматель 4: собственник, владелец, частник, фермер, бизнесмен, ремесленник, кустарь, промысловик, старатель, артельщик, единоличник и другие.

Как видим, в состав каждого синонимического ряда входит слово *бизнесмен*. Это обусловлено содержанием значения слов *бизнес* и *бизнесмен*. В настоящее время оно занимает в русском языке и в русском национальном сознании примерно такое же положение, какое около ста пятидесяти лет назад занимало слово *предприниматель*.

-
1. Виноградов В.В. История слов. / Отв. ред академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999.
 2. Лапуста М.Г. Предпринимательство: Учеб. пособие. М., 2004.
 3. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. Воронеж, 2003.
 4. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Воронеж, 2004.
 5. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002.
 6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996.
 7. Словарь русского языка. Сост. С.И. Ожегов. М., 1972.
 8. Словарь русского языка в 4 томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
 9. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 1998.
 10. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Склеревской. СПб., 1998.
 11. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2002.
 12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000.
 13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
 14. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1983.
 15. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Современная экономическая энциклопедия. СПб., 2002.
 16. Экономический словарь / Отв. ред. А.И. Архипов. М., 2004.

О частотном словаре иноязычных слов русского языка

Нами разработана концепция и подготовлен к изданию частотный словарь иноязычных слов современного русского языка (на материале СМИ). Отбор материала для составления словаря осуществлялся методом сплошной выборки. Для получения словарника прослушано и записано в течение 2001-2002 годов 100 часов теле- и радиопередач информационного характера: «Процесс», «Времена», «Время», «Настоящее время», «Персона грата». Были также отобраны номера наиболее авторитетных газет общероссийского и регионального значения: «Известия», «Российская газета», «Правда», «Парламентская газета», «Коммуна». В основном это были ежедневные (иногда еженедельные) газеты, так как они более событийные, менее аналитические. В результате проанализирован в общей совокупности текст объемом около одного миллиона сорока тысяч пятисот словоупотреблений.

В подготовленном словаре слова в списке даются в исходной форме. Для имен это именительный падеж, мужской род, единственное число; для глаголов – инфинитив. Причастия фиксировались в основном в форме прошедшего времени страдательного залога. Имена собственные в список не включались.

В словаре примерно 1700 слов. Каждая лексическая единица имеет 3 количественные характеристики: 1) общая частота словоупотреблений, полученная в результате нашего эксперимента (2000-2002 гг.); 2) общая частота словоупотреблений по данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л.Н. Засориной (1977); 3) общая частота словоупотреблений по данным «Частотного словаря языка газеты» Г.П. Поляковой, Г.Я. Солганика (1971).

«Частотный словарь русского языка» (1977) содержит около 40 000 слов и представляет собой свод статистических данных о лексическом составе современного русского языка. Он составлен по другим источникам (кроме публицистики, использовалась художественная проза и драматургия), поэтому возможны некоторые различия в показателях частоты изначально. Однако это наиболее авторитетный словарь, и мы полагаем, что он дает адекватное отражение частотности ядра русской лексики XX века (с начала XX века до 60-х годов).

«Частотный словарь языка газеты» (1971), составленный по материалам газет «Правда» и «Известия» (1960-1969 гг.), преследует две цели: выделить наиболее употребительную лексику и выявить структуру газетного языка (лексики), раскрыть особенности газетной речи в плане стилистического анализа. Проанализировано 200 000 словоупотреблений. В общий список вошло 1997 слов, имевших частоту не ниже 12.

Наш словарь был создан, чтобы служить материалом для исследования языковых явлений, характеризующих лексику в ее движении, поэтому в него включены и производные от иноязычных слов образования с русскими аффиксами (*бреконьерство, стабильность, террорист, компьютерный*,

беспрецедентный, депутатский и др.), отражена неустойчивость графического оформления заимствований (*биеннале и биеннале, масс-медиа и масс медиа, трансфер и трансферт, хаккер и хакер* и др.). Вошли в словарь и сложные слова, которые возникают в русском языке на базе иноязычных элементов (*сайентолог, теракт, блокпост* и др.), а также слова, образованные по аналогии (*блицизит, блицпарад, блицтурнир* и др.). Это, наряду с выше перечисленным, позволяет судить о степени вхождения иноязычного слова в русский язык.

В качестве иллюстрации приведем начальный фрагмент подготовленного к печати словаря, отражающий слова с частотностью 50 и выше:

		2005 г.	1977 г.	1971 г.
1.	президент	401	100	60
2.	президентский	204	11	-
3.	федерация	183	11	31
4.	федеральный	156	5	-
5.	бюджет	153	18	20
6.	депутат	143	69	33
7.	финансовый	136	45	14
8.	регион	135	-	-
9.	проект	121	76	57
10.	ситуация	118	22	16
11.	бизнес	116	7	-
12.	администрация	102	19	-
13.	акция	98	13	-
14.	террорист	75	5	-
15.	региональный	73	2	-
16.	лидер	71	41	-
17.	экономика	68	135	62
18.	терроризм	67	1	-
19.	кодекс	58	23	-
20.	интернет	57	-	-
21.	парламент	57	15	-
22.	блок	50	69	31
23.	кандидат	50	41	44
24.	факт	50	225	73

Сопоставление с материалами двух других словарей показывает, что в нашем частотном словаре (далее – ЧС-05) больше лексем с единичной частотностью (586 – 34,47%). По мере возрастания частотности уменьшается количество иноязычных слов: иноязычных лексем с частотностью 29 – незначительное количество (от 0,53% до 0,12%), с частотностью 58 и выше – по одному слову (0,06%).

Сопоставив данные ЧС-05 с данными «Частотного словаря» Л.Н. Засориной (далее ЧСРЯ-77), мы выявили, что в ЧСРЯ-77 зафиксировано 882

иноязычных слова из списка ЧС-02 (1700) и они распределяются на 4 группы: 1) иноязычные слова, повысившие частотность; 2) иноязычные слова, понизившие частотность; 3) иноязычные слова с единичной частотностью; 4) иноязычные слова, сохранившие частотность.

Всего повысило частотность 757 слов (44,53%). Из них зафиксировано 321 слово, встречающееся в ЧСРЯ-77, что от общего количества составляет 18,89% (*губернатор, экспозиция, эмиграция, компромисс, конкуренция, президент, планетарий* и др.); 436 наименований, не отмеченных в ЧСРЯ-77, что составляет 26,24%. Среди новых заимствований зафиксированы не только неологизмы, появившиеся в последнее время в русском языке иноязычные слова (*тиар, рейтинг, триллер, клон, брокер, хит, аудитор, консенсус, легитимный, блокбастер* и др.), но и активизировавшиеся в настоящее время более ранние заимствования (*президент, федерация, бюджет, реформа, конфликт, ситуация, акция, премьер, клиент, губернатор, филиал* и др.), а также образованные на основе старых и новых заимствований слова (*эколог, наркобизнес, антитерро-ристический, легитимность, адаптационный, клонирование, топ-шоу, партнерство* и др.).

Больше всего повысивших частотность слов в тематических группах «экономика и финансы» (56,28%), «политика», «наименования лиц», «речевая деятельность», «компьютерная сфера», «юридическая и правоохранительная лексика», «СМИ».

Всего понизило частотность 466 слов (27,41%). Так как это в основном старые заимствования, их нет в тематической группе «компьютерная сфера». Больше слов с понизившейся частотностью, чем с повысившейся, в тематических группах «военная лексика», «природные явления», «одежда и мода», «слова, не вошедшие в группы».

Слов с единичной частотностью в ЧС-05 всего зафиксировано 598 (35,18%). Слова с единичной частотностью, не зафиксированные в ЧСРЯ-77, отсутствуют в тематических группах: «речевая деятельность» и «природные явления»; больше таких слов в тематических группах: «предприятия торговли», «спорт», «медицина и биология», «оргтехника».

Слов, сохранивших частотность, в ЧС-05 всего 105 (6,29%). Больше их в тематической группе «военная лексика» (ср.: количество слов, повысивших частотность, составляет в этой группе 16,67%, количество слов, понизивших частотность, составляет 62,69%). Нет сохранивших частотность слов в тематических группах: «компьютерная сфера», «оргтехника», «предприятия торговли», «быт», «природные явления». Чем меньше степень употребительности иноязычного слова, тем больше возрастает степень их «иностраннысти», «экзотизма»: *спичрайтер, автобан, Кнессет* и др.

Сопоставив данные ЧС-05 с данными «Частотного словаря языка газеты» Г.П. Поляковой, Г.Я. Солганика (даге ЧСЯГ-71), мы выявили, что в общем списке ЧСЯГ-71 зафиксировано 96 иноязычных слов из списка ЧС-02 (1700), и выделили три группы слов: 1) иноязычные слова, повысившие частотность; 2) иноязычные слова, понизившие частотность; 3) иноязычные слова, сохранившие частотность.

Всего повысило частотность 21 иноязычное слово, зафиксированное в ЧСЯГ-71 (21,88%): *президент, федерация, бюджет, депутат, проект, ситуация, экономика, блок, кандидат, перспектива, реформа, уникальный, кризис, реализация, демонстрировать, дискуссия, стратегия, фирма, конкурс, финансовый, банк*. Таких слов небольшое количество в тематических группах: «экономика и финансы», «политика», «абстрактная лексика».

Понизило частотность 71 иноязычное слово, зафиксированное в ЧСЯГ-71 (73,95%): *факт, фонд, инициатива, сезон, реальный, сфера, ликвидация, фактор, ресурсы, экономический, масштаб, режим, традиция, административный, эффективность, контроль, комитет, реакция, авангард, моральный* и др. Больше всего иноязычных слов, понизивших частотность, в тематических группах: «абстрактная лексика», «политика», «экономика и финансы».

Сохранило частотность 4 иноязычных слова, зафиксированных в ЧСЯГ-71 (4,17%): *официальный, традиционный, тенденция, структура*. Эти слова относятся к тематической группе «абстрактная лексика».

Слова, имеющие в ЧС-05 частотность 10 и выше, составляют коммуникативно актуальную лексику настоящего времени: *президент, парламент, террор, теракт, талиб, регион, губернатор, лизинг, офис, спонсор, менеджер* и др. Среди актуализированной иноязычной лексики, зафиксированной в ЧС-02 (284), выделено в ЧСЯГ-71 52 иноязычных слова: *бюджет, депутат, блок, кандидат, факт, фонд, перспектива, реформа, уникальный, кризис, реализация, инициатива, сезон, дискуссия, стратегия* и др.

Среди иноязычных слов с единичной частотностью (в ЧС-05 таких слов 586) в ЧСЯГ-71 зафиксировано 4 слова: *авангард, штат, агрегат, моральный*.

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что в современной российской публицистике употребляется большое количество иноязычных слов, влившихся за последние годы в русский язык (ср.: в ЧСЯГ-71 – 96 слов, в ЧСРЯ-77 – 882 слова, в ЧС-05 – 1700 слов).

Процесс активизации иноязычной лексики наиболее активно происходит в тематических группах: «экономика и финансы», «политика», «культура и шоубизнес», «юридическая и правоохранительная лексика», «компьютерная сфера», «СМИ».

Е.О. Атланова

Новая англоязычная лексика в сознании жителей г. Борисоглебска

Интенсивное употребление в средствах массовой информации финансово-экономических и общественно-политических заимствований привело к возникновению устойчивой тенденции к переходу этой лексики в состав общеупотребительной, что вызывает растущий интерес к исследованию степени освоенности новой иноязычной лексики рядовыми носителями языка.

Нами был проведен психолингвистический эксперимент, позволивший выявить уровень осознания жителями г. Борисоглебска новизны данной лексики в четырех тематических группах: «культура, отдых, развлечения»; «политические технологии»; «информационные технологии»; «экономика». Для проведения эксперимента нами была отобрана как новейшая заимствованная англоязычная лексика, так и лексика, обладающая эффектом «стёршейся новизны».

Информанты принадлежали к четырем возрастным группам: 14–17, 18–25, 26–40 и старше 40 лет. Первую возрастную группу составили ученики 11-ых классов гимназии №1 г. Борисоглебска. Вторая группа была представлена студентами III и V курсов историко-филологического факультета БГПИ. Испытуемыми старшего поколения стали представители различных профессий.

В тематической группе, называющей понятия, связанные с культурой и развлечениями, слова *бэйдж*, *блокбастер*, *фитнес*, *паззлы* определены нами как абсолютно новые (т.к. они не получили лексикографическую фиксацию в современных словарях). Это подтвердили результаты проведенного нами эксперимента.

В тематической группе, называющей понятия, связанные с политическими технологиями, уровень информированности ниже, чем в других группах. *Пиарщик*, *мониторинг* и *саммит* практически не знакомы для испытуемых всех групп. *Имидж* и *рейтинг* выглядят на этом фоне более известными. Слова *саммит*, *мониторинг* осознаются как *новые* представителями всех возрастных групп.

В тематической группе, называющей понятия, связанные с информационными технологиями (*Интернет*, *сайт*, *монитор*, *хакер*, *модем*), представители возрастных групп 14–17 и 26–40 лет ни одно слово не определили как *новое*. А вот процент осознанности слов *хакер*, *модем* как новых в группах 18–25 и старше 40 лет приблизительно одинаков: около 50%.

Абсолютно все слова тематической группы, называющей понятия, связанные с экономикой (*дефолт*, *маркетинг*, *менеджер*, *лизинг*, *оффшор*, *бренд*), были определены как *новые* информантами в возрасте 14–17 лет. В возрастных группах 18–25, 26–40 и старше 40 лет в сфере экономики как *новые* были определены следующие лексические единицы: *дефолт*, *лизинг*, *оффшор*, *бренд*.

Таким образом, исследование показало, что степень новизны англоязычных заимствований для языкового сознания носителей языка определяется в зависимости от возраста испытуемых и тематической сферы, в которой преимущественно используются заимствованные единицы. Подростки и молодежь люди демонстрируют в целом более высокий уровень знания иноязычных заимствований, что связано, очевидно, с более высоким уровнем владения английским языком, характерным для современных молодых людей.

Прецедентные высказывания в русском сериале

Предметом нашего исследования стали прецедентные высказывания, встретившиеся в русских сериалах «Каменская» и «Марш Турецкого».

Мы выбрали прецедентные высказывания, встретившиеся в речи персонажей сериалов, и предложили их испытуемым для ответа на ряд вопросов. Был проведен опрос в трех фокус-группах.

Первую фокус-группу составили студенты инженерно-экономического факультета ЯГТУ, обучающиеся по специальности «Стандартизация, сертификация». На момент опроса студенты находились на II курсе. Возраст опрашиваемых – от 18 до 20 лет. Образование – среднее общее.

Вторую фокус-группу составили студенты факультета русской филологии и культуры ЯГПУ, обучающиеся по специальности «Русский язык и литература», IV курс. Возраст – 20-21 год. Образование на момент опроса – неоконченное высшее.

Третью фокус-группу составили сотрудники музея-заповедника «Ростовский Кремль». По роду занятий это – научные сотрудники, библиотекари, смотрители. Возраст – от 22 до 63 лет. Образование – среднее специальное, высшее.

Всем трем фокус-группам мы предложили анкету, в которую были включены прецедентные высказывания из русских сериалов, которые, по результатам предварительного анкетирования (опрошено было 90 человек), оказались наиболее положительно воспринятыми людьми разного возраста.

По группе прецедентных текстов был задан вопрос: «*Где и с какой целью можно использовать эти фразы*»:

- Без бумажки мы мурашки!
- Контроль нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь...
- Купились, как индейцы на бусах!
- Не деньги красят человека, а человек – деньги...
- Учись, пока я жив!

Испытуемые дали такие ответы:

Без бумажки мы мурашки!

I фокус-группа	II фокус-группа	III фокус-группа
При оформлении документов: справки, паспорта, водительских прав и т.д.	«При приходе в бюрократические заведения, а там...». При «объяснении необходимости посещения лекций».	«При оформлении и получении к.-л. документа в условиях бюрократии». При разговоре об образовании.

Контроль нечаянно нагрянет, когда никто не ждет.

<p>«Когда мама убирается в моей комнате».</p> <p>«Когда приезжают «мусора» в самый пик веселья».</p>	<p>В аттестационную неделю в университете.</p> <p>На семинаре, когда неожиданно дают контрольную работу.</p>	<p>В транспорте, при проверке проездных документов.</p> <p>При ревизии.</p>
--	--	---

Купились, как индейцы на бусах!

<p>При «хорошой» покупке на рынке или в магазине.</p> <p>При удачной штукте.</p>	<p>«При покупке к.-л. вещи после просмотра рекламы».</p> <p>«При обещании «автомата» по к.-л. предмету».</p>	<p>«Когда наши инвестиционные фонды, акции, облигации... короче, не играйте с нашим удивительным государством в азартные игры».</p>
--	--	---

Не деньги красят человека, а человек – деньги.

<p>«В церкви».</p> <p>«А у кого их нет, тому нечего красить».</p> <p>«Человек тратит деньги с пользой для себя и общества».</p>	<p>Про «богатенького, папенькиного сыночка, который не заработал тех денег, какими «кидается» направо и налево».</p> <p>При «учительской зарплате, чтобы не было так обидно».</p>	<p>«Без денег никуда».</p> <p>Когда знакомишься с новыми людьми.</p>
---	---	--

Учись, пока я жив!

<p>В ситуации, когда более знающий человек начинает поучать новичка в к.-л. деле.</p>	<p>Как девиз преподавателей.</p>	<p>При общении старшего поколения с младшим с целью научить их чему-то.</p>
---	----------------------------------	---

Примечание. В кавычках приводятся дословные ответы респондентов, а также наиболее яркие ответы.

Ответы респондентов могут быть систематизированы в виде ситуативно-тематической таблицы.

Ситуация	Прецедентные высказывания
Оформление документов в государственном учреждении	Без бумажки мы букашки!

При устройстве на работу	Без бумажки мы букашки!
При посещении лекций	Без бумажки мы букашки!
При сдаче экзаменов	Без бумажки мы букашки!
При любом виде аттестации	Контроль нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь.
При прогуливании лекций	Контроль нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь.
При обещании «автомата» по к.-л. предмету	Купились, как индейцы на бусах!
При демонстрации духовного превосходства	Учись, пока я жив! Не деньги красят человека, а человек – деньги!
При поучении/научении старшими младших	Учись, пока я жив!
При нотации родителей	Учись, пока я жив!
В транспорте при проверке документов	Без бумажки мы букашки! Контроль нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь.
В магазине или на рынке при обмане	Купились, как индейцы на бусах!
В работе фальшивомонетчиков	Не деньги красят человека, а человек – деньги!
Вера в обещания политиков	Купились, как индейцы на бусах!
Вера в посулы мошенников	Купились, как индейцы на бусах!
При «правильной» трате денег	Не деньги красят человека, а человек – деньги!

Особо следует отметить выявившуюся тенденцию респондентов к творческому реконструированию некоторых предложенных им прецедентных высказываний.

Приведем некоторые примеры оригинальных «реконструкций».

- «С этим битву не выиграешь. Значит, надо бороться, искать... – «Найти и перепрятать»/ «...Найти и потерять».
- «Всяк сверчок знай свой свисток!» – 1) «Дрессировка собак и мужчин», 2) «Судья на хоккее или «не свисти в чужой свисток – можешь заразиться», 3) «Ментовское, тоталитарное государство».
- Если у вас нету папы... – «Дракончик съел всю свою семью. – Ну и кто он после этого? – Сиротинушка!»
- Пейджер – это не роскошь, а средство связи. – «Дилер ты или Нигер, тинейджер ты или пейджер, рэйвер ты или плеер мне давным-давно параллельно (песня группы «Сплин»).
- Сидеть! Будешь на связи. – В бой идут одни старики... – 1) «А я никуда и не собираюсь», 2) «Молодежь хорошо, а пенсионеры – лучше!»

Таким образом, используемые в русских сериалах прецедентные высказывания, действительно, являются прецедентными для современных носителей русского языка, легко понимаются ими и активно интерпретируются.

Когнитивное сознание

М.И. Солнышкина

Объективация концепта *страх* в сознании русских и английских моряков

Кто в море не бывал, тот Богу не маливался, гласит народная мудрость. Само по себе море предполагает опасность, поэтому страх в море неизбежен как неконтролируемое проявление психики человека.

Эмоции человека и механизмы их обеспечения в языке являются предметом многих научных исследований (Апресян 1995, Арутюнова 1999, Бабенко 1986, Бабенко, Васильев, Казарин 2000, Жельвис 1990, Могутова 2002, Мягкова 1991, Шаховский 1987). Особенность эмоций состоит в их двусторонности: они имеют внешнее и внутреннее проявление. Внешнее проявление – эмоциональная реакция – почти всегда наблюдаема, и единицы языка фиксируют это, например, *sweat* (букв. потеть, перен. сильно переживать, беспокоиться), *rucker factor* (букв. индикатор морщин, перен. страх). Внутренние эмоциональные переживания могут не проявляться вообще или иметь смещение во времени проявления. Наибольшая трудность при изучении эмоций состоит в их диффузности (способности интегрироваться) и вариативности их интенсивности (способности принимать разные формы в зависимости от ряда факторов).

Все перечисленные характеристики эмоций – диффузность, способность к изменению интенсивности, двусторонность – обуславливают неоднородность их языковой презентации как в грамматическом, так и в семантическом планах.

В представленной работе ставится задача выявить способы объективации концепта *страх* средствами русского и английского вариантов профессионального морского подъязыка. Настоящее исследование – составная часть работы, нацеленной на создание обобщённого психолингвистического портрета моряка и на выявление наиболее значимых культурных концептов русской и английской морских субкультур как вариантов соответствующих этнокультур.

Материал исследования представлен некодифицированными номинативными и коммуникативными единицами профессионального морского подъязыка, в структуре значения которых присутствует сема «страх». Морской подъязык рассматривается автором как социодиалект, обеспечивающий

коммуникацию людей, занятых в сфере мореплавания и функционирующий как во временно замкнутом сообществе (во время длительного плавания судов, стоянки в иностранных портах и др.), так и в открытом сообществе (ремонт в порту, подготовка, обучение и др.).

Не являясь контркультурным, морское сообщество принимает общепризнанные нормы поведения в обществе в целом и дополняет их своим собственным сводом, в котором выделяют официальные нормативы (Устав) и негласные правила. Профессиональный подъязык – это не язык в полном смысле слова, поскольку, используя только профессиональные единицы, как правило, невозможно целиком построить полноценное высказывание. Входящий в его состав вокабулар охватывает не все темы, а только ряд вполне определенных, касающихся профессиональной деятельности и наиболее актуальных непрофессиональных сфер, связанных с обеспечением жизнедеятельности моряков.

Объект исследования – лексика и фразеология страха, объективирующая психическое состояние страха в рассматриваемом подъязыке. Таким образом, в фокусе внимания – эмотивы-номинативы русского и английского вариантов профессионального морского подъязыка. Особой характеристикой рассматриваемых единиц является наличие эмотивных смыслов как в денотативном, так и коннотативном макрокомпонентах значения: например, *дрейф* пренебр. трусость, *береговая крыса* неодобр. трусливый человек, *to be (all)/feel adrift* неодобр. бояться, *to drop a brown уничож.* сильно испугаться.

Анализ денотативного макрокомпонента значений 8147 единиц английского варианта и 3178 единиц русского варианта морского профессионального подъязыка продемонстрировал, что в английском морском подъязыке страх/*fear* (24) номинирован более градуировано по сравнению с реализацией соответствующего концепта в русском языке (Жельвис 1990). Интенсивность страха/*fear* варьируется в английском языке следующим образом: **dread 5, anxiety 10, fright 9.** В русском варианте морского подъязыка детализация номинации страха несколько ниже, чем в английском: **тревога 1, боязнь 4.**

Страх есть одна из восьми основных эмоций, он возникает на основе инстинкта самосохранения как реакция на опасность. Ощущения, связанные со страхом, **тревогой, боязнью, паникой, фобиями**, восприятие **ужасающих** эпизодов, представление **страшных** картин своей и чужой жизни лежит в основе базового слоя соответствующего концепта. **Страх**, как правило, сопровождается двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов, утратой волевого контроля и бурным выражением эмоциональных переживаний, он имеет разные формы и интенсивность проявления.

Боязнь есть состояние страха, выражающееся в нерешительности поведения, борьбе мотивов. Сема **dread /боязнь** зафиксирована в английских единицах: *pucker factor* страх, *high hover* сильный страх, боязнь, *white feather* трусость, трус, *big girls blouse* человек, терзаемый сомнениями и опасениями, *to be (all)/feel adrift* бояться; на русском материале в профессионализмах: **медвежья болезнь** страх, трусость, **дрейфить** бояться, трусить, **дрейфун/береговая крыса** трус.

Fright (испуг), возникающий при прямом столкновении с опасностью или резком неблагоприятном изменении среды, есть переход от нестраха к страху: *to get the wind up* испугаться, перетрусить, сдрейфить, *to turn / cut /go adrift* испугаться, *to make leeway* струсить, *Adrenalin's brown!* Страшно!, *to drop a brown* сильно испугаться, *to show the white feather* струсить, *to make leeway* отступить, сдаться, струсить.

Тревога – эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагополучного развития событий. Сема **anxiety**/тревога реализована в английских единицах: *splash / shot* тревога, *deep waters* беспокойство, *to be in deep waters* горевать, тревожиться, *to see breakers ahead* чувствовать угрозу, предвидеть опасность, *sweat* сильно переживать, беспокоиться, *sweating neaters* быть обеспокоенным, *sweat grenade* легко возбуждающийся человек, принимающий шутки всерьез, *wall of death* нервное состояние человека, ответственного за организацию меро-приятия, которое может иметь сбой, *low hover* тревога, беспокойство, в русском языке: *васар* тревога.

Общеизвестно, что именно страх сопровождается резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов, порой – утратой волевого контроля и бурным выражением эмоциональных переживаний. В значении слова **эмоция** выражается смысл «движение» – **страх**, действительно, заставляет наши мышцы сокращаться (*pucker factor* букв. индикатор морщин, *drop a bollock* букв. уронить яичко), недостаток кислорода вызывает изменения в химическом составе крови (*adrenalin's brown* букв. адреналин коричневый), начинается обильное потоотделение (*sweat, sweating neaters* букв. потеть). Удивительно, что наивная картина мира моряка так детально фиксирует происходящие в физиологии человека изменения.

Страх у моряков возникает как реакция на опасность при изменении погодных условий (*to see breakers ahead* букв. увидеть впереди валуны) и своего географического положения (*to be in deep waters* букв. быть на глубокой воде). Он может привести к абсолютному бездействию (*to turn / cut /go adrift, make leeway* букв. дрейфовать, то есть не предпринимать никаких действий, отдать себя воле течения) или активным действиям (*white feather, to show white feather* букв. показать белое перо). На уходящем от неприятеля судне паровые котлы работают на полную мощность, выпуская струйки белого дыма. Коннотативная окраска большинства единиц пейоративная, всякое проявление страха вызывает у моряков презрение и неодобрение.

Интерпретационное поле концепта представлено в прецедентных текстах (пословицах, поговорках, крылатых выражениях), в которых особенно ярко вербализуется оценочность.

Описание концепта на материале паремий позволяет выявить отдельные характеристики нормативно-ценностной картины мира русского народа. Эксплицитность выражения и дидактичность паремий делает их благодатным материалом для изучения.

Паремиологический фонд морского подъязыка «инвентаризует» набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей. Реализованная номинативная плотность объективации исследуемого концепта

достаточна велика – он вербализован в русском морском подъязыке в более чем 50 паремиях. В первую очередь, это свидетельство значимости концепта для морской субкультуры: успешное выполнение обязанностей и заданий в море зачастую зависит не столько от умений и навыков, сколько от природных явлений и вызываемых ими страхов.

Биполярность концепта «страх» в русской морской культуре закреплена в целом ряде паремий. С одной стороны, моряки – бесстрашные люди (*Моряки иногда дрейфуют, но никогда не дрейфят, Кто в море бывал (не бывал), тот лужи не боится, Кто моря боится, тому в луже сидеть, Где черный бушлат – там победа, В бушлате смерть не берет*), не боятся самого черта (*Кто моря не боится, тому и черт не страшен*). Однако и морякам не чужд страх (*И в море, что в поле: не столько смертей, сколько страстей, Кто в море не тонул, тот от сердца Богу не маливался, Рядом с морем и небо кажется с овчинку*).

Небезынтересно, что спектр объектов, вызывающих страх, почти полностью совпадает со списком объектов, которых бояться не следует. Моряки не должны бояться **воды** (*Воды бояться – в море неходить, В море стремится, а воды боится, Тот не рыбак, кто замочиться боится*), **моря** (*Море мягко, бойся берега, Рыбак моря не боится, он им гордится*), **бури** и **риска** (*Боишься бурь и риска – не подходи к морю близко*), **ветра** (*Боишься ветра – в море не ходи*), **качки** (*Качки бояться, в море неходить*), **акул** (*Акул бояться – в море неходить*), **берега** (*Хлебнешь горя в море, тогда и берег милей*).

Моряки должны бояться **тихой и мутной воды** (*Бойся тихой (мутной) воды*), **моря** (*Дальше в море – большие горя, Море – горе, а без него – вдвое, Кто в море не бывал, тот досыт Богу не маливался, От горя не за море, в горе на море, у моря у горя, Плавать морем – не брезговать горем*), **шторма**, **бури** (*Благо плывучи, помни бурю, Видя бурю, не пускайся в море, Бури бояться – в море неходить, В море о бурях не говорят (плохая примета)*), **Моряка испытывает шторм**), **ветра** (*Не море топит корабли, а ветры*), **огня** (*С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь*), **акул** (*У старой акулы зубы остры*), **берега** (*Море мягко, бойся берега, Плыvia морем, бойся берега, Плыvia морем, остерегайся берега!)*), **мели** (*На мель легко залезть, да трудно слезть*).

Биполярное отношение к страху в английской концептосфере выражено в крылатых словах, приписываемых морским пиратам Эдмунду Берке и Юджину О’Нейлу: *«The ocean is an object of no small terror»*, то есть, с одной стороны, *«Океана надо сильно бояться»*, а с другой стороны, – *«The sea hates a coward»* – *«Море ненавидит трусов»*.

Освященный веками и уходящий корнями во времена парусников, девиз моряков гласит *«Fear God and tip the Crusher»* букв. «Бойся Бога и приплачивай старшине». При помощи «чаевых» можно освободиться от работы, склонить на свою сторону старшину, убедить капрала корабельной полиции благосклонно отнестись к матросу, самовольно сошедшему на берег.

Большая часть пословиц предупреждает моряка о возможных опасных изменениях в природе: *«Если солнце село в воду, Жди хорошую погоду. А когда*

садится в тучу,/ Берегись, получишь бучу! или Ходят чайки по песку, / Моряку суют тоску,/ И пока не сядут в воду,/ Штормовую жди погоду. В английском языке: *Rainbow in the morning gives you fair warning* или *Beware the bolts from north or west; In south or east the bolts be best.*

Известно также крылатое выражение Баззи Трента "Waves are not measured in feet or inches, they are measured in increments of fear" букв. Волны измеряются не в футах и дюймах, они измеряются страхом.

Известная русская пословица *В тихом омуте черти водятся* имеет английский аналог *Beware of a silent dog and still water* букв. берегись молчачей собаки и тихой воды.

Как видим, все «страхи» моряка связаны с погодными условиями (ветер, буря, шторм, волны) и объектами окружающей природной среды (берег, море, мель, акулы), то есть только с тем, перед чем бессилен каждый. Служебные обязанности, взаимоотношения, бытовая неустроенность страха не вызывают. Это, в первую очередь, демонстрирует активную позицию носителя морской субкультуры, свидетельствует о его реальном бесстрашии.

Типичным для текста морских паремий является репрезентация **ветра** как основного источника бед и горестей: он топит корабли (*Не море топит корабли, а ветры, Без ветра любое море – смирене теленка, Ветер корабли топит, а на море – поклен*), несет горе (*Пустится сдуру ветер в море; кому не думал сделал горе, На ветер выйдешь в море, во льдах беды найдешь, Ветер служит, но может и беду принести*), он изменчив (*С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь*).

Во всех рассмотренных паремиях *море* представлено как средоточие разного рода опасностей и горя (*Море – что захочет, моряк – что сможет, Морских топит море, сухопутных – горе, Горе, когда шумит море, Красно море с берега*). Однако и **берег**, контрастный по отношению к морю объект, также вызывает страхи и опасения (*Плыvia морем, осторегайся берега!*).

Христианская этика реализована в ряде паремий, объективирующих типичное авторитарное понимание действительности, в условиях которой нормы поведения устанавливает власть (религиозная и/или светская), она же определяет границы зла и блага. Христианин уповаает на Бога в моменты опасности (*С Богом хоть за море, Без Бога – ни до порога, а c Богом – хоть за море, У морского Бога всего много, Кто в море не тонул, тот от сердца Богу не маливался*). Но вместе с чертами авторитарной этики в русской морской культуре обнаруживаются черты гуманистической этики. Для нее характерно, что законодателем и исполнителем норм является сам человек (*Сперва получше привяжи лодку, а потом уж поручай ее Богу, Бог всегда на стороне тех, у кого лучшие корабли и опытнее моряки, На Бога надейся, но плыви к берегу*).

Кратко резюмируем общие выводы проведенного исследования.

Исследование наименований страха в рамках профессионального подъязыка дает представление не только о чувственном опыте, физиологии и поведении моряков в процессе познания мира, но и о самих формах познания и концептуализации окружающего мира носителями микросоциума.

Ономасиологический и семантический анализ были осуществлены на материале 78 эмотивов-номинативов и 27 паремий английского варианта морского профессионального подъязыка и 16 эмотивов-номинативов и более 50 паремий русского варианта морского профессионального подъязыка. Особой характеристикой исследуемых единиц следует признать наличие эмотивных смыслов как в денотативном, так и в коннотативном макрокомпонентах значения.

Асимметрия рассматриваемого участка профессиональной номинации состоит в достаточно детальной, градированной номинации **fear/страха** в английском языке и спорадической презентации соответствующего концепта в русском морском подъязыке. Мелиоративные эмотивные смыслы в рассматриваемых эмотивах-номинативах редки и немногочисленны.

В сознании русских и английских моряков парадоксальным образом переплетаются две этические системы: авторитарная и гуманистическая. Моряки верят в силу и бесстрашие, но вместе с тем допускают человеческие слабости и страхи перед силами природы. Биполярность исследуемого концепта характерна для обоих вариантов исследуемого профессионального подъязыка.

-
1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоции // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С.453-465.
 2. Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С.385-402.
 3. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи (на материале глагольной лексики в художественном тексте). Свердловск, 1986.
 4. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
 5. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль, 1990.
 6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
 7. Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII – XX веков. Екатеринбург, 2000.
 8. Могутова Н.В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.2. Воронеж, 2002. С.88-93.
 9. Мягкова Е.Ю. Когнитивная теория эмоций и исследование эмоциональности лексики. М., 1991.
 10. Шаховский В.И Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Концепт «хакер» («hacker») в русскоязычной и англоязычной картинах мира

В последнее время основное внимание научной общественности в области когнитивной лингвистики и культурологии сосредоточено преимущественно на изучении участков национальной картины мира. Подтверждением тому служат исследования, посвященные вопросам изучения национального своеобразия языковой картины мира и отдельных ее фрагментов как на современном этапе (А. Вежбицкая, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия, Е.С. Яковлева и др.), так и в ретроспекции, вплоть до реконструкции архаических представлений о мире, воплотившихся в языке на разных исторических этапах (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.В. Иванов, В.Н. Топоров и др.). Повышенный интерес к данной проблеме привел к появлению различных толкований термина «картина мира» и – как следствие – его неоднозначности. В данной статье «картина мира» понимается как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом и индивидуальном) сознании» (Попова, Стернин 2002, с.4).

Представляется интересным сопоставить идентичные понятия социальной и национальной картин мира, репрезентируемые английским словом «hacker» и его русским коррелятом «хакер».

Очень важным в этой связи является обнаружение в структуре концепта общечеловеческих, общенациональных, групповых (принадлежащих определенной социальной, возрастной, профессиональной, половой и другим группам), региональных и индивидуальных компонентов.

С целью раскрытия особенностей национальных и социальных компонентов концепта мы сфокусировали наше внимание на анализе определений слова «хакер» («hacker») в толковых словарях, репрезентирующих общенациональную картину мира, а также в сетевых словарях, отражающих социальную картину мира.

Обращение к словарным дефинициям помогает увидеть наличие ряда сходных концептуальных признаков понятия «хакер» (hacker) как в русскоязычной, так и англоязычной картинах мира. Так, англоязычные толковые словари Longman и Collins дают сходные определения понятия «hacker». Например: *A computer hacker is someone who tries to break into computer systems, especially in order to get secrets or confidential information that is stored there. A computer hacker is someone who uses a computer a lot, especially so much that they have no time to do anything else (Collins 1997, c.753). A computer hacker is someone who secretly uses or changes the information in other people's computer systems (Longman 1995, c.637).*

Как следует из определений, понятие «хакер», употребляемое референтно англоязычной общенациональной концептосферы, включает в себя такие концептуальные признаки, как чрезмерное увлечение работой на компьютере, нехватка времени для не связанный с компьютером деятельности, применение

нелегальных действий в отношении баз данных других систем (например, взлом, воровство, продажа украденной информации).

Общенациональные компоненты концепта «хакер» в русскоязычной картине мира представлены аналогичным набором признаков: взлом и незаконное проникновение в компьютерные сети, воровство информации, например: *Хакер [от англ. hacker] инф. компьютерный взломщик – тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и иных учреждений с целью добыть нужные сведения, заразить сети вирусом* (Крысин 2001, с.768). Хакер – программист (или же пользователь вычислительной системы, обычно компьютерной сети), занимающийся *поиском незаконных способов преодоления систем защиты данных* (Солганик 2002, с.704).

Сходный набор концептуальных признаков понятий «хакер» и «hacker» свидетельствует о наличии общих черт при интерпретации тех или иных событий объективной действительности представителями различных культур.

Тем не менее, при сравнении общенациональных и социальных компонентов концепта «хакер» (hacker), репрезентируемого как русскоязычной, так и англоязычной языковой картиной мира, обнаруживается ряд отличий. В этой связи важно отметить, что в национальной и социальной картинах мира одно и то же слово «хакер» (hacker) вербализует, по сути, два разных концепта.

Так, за сетевым жаргонизмом «хакер» (hacker), репрезентирующим элемент сетевой картины мира, как в русском, так и в английском языке закреплены два концепта: «хакер – высококлассный программист» и «хакер – взломщик». Проиллюстрируем данное утверждение примерами:

Hacker – *The most knowledgeable computer users, with the goal above all else to learn more and share that knowledge with others. Unlike the average computer user who seeks to learn only the immediately necessary, hackers continually expand their knowledge of systems and their own capabilities within them. Hackers, unlike traditional academia, continually apply their knowledge through constant (obsessive) programming. Hackers are often mislabelled, with their name used to describe the practices of crackers (those who break into computer systems to steal or destroy). Hacker n. – A malicious meddler who tries to discover sensitive information by poking around. Hence 'password hacker', 'network hacker'. The correct term for this sense is cracker.*

[\(<http://www.cs.cmu.edu/afs/cs.cmu.edu/project/ai-repository/ai/html/other/publications.html>\).](http://www.cs.cmu.edu/afs/cs.cmu.edu/project/ai-repository/ai/html/other/publications.html)

В русскоязычной сетевой картине мира:

Хакер – *высший профессиональный уровень программиста. Человек, полностью увлечённый компьютерами. Абсолютно безопасен. Может всё, что и кракер, но только в целях познавания. Очень часто путают с кракером (<http://jk.by.ru/slovar.htm>). Хакер (первоначально) – опытный пользователь. В настоящее время термин употребляется только в отношении специалистов по «взлому» защиты программных продуктов, а также компьютеров, подключенных к компьютерным сетям, с целью незаконного доступа (реже – порчи или незаконного изменения) к хранящейся в них информации* (Леонтьев 2002, с.596).

Данные примеры убедительно доказывают, что и в русскоязычной сетевой картине мира, и в англоязычной жаргонизм «хакер» («hacker») репрезентирует два концепта, противоположных по признаку «легальность производимых с помощью компьютера действий». Это концепты «хакер – высококлассный программист» и «хакер – взломщик».

Согласно определениям в русскоязычных и англоязычных сетевых словарях, концепт «хакер – высококлассный программист» обладает такими концептуальными признаками, как легальность производимых действий, высокое мастерство в программировании, и обладает положительной оценкой. Концепт «хакер – взломщик» совмещает такие признаки, как нелегальность действий и профессионализм, и характеризуется отрицательной оценкой.

Важно отметить, что к концептуальному содержанию данных концептов относятся не только признаки, но и оценка. На важность оценки обращает внимание Ю.С. Степанов, постулируя представление о концепте как о «пучке» понятий, знаний, ассоциаций, переживаний; то есть концепты «не только мыслятся, но и переживаются. Они предмет эмоций, симпатий, антипатий, столкновений» (Степанов 1997, с.39). Ю.С. Степанов предваряет свое описание структуры концепта замечанием, что «к ней принадлежит все, что принадлежит строению «понятия», а также все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д.» (там же, с.39).

Очевидно, существование двух противоположных по оценке и признаку легальности концептов, закрепленных за одним жаргонизмом «хакер» («hacker»), не случайно. Данный термин возник в студенческом жаргоне Массачусетского Института Технологий (MIT), где применялся как средство именования особо одаренных студентов. Вначале слово «hack» использовалось для обозначения изобретательных шалостей студентов МИТ. Со временем этот термин был переосмыслен, новым его значением стал «процесс создания программы не ради результата, а ради удовольствия от самого процесса». Самые ярые поклонники компьютерных технологий с гордостью называли себя «хакерами» («Gameland», январь 2003).

Таким образом, первоначально хакерство понималось как некая игра ума, своего рода интеллектуальные упражнения. Потом к хакерам стали причислять высококвалифицированных специалистов, изучавших программное обеспечение (не всегда свое). Они обменивались особо изящными трюками, тем самым, заявляя о себе в среде себе подобных. В конце 70-х – начале 80-х произошла некая «переоценка ценностей», и хакеры стали не только делиться своими достижениями, но и проникать в информационные системы, оставляя там свои «визитные карточки». Зачастую после таких визитов системы уже не могли в полном объеме выполнять свои функции. Именно тогда термин «хакер» получил негативный смысл (<http://cool12.boom.ru/HSC-23-33-31HTM>).

В 1985 году, как отмечает историограф хакерской культуры Э. Реймонд, хакеры выступили против неправильного употребления журналистами

термина «хакер» в значении «взломщик», включив в употребление жаргонизм «cracker» для номинации данного негативного аспекта данного понятия.

(<http://www.cs.cmu.edu/afs/cs.cmu.edu/project/ai-repository/ai/html/other/publications.html>)

Следует отметить, что жаргонизм «cracker» имеет русифицированный вариант в русскоязычной сетевой картине мира – жаргонизм «кракер» с аналогичным значением. Например, *кракер – взломщик программ, сетей и всего остального, что пытаются защищить. Профессионал, бывший хакер. Не уважаем из-за корыстных целей, но почти все пользуются его результатами.* С другой стороны, около 70% русскоязычных сетевых словарей в качестве значения жаргонизма «хакер» продолжают указывать значение «взломщик». Например, *хакер – человек, действия которого могут повлечь уголовное преследование, описанное статьями 272, 273, 274 и 159 УК РФ.*

(http://ufa-jungle.narod.ru/poljana/comp_termini/comp_rus_x.html)

Как убедительно доказывают данные примеры, процесс разделения концептов «хакер – программист» и «хакер – взломщик» в русскоязычной сетевой картине мира идет значительно более медленными темпами, чем в англоязычных странах, что в значительной мере связано со следующими факторами. Во-первых, как известно, компьютерные технологии пришли в Россию из Америки в 80-х годах, привнеся также и свою терминологию. Именно в это время, благодаря вниманию общественности, жаргонизм «hacker» получает значение «взломщик», которое, вероятно, и было заимствовано русской компьютерной терминологией и жаргоном. Во-вторых, процесс адаптации значения «хакер – программист высокого уровня» как противовес концепту «хакер – взломщик» затруднен в связи с ранее сформировавшейся полярностью «программист» – «хакер», где «хакер» имеет значение «взломщик» и обладает отрицательной оценкой, а жаргонизм «программист» – соответственно положительной.

Таким образом, можно заключить, что оба значения жаргонизма «хакер» распознаются как в русскоязычной, так и в англоязычной сетевой картинах мира. Одноименные концепты «хакер» и «hacker» относительно разных национальных языковых картин мира обладают чертами сходства как на уровне общенациональных компонентов, так и на уровне социальных компонентов. При этом следует отметить и существование различий между социальными и национальными компонентами данных концептов.

-
1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
 2. Степанов Ю.С. Константы русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
 3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002.
 4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2001.
 5. Солганик Г.Я. Толковый словарь: языки газеты, радио, телевидения. М., 2002.
 6. Леонтьев В.П. Новейшая энциклопедия Интернет. М., 2002.
 7. Collins Cobuild English Dictionary. Helping learners with real English. Harper Collins Publishers, 1997.

8. Longman: Dictionary of English Language and Culture (with colour illustrations). Longman Group UK Ltd., 1992.
9. <http://www.cs.cmu.edu/afs/cs.cmu.edu/project/ai-repository/ai/html/other/publications.html>
10. http://ufa-jungle.narod.ru/poljana/comp_termini/comp_rus_x.html
11. <http://cool12/boom.ru/HSC-23-33-31HTM>
12. <http://jk.by.ru/slovar.htm>

Д.В. Кулешова

Номинация «Angst» в репрезентации «человека боящегося»

Современные исследования в рамках антропологического направления в лингвистике сфокусировали внимание на проблеме специфики языка, зафиксированного в сознании его носителей (Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.Р. Лурия, И.А. Зимняя, Т.А. Фесенко, Э.Р. Атаян и др.). Человек способен понять мир и самого себя благодаря языку, в котором закодирован общественно-исторический, общечеловеческий и национальный опыт, детерминирующий особенности языка. Вследствие специфики языка в сознании людей формируется языковая картина мира, с помощью которой человек осуществляет процесс миропостижения.

Интерес к языковой картине мира можно обнаружить ещё в работах Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» (Гумбольдт 1985, с.26).

В ряде современных исследований отчетливо прослеживается тенденция описания когнитивных моментов в номинативной деятельности и особенностей, создаваемых в этих процессах структур сознания (Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.). Как отмечает В.А. Маслова (Маслова 2001, с.67), в целом и главном наблюдается совпадение языковой картины мира с логическим отражением мира в сознании людей.

Поскольку языковая картина мира создается в процессе номинативной деятельности, то в этой связи уместно привести трактовку номинации В.Г. Гака (Гак 1998, с.234), который рассматривает её как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием». Сознание человека, проецирующее идеальный образ внешнего мира, содержит не только знание об объекте познания, но также и эмоцию, эмоционально окрашенное переживание.

Мир эмоций человека в каждом языке представлен набором номинативных единиц, позволяющих в определённой степени «расшифровать» знания о «человеке эмоциональном». Вербализация эмоционального состояния субъекта, персонажа осуществляется различными способами: в нашем случае были выделены имена существительные, характеризующие состояние «Я».

Как показывает материал, в современном немецком языке одной из наиболее употребительных является лексема **Angst**. Содержательная структура

лексемы трактуется на лексикографическом уровне как «*große Sorge, Unruhe, unbestimmtes, oft grundloses Gefühl bedroht zu sein*» (Wahrig). Перечень лексических единиц, используемых для номинации концепта, иллюстрирует смысловую близость, но не синонимичность.

Примечателен тот факт, что в качестве объединяющего компонента в приведенной дефиниции выступает лексема «*Bedrohung = bedroht zu sein*». Именно смысл «угрозы» позволяет представить данные единицы в качестве гипонимов для описания смысловой структуры лексемы **Angst**.

Лингвистическое исследование содержательной структуры лексемы **Angst** осуществлялось методом компонентного анализа, который определяется как метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие (Языкоzнание 1998, с.233). Важным является также изучение специфики лексико-сintаксического окружения лексемы, что достигается использованием метода дистрибутивного анализа. Эти методы позволяют выявить широкий спектр языковых реализаций лексемы в современном немецком языке. В свою очередь, концептуальный подход даёт возможность вычленить ту информацию, которая характеризует современного человека, испытывающего страх, причины, его вызывающие и т.д.

Как показывает анализ языкового материала (исследование проведено на материале художественного текста), номинация **Angst** употребляется для характеристики состояния субъекта без специальных уточнителей. В таком случае лексема реализуется в функции субъекта.

Angst hat viele Farben (Lemke).

Однако необходимо подчеркнуть, что исследуемая вербальная единица чаще выступает в сочетании с предлогом *vor+имя существительное* или несколько имён, называющих причину (каузальность) состояния. Сравните примеры:

1a) Die vielfältige vormilitärische Erfahrung hatte mir **die Angst vor brüllenden Vorgesetzten** genommen... (Günter de Bruyn).

1b) In mir wuchs zweierlei **Angst**, während die Betrunkenen lärmten: **Angst vor den Männern**, die hier ihr Bösestes offenbarten... (Günter de Bruyn).

1c) Und manchmal hatte Daniel sich in Verdacht, daß seine latente Neigung zum Flirt aus **der Angst vor Konflikten mit Frauen** geboren war (Schwanitz).

1d) Die Eltern haben **Angst vor Päderasten und Kinderschändern** (Schwanitz).

Данная группа примеров показывает, что в качестве каузатора в предложной конструкции выступает одушевлённый субъект. Первый пример демонстрирует типичное проявление страха нижестоящими перед вышестоящими, во втором и третьем примерах показаны страхи, обусловленные гендерным фактором, и последний пример иллюстрирует страхи перед социальными изгоями, перед людьми, преступившими нравственные установки.

В отдельную группу вошли сочетания лексемы *Angst+vor+имя существительное Tod*, являющееся абстрактным понятием, концептуально пронизывающим бытие человека, изначально биологически боящегося смерти. В когнитивном плане лексема **Tod** персонифицируется, используется в метафорическом переосмыслении.

2a) Von **der Angst vor dem Tod** schreibt er nie (Günter de Bruyn).

2b) Oder es regiert **die Angst vor dem Tod** (Wolf).

В третью группу вошли предложные конструкции: лексема *Angst+vor+имя конкретное*. Конкретные наименования объектов реальной действительности, которые сформировались в рамках современной картины мира, вербализуют современные страхи следующим образом:

3.1. Sie habe **Angst**, sogar **Angst vor dem Telefon**... (Böll).

Приведённый пример показывает наличие страха перед вполне конкретным предметом, являющимся средством коммуникации и выступающим в качестве составляющего компонента современного предметного мира, но информация, связанная с ним, может быть негативной.

3.2. Ich hatte auch damals **Angst, über die Brücke zu fahren** (Böll).

В данном примере называется также конкретный предмет, называющий архитектурное сооружение, передвижение по которому вызывает страх.

В качестве имён конкретных были зарегистрированы также следующие имена: die Augen, das Vieh, das Rohr, die Strafe, die Eisenbahn, которые структурируют «современные» страхи.

Несмотря на глобальные изменения, произошедшие в картине мира современного носителя языка, в сознании человека сохранился страх перед явлениями природы (возможно, в реликтовой форме). Так «субъект XX-XIX века» испытывает страх перед грозой, молнией, водой и т. д.

4.1. «Ich geh lieber heim», sagte ein Mädchen, das ein kleines Geschwesterchen bei sich hatte, «ich hab **Angst vor Blitz und Donner**» (Ende).

4.2. Hatte **Angst vor Wasser**, seit ich zurückdenken konnte (Egli).

Пятую группу составляют сочетания *Angst+vor+имя абстрактное*, которые характеризуют многообразный мир внутренних состояний человека. В большинстве случаев конструкции метафоричны, концептуально сложны, философски окрашены. Они характеризуют важнейшие аспекты бытия человека: любовь, одиночество.

4a) Immer wieder wird **Angst vor dem Alleinsein** mitgeteilt... (Lemke).

4b) Seitdem wird seine **Angst vor dem Liebesentzug** etwas beruhigt (Schwanitz).

4c) Meine **Angst vor dem Ende der Illusion** war zu groß (Günter de Bruyn).

В рамках данной группы следует отметить, что многие предложные конструкции носят метафорический характер, формирующийся вследствие сочетания абстрактных понятий с исследуемой лексемой.

Таким образом, на основе результатов анализа доминирующей конструкции *Angst+vor+имя существительное* было установлено, что концепт *Angst* в сознании современного человека отражает «архаические» страхи перед явлениями природы, «биологический» страх перед смертью, а также «новые» страхи, обусловленные предметным миром современной картины мира.

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

4. Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
5. Wörterbuch der deutschen Sprache. Hrsg. Von Prof. Dr. Gerhard Wahrig. – Burfeind Deutscher Taschenbuch Verlag, 2000.

Е.Н. Королёва

Национальная специфика концепта «игра» в английском когнитивном сознании

Анализ лексических и фразеологических единиц лексико-фразеологического поля, объективизирующего концепт «*Игра*» в английском языке, показывает, что в игре находят отражение национальные традиции народа, его духовные ценности, своеобразие культуры и быта.

В Collins Cobuild Dictionary денотативное значение лексемы *to play* трактуется так: «(to engage in recreational activity)», что значит «заниматься развлекательной деятельностью» (семема Д1). Описание буквального значения лексемы *to play* позволяет получить первоначальное представление о наборе концептуальных признаков, свойственных концепту «развлечения»: заниматься чем-либо/вести деятельность, для того, чтобы развлечься/ради получения удовольствия.

Данные этимологического словаря подтверждают наличие данных сем в семантической структуре слова *to play* (сравним совр. англ. *to play* с др.-англ. *plegian, plegan* – to exercise, busy oneself (заниматься) и др.-нидерл. *pleyen* – to rejoice, to be glad (радоваться, быть довольным)).

Чтобы расширить границы полученных сведений о денотате глагола *to play*, обратимся к его синонимам: *to amuse (oneself)* – забавлять, развлекать, коротать время; *to entertain (oneself)* – развлекать, занимать; *to enjoy (oneself)* – получать удовольствие, наслаждаться; *to have fun* – испытывать удовольствие, приятно проводить время.

В результате анализа значения Д1 лексемы *to play* по синонимам (путем изучения их словарных дефиниций и примеров употребления) набор её семантических признаков может быть представлен следующим образом: «заниматься чем-либо, что приятно, интересно, приносит удовольствие, удовлетворение, наслаждение и т.п.».

Изучение словообразовательного поля слова *to play* также подтверждает наличие выявленных семантических признаков. Так, семема Д1 обеспечивает создание ряда производных слов: *play* – игра, забава; фразеосочетание *as good as a play* (такой же хороший, как игра) – очень забавно, интересно; *playspell=playtime* – время для игр и отдыха и др.

Семема Д2 глагола *to play* «(to engage in or occupy oneself with a game or other amusement) – заниматься игрой или другой забавой (в рус. играть во что-либо, участвовать в игре) реализуется в сочетаниях с существительным либо без предлога, либо с предлогом «*at*», где существительное обозначает:

А) Вид детской игры: например, *to play (at) robbers* (играть в разбойников), *to play shopkeeping* (играть в магазин), *to play horse* (играть в лошадки).

Рассмотрим некоторые производные слова и сочетания по Д2.

Детская игра: *play* – игра (*boys' plays* – мальчишеские игры; *playable* – годный для игры (о детской площадке); *play-box* (ящик, коробка) – ящик для игрушек; *playfellow=playmate* – друг детства, товарищ детских игр; *play money* – ненастоящие самодельные монеты или бумажные купюры, которые дети используют в игре вместо настоящих денег, игрушечные деньги).

Так обнаруживаются новые семантические признаки в структуре значения глагола *to play*: играя, дети имитируют реальность (ненастоящий, воображаемый), используют игрушку (предмет/орудие забавы), имеют партнера.

Если обратиться к синонимам (*to frolic* – развиваться, проказничать, веселиться; *to frisk* – развиваться, прыгать; *to gamble* (Am.E.) – прыгать, скакать; *to romp* – возиться, шумно игтать; *to cavort* – прыгать, скакать; *to disport* – развлекаться, забавляться, развиваться; *to sport* – играть, веселиться, развиваться), то спектр семантических признаков еще более расширяется: игра сопровождается энергичным, свободным перемещением/движением; издаются громкие звуки.

Б) Вид спортивной игры: например, *to play (at) tennis* (играть в теннис), *to play (at) hockey* (играть в хоккей), *to play (at) chess* (играть в шахматы) и др.

Приведем примеры однокоренных слов, объединенных данным значением: *play* – комбинация; *play-by-play* – репортаж о спортивном состязании; *playclothes* – домашняя одежда; платья, костюмы для ношения дома; *player* – участник игры; профессиональный спортсмен; *played-out* – измотанный, выдохшийся, обессиленный; *play gym* – спортзал; *playsuit* – костюм для подвижных игр; *playing-field* – поле (футбольное, крикетное), площадка.

Синонимический ряд по Д2 (спортивная игра) составляют: *to challenge* – бросать вызов, оспаривать; *to rival* – соперничать, конкурировать; *to take on* – мериться силами, принимать вызов; *to oppose* – оказывать сопротивление, находиться в оппозиции; *to contend (against)* – бороться, соперничать, состязаться; *to compete (against)* – состязаться, принимать участие в спортивном соревновании; *to vie (with)* – соперничать, состязаться.

Рассмотрев словарные определения и примеры употреблений, объединим набор семантических признаков по Д2 – спортивная игра: деятельность динамична, упорядочена правилами, ограничена в пространстве, носит состязательный характер, сопряжена с применением физической силы, преследует цель победить противника. Эти семы отражают существенные когнитивные признаки концепта *play* в английской концептосфере.

В) Вид азартной игры: например, *to play cards* – играть в карты.

Та же самая семема Д2 может реализовываться в сочетаниях с наречием, описывающим манеру поведения в ходе игры. Например: *to play fair (fair play)* – играть по правилам, честно; *to play double* – вести двойную, двуличную игру, лицемерить; *to play safe* – играть осторожно, действовать наверняка.

Следует отметить явно выраженную отрицательную коннотацию, присущую большей части фразеосочетаний, описывающих игру в карты.

Парадоксально то, что, несмотря на столь предосудительное отношение к данному виду игры, набор языковых средств, его представляющих, является одним из самых многочисленных в языке. По-видимому, здесь находит отражение закон Шпербера: та сфера деятельности, которая представляет интерес для общества в какой-то период его существования, порождает наибольшее число фразеосочетаний, связанных с ней.

Семема Д2 глагола to play – **играть в карты**: *play* – игра, манера игры; *play-debt* – карточный долг, задолженность по проигрышу в какую-либо азартную игру; *player* – участник игры; картежник, игрок; *playing-card* – игральная карта; *playing trick* – удачная комбинация карт, с помощью которой можно выиграть партию в бридж.

К синонимам to play по Д2 (играть в карты) относятся: to engage in – заниматься чем-либо, принимать участие, вовлекать, завлекать; to be involved in – вовлекать, впутывать; to participate – участвовать; to stake – делать ставку; to take part in – принимать участие.

Рассмотрев словарные статьи лексем по семеме Д2 (играть в карты), получим следующие когнитивные признаки исследуемого концепта: деятельность, организованная по правилам, предполагающая использование предмета игры, имеющая целью обыграть партнера-противника, связанная с работой ума, риском и достижением цели через хитрость и обман.

Семема Д2 глагола to play «to act in a dramatic production» – **исполнять, давать представление, демонстрировать** реализуется в сочетаниях:

а) с существительным, обозначающим произведение для исполнения, например: *to play a tragedy* – ставить трагедию.

Особое место в данном ряду занимает выражение *to play a part (play the part of)* – играть роль (например, *to play Hamlet* – играть (роль) Гамлета), поскольку данное сочетание стало основой образования большой группы фразеологизмов: *to play the leading role* – играть ведущую роль; *to play doctor* (театр. жарг.) – лицо, вносящее значительные изменения в пьесу перед её принятием к постановке; *to play gooseberry* – сопровождать влюбленных для приличия, служить ширмой для влюбленных; *to play the master* – хозяйничать, распоряжаться; *to play the traveler* – рассказывать неправдоподобные, «охотничьи» истории, вводить в заблуждение, одурачивать и многие другие.

б) с существительным, указывающим на исполняемую роль, обозначающим животное, например: *to play the fox (лису)* – хитрить, притворяться, прикидываться; *to play the hobby-horse (лошадку)* – прыгать, скакать, паясничать; *to play the hog (свинью)* – быть эгоистом, поступать по-свински; *to play the peacock (павлина)* – спесиво, высокомерно держаться, важничать и др.

в) с существительным, описывающим «ненастоящее» поведение в сочетаниях *to play a joke* (шутка) и его варианты: *to play pranks* (выходка) – проказничать, резвиться, откалывать шуточки, капризничать; *to play a trick on smb = to play smb a trick* – сыграть злую шутку с кем-либо, подшутить над кем-либо и т.п.

Семема Д2 глагола to play **выступать, давать представление** обеспечивает создание ряда производных: *play* – пьеса, шутка; *play-act* – быть комедиантом, актером; ломать комедию, вставать в позу; *play-actor (play-actress,*

женск.) – комедиант, лицедей; неискренний человек, притвор; *play-bill* – театральная афиша, театральная программа; *play-book* – сборник пьес; пьеса, изданная отдельной книгой и др.

Синонимический ряд по Д2 – играть в театре составляют: *to act* – играть, притворяться, прикидываться; *to perform* – исполнять, действовать; *to portray* – изображать на сцене; *to represent* – изображать, олицетворять, исполнять роль. Набор когнитивных признаков, отражаемых семами, получается следующим: деятельность, предполагающая перевоплощение (ненастоящий), смену образа, присутствие зрителя/наблюдателя, ограниченная заданной ролью.

Семема Д2 глагола *play* «*to play (on) a musical instrument*» – **играть на музыкальном инструменте** реализуется в сочетаниях:

а) с определенным артиклем *the* + существительное, обозначающее музыкальный инструмент, например: *to play the piano* – играть на пианино;

б) с существительным, обозначающим музыкальное произведение, например: *to play a tune* – играть мотив; *to play a piece* – играть музыкальную пьесу;

в) в предикативной функции, например: *the organ was playing* – орган играл.

Семема Д2 обеспечивает создание ряда производных слов: *playable* – годный для игры на музыкальном инструменте, могущий быть сыгранным; *player* – музыкант, автоматический музыкальный инструмент; *player-piano* – пианола; *playing* – игра (например, *first-class orchestral playing* – первоклассная игра оркестра).

Синонимический ряд по Д2 (играть на музыкальном инструменте) представляют: *to perform* – играть, представлять, исполнять; *to execute* – исполнять музыкальное произведение.

Набор когнитивных признаков: деятельность сопровождается звуком, осуществляется с помощью воздействия на предмет, направлена на слушателя, ограничена в пространстве.

Семема Д2 глагола *to play* – **переливаться, сверкать** реализуется в предикативной функции в сочетании с существительным в роли подлежащего, например: *lighting played in the sky* – в небе сверкала молния; *a smile played on her lips* – на её губах играла улыбка.

Производным существительным *to play* в этом значении является сущ. *play* – переливы, игра, например: *the play of sunlight upon leaves* – игра солнечных бликов на листьях; *iridescent play of colours* – радужные переливы красок. Обнаруживаются признаки: движение, смена, свет.

Семема Д2 глагола *to play* – **развиваться, носиться, порхать, танцевать** реализуется в сочетаниях с существительным, обозначающим насекомых, рыб, птиц и т.п., например: *butterflies played among the flowers* – бабочки порхали среди цветов; *fish played in water* – рыба плескалась в воде. Подобным же образом при переносе значения могут *играть* ветер, фантазия и т.д., например: *the wind played in her hair* – ветер играл у неё в волосах; *to allow one's fantasy to play* – дать волю фантазии.

Синонимичны *to play* в данном значении: *to dart* – промчаться стрелой, устремиться; *to flit* – легко и бесшумно двигаться, перелетать, порхать; *to move lightly* – двигаться легко; *to dance* – двигаться, кружиться, скользить, качаться.

Когнитивные признаки: темп движения (медленно, быстро, стремительно), направление перемещения (распространяясь круговыми движениями, вверх-вниз, из стороны в сторону), манера движения (легко, беззаботно), смена оттенков.

Семема Д2 глагола *to play* «to put in action» **приводить в движение** реализуется в сочетаниях с существительным:

а) стоящим в роли дополнения, например: *to play a searchlight* – направить луч прожектора; *to play guns* – выстрелить из пушек; *to play bullets* – обстрелять и др.;

б) стоящим в роли подлежащего, например: *the fountains will play on Saturday* – в субботу будут бить фонтаны.

К производным словам относятся: 1) *play* (сущ.) – движение, например: *child full of play* – живой ребенок; *the play of muscles* – игра мышц; 2) *play* (сущ.) – владение, умение обращаться (с оружием и т.п.), например: *his play was very correct and his parries heat* – он очень ловко владел шпагой и парировал точно; 3) *play* (сущ.) – действие, деятельность, например: *in full play* – в действии, разгаре и т.п.

Синонимы: *to accomplish* – совершать, выполнять; *to carry out* – выполнять, осуществлять; *to fulfill* – исполнять, осуществлять; *to discharge* – выполнять.

Здесь происходит десемантизация глагола, уходят семы «легко», «ради удовольствия» и т.п., остается только сема «деятельность», «движение», «небольшие усилия».

По полученным языковым данным можно судить о некоторых особенностях английского когнитивного сознания по сравнению с русским полем, в котором, как мы уже отмечали (Королева 2003а, Королева 2003б), концепт «игра» в значительно меньшей степени представлен в русском языке.

1. Слово «*to play*» обладает, безусловно, положительной коннотацией, так как прочно связано в языковом сознании англоговорящих с понятиями удовольствия, отдыха.

2. Многочисленность состава языковых единиц, репрезентирующих концепт, свидетельствует о его значимости в данной культуре, а количественное превосходство подгрупп «играть в карты» и «играть в театр» отражает характерные или наиболее интересные виды развлекательной деятельности в данном обществе.

3. Если сравнить детскую, спортивную и карточную игру, то они обладают рядом общих семантических признаков (в действе имеется комплекс фигур: игрок(и), игрушка). Однако детская игра, как показывает анализ английского языка, не преследует цели, не строится по правилам, не ограничена в пространстве и времени, чем отличается от игры взрослых.

4. Обилие слов, относящихся, например, к профессиональной театральной деятельности, свидетельствует о некотором уменьшении грани между развлекательной и трудовой сферами игры. Игра в английском сознании – не только процесс расслабления и релаксации, но и импульс, творчество, напряжение ума, памяти, эмоций. Возможно, в этой антиномии и заключается загадка феномена игры.

-
1. Королева Е.Н. Игра как репрезентант концепта «развлечениe» в русской и английской фразеологии // Филология и культура. Материалы IV международной научной конференции. Тамбов, 2003. С.215-216.
 2. Королева Е.Н. «Играют дети – играют взрослые» // Культура общения и её формирование. Воронеж, 2003. С.111-112.

Н.В. Ушкова

Прагматический аспект аналитической реализации концепта

Выбор языкового средства в процессе общения представляет собою проблему, которая, с одной стороны, зависит от наличия в языке необходимых средств репрезентации концептов (Болдырев 2000, с.23-49), с другой стороны, от речевых умений, интенций, стратегий говорящего. Поскольку сам этот выбор предполагает наличие слушающего, непосредственно затрагивая его интересы, то в фокусе речевой коммуникации оказывается речевая компетенция обоих (Милосердова 2001, с.17-32) как один из многочисленных аспектов проблемы речевого воздействия (Стернин 2001). При этом важным фрагментом компетенции говорящего и слушающего является их знание о том, какое место на ценностной шкале занимают языковые средства, владение информацией об их прагматическом потенциале и умение гибко применять их в зависимости от речевой ситуации (Девкин 1981, с.110).

Феномен качественной трансформации оценочной информации и её переориентации при изменении объекта референции известен: критическое высказывание, обращенное в адрес собеседника, утрачивает явно критический характер, если его адресатом становится сам говорящий.

Рассмотрим, как этот феномен обнаруживает себя в аналитическом строем современного немецкого языка, а именно в сфере одной из языковых универсалий – субстантивно-глагольных структур аналитического типа – в рамках одной из самых ярких среди наблюдаемых в современном языке тенденций языкового развития (Eisenberg 1999, с.299). Данные структуры привлекают к себе особое внимание тем, что их использование связано с прагматическим эффектом, проявляющимся специфическим образом в зависимости от ряда факторов, которые нуждаются в специальном изучении.

В поле нашего зрения оказывается проблема, которую можно было бы обозначить как «прагматический аспект аналитической репрезентации концепта».

В соответствии с подходом, развиваемым в настоящей работе, исходным пунктом является положение о том, что концепт репрезентируется вышеназванными структурами аналитическим способом. Обращение к понятию аналитической репрезентации концепта позволяет отталкиваться от некоторого смысла, от некоторой пропозитивной семантики, которая не обязательно вербализуется простым глаголом, что позволяет избежать интерпретационных трудностей и недоразумений, связанных со случаями,

когда сопоставимый глагол не существует в языке или семантически удален от имени существительного, являющегося частью аналитической (Ушкова 2003).

Для аналитической репрезентации концепта субстантивно-глагольными аналитическими структурами характерно, во-первых, сосредоточение пропозитивной семантики в субстантивном компоненте конструкции; во-вторых, обеспечение синтаксической организации данной пропозитивной семантики в предложении в статусе предиката посредством глагольного компонента конструкции.

Выделение аналитической репрезентации концепта среди других способов репрезентации на основании вышеперечисленных моментов должно способствовать дальнейшему осмыслиению механизмов концептуализации и отражения структур знания в структурах языка. Это может помочь выяснить то, как процесс концептуализации зависит от речевых условий, от того, к кому обращено высказывание, и от референтной соотнесенности последнего.

Из пестрого многообразия аналитических конструкций современного немецкого языка многие призваны служить проводниками сложной оценочной информации. Среди них конструкции, содержащие глаголы с «устоявшимися» прагматическими свойствами, так или иначе реализующимися в речи, вывод о наличии которых можно сделать на основании определений и специальных лексикографических помет, содержащихся в словарях.

К ним относятся такие глаголы, как *verpassen*, *stinken*, *schmeißen*, *aufbuckeln*, *fabrizieren*, *schinden*, *hinzaubern*, *sich schleppen* и др., изначально обладающие фиксированным местом на ценностной шкале (или стилистической шкале, а также, возможно, на той и другой шкале одновременно), которое в принципе сохраняется при использовании их в качестве полуслужебных: *jmdm. Uniformen verpassen* → *jmdm. einen Haarschnitt verpassen*; *[unangenehm] stinken* → *vor Faulheit stinken*; *einen Stein ins Fenster schmeißen* → *sein Studium schmeißen*; *jmdm. eine Kiepe Holz aufbuckeln* → *jmdm. eine Arbeit aufbuckeln*; *eine Leselampe fabrizieren* → *Verse fabrizieren*; *Menschen schinden* → *Eindruck schinden*; *einen Kuchen hinzaubern* → *einen Knicks hinzaubern*; *sich mit viel Gepäck schleppen* → *sich mit einer Erkältung schleppen* и др. (примеры, приводимые в настоящей статье, заимствованы из авторитетных толковых словарей современного немецкого языка (см. библиографический список).

Прагматический потенциал конструкций, частью которых становятся названные глаголы, принадлежит сфере речевой компетенции носителей языка и представляет собою некоторую конвенционально закрепленную информацию о том, какой эффект может быть связан с употреблением данных глаголов в составе подобных аналитических конструкций.

Рассмотрим, как проявляется себя прагматическая составляющая, присущая вышеназванным аналитическим конструкциям в различных условиях речевого общения, как при этом варьируется оценочная информация, проводником которой выступает полуслужебный глагол.

Обратимся к конкретному случаю концептуализации некоторой ситуации, в которой действующее лицо претерпевает неприятное состояние либо подвергается неприятному воздействию (типа *Strafe*, *Erkältung*, *Prügel* и т.п.).

Если отталкиваться от типичного случая, то негативность подобной ситуации представляется очевидной и носит, по всей видимости, объективный характер. В процессе коммуникации данное представление конкретизируется, так что упомянутая негативность предстает в неоднозначном виде. Это происходит во многом благодаря включению механизмов презентации субъективных компонентов информации о ситуации, в том числе и в процессе аналитической презентации концепта (*Strafe*: *jmdn. bestrafen* → *sich eine Strafe einbrocken*; *Erkältung*: *sich erkälten* → *sich eine Erkältung aufgabeln*; *Prügel*: *jmdn. prügeln* → *jmdm. Prügel verpassen*; ...).

Таким образом, если перенестись из плоскости ментальных образов в плоскость живой речи, можно видеть, как аналитическая презентация концепта позволяет выяснить, помимо объективных, субъективные аспекты знания о ситуации, которые в свою очередь также подвергаются изменению в зависимости от pragmaticических факторов, которые будут описаны ниже.

Рассмотрим на примере ситуации наказания (концепт *Strafe*, пропозиция *X bestraft Y*, аналитическая презентация концепта *sich eine Strafe einbrocken*), как оценочная информация, эксплицируемая аналитической структурой, оказывается в поле зрения партнеров по общению, специфическим образом преломляясь в процессе речевого общения, и вызывает определенный pragmaticический эффект в зависимости от того, кому она обращена. Для этого необходимо учитывать, что имеются двое участников обсуждаемой ситуации (тот, кто наказывает, и тот, кого наказывают); двое участников обсуждения данной ситуации (говорящий и слушающий), а также возможный неучастник ситуации, некоторое предполагаемое лицо, не участвующее в обсуждении (так называемый наблюдатель).

Случай первый. Говорящий и слушающий соотносят пропозицию с третьим лицом, не присутствующим при разговоре: *Peter sagt zu Ralf: «Thomas hat sich eine Strafe eingebrockt»*.

Сообщники связаны наличием общего представления о наказании как о факте, в принципе неприятном для любого лица, на основании которого возможно его дальнейшее обсуждение.

Случай второй. Говорящий соотносит пропозицию со слушающим, что выражается в использовании местоимения второго лица: *Peter sagt zu Thomas: «Du hast dir eine Strafe eingebrockt»*. Оценка высказывается второму лицу непосредственно, и, как любая эксплицитная оценка поведения собеседника, она базируется на знании говорящего о том, каким образом действовал его партнер по общению; она предполагает наличие у говорящего суждения о том, почему известные действия имели своим следствием наказание. Наблюдатель должен был бы понять сказанное приблизительно так: *Петр знает о наказании Томаса и сообщает ему свое мнение об этом, а именно то, что Томас действовал необдуманно и поэтому оказался в неприятной ситуации*.

В принципе не исключена и такая модель общения, при которой отрицательная оценка высказывается в адрес третьего лица в его же присутствии. В силу определенных причин оценка может быть высказана не прямо и может внешне выглядеть так, как если бы обсуждалось третье лицо. Говорящий намеренно обращает оценочное высказывание не в адрес того

лица, которому оно предназначается, а в адрес лица, которое избирается в качестве его реципиента (*Trotzdem Peter weiß, dass Thomas da ist und zuhört, sagt er zu Ralf: «Thomas hat sich eine Strafe eingebrockt»*). Таким образом, лицо, являющееся объектом оценки и подвергающееся косвенному речевому воздействию, умышленно игнорируется или помещается говорящим на второй план, в то же время находясь в фокусе оценки.

Разница высказывания отрицательной оценки о некотором лице непосредственно в его адрес или кому-либо еще в отсутствие данного лица, или, наоборот, намеренно в его присутствии, не может не осознаваться говорящим. При достаточном опыте речевого общения и при наличии если не полной продуманности, то, по крайней мере, элемента контроля над ходом общения, говорящий, несомненно, может представить себе последствия собственного оценочного высказывания и возможную реакцию слушающего в зависимости от того, является ли он только адресатом оценочного высказывания или одновременно и непосредственно объектом оценки.

Высказывание – в зависимости от более широкого контекста, от конкретных условий общения – может носить характер неодобрения, осуждения или даже обвинения. Конечно, факт неодуманности поведения (собственного или чужого) может не признаваться собеседником, соответствующее мнение – не разделяться, а отрицательная оценка – не приниматься. Как бы то ни было, у слушающего есть реальная возможность лично попытаться восстановить истинную картину, переубедить говорящего, выдвинуть аргументы.

Случай третий. Говорящий соотносит пропозицию с собственной личностью, используя, соответственно, местоимение первого лица: *Peter sagt zu Ralf: «Ich habe mir eine Strafe eingebrockt»*. Оценочная информация, таким образом, формально адресуется самому говорящему, то есть тому самому лицу, от которого она исходит.

При этом проявляется особенность оценки, заложенная в самой ее природе, а именно ее относительный характер, который состоит в ее потенциальной изменчивости (качественное содержание оценки принципиально зависит от адресанта и адресата, тем более в случае их совпадения). Феноменом соответствующих речевых актов, содержащих оценочную информацию, как в описываемом случае (таких, как самокритика или самоосуждение), является то, что оценочный компонент как бы пересматривается, вследствие чего их статус меняется.

Естественно полагать, что цель говорящего состоит не в том, чтобы привлечь внимание к собственным недостаткам, хотя, снабжая высказывание о себе оценочным компонентом, он, казалось бы, провоцирует к этому слушающего. В соответствии с данным, объективно сложившимся механизмом переосмыслиния оценочной информации при ее переадресации, действие которого, по меньшей мере, интуитивно осознается участниками коммуникации, говорящий приобретает в глазах партнера по общению облик «невольного инициатора нежелательных последствий». На передний план выдвигается сама неприятная ситуация *Strafe* (ее объективная негативность еще более усиливается, дополненная субъективными моментами). Наблюдатель, вероятнее всего, воспримет высказывание говорящего приблизительно так:

Петер сообщает Ральфу, что он оказался в неприятной ситуации, которая для него еще неприятнее оттого, что он ее невольно спровоцировал непродуманностью действий.

Отрицательность оценки, высказанной самим говорящим о самом себе, с точки зрения наблюдателя сглаживается, приобретает иное звучание, чем если бы та же оценка была обращена постороннему лицу (как было рассмотрено в первом и втором случаях). Если слушающий воспримет оценочную информацию без скидки на ожидаемое прочтение ее смысла, без учета феномена переосмыслиения оценочной информации при ее обращенности к адресанту, то дальнейший ход событий не будет соответствовать замыслу говорящего.

Предложенные интерпретации содержат информацию, касающуюся необдуманного поведения некоторого лица, и относятся к сфере наблюдателя, некоторого нейтрального, незaintересованного свидетеля диалога, который мог бы рассуждать так, как было показано выше, причем данная информация помещается в подчинительной части высказывания, в позиции обстоятельства.

До того момента, как стала известна реакция слушающего, который становится затем вторым говорящим, наблюдатель исходит лишь из имеющегося у него знания семантического потенциала языковой конструкции *sich eine Strafe einbrocken* и из собственного представления о том, как им должен пользоваться говорящий, из собственного опыта её использования. В совокупности это сводится к двум следующим моментам: Петер знает о необдуманном поведении лица, подвергшегося наказанию (это либо его собеседник, либо объект речи) и высказывает соответствующее утверждение (1-й и 2-й случаи, в которых **на первом плане – оценка**); Петер подвергся наказанию, которое сам спровоцировал своими необдуманными действиями (3-й случай, в котором **на первом плане – событие**).

О сфере слушающего можно потенциально утверждать многое. Если слушающий знает о факте наказания, то он в типичном случае не может не исходить из той же объективной данности, что и говорящий (то есть что наказание – это плохо, тем более, если это касается самого участника события), хотя возможно интерпретировать его иначе. Тогда реакция может быть такой: *Eingebrockt? Aber Tomas hat ja nicht Böses gemacht! / Eingebrockt? Aber ich habe ja nicht Böses gemacht! / Eingebrockt? Aber Du hast ja nicht Böses gemacht!* Таким образом, компетентность слушающего или иная интерпретация поведения обсуждаемого лица позволяет перенести акцент с поведения «наказанного» на иные обстоятельства, при этом косвенно может затрагиваться источник наказания, лицо, от которого проистекает наказание (несправедливость наказания, несоответствие его тяжести с виной наказанного как несоизмеримость действий и их последствий). Если слушающий не знает о факте наказания, то тогда он узнает об этом факте и о его оценке говорящим одновременно. Реагировать он может приблизительно так: *Strafe? Was hat er (habe ich / hast du) eigentlich getan? (Thomas und eine Strafe? Wieso? / Ich und eine Strafe? Wieso? / Du und eine Strafe? Wieso?)*.

Узнавание неприятного как о собеседнике, так и о себе может вызывать удивление (*Das kann nicht sein! Ach wieder!?*), приниматься как закономерность

(*Das habe ich erwartet*) и др.

Если теперь совместить интерпретацию негативной ситуации и негативной оценки её участника со всех позиций, то обнаруживается, что **второй и третий** случаи в принципе противостоят как **утрирование и сглаживание оценки**.

Исследование прагматического эффекта речевой коммуникации, называемого в настоящем исследовании переориентацией оценочной информации, позволяет высказать следующие соображения.

Исходя из вышеизложенных наблюдений за использованием аналитических конструкций в речи, следует подчеркнуть особые коммуникативные возможности последних, не доступные их «синтетическим» аналогам – сопоставимым глагольным единицам.

Аналитическая репрезентация концепта обеспечивает возможность непрямого речевого воздействия, которая – если по достоинству оценить объем информации, сосредоточенный в аналитической конструкции, – представляется к тому же весьма экономной. Аналитичность конструкции более чем окупается ее информативной насыщенностью – ведь для описания той же информации иным способом (например, в форме свободного словосочетания простого глагола с зависимыми словами – один глагол, как правило, просто не в состоянии охватить искомую информацию) потребовалось бы гораздо большее количество единиц.

Помимо этого, аналитическая репрезентация концепта открывает возможность манипулировать информацией, сдвигая ценностные акценты непосредственно в рамках сказуемого, что дает основание вести речь о механизме тонкого психологического воздействия посредством речи, характерного для современного стиля общения.

-
1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
 2. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.
 3. Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения. Тамбов, 2001.
 4. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
 5. Ушкова Н.В. Проблемы исследования аналитической репрезентации концепта (на материале субстантивно-глагольных конструкций современного немецкого языка) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2003. Вып. 3 (31). С.36-46.
 6. Brockhaus / Wahrig. Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden / hrsg. v. Gerhard Wahrig, Hildegard Krämer, Harald Zimmermann. Stuttgart, 1980-84.
 7. Duden: «Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache»: In zehn Bänden / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, 1999.
 8. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 2: Der Satz. Stuttgart; Weimar, 1999.

Профилирование как механизм отражения действительности

Поскольку сравнение является одним из основных принципов познания человеком окружающей действительности, компаративные словосочетания (КомпС) занимают особое место в системе языка и в речи.

Целью исследования является показать один из механизмов отражения действительности, получающий выражение в компаративных словосочетаниях, которые описывают человека в целом или отдельные детали его внешности. В данной статье (на материале русского, английского и французского языков) рассматриваются компаративные словосочетания, включающие в качестве адъективного элемента обозначение цвета: «красный», «белый», «черный»; «red», «white», «black»; «rouge», «blanc», «noir». Для обозначения таких КомпС мы предлагаем термин «колоративные КомпС».

Понятие «механизм» понимается двояко: 1) внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; 2) система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности (Ожегов 1987, с.283). В настоящей работе термин «механизм» используется в его втором значении. Данное значение описывается другими словарями аналогичным образом. Например, в толковом словаре иноязычных слов *механизм* – это «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности, процесса» (Крысин 2000, с.435). В психологическом словаре *механизм* трактуется как теоретический процесс, с помощью которого можно понять и объяснить какие-либо события (a theoretical process through which events can be understood and explained) (Reber 1995, с.443).

Таким образом, в настоящей работе *механизм* понимается как система когнитивных операций и их языковое выражение, с помощью которых можно объяснить, какие особенности восприятия действительности человек выражает посредством тех или иных КомпС.

КомпС используется для интенсификации сообщаемой информации об объекте или явлении. Объект, описываемый с помощью КомпС, является объектом сравнения. В нашем случае это человек и детали его внешности. Для наименования объекта сравнения в литературе используется термин «тема» (Назарова 2000, Шевченко 2003). Само КомпС состоит из двух элементов: опорного компонента и основания. Опорный компонент («опорное слово» – Соломаха 2003) – это наименование эталона, с которым сравнивается объект сравнения. Основание (Назарова 2000, Шевченко 2003, Терентьев 1997) – наименование признака, определяемого человеком как сходный у объекта и эталона сравнения.

Поясним сказанное на следующем примере: ...неприятно скривив губы, спросил черный, как жук, жандармский подполковник (Б. Акунин). Данный контекст содержит КомпС «черный, как жук». Темой является обозначение человека – жандармский подполковник, опорным компонентом – жук, основа-

ием – *черный*. Представляется, что основание КомпС указывает на признак, который человек выделяет для себя в эталоне сравнения.

Для анализа когнитивного процесса выделения признаков объекта в литературе используются понятия базы и профиля (профилирования). Под профилированием понимается механизм выделения профиля на фоне базы в семантике языковых единиц. Понятия «база» (base) и «профиль» (profile) были предложены Р. Лэнекером. Базой Р. Лэнекер называет область семантической структуры, а профилем – субструктуру, получающую особое выпуклое положение внутри базы. Например, базой (или областью) для характеристики гипотенузы является понятие правильного треугольника; для кончика базой является понятие удлиненного предмета; для *дяди* – ряд людей, связанных между собой родственными отношениями (Langacker 1991, с.5). Р. Лэнекер подчеркивает, что профилирование – это отношения на уровне концептов, а не отношения реальной действительности (Langacker 2000, с.7).

Исходя из этого, мы понимаем под профилированием процесс фокусировки внимания на одной из характеристик концепта, за которым стоит объект реальной действительности, и выделение данной характеристики на фоне совокупности остальных характеристик этого концепта. Результатом механизма профилирования является языковое выражение профилюемой характеристики. Таким образом, в качестве одного из механизмов отражения действительности, получающих выражение в КомпС, можно рассматривать профилирование некоторых характеристик концепта и стоящих за ними признаков объекта.

Далее на материале КомпС покажем профилирование одного из признаков, который воспринимается как общий для нескольких объектов в процессе их сравнения. Материал русского, английского и французского языков выявил ряд колоративных КомпС, имеющих общее основание, но различные опорные компоненты. Например, в русском языке зафиксированы следующие КомпС с основанием «*черный*»: *черный как сажа*, *черный как смоль*, *черный как вороново крыло*, *черный как головешка*, *черный как трубочист*, *черный как негр*, *черный как ночь* и др. Объекты, представленные опорными компонентами данных КомпС (сажа, смоль, вороново крыло, головешка, трубочист, негр, ночь), являются эталонами актуализируемого в сравнении признака «*черный цвет*». Общее для данных КомпС основание «*черный*» указывает на то, что носители русского языка мысленно объединяют эталоны *сажа*, *смоль*, *вороново крыло*, *головешка*, *трубочист*, *негр*, *ночь* в категорию «*Эталоны черного цвета*». Это – языковая категория, поскольку ее сигналом является единица языка «*черный*». Данная категория относится к числу отражательно-ориентированных категорий (Кубрякова 1998, с.10).

Различие опорных компонентов колоративных КомпС при общности основания свидетельствует о том, что говорящему приходится осуществлять выбор эталона цвета для описания человека и деталей его внешности. Анализ контекстов показал, что выбор того или иного эталона цвета обусловлен объектом сравнения.

Так, среди колоративных КомпС русского, английского и французского языков выделяется ряд КомпС, использующихся для описания парных

элементов внешности человека: глаз, щек и т.д. Например, для описания глаз черного цвета в русском и английском языках используется сравнение с плодами сливы, терна: *черные как сливы, black as sloes (sloes – тёрн)*, с угольками: *черные как угли/угольки, black as coals (coals – угольки)*. Рассмотрим некоторые случаи их функционирования.

Казанзаки был багров. Черные, как сливы, глаза налились кровью (Б. Акунин).

...Marcel and Lanny went ashore, and saw strange dark men wearing white hoods, and women going out completely veiled, with eyes black as sloes peering out seductively (U. Sinclair).

В данных контекстах глаза сравниваются со *сливами/ягодами терна*. Эти объекты воспринимаются как объекты черного цвета, на что указывает основание КомпС «черный»/«black». Опорный компонент *сливы/sloes* (*ягоды терна*) свидетельствует о том, что авторы подводят такие объекты, как сливы/ягоды терна, под категорию «Эталоны черного цвета».

Очевидно, сравнивая глаза со *сливами/ягодами терна*, можно установить между ними сходство и по другим признакам: округлая форма, относительно малый размер, исчисляемость, неодушевленность. Использование КомпС с основанием «черный» выражает наибольшую актуальность для говорящего в данной ситуации именно признака «черный цвет», по сравнению со всеми прочими признаками сливы или терна. Другими словами, говорящий выделяет, т.е. профирирует, признак «черный цвет», и он получает языковое выражение в виде основания КомпС.

Наряду с рассмотренными выше КомпС, использующимися говорящими для описания глаз человека, в русском и английском языках зафиксированы эквивалентные КомпС *черные как угли/угольки, black as coals*.

Она смотрела..., ласково улыбаясь черными, как угли, цыганскими глазами (М. Горький).

His eyes are black as coals set in the sharp brown cheekbones (J. Updike).

В приведенных контекстах глаза являются объектом сравнения. Основание КомпС «черный»/«black» называет признак «черный цвет». Опорный компонент *угли (coals)* называет эталон черного цвета. Глаза и угли (угольки) воспринимаются как объекты черного цвета. Помимо этого, в них можно усмотреть и другие сходные черты. И глаза, и угли (угольки) воспринимаются как объекты небольшого размера, обладающие блеском. Это – неодушевленные исчисляемые объекты. Однако черный цвет является признаком, актуальным для говорящего в момент высказывания. Этот признак профирируется говорящим.

Для описания щек человека в английском языке зафиксировано КомпС *as red as cherries* *красные, как вишни*:

The girl's name was Peg. Her cheeks were as red as cherries... (A.J. Cronin).

Основание *red* называет признак щек «красный цвет», актуализирующийся в сравнении. Опорный компонент *cherries* называет эталон признака «красный цвет» – цвет вишни. Данный контекст показывает, что сопоставление щек с вишнями основано на восприятии вишен носителями языка как эталона актуализирующегося в сравнении признака «красный цвет».

Можно предположить, что носители английского языка соотносят данные объекты также на уровне концептов-схем. Под *схемой* понимается мысленный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (Болдырев 2000, с.36). Нередко, представляя схематично вишни, их изображают в виде пары симметрично расположенных шариков на концах соединенных веточек, составляющих как бы две части одного целого. Схематичное представление щек также выглядит как два симметрично расположенных элемента окружлой формы, составляющих две части одного целого. Возможность сходного схематичного представления (конфигурации) щек и вишен является еще одним показателем того, что человек усматривает между ними некоторое сходство. Однако в приведенном выше контексте для говорящего наиболее значимо было цветовое сходство данных объектов. Воспринимаемый как общий для щек и вишен признак «красный цвет» профилируется говорящим и получает языковое выражение в виде основания КомпС *red*.

Таким образом, были отмечены русские и английские КомпС, посредством которых парные детали внешности человека – глаза, щеки – сравниваются с неодушевленными исчисляемыми объектами.

Иной принцип лежит в основе описания с помощью колоративных КомпС других деталей внешности человека – например, лица. Материал исследования выявил случаи, когда при описании цвета лица носители русского, английского и французского языков используют КомпС, опорными компонентами которых являются наименования неисчисляемых объектов.

Покраснение и бледность лица нередко описываются с помощью колоративных КомпС, опорными компонентами которых являются наименования ткани и изделий из ткани: *красный как кумач*, *белый как полотно*, *белый как скатерть*, *белый как саван* в русском языке; *as white as a sheet* (*белый как простыня*) в английском языке; *blanc comme un linge* (*белый как белье*), *blanc comme un linceul* (*белый как саван*) во французском языке. Следует отметить, что в контекстах, где используются приведенные КомпС, в качестве темы сравнения может выступать как наименование лица человека, так и наименование человека в целом. Однако объектом сравнения в обоих случаях является, как правило, именно лицо, поскольку говорящий зрительно воспринимает область лица описываемого человека – остальное закрыто одеждой. В тех случаях, когда описываются другие детали внешности человека, в контексте имеется указание на них.

Рассмотрим некоторые примеры употребления данных КомпС.

When they told Nella that her father's plane was missing in the flight from Seattle to Tokyo, she turned white as sheet and began to cry (D. Curry).

Тема сравнения *she* (она) указывает на то, что в этом контексте описывается женщина. Однако объектом сравнения является именно лицо женщины. Основание *white* называет признак «белый цвет». Опорный компонент *sheet* называет эталон признака «белый цвет» – простыню.

- ... vous tremblez!

- Je ne me trahiri pas.

- Au moins laissez votre voile, vous êtes blanche comme linge (H. Malot).

Тема сравнения *vous* (вы) указывает на то, что в данном контексте описывается человек. Объектом сравнения является именно лицо человека. На это указывает контекст. Говорящий просит персонажа, которого описывает с помощью КомпС, опустить вуаль (*baissez votre voile*), чтобы скрыть цвет лица. Основание *blanche* называет актуализирующийся в сравнении признак «белый цвет». Опорный компонент *linge* называет выбранный автором эталон белого цвета – белье.

Как показывают приведенные КомпС, сопоставляемые понятия (лицо человека и ткань/изделия из ткани воспринимаются говорящими как носители общего признака) красного/белого цвета. Об этом нам сигнализирует основание сравнения – прилагательное, выражающее данный признак. Однако обращение носителей разных языков именно к тканям/изделиям из ткани для сопоставления с ними цвета лица человека нам представляется не случайным. Мы считаем, что можно выявить по крайней мере еще два признака, общие для рассматриваемых объектов.

Известно, что кожа лица представляет собой тоже ткань, но биологическую. Можно усмотреть некоторое сходство между структурой кожи лица человека и структурой ткани/изделий из ткани. Кожа лица и ткань имеют одно функциональное назначение – «покрывать что-либо».

Мы приходим к выводу, что цвет является не единственным признаком, обуславливающим соотнесение красного/белого цвета лица человека с белыми или красными тканями. Другими признаками является структура и основная функция этих сравниваемых объектов. Однако в определенных контекстах цвет является наиболее выделенным, профилируемым, признаком при сравнении данных объектов и именно он получает языковое выражение в виде основания КомпС.

Для описания цвета лица и кожи человека используются КомпС, опорными компонентами которых являются наименования других неисчисляемых объектов, например, веществ: *белый как мел*, *белый как бумага*, *белый как мрамор*, *черный как сажа*, *черный как земля* в русском языке; *as white as milk* (белый как молоко) в английском языке; *blanc comme un neige* (белый как снег) во французском языке. Рассмотрим следующие примеры.

Николас никогда не видел, чтобы человек моментально делался белым как мел, – он всегда полагал, что это выражение относится к области метафористики, однако же проводник действительно вдруг стал белым, даже губы приобрели светло-серый оттенок, а глаза заморгали часто-часто (Б. Акунин).

В данном контексте с помощью КомпС автор описывает лицо человека. Элементы контекста губы, глаза подтверждают, что автор в момент описания воспринимает именно лицо персонажа. В контексте актуализируется признак «белый цвет». Опорный компонент *мел* – наименование эталона белого цвета.

Paladin's face was as white as milk... (S. King).

В данном контексте объектом сравнения является лицо человека. Основание *white* называет признак «белый цвет». Опорный компонент *milk* (молоко) называет эталон белого цвета.

Margot. – ...Il devait, cette nuit, à minuit, vous avouer qu'il était la « Machine à écrire » et que nous étions des complices. Et comme il a le trac, il est devenu blanc comme neige ! (J. Cocteau).

В приведенном контексте объектом сравнения является лицо персонажа. Основание *blanc* называет актуализирующийся в сравнении признак «белый цвет». Опорный компонент *neige* (снег) называет эталон белого цвета.

Мел, молоко, снег, бумага, мрамор, сажа, земля – это вещества. Они осмысляются человеком как неисчисляемые, бесформенные и безразмерные, хотя в действительности они встречаются в виде исчисляемых объектов, имеющих и форму и размер (кусок мела, стакан молока, снежный сугроб и т.д.). Однако, как показывают русские, английские и французские контексты, существуют различия в обращении говорящих к исчисляемым объектам (сливы, ягоды терна, угольки, вишни) и к веществам (мел, молоко, снег, бумага и т.д.) как к эталонам цветов.

Исчисляемые объекты (сливы, ягоды терна, угольки, вишни) используются при описании цвета исчисляемых объектов, в нашем случае глаз, щек человека. Вещества используются при описании цвета неисчисляемых объектов, в частности лица, а именно кожи лица человека. В связи с этим общими признаками при сравнении лица человека и вещества являются и цветовой признак, и неисчисляемость. Однако в колоративных КомпС на передний план выходит именно признак цвета, т.е. данный признак профишируется говорящим, на что указывает цветообозначение в качестве основания КомпС.

Колоративные КомпС могут использоваться не только для описания деталей внешности человека, но и для описания человека в целом. Этапонами в подобных случаях часто являются одушевленные существа или существа, мыслимые как одушевленные, например, животные: альбинос, галка, ворон, жук, a crow (ворона), a raven (ворон), a turkey-cock (индюк), un cygne (лебедь); мифологические персонажи: черт, сатана, ghost (привидение); люди разных рас и национальностей: негр, араб, арап, цыган.

Ванюшка Егоров, например, в Крым ездил, вернулся черный как черт (М. Зощенко).

В данном контексте описывается загоревший человек, на что указывает фрагмент контекста: ...в Крым ездил... Основание *черный* является наименованием признака, который актуализируется в контексте. Опорный компонент *черт* называет существо, воспринимаемое как эталон черного цвета (черт – мифологическое существо, покрытое черной шерстью, с рогами, копытами и хвостом).

There she was, pale as death, talking to him very fast. He got as red as a turkey-cock – dash me if he didn't (J. Conrad).

В этом контексте описывается человек, однако объектом сравнения является область лица человека. Основание *red* называет актуализирующийся в контексте признак «красный цвет». Как показывает опорный компонент *a turkey-cock*, индюк является для англичан эталоном существа красного цвета. В статье энциклопедического словаря сказано, что индюк имеет оперение красно-коричневого цвета: *turkey* – a large, gallinaceous bird of a family

Meleagrididae, esp. *Meleagris gallopavo*, of America, that typically has green, reddish-brown, and yellowish-brown plumage of a metallic luster and that is domesticated in most parts of the world (Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary 1996, c.2037). Это объясняет восприятие индюка как носителя признака «красный цвет».

Можно предположить, что соотнесение объектов, в данном случае человека и черта/индюка, происходит не только на основании общего для них признака «черный/красный цвет», выраженного в КомпС, но и на основании признака одушевленности. Однако признак «черный/красный цвет» является более актуальным для говорящего, поэтому этот признак профирируется и получает языковое выражение в виде основания сравнения.

Как показывают русские, английские и французские колоративные КомпС, носители разных языков используют сходные эталоны при описании внешности человека. Для цветовой характеристики парных элементов внешности (глаз, щек) в качестве эталонов привлекаются исчисляемые объекты, для цветовой характеристики кожи лица – неисчисляемые объекты. Для характеристики человека в целом говорящие обращаются к одушевленным существам. Эти объекты и существа хорошо знакомы человеку. Человек хорошо знает признаки этих объектов, поэтому он опирается на них в когнитивной операции сравнения, но профирирует в каждом случае только один признак, наиболее актуальный для него в данный момент.

-
1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
 2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
 3. Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении // Общие проблемы строения и организации языковых категорий: Материалы науч. конф. 23-25 апр. 1998 г. М., 1998. С.7-12.
 4. Назарова И.В. Типология компаративных единиц в когнитивном аспекте (на материале русского и французского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.
 5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
 6. Соломаха В.А. Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителя языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003.
 7. Терентьев А.В. Адъективные компаративные фразеологические единицы как языковая универсалия (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997.
 8. Шевченко А.Н. Сравнение как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова (на материале русско- и англоязычных произведений автора). Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
 9. Curry D. English in Color. English language Programs Division. Bureau of Educational and Cultural Affairs. United States Information Agency. Washington, D.C.
 10. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 1991.

11. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2000.
12. Reber A.S. The Penguin Dictionary of Psychology. Penguin books, 1995.
13. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Gramercy Books, 1996.

О.И. Быкова

Этноконнотированные скриптонимы как отражение самосознания народа

Представления о социально значимых феноменах этноса обнаруживают существенные признаки ритуализации (устойчивость, внутренняя упорядоченность, семиотичность, ригидность (недостаточная гибкость), жёсткость воспроизведения, стереотипность, институциональность, прагматичность, экспрессивность, эмоциональная оценочность). Эти признаки ритуализации выделены в существующих определениях ритуала (Werlen 1984; Sandig 1986; Байбурин 1991; Rauch 1992; Филатова 1995; Hertel 1996; Монич 2000, 2001).

Ритуальная практика тесно привязана к групповой идентичности. Коллективный, массовый характер, ярко выраженная семиотичность придают ритуалу особый статус в общей структуре культуры. По сравнению с другими формами стереотипизированного поведения особенности ритуала проявляются в специфике его функционирования, где используются все знаковые средства, известные коллективу.

Категории «ритуал» (нем. das Ritual), «обычай» (нем. der Brauch, die Sitte), «обряд» (нем. die Zeremonie) часто определяются как идентичные. Хотя между ними и есть внутренняя связь, не все обычаи и обряды являются ритуалами. Ритуалы определяются как «поведенческие программы (в терминах когнитивной лингвистики – скрипты), ментальные структуры, которые репрезентируют ситуативную динамику» (Монич 2000, с.75).

«Практическое» и «символическое» в архаичной культуре предстают в нерасчленённом виде, т.е. производственная деятельность вписывалась в глобальный ритуально-мифологический контекст (Велецкая 1978), но «...не только в архаичном, но и в традиционном обществе (ещё в прошлом веке) символические и утилитарные аспекты деятельности не расчленялись» (Байбурин 1991, с.36). Знаки акционального, предметного, антропоморфного кодов являются символическими знаками, так как отношение между означающим и означаемым основано на конвенции, соглашении, усвоенной народом ассоциации.

Скриптонимами мы условно обозначаем названия ритуализованных действий и соотнесённых с ними обозначений атрибутов и участников ритуалов, обычая и обрядов. Скриптонимы обозначают чаще всего действия, которые описываются акциональным кодом культуры.

У древних германцев издревле существовал только обычай «Minne trinken» (die Minne = Liebe, liebendes Gedenken) (Kluge, S.480), обычай чествования,

поминовения ближних. Чествование святых было перенято с принятием христианства. Композита die Gertrudminne в D1 ein Minnetrank zu Ehren der heiligen Gertrud von Nivelles, чествование, поминовение святой Гертруды, во вторичной номинации (в K1) означает die Gertrudminne = «Abschiedstrunk vor Antritt der Reise, als Versöhnungstrunk von den Streitenden» (HdA, Bd.III, S.708), прощальный глоток перед поездкой (ср. рус. «на посошок») или глоток примирения ссорящихся. Этноконнотат (ЭК) отмечен признаком-спецификатором реляционного слота вербализуемого концепта немецкой культуры: /темпус/: /начало XI в./.

В XVII в., позднее, чем сам обычай, вошло в употребление именное фразеосочетание bunte Reihe в D1D1 пёстрый ряд, означающее в переносном значении D2K1 при метонимическом переносе наименования действия на его результат die Sitzordnung bei Tisch, so daß ein Herr neben einer Dame sitzt. Wird auch auf dieselbe Anordnung beim Rundtanz bezogen (Küpper, S.659), рассаживание гостей за столом парами (то же касается танцев по парам). По аналогии появляется фразеосочетание westfälische bunte Reihe, die Sitzordnung, bei der die Herren an der einen Seite des Tisches, die Damen an der anderen sitzen (Küpper, S.659), вестфальский пёстрый ряд, рассаживание мужчин и дам напротив друг друга. ЭК маркирован признаком-спецификатором реляционного слота концепта культуры: /темпус/: /XIX в./.

Лексема das Pfeffern производная от глагола pfeffern в D1 mit Pfeffer würzen, перчить, посыпать перцем, в переносном значении K1 (1) mit Wucht irgend wohin werfen, schleudern о. Ä.: jmdm. eine pfeffern salopp; jmdm. einen Schlag, besonders eine Ohrfeige versetzen (DUW, S.1141), (umg.) scharf, kräftig werfen (Wahrig, S.984) с силой бросать ч.-л., ударять, швырять: (разг.) быстро сделать ч.-л., разделаться с ч.-л., отрубасить ч.-л. (Москальская 1969, с.190), на второй ступени вторичной номинации (в K1 (2)) на основании признака «причинять жгучую боль» и суеверных представлений народа об атропейском (очищающем от злых духов, оздоравливающем) действии битья розгами лексема, вербализующая во вторичной номинации производный концепт, стала означать обычай битья розгами жизни (die Rute, Lebensrute), приносящий счастье, совершаемый в определённые дни (26–28 декабря), и получивший распространение в средней и южной Германии, Австрии: «Pfeffern heißt in mittel – und süddeutschen Gegenden das brauchmäßige Schlagen mit der glücksbringenden Rute an bestimmten Tagen (von 26.-28. Dezember in Schwaben, Bayern, Franken, Österreich...)» (HdA, Bd.VI, S.1573). ЭК маркирован признаками-спецификаторами реляционного слота концепта культуры: /локус/:/средняя и южная Германия, Австрия/.

Der Schlüssellauf в D1 дословно, «бег за (с) ключом», в свадебном обычая переосмысляется в K1 ein symbolischer Lauf nach dem Schlüssel der Brautkammer, den der Bräutigam, wenn ihm ein anderer zuvorkam, mit entsprechender Buße abkaufen mußte (HdA, Bd.VII, S.1230), шутливое представление, «символический» бег за ключом от комнаты невесты с целью получения вознаграждения от жениха. Победителю вручали позолоченный деревянный ключ, который привязывали к шляпе и денежное вознаграждение от жениха (выкупа, в случае, если жених не прибегал первым). О

прибежавшем последним говорили: «er hat eine Sau (das Schwein), das früher bei Wettbewerben dem Schlechtesten als Trostpreis überreicht wurde» (DUW, S.1294), «ihm wurden Rücken und Hut mit Sauschwänzchen besteckt» (HdA, Bd.VII, S.1230). По обычаю, прибежавшему последним прикалывали как утешительный приз на спину и шляпу свиной хвост. ЭК маркирован признаком-спецификатором реляционного слота концепта культуры: /локус/: /Бавария/.

Das Apernschnalzen в Д1 щёлканье кнутом, в К1 означает *старинный обычай фашинга (времени карнавалов и балов между праздником Трёх королей и «непельной средой»)*, название которого восходит к южно-немецкому аперн, (südd., österr., schweiz.) schneefrei werden: es apert, taut (DUW, S.131), *таять (о снеге)*, что указывает на связь с погодными условиями времени осуществления обычая. Мужчины и юноши демонстрируют своё умение щёлкать кнутом, длина которого составляет 6 метров. Внутренняя форма ЭК интерпретируется сложившимся в сознании австрийцев поверью, что громкие звуки отгоняют злых духов. ЭК маркирован признаком-спецификатором реляционного слота вербализованного концепта культуры: /локус/: /Австрия, Зальцбург/ (Муравлёва 1997, с.31).

Das Banditenfangen в Д1 ловля разбойников, в переносном значении (в К1 *старинный народный обычай лодочников деревни Обендорф в Праздник Тела Господня устраивать погоню за «пиратами»*, роль которых берут на себя лодочники соседней деревни. Обычай напоминает о тех временах, когда жители Обендорфа должны были охранять речные транспорты с солью от пиратских налётов (Муравлёва 1997, с.43). ЭК отмечен признаком-спецификатором: /локус/: /Австрия, Обендорф/.

Das Blochziehen в Д1 волочение бревна, во вторичной номинации К1 *старинный обряд фашинга, связанный с земледельческой обрядовостью: холостяки или незамужние женщины, осыпаемые насмешками, должны были в наказание за безбрачие тащить дерево (der/das Bloch = der Holzstamm) из леса*. Образная составляющая ЭК «шифруется» духовным кодом культуры: существовало поверье, что безбрачие может отрицательно повлиять на плодородие земли (Муравлёва 1997, с.56). ЭК содержит признак-спецификатор: /локус/: /Австрия/.

Атрибуты обряда выражаются предметным (вещным) кодом культуры. Лексемы die Lebensrute (die Rute, Bündel aus Ruten zum Schlagen, Züchtigen: der Nikolaus mit Sack und Rute (DUW, S.1279)), прут, пучок прутьев, розга (для битья, наказания), Krampusrute, розги из веток; Karbatsche = Riemenpeitsche, плётка, кнут; der Staubbesen, Stäubbesen, розги, пучок розг, приобретают во вторичной номинации сакральный смысл (в К1) розги жизни: в обряде «Schlag mit der Lebensrute», битьё розгами с целью обретения жизненных сил, здоровья, лечения кожных болезней и др.: «Die Rute, die aus den Zweigen geflochtene „Karbatsche“ soll also gegen üble Hautkrankheiten helfen» (Schmidt, S.226-227). В народной медицине при осуществлении этого обряда проводится параллель с представлением о бичевании Христа розгами (Krampusrute, Stäub (Staub)besen). Указание на магическое значение ударов розгами как символов солнечных лучей мы находим в работе Д.К. Зеленина (Зеленин 1999, с.105).

Образная составляющая ЭК выражена в данном случае предметным кодом культуры.

Das Vielliebchen в D1 zwei zusammengewachsene Früchte, besonders eine Mandel mit zwei Kernen (DUW, S.1680), doppelter Mandelkern, der nach dem alten Brauch von zwei Personen gegessen wird (Wahrig, S.1384), *орех-двойчатка, два сросшихся плода, миндалевый орех с двойным зерном*, который по старинному обычаю должен быть съеден любовной парой. Первый, кто при следующей встрече выкрикнет: «Vielliebchen», получает от любимого подарок: «*Finden junge Leute verschiedenen Geschlechtes bei einem Zusammensein in einer Nuß oder einer Mandel zwei Kerne, so nennen sie diese „Vielliebchen“; jedes ißt einen davon, und wer bei der nächsten Begegnung dem anderen zuerst „Vielliebchen“ zuruft, bekommt von ihm Geschenk.* Der harmlose Spielbrauch stellt eine besondere Art eines auf bestimmte Zeit geschlossenen Liebesverhältnisses» (HdA, Bd.VIII, S.1661).

В контексте шутливого обычая в Валентинов день (14 февраля) das Vielliebchen переосмысляется и в K1 означает etw., worum man beim Essen eines Vielleibchens gewettet hat (DUW, S.1680), *пари, при котором делится пополам орех-двойчатка*. Согласно народному поверью, орех (die Nuß) обладает любовной символикой. Ф. Клуге отмечает, что этот обычай привнес в заимствованное из латинского (от основы глагола vale-re + суффикс причастия -nt + суффикс -in + флексия – us (valentinus, здоровый, способный)) английское имя Valentine значение «*любимый*» (Liebchen): «*Von den witzigsten der Burschen werden am Rhein bis tief in Lothringen hinein alljährlich am ersten Sonntag in den Fasten die Liebchen, Vielliebchen, Valentinchchen ausgerufen*» (Kluge, S.821).

Образная составляющая ЭК «шифруется» флороморфным и духовным кодами культуры.

Участники ритуализированного действия обозначаются антропологическим кодом культуры. Композита die Grasausläuter в D1, дословно *травяные звонари, вызывающие траву*, в контексте народного обычая праздника весны в Австрии актуализует K1 Buben mit Kuhschellen, die das Gras aus der Erde locken sollen (Schmidt, S.82), *мальчики с коровьими бубенчиками, выманивающие траву из земли*.

Образная составляющая ЭК, эксплицируемая лексической интерпретантой, семантикой основного слова композиты-ausläuter (производной от глагольной основы ausläutern, вызывать), выражена антропоморфным кодом культуры. ЭК маркирован признаком-спецификатором реляционного слота культурного концепта: /локус/: /Австрия/.

Анализ этноконнотации скриптонимов (имён ритуалов, обычая) показал, что этноконнотации принимают активное участие в категоризации культурных концептов следующих сфер:

1) *обычаи, относящиеся к сфере праздничного действия*: на основании сложившихся народных традиций: лексема das Pfeffern; композиты: das Vielliebchen, das Blochziehen, der Schlüssellauf, das Apernschnalzen, das Banditenfangen; именные атрибутивные фразеосочетания: bunte Reihe, westfälische bunte Reihe;

2) *обычаи, относящиеся к сфере культового действия*: на основании религиозных традиций: композита die Gertrudminne;

3) *атрибуты обычая и ритуалов*: на основании народных традиций: лексема die Karbatsche; композиты: die Lebensrute, Krampusrute, der Staubbesen, Stäubbesen, das Vielliebchen;

4) *участники ритуальных действий*: на основании народных традиций: композита die Grasausläuter.

Образная составляющая «шифруется» акциональным, предметным, антропоморфным, фломорфным и духовным кодами культуры.

Таким образом, этноконнотированные скриптонимы функционируют как языковые сущности, отражающие ритуальные формы народной культуры, зафиксированные в языковом сознании носителей языка. Благодаря традиционной преемственности в самосознании народа они являются источником интерпретации этнокультурного смысла единиц языка, воспроизведимых из поколения в поколение.

-
1. Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. Л., 1991. С.23-43.
 2. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
 3. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917-1934. М., 1999.
 4. Монич Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем //Вопросы языкознания. 2000. №6. С.69-97.
 5. Монич Ю.В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции //Язык и культура: Факты и ценности. М., 2001. С.191-206.
 6. Муравлёва Н.В. Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 1997.
 7. Москальская О.И. Большой немецко-русский словарь. М., 1969.
 8. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосемиотическом аспекте / На материале говоров восточной части Воронежской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.
 9. **DUW** – Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig: Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.
 10. **HdA** – Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / hrsg., Bd. I-X, Berlin, New York: de Gruyter, 3. unveränd. Aufl. 2000.
 11. Hertel M., Rituale in mittelalterlichen und frühneuzeitlichen ländlichen Rechtsquellen // Sprache und Kommunikation im Kulturkontext: Beiträge zum Ehrenkolloquium aus Anlaß des 60. Geburtstages von Gotthard Lerchner. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1996. S. 337-350.
 12. Kluge F., Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21.unveränderte Aufl. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1975.
 13. Küpper H., Pons Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl., 5. Nachdr. Stuttgart; Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993.
 14. Sandig B., Stilistik der deutschen Sprache. Berlin, New York: de Gruyter, 1986.

15. Rauch E., Sprachrituale im institutionalisierten Text und Gesprächstextsorten. Frankfurt a. M., Bern, New York, Paris: Lang, 1992. Bd. 1.
16. Schmidt L., Volksglaube und Volksbrauch. Gestalten. Gebilde. Gebärden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1966.
17. Werlen I., Ritual und Sprache. Tübingen, 1984.
18. Wahrig G., Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag GmbH, 1986.

И.С. Глушкова

Языковое выражение пространственных понятий в немецком и русском языках

Роль геометрических представлений в сознании человека огромна. Исследователи процесса восприятия отмечают, что способность схватывать в любом восприятии структуры окружающего мира опирается на опыт раннего детства, когда формируются представления о пространстве. Устоявшиеся в сознании ассоциации, связанные с процессом формирования геометрических понятий в практической деятельности, составляют область эмпирических коннотаций геометрической формы, входят в ассоциативную базу данного понятия. Все это обуславливает особый статус геометрических концептов формы в сознании человека.

Такие геометрические понятия, как линия, точка, штрих, рассматривались долгое время как статические понятия. Но Р. Арнхейм в работе «Визуальное мышление» выдвигает идею о необходимости переосмыслиения восприятия данных понятий и рассматривает идею динамичности понятий (Арнхейм 1994, с.39). Процесс восприятия образов характеризуется определенными свойствами, среди которых центральное место занимают предметность, структурность и динамичность (Губин 1971, Арнхейм 1994, Славин 1971).

В когнитивной лингвистике образ рассматривается как один из важнейших видов ментальных презентаций, заключающий в себе определенную информацию и являющийся структурой знания (Кубрякова 1994).

В.М. Топорова в работе «Типология языковых концептов пространственной форме» (Топорова 1998, с.63) исследует категорию «форма», представленную в языковом сознании в виде множества концептов. Особое значение имеют такие геометрические объекты, как «точка» и «линия» (строевые элементы формы), «линия» как контур, выделяющий информативные свойства формы.

Мы исследуем группы номинаций, которые можно обозначить как специфицированные областью рисунка, графики. С целью исследования особенностей языковой презентации пространственных понятий «линия», «контура», «форма» на материале немецких и русских искусствоведческих текстов нами были описаны некоторые пространственные объекты, выводящие в область языковой презентации одного из важнейших культурных кодов – пространственного кода.

В результате полученных нами данных о специфике восприятия образа мы рассматриваем концепты пространственной формы в статическом и динамическом аспекте.

Нами были выявлены два уровня языковой репрезентации пространственных объектов:

1) уровень семной репрезентации пространственных объектов «линия и черта», «форма», «поверхность»;

2) уровень семенной репрезентации пространственных объектов «линия и черта», «форма», «поверхность».

На первом уровне мы выдели 4 группы сем: а) *физические ощущения*, б) *эстетическая характеристика*, в) *характеристики эмоций*, г) *ограничение пространственной зоны*. На втором уровне определили, как данные семы актуализируются в различных сочетаниях лексем.

Анализ пространственных понятий в немецком языке

В семантическом классе *физические ощущения* нами выявлены следующие языковые средства репрезентации и актуализируемые семы:

- **существительные** Groesse der Flaeche, Groesse der Form, Format der Flaeche (сема – *размер*);

- **прилагательные** grosszuegige Form, angemessene Form, groteske Form (сема – *размер*), leichter Strich, blasser Strich (сема – *вес*), feiner Strich, duenn, falbfett, sproeder Strich (сема – *объем*). hell, dunkle Flaeche (сема – *цветовая насыщенность*), schraeg, horizontal, parallel, waagerechte Linie (сема – *направление в пространстве*), hastig, fluessiger Strich, rasch, bewegt, schnell (сема – *движение*);

- **прилагательные и причастия** formende Linie, verkleinernde Linie, rund, gerade, Wellenlinien, gekrummt, Bogen, geschickt formender Strich, krauser Strich (сема – *форма объекта*), starke Linien, schwach, kraeftig (сема – *сила*).

Сема *эстетическая оценка* реализуется в следующих лексемах: kuenstlerische Form, individualistisch verallgemeinerte, praezise, bildhafte, landschaftliche Form, amoebenartige Form, vegetative Form, kristalline Form. Здесь наблюдаются такие семы, как *живописность, обобщенность, индивидуальность, четкость, образность, расплывчатость, живая природа (рост), кристальность*.

Мы выявили такие категории искусствоведческого текста, как *модальность и локативность*. Искусствоведческие тексты включают субъективную (эмоциональную, положительную и отрицательную) оценку содержания, выражаемую авторами при характеристике определенного произведения. В нашем исследовании мы акцентируем внимание на языковых средствах (лексических и грамматических) выражения данной категории. Итак, эмоции выражены следующими языковыми средствами (понятие «линия»):

- **устойчивые словосочетания с атрибутивными характеристиками:** *Linie* besitzt einen besonderen erregenden Reiz; erweckt den Eindruck: des Aufstrebens, wirkt schlaengelnd; macht einen fallenden Eindruck (семы «*пробудить впечатление, производить впечатление, вызывать ощущения, впечатления, создавать впечатление, обладать свойством вызывать у*»)

субъекта какие-либо эмоции, казаться чем-либо субъекту, восприниматься субъектом, воздействовать на субъекта, обнаруживать»);

- **прилагательные с оценочной семантикой (эпитеты):** reizlos (негативная коннотация – сема *отсутствие*), reizvoll (позитивная коннотация – сема *обогащенность*), eigentuemlich (позитивная коннотация – сема *своеобразность*), spannungsvoll (негативная коннотация – сема *напряженность*), schwach (негативная коннотация – сема *слабость*);

- **причастия с оценочной семантикой:** fallende Tendenz der Linien (негативная коннотация – сема *падение*), emporstrebende Linien (позитивная коннотация – сема *стремление ввысь*);

- **прилагательные с оценочной семантикой:** weich, rasch, bewegt, hastig, schnell, fluessig – положительная коннотация – семы *мягкость, быстрота, подвижность, скорость, текучесть*;

- **существительные – оценочно-экспрессивные метафоры, выражающие эмотивное отношение субъекта (критика) к обозначаемому:** Stromlinien (позитивная оценка – семы *скорость, стремительность*), Fluchtplinien (негативная оценка – семы *неустойчивость признака, побег*), Schwung der Linien (отрицательная оценка – сема *неустойчивость признака*), Gegenspiel der Linien (отрицательная оценка – сема *столкновение*).

Языковое выражение понятия «штрих»:

- **прилагательные с оценочной семантикой:** weich, rasch, bewegt, hastig, schnell, fluessig, leicht, blass (положительная коннотация семы *скорость, движение, текучесть, воздушность*);

- **существительные – оценочно-экспрессивные метафоры, выражающие эмотивное отношение:** das Weichen des Striches, erzaehlender Strich, Leidenschaft der Striche (семы *мягкость, жизненность, страсть*).

Языковое выражение понятия «форма»:

- **причастия (эпитеты) с позитивной коннотацией:** drei Viertelfigur (вид формы) der Angehoerige **der herrschenden Klasse** (семы *господство, могущественность*), durchdachte Form (сема *глубина понимания*).

Категория локативности трактуется в лингвистике как «семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретации мыслительной категории пространства» (Теория функциональной грамматики. Локативность, с.34). Мы проанализировали языковую реализацию данной категории. Выяснилось, что в ее реализации участвуют следующие языковые средства:

- **нейтральные позиционные глаголы**, уточняющие положение **линий и штриха** в пространстве: Linie kreuzen sich in der Mitte ihrer Laenge – sich kreuzen; eine Linie ist mit einer Waagerechten in Verbindung gebracht – sich verbinden, die dritte Linie rueckt zu dicht an das Liniepaar – ruecken;

- **глаголы движения линии и штриха:** Linien laufen parallel zu der Bildebene (laufen), die Flaechenhaftigkeit kommt zum Keorperlichen (kommen);

- **причастия:** geschwungene Linien (семы «*колебаться*», «*неустойчивое место положения*»), von links unten nach rechts oben gefuehrte Schraege (семы *вести, двигаться*), der erhoehte Horizont, fliehende Linien (семы *утекать, исчезать*);

- **прилагательные**: rasche Linie (семы *быстрый, скорый, торопливый*), bewegter Strich (сема *подвижный*);

- **существительные**: die Regelmaessigkeit der Liniewiederholungen (сема *регулярное чередование*), das Linienspiel (сема *игра*), sorgfaeltige Linienfuerung (сема *движение линии*), das Gegenspiel der Linien (семы *противоборство, игра линий*).

Рассмотрим языковую презентацию понятия «**форма**»:

- **прилагательные**: feste Form (сема *прочное положение*), festumrissene Form (сема *ограниченное пространство*), straffe (семы *сжатость, небольшая зона пространства*), landschaftliche, amoebenartige, vegetative, kristalline (семы *животинность, расплывчатость, кристальность, живая природа*);

- **причастия со значением движения, динаминости формы в пространстве**: gleichgerichtete (сема *направление движения*), verspannte (сема *трансформированность*), rhythmis ch schwingende (сема *колебательное движение*);

- **существительные со значением статичного расположения в пространстве**: Stabilitaet der Form (сема *стабильное расположение*), Formabstraktion (сема *стабильная структура*), eine schematische Einfoermigkeit (сема *стабильная структура*);

- **существительные со значением динаминости, преобразования формы в пространстве**: Vereinfachung der Form (семы *трансформация, упрощение формы*), Zersprengung der Form (семы *трансформация, рассеивание*), uebertreibende Deformation (семы *деформация, динамичность формы*).

Анализ пространственных понятий в русском языке

Рассмотрим языковую презентацию пространственных понятий «линия, контур, штрих форма» на материале русских искусствоведческих текстов.

В выявленной нами категории *модальность эмоции* выражена следующими языковыми средствами (языковое выражение понятий: «линия», «штрих», «росчерк»):

- **существительные**: непрекаемость штриха (семы *покой, послушание*), музыка штриха (сема *связь с музыкой*), экспрессия линий, балансирующая на грани лихорадочности (семы *смятение, волнение*), духовный жест линии (сема *возвышенность*), язык линий (сема *коммуникация*), дыхание линий (сема *живое*), живая жизнь линий (сема *живое*), нервность линий (семы *раздражимость, живое*);

- **прилагательные с оценочной семантикой**: хорошо знакомая линия (сема *определенность*), небрежный росчерк (сема *неаккуратность*), беспалесные штрихи (сема *отсутствие опоры*), личная линия (сема *собственность*), ошибка линия (сема *отсутствие нормированности*);

- **причастия и прилагательные с оценочной семантикой**: слегка утирированная (сема *преувеличение*), напряженное сочетание линий (сема *дисбаланс*), плавный контур (сема *покой*), импульсивный контур (сема *волнение*);

- **словосочетания с атрибутивными характеристиками**: линия говорит (сема *живое*), линия намекает на бытие форм (сема *живое*), штрихи создают зыбкую атмосферу (сема *негативное воздействие*), линия выражает

определенное настроение (сема *воздействие*), линия удерживает лицо в состоянии покоя и гармонии (сема *позитивное воздействие*), линия устанавливает соответствия между внешним и внутренним, намечая их взаимные переходы (сема *позитивное воздействие*).

Языковое выражение понятия «**форма**»:

- **существительные:** экспрессия формы (сема *чувственность*), знаковая форма (сема *воздействие*), манипуляции формы (сема *воздействие*), внимательность форм, различия в формах делают композицию интересной (сема – *разнообразие, позитивно окрашена*), отсутствие повторяющихся форм вызывает впечатление тревоги и беспорядка (сема *отсутствие*);
- **прилагательные с оценочной семантикой:** свободные формы (сема *неограниченность*), беспорядочные формы вызывают чувство страха и паники (сема *хаотичность, негативно окрашена*), взаимосвязанные формы вызывают симпатию (сема *целостность, позитивно окрашена*), позитивная форма (сема *эмоциональная оценка*), негативная форма (сема *эмоциональная оценка*);
- **причастия с оценочной семантикой:** говорящая форма (сема *живое*).

Рассмотрим языковую презентацию в семантическом классе *ограничение пространственной зоны*, в котором участвуют следующие языковые средства: очертания органа слуха (сема *граница*), черты лица (сема *граница*), линия слуха, линия горизонта, очертания головы очертания крыла, рукава, ноги, плаща, линия уровня глаз, линия тени, линия берега, линия земли; причастия и прилагательные – замкнутая форма, мозговой контур. Мы отмечаем в данном классе следующие семы: *ограничение линией, формой, контуром*.

На материале русских искусствоведческих текстов мы также выявили категорию *локативность*. Рассмотрим языковые средства и актуализируемые семы:

- **причастия:** тянущиеся параллельно, отклоняющийся от вертикали контур, линии продолжающие стороны куба (сема *расположение в пространстве*);
- **прилагательные:** параллельная линия, перпендикулярная осевая линия, внутренняя линия, равномерное распределение линий (сема *расположение в пространстве*);
- **глаголы:** линии сходятся в одной точке (сема *фиксированное расположение в пространстве*), линии исходят из вершины фигуры (сема *фиксированное расположение в пространстве*);
- **существительные со значением движения:** концентрированно-лаконичный ритм линий (сема *ритмичное движение*), крючкообразные завихрения линии (сема *направленное движение*);
- **причастия со значением движения:** свивающиеся линии, сплетающиеся линии, влекущие за грани круга (сема *движение*).

Языковое выражение понятия «**форма**» в категории *локативность*:

- **существительные:** коническая форма, форма полумесяца, форма овала (сема *граница*), колебание формы в самой себе (сема *движение*), ритмизация формы (сема *движение*);

- **глаголы движения:** форма удаляется (сема *движение*), форма выступает вперед (сема *движение*).

В семантическом классе «физические характеристики» физические ощущения репрезентируются следующими языковыми средствами при актуализации сем:

- **прилагательные:** слегка вогнутая форма, сильно вогнутая форма, шестигранная форма, форма бублика, пунктирная линия, крючкообразные росчерки, линия близка к математической кривой, неровные линии, проволочные линии (сема *форма*);

- **причастия и прилагательные:** свивающиеся линии, изогнутая форма, возникающие из других форм, оплавленные линии (сема *трансформация*);

- **существительные:** шлифовка формы, упрощение форм, кривизна линий, изгибы линии, вспучивание линий, разрывы линий, выпуклости линии (сема *трансформация*);

- **прилагательные:** объемная форма, широкие линии, узкие линии, мелкие линии, большие формы (сема *объем*);

- **существительные:** тонкость линии (сема *объем*), плотность штриха (сема *плотность*);

- **прилагательные:** сильный контур (сема *сила*);

- **прилагательные:** легкая линия (сема *вес*);

- **прилагательные:** вертикальные контур, симметричные складки одежды, закругленная линия, параллельная линия, перпендикулярная линия (сема *направление в пространстве*);

- **существительные:** параллель, направление линии (сема *направление в пространстве*);

- **глаголы движения:** линии исходят из вершины фигур, линии сближаются (сема *движение в пространстве*).

Так же, как и на немецком материале, мы выявили семантический класс *эстетические характеристики*: конец линии доминирующий, второстепенный конец линии, чистота линий, волшебство линий, изысканность линий, специфические формы, красота в форме, органические формы, симфоническое богатство форм. Мы отмечаем здесь такие семы, как *преобладание, второстепенность, специфичность, органичность, красота, богатство*.

Проведенное исследование показывает, что в языковой репрезентации пространственных понятий «форма», «линия», «штрих» на двух уровнях (семной и семемной репрезентации) участвуют все части речи. Форма, линия и контур характеризуются авторами искусствоведческих текстов в терминах физических ощущений. В рамках анализа категории субъективной модальности мы можем наблюдать также эмоциональное и эстетическое воздействие пространственных образов на зрителя: лексемы, обозначающие наличие, признака вызывают положительные эмоции у субъекта; отсутствие или лишенность признака вызывает отрицательные эмоции у субъекта (Bild ferliert an Frische, Bild ferliert auf Einstimmung). Семема «одушевленность» в

комплексе с семемой «наличие признака» позитивно маркирована (das Spiel der Linien, sprechender Bildteppich, Leidenschaft der Linien).

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М., 1994.
2. Губин В.Д. Восприятие и проблема адекватности образа // Вопросы философии. 1979. №2.
3. Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
4. Топорова В.М. Типология языковых концептов пространственной формы // Семантика языковых единиц. Воронеж, 1998.
5. Akademische Zeichnungen. Ausstellung des Kupferstichkabinettes der Staatlicher Kunstsammlungen. Dresden. Dresden, 1963.
6. Behling H. Blaetter, die die Welt bedeuten / H.Behling. Brl.: Eulenspiegel-Vrl., 1980.
7. Bildende Kunst. Eine Arts. Bonn: Inter Nationes, 1995.
8. Caspar D. F. – Brl.: Henschelvrl. Kunst und Gesellschaft / Caspar D. F. 1985.
9. Deutsche und Oesterreichische Malerei: Ermitage. L. –Vrl., 1986.
10. Ehmcke F.H. Karl Roessing. Dresden, Verl.der Kunst, 1963.
11. Мартин Б. Рисуем с удовольствием. Мн., 2004.

Г.В. Киселева

Культурный концепт «Борисоглебск» по данным ассоциативного эксперимента

Имена собственные (ИС), являясь частью языковой системы, занимают в ней особое место, на что неоднократно указывалось исследователями (Суперанская 1973; Бондалетов 1983 и др.).

К числу наиболее ярких особенностей онимов обычно относят своеобразие их семантики (отсутствие понятийного компонента в значении, вызванное единичностью денотата, способность индивидуализировать, выделить объект из ряда других). Одно из главных отличий ИС, по мнению Н.И. Толстого, лежит в сфере прагматики: ИС (и прежде всего личное имя) используются как знаки и символы культуры (Толстой, Толстая 2000, с.598).

Во многих современных исследованиях подчеркивается социальность ИС, его историческая, национально-культурная маркированность. Социальные и символические коннотации ИС настолько богаты, что его образно называют королем означающих (Барт 1994, с.432).

Имя собственное занимает важное место в русской концептосфере, отражая национальный способ видения реального мира, его категоризацию, объективированную, в частности, в виде наименований, присвоенных тому или иному денотату.

В настоящее время разработана методика анализа структуры и содержания концептов, образующих концептосферу: выявление ключевых слов-репрезентантов концепта в языке, анализ их парадигматики и синтагматики. Большим информативным потенциалом обладает корпус паремий, крылатых

слов, афоризмов, образующих интерпретационное поле концепта. Его базовый образ выявляется экспериментальным путем (Стернин 2001). Вместе с тем традиционные приемы изучения концептов не вполне применимы к анализу культурных концептов, манифестируемых именами собственными. По замечанию исследователей, «онимия, то есть собрание ИС данного языка как некое единство, представляет собой в русском языке огромный и как бы спрятанный от наших словарей массив слов» (Лыков, Чабанец 1999, с.14).

Отсутствие ИС в лингвистических словарях лишает исследователя возможности использовать методику анализа семантики ключевого слова, синонимических репрезентантов концепта, словообразовательной парадигмы и других сторон концепта, изучаемых на базе лексикографических данных. Исследование употреблений ИС в составе фразеологических единиц русского языка и паремий в последнее время идет достаточно продуктивно, наиболее активно изучаются фразеологические поля личных имен (Белкина 1999; Зубкова 2003; Милованова 1999). Топонимическое пространство русского языка в меньшей степени отражено в фонде паремий. Лишь несколько наименований городов имеют богатые фразеологические поля. По данным Словаря В.И. Даля, Москва встречается в составе пословиц 70 раз, Новгород – 13 раз, Петербург – 10 и Киев – 4 раза. Отмечены народным сознанием наименования тех городов, которые в определенные периоды занимали важное место в истории русского народа (Захарченко 1998, с.256).

Следует заметить, что многие высказывания, содержащие результат обработки когнитивных признаков, скрыты от наблюдений, поскольку, хотя и являются прецедентными, не представлены в словарях (ср.: *Ростов – пана, Одесса – мама; как в лучших домах Лондона и Парижа* – символ элитарного, привилегированного образа жизни). Другие пословицы, содержащие наименования городов, не имеют общенародной известности и знакомы небольшим социальным и территориальным коллективам (например: *Воронеж не догонишь, догонишь – не поймаешь, поймаешь – не возьмешь; Волочек – Венеции клочок; Урюпинск, Конотоп, Урал* как символы глухой провинции). Подобные выражения и номинации, как правило, являются оценочными и входят в образную составляющую культурных концептов, вербализованных ИС (Бабушкин 2004, с.108).

Наиболее продуктивным в свете вышесказанного представляется экспериментальное изучение ИС, выявление их ассоциативных связей, которые формируются и хранятся в сознании носителей языка под влиянием представлений об анализируемом фрагменте действительности. На важность экспериментального исследования ИС обратил внимание В.Д. Бондалетов (Бондалетов 1983). В настоящее время сделана попытка описания ассоциативных полей личных имен (Никольская 1998, с.188-190), начинается экспериментальное изучение топонимической лексики (Воронина 2002).

Для выявления содержания и структуры культурного концепта *Борисоглебск* в сознании носителей русского языка был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Информантами являлись студенты 1–3 курсов историко-филологического факультета Борисоглебского педагогического института, родной язык русский, пол преимущественно женский, возраст

18-20 лет. Всего было опрошено 100 человек. Испытуемым предлагалось дать по 5 реакций на стимул *Борисоглебск*. В результате эксперимента получено 492 реакции, два человека дали по 4 реакции, в трех ответах представлено по три реакции. Отказов в ходе эксперимента не было. При обработке результатов учитывались все реакции, включая единичные. Все реакции были сгруппированы по общности выражаемых ими когнитивных признаков.

В результате систематизации и ранжирования полученных реакций было выявлено ассоциативное поле концепта *Борисоглебск*, ядро которого составляют высокочастотные реакции: БГПИ 60; р. Ворона 18; дом 17; грязь 15; учеба 12; парк, рынок, скучно, Театралка, театр им. Чернышевского 11; студенты 10; «Максимум», общежитие 9; скверы 8; друзья 7; деревня, Дом офицеров, желтый, маленький, площадь Ленина, прямые улицы, родные, тоска, р. Хопер 6; алкоголики, зелень, любовь, серость 5; городок, «Пивовар», «Победа», частный сектор 4; Белый дом, Борис и Глеб, велосипеды, дождь, краеведческий музей, красивый, лес, наркоманы, провинция, родина, село, семья, сплетни, стадион, тишина, церкви 3; аллеи, бездорожье, библиотека, весело, депрессия, замкнутое пространство, мемориал, ненавижу, однообразие, развлечения, ресторан «Воронеж», родной, свалка, старинный, «Студенческая весна», Теллермановский лес, фонтан, ЦРБ, чужой, экзамены 2. Единичные реакции будут включены в иллюстративные материалы.

Ядро концепта *Борисоглебск*, по данным свободного ассоциативного эксперимента, образует чувственный (прежде всего зрительный) образ небольшого провинциального города (*маленький, городок, прямые улицы, старые дома, купеческие дома, частный сектор, провинция, тишина, спокойствие, шум, скверы, зелень, аллеи, город-сад, каштаны, тополиный пух, желтый, лето, дождь, лужи*) с конкретным природно-географическим ландшафтом (р. Ворона, речка, лес), с маркированными городскими реалиями (*рынок, краеведческий музей, галерея, стадион, церкви, ЦРБ, вокзал, мемориал, Вечный огонь, памятник Неделину, фонтан, мост*) и вполне индивидуальным ономастическим пространством (реакции, именующие элементы внутригородского пространства, что делает чувственный образ более объемным, детальным: *Театралка, прогулки по Театралке, пл. Ленина, Северный микрорайон, Южак* (Южный микрорайон), улицы: *Аэродромная, Садовая, Юбилейная, кинотеатр «Победа», театр им. Чернышевского, Белый дом, БКМЗ*). Общее число реакций, эксплицирующих образ Борисоглебска, составляет 32%.

В сознании респондентов *Борисоглебск* закодирован как центр студенческой жизни. Данный когнитивный слой манифестирует большим количеством разнообразных реакций, как прямых номинаций локуса (БГПИ – самый частотный ассоциат и единичные учебное заведение, историко-филологический факультет), так и многочисленных реакций, называющих сам социум (студенты, студенчество, студенческий город) и отношения между его членами (друзья, подруги, знакомство), основную сферу деятельности (учеба, надо учиться), реалии студенческой жизни (библиотека, книги, экзамены, сессия, лекция, историческая грамматика, плохой доступ к архиву), сферу студенческого быта (общежитие, общага, квартира, хозяйка квартиры,

автобусы, вокзал), отдыха (велосипеды, баскетбол, развлечения), также маркируются значимые события («Студенческая весна», День города), места отдыха и времяпрепровождения студентов, коллективно или индивидуально отмеченные (парк, Дом офицеров, дискотеки, ресторан «Воронеж», «У Михалыча», «Летучая мышь», «Пивовар», «Максимум», «Диапазон» – реакции-онимы – наименования баров, дискотек, кафе г. Борисоглебска, посещаемых студентами). Всего реакций анализируемой когнитивной сферы около 33%. Заметим, что некоторые реакции могут быть интерпретированы неоднозначно. Так, реакции лес, речка, отнесенные нами к группе характеризующих чувственный образ концепта Борисоглебск, манифестируют и места активного отдыха студентов.

Высокочастотные наименования – маркеры ономастического пространства (Театралка, театр им. Чернышевского) – любимые места отдыха студентов, расположенные рядом с институтом. Однако различная интерпретация ряда реакций, на наш взгляд, не искажает общего содержания концепта, лишь несколько усиливая или ослабляя потенциал ядра или когнитивного слоя.

Второй когнитивный слой образует когнитивное поле оценки, поскольку человек именно в процессе познания явления действительности дает ему оценку. Оценочные реакции составляют 32% от общего числа. Борисоглебск как социокультурное пространство в сознании молодых носителей языка рассматривается через призму оппозиции *свой – чужой*. Как известно, противопоставление *свой – чужой* относится к числу древнейших и в разных видах пронизывает всю культуру, являясь одним из центральных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения (Степанов 2001, с.126). Концептуальный признак *свой* объективирован большим репертуаром лексем, среди которых как прямые номинации «своего» пространства, частотные и единичные, индивидуальные (дом, родина, родной край, двор, семья, место, где я живу, школа, детство), так и наименования лиц – членов семьи, друзей, образующих «свой» мир, часто персонифицированный (родные, родители, мой парень, моя сестра, мама, Юля, Саша). Свое пространство сопровождается положительными эмоциями (любовь, весело, любимый, святость, счастье) и коннотациями (красивый, миленький, ласковое солнце, светлый, чистый, дешево, возможности, жизнь, Берик, это сила! Эх! и индивидуально коннотированные рядом, рядом с домом).

Концептуальный признак *чужой* эксплицирован одной низкочастотной реакцией *чужой*, однако отношение к Борисоглебску как к чужому пространству вербализовано большим количеством индивидуальных реакций – наименований отрицательных эмоций (ненавижу, скучно, тоска, тоска по дому, депрессия) и дающих отрицательную оценку (плохо, некрасиво, не нравится, дурацкий город), а также посредством реакций, характеризующих отрицательные явления: отсутствие культуры, малообразованность (деревня, село, большое село, серый, серость, тубаретка – подчеркнуто информантом), отсутствие стремления к новому (однообразие, застой, замкнутое пространство, рутина, нет целеустремленности), отрицательные качества, присущие жителям (сплетни, зависть, злословие, высокомерие, грубые люди), отрицательные явления (алкоголики, пьянство, самогон, наркоманы, бомжи,

мафия, криминал), оценка внешнего облика города (*грязь, грязная река, не очень чисто, мусор на улице, бездорожье, свалка, темнота*). Единичную отрицательную коннотацию получили размеры города (*два квартала, три дома*) и удаленность от крупных культурных центров (*Тмутаракань*). Преобладание отрицательных эмоционально-оценочных реакций (19% при 13% положительных коннотаций) вполне мотивировано тем, что лишь 30% опрошенных являются жителями Борисоглебска, для 70% респондентов *Борисоглебск* представляет неосвоенное и поэтому отрицательно коннотированное пространство.

К периферийному слою концепта *Борисоглебск* следует отнести энциклопедическое, научное знание. Энциклопедические сведения о г. Борисоглебске: город (с 1698 г.) в Воронежской обл. на р. Ворона. Ж/д станция. 69 тыс. жителей. Машиностроение, легкая пищевая промышленность. Театр. Пединститут (Советский энц. словарь 1990). Знание о промышленности, транспорте, здравоохранении и др. оказалось нерелевантным для концептуализации, не маркированным реакциями. Единичные реакции отмечают административную роль города (*второй по численности после Воронежа населенный пункт*), этнический состав (*многонациональный, народ, цыгане*). Единичны и культурно-исторические реакции (*Борис и Глеб, Теллермановский лес, дуб, крепость*) несмотря на то, что среди информантов были и студенты-историки.

Итак, согласно результатам свободного ассоциативного эксперимента, концепт *Борисоглебск* в сознании молодых носителей языка четко структурирован и включает чувственное ядро, которое составляет образ небольшого русского провинциального городка, старинного, зеленого, с его конкретными индивидуальными атрибутами: географическим и городским ландшафтом, и когнитивные слои, позволяющие включить этот образ в определенный социокультурный контекст и дать ему оценку. Можно утверждать, что формирование концепта *Борисоглебск* осуществляется как на основе личного перцептивного опыта индивида (что манифестируется обилием индивидуальных, часто персонифицированных реакций), так и с учетом когнитивной переработки и оценки опыта членов определенного социума (студентов пединститута). Изучение концепта в других группах (социальных, возрастных, гендерных) позволит более глубоко и всесторонне смоделировать содержание и структуру концепта *Борисоглебск*.

-
1. Бабушкин А.П. Названия русских городов в составе устойчивых выражений как манифестаторы культурных концептов // Русский язык и его место в современной мировой культуре: Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2003.
 2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика. М., 1994.
 3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособ. М., 1983.
 4. Белкина З.В. Hans и Иван в русских и немецких фразеосочетаниях // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж. 1999.

5. Воронина Л.В. Национальная специфика семантики собственных имен в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж, 2002.
6. Захарченко Е.Г. Астионимы в составе русских паремий // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т.1. М., 1998.
7. Зубкова Л.И. Национально-культурная специфика русского имени Иван // Культура общения и ее формирование. Вып.10. Воронеж, 2003.
8. Лыков А.Г., Чабанец Т.А. Русское личное имя собственное// Филологические науки. 1999. №1.
9. Милованова Л.Ю. Национальные особенности антропонимии в английском и русском языках // Язык и национальное сознание. Вып.2. Воронеж, 1999.
10. Никольская Т.Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т.1. М., 1998.
11. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
13. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
14. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
15. Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке: Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000.

М.Ю. Шевченко

К изучению ЛФП, объективирующего концепт *культурный*

Основная категория когнитивной лингвистики – *концепт* – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования (Попова, Стернин 2001).

Лингвокогнитивный анализ любого концепта предполагает использование различных приемов и методов исследования его объективации. Один из приемов изучения языковой номинации концепта – построение лексико-фразеологического поля, объективирующего концепт в языке, включающего в свой состав лексические и фразеологические единицы. Изучение семантики образующих выделенное лексико-фразеологическое поле единиц позволяет затем методом когнитивной интерпретации (Стернин 2004) преобразовать полученные данные в описание содержания и структуры собственно концепта.

Данное исследование отражает начальный этап исследования концепта *культурный* в русской концептосфере.

Изучение ЛФП проводилось с использованием метода сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб, 2003). В исследуемом словаре лексема *культурный* представлена следующим образом (с.480): 1. *только полн. к Культура* (2-3, 5 зн.). *К. уровень населения. К-ые ценности. К-ое строительство. К. слой земли* (археол.; образующийся из органических и строительных остатков на местах челове-

ческих поселений). 2. Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий высокому уровню культуры. *К-ое общество. К-ая жизнь. К. отдых.* 3. Владеющий определенными навыками поведения в обществе; воспитанный. *К. человек.* 4. *только полн.* Связанный с распространением культуры, просвещения. *К-ая работа среди населения. Развитие культурных связей между странами. К-ые мероприятия.* 5. *только полн.* Разводимый, выращиваемый (о растении; противоп.: дикий, дикорастущий). *К-ые сорта фруктовых деревьев. К-ые ягоды.* 6. *только полн.* Обрабатываемый, возделываемый (о почве, земле). *К-ая земля.* < Культурно, нареч. (2-3 зн.). *К. отдыхать. Культурность.* (2-3 зн.).

В словаре представлены также многочисленные другие лексические и фразеологические единицы, вербализующие разные стороны концепта *культурный*, которые нами были систематизированы в следующие группы (внутри групп возможны подгруппы): наименования лиц, наименования признаков, наименование действий, общие наименования; при этом многие единицы могут входить одновременно в разные группы и подгруппы.

1. Наименования лиц

Человек по отношению к другим людям (индивидуально-экспрессивная оценка): ангел, душа, идеалист, панинка, скромняга.

Человек по внешнему облику и поведению: аристократ, джентльмен, дипломат, идеал, интеллигент, интеллигентщина, клад, лев, личность, образец, пуританин, ригорист / ригористка, совершенство, соль, стёклышко, человек, элита, эстет, эстетка, эталон.

Человек, имеющий отношение к формированию культуры, связанный с ней по работе: донатор, избач, клуб, культмассовик, культработник, культуролог, культуртрегер.

Человек опрятный и строго соблюдающий правила гигиены: аккуратист, чистюля.

Мастер красноречия: вития, оратор.

Человек высокой эрудиции и грамотности: академик, грамотей, знайка, знаток, интеллектуал, интеллигенция, кладезь, книголюб, книгочей, книжник, ум, читака, эрудит; высокообразованный, высокоинтеллектуальный, грамотный, интеллектуальный, начитанный.

2. Наименования признаков

Характеристика человека по степени образованности, просвещенности: высокоинтеллектуальный, высокообразованный, грамотный, интеллектуальный, начитанный, образованный / образованные / образованность, просвещенный / просвещенность, умный, ученый / ученость.

Речевая культура человека: велеречивый, закругленный / закругленно / закругленность, коммуникабельный коммуникабельность, красноречивый, общительный, общительно / общительность, округленный, приглаженный / приглаженность, речистый.

Утрированно,искаженно культурный: галантейный, елейный, паточный, рафинированный, снобистский, чопорный.

Человек с точки зрения его отношения к окружающим: бережный, благодарный, благотворный / благотворно / благотворность, вежливый /

вежливо, внимательный / внимательно / внимательность, галантный / галантно / галантность, деликатный, демократичный / демократично, добродетельный, доступный, заботливый / заботливо, куртуазный, ласковый / ласково / ласкость, лояльный / лояльно / лояльность, любезный / любезно, любовный / любовно, небезразличный / небезразличность, обходительный / обходительно / обходительность, тактичный / тактично / тактичность, тонкий, уважительный, учивый / учиально / учивость, чуткий / чуткость.

Соответствие внешних качеств и поведения: аристократический, аристократичный, артистический, благообразный / благообразно / благообразность, вальяжный / вальяжно / вальяжность, обворожительный, респектабельный.

Опрятность человека, характеристика его внешнего вида: аккуратно, аккуратный, вылощенный, денди, изысканный / изысканно / изысканность, импозантный / импозантно / импозантность, лощеный, элегантный / элегантно, элегантность, опрятно, опрятный / опрятность, подобранный / подобранность, полиро-ванный, ухоженный / ухоженно / ухоженность.

Характеристика человека по степени его порядочности и воспитанности: благовидный / благовидно, благовоспитанный / благовоспитанно / благовоспитанность, благонравный / благонравие / благонравно / благонравность, благопристойный / благопристойно / благопристойность, благочинный / благочинно, воспитанный / воспитанность, добродорядочный / добродорядочно / добродорядочность, достойно, интеллигентный, заслуженный, интеллигентский, корректный / корректно / корректность, культурный / культурно / культурность, легонько, непредосудительный / непредосудительно / непредосудительность, нормальный, нравственный / нравственно, осторожный, паркетный, порядочно, порядочный / порядочность, почтительный / почтительно / почтительность, приличный / прилично, пристойный / пристойно / пристойность, референтный, ровный, святой, сдержанний / сдержанно, условный, хороший, церемонный, честный, чинный / чинно, этикетный, этичный.

Человек по соблюдению правил чистоты, гигиены: чистоплотный / чистоплотно / чистоплотность, чистый, чисто.

3. Наименование действий

Действовать в соответствии с этическими нормами поведения: образовать, деликатничать, облагородить, приличествовать, эстетствовать, возвышаться, поскромничать, почитать / почитаться / почитание, чтить / читься, уважить, уважать, гармонировать,

Постоянно совершенствоваться, повышать знания, развивать навыки культуры: образоваться, обогатиться, очищаться, очиститься, поднабраться / поднабираться, просветиться, облагородиться, учиться, обтесать / обтесывать / обтесываться / обтесывание, обтесаться / обтесываться, остеинить / остеинять, остеиниться, остеинять, перевоспитание, перевоспитать, перевоспитаться, перевоспитывать, перевоспитываться, выдрессировать, перековать / перековывать / перековаться / перековываться / перековка, перековывать, перековываться, развить / развивать / развиваться / развитие, развиться / развивать-

ся / развитие, утончить / утончать / утончаться, утончиться / утончаться, цивилизовать, цивилизоваться.

Совершать коммуникативные действия, принятые в культурном обществе: благодарить, импонировать, кланяться, любезничать / любезничанье, отблагодарить, откланяться / откланиваться, перездороваться, поблагодарить, расшаркаться / расшаркиваться / расшаркивание.

4. Общие наименования, составляющие базу культуры человека

Источники формирования культуры человека: сокровищница, субкультура, улица, цивилизация, закваска, закон, заповедь, кодекс, имя, правило, просвещение, самовоспитание, самосовершенствование, устав, ценность.

Проявления культуры человека в его поведении: аристократизм, артистизм, вежливость, вкус, воспитание, грамотешка, гуманизм, джентльменство, дисциплина, добродетель, достоинство, духовность, интеллект, красноречие, лоск, кругозор, культуртрегерство, манера, марка, мораль, начитанность, норма, нравственность, образование, обычай, ответственность, поведение, порядок, приличие, развитие, развитость, рамка, рассудок, репутация, скромность, снисхождение, совесть, степенство, стыд, тант, тонкость, уважение, целомудрие, честь, эрудиция, этика, этикет.

Межличностные добрые отношения: благоговение, благорасположение, дружелюбие, ласка, любезность, обращение, обхождение, отношение / отношения, питет, почтение, уважение, учтивость, чуткость.

Представленность фразеологических единиц в исследуемом поле сравнительно невелика. При исследовании имеющихся ФЕ выявляются следующие когнитивные признаки: *умение понимать других: войти в положение чьё; почитание традиций и обычая, уважение к кому-либо: отвести черёд, ломать шапку перед кем; наличие положительных качеств: держать марку, не лыком шит, кто-л., (не) обсевок в поле, с большой буквы кто-что, подавать пример кому, вести себя как; желание самосовершенствоваться: работать над собой; образовательный уровень человека: ума палата (у кого), ходячий (живой) справочник кто, ходячая энциклопедия.*

На основании первоначального анализа лексико-фразеологического поля концепта *культурный* можно сделать следующий вывод. Человек становится культурным при условии соблюдения им правил этикета, при стремлении к духовному и физическому совершенствованию, развитию интеллектуальных способностей, при умении общаться с окружающими и внимательном к ним отношении. Немаловажная составляющая облика культурного человека – ухоженность и элегантность, соблюдение правил гигиены.

Таковы основные компоненты концепта «культурный» в русской концептосфере.

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

2. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С.65-69.

С.С. Катуков

Когнитивные признаки концепта «брань» в русских паремиях

Основу исследования составили характеризующие процесс брань пословицы и поговорки, взятые из словаря В.И. Даля. Анализ материала позволил выявить следующие когнитивные признаки, присущие изучаемому концепту и вербализованные в паремиях.

1. Обыденность брань и ее мирное завершение: *с кумом бранюсь, на пиве мирюсь, а с чужим побранюсь, винцом зальюсь; не поссорясь, и мировой не пить, с пьяным побранюсь, а с трезвым помирюсь.* Примирение воспринимается как желанное и приятное явление; данные паремии указывают также на снисходительное отношение к брань.

2. Необходимость мирного завершения брань без злопамятства: *гложись, да не изъедаясь мирись; с кем побранюсь, с тем и помирюсь; полно браниться, не пора ль помириться (подраться); сходись – бранись, расходись – мирись.* Выявляется императивное пожелание народной мудрости всегда мириться.

3. Брань должна быть уместной: *кстати побранись, а кстати и помирись.* Брань должна быть уместна, тогда она не является деструктивной.

4. Брань в семье:

а) обыденный вид общения: *муж с женой бранится, да под одну шубу ложится; с кумом бранюсь, на пиве мирюсь, а с чужим побранюсь, винцом зальюсь.* Брань является обыденным явлением в семейной жизни; брань между близкими родственниками приводит к быстрому замирению, не мешает интимным отношениям;

б) с неблизкими родственниками может довести до рукоприкладства: *с сыном бранись, на печь ложись, с зятем бранись, за скобку держись (т.е. хоть из дома вон, прибьет);*

в) не допускает вмешательство посторонних: *свои собаки гложись, а чужие не вяжись; муж с женой ругайся, а третий не мешайся.*

5. Брань имеет pragmatischeкую функцию побуждения к снижению цены; обруганный – не значит плохой: *не покоря, не купишь, не похваля, не продаишь, торгуешь – хаешь; купишь, похвалишь.* Данные паремии отражают представление о брань как о средстве принижения значения объекта для снижения его цены при покупке. Здесь мы, видимо, обнаруживаем отголоски древних поверий о том, что хорошую вещь могут испортить или забрать злые духи, поэтому вещь прячется за своим дурным названием и от демонов, и от сглаза. В данном случае налицо отзвуки древней веры в магию слова. Это, в свою очередь, отсылает нас к тому факту, что в древности брань носила преимущественно сакральный характер: *хаянка лучше хваленки, покоря в соху*

(кобылу), и похвала в соху; покорить да в один мешок положить; хваленку в соху и хаянку в соху; похаяв (коня), да в соху (да в оглобли), хаяная собинка лучие впрок, ближняя хаянка лучие дальней хваленки (существует синонимичная паремия: лучше синица в руке, чем журавль в небе), орефья в людях хаят (плясать не умеет), да дома жалят (любят) – данная паремия указывает на то, что своих дома любят, даже если бранят на стороне (т.е. какой-никакой, а свой, поэтому хороший).

6. Характеристика брани с точки зрения ее полезности/бесполезности: побранка не кашлица, тумак не привар. В данной паремии выпукло выражена народная характеристика явления брани: указывается, что ею, как и тумаками, сът не будешь. *На каждый час побранки не напасешься* – невозможно в любом деле помочь себе бранью.

7. Незначительность последствий брани: бранят – не в мешок валят (с собой не понесешь); покорить да в один мешок положить (ср.: брань на вороту не виснет). В данных паремиях отражается следующий смысл: брань не имеет для людей тяжелых последствий, она преходяща, не может серьезно осложнить им жизнь.

8. Брань не всегда эффективна: много бранился, а добра не добился.

9. Брань не помогает работе: брань делу не спорит – то есть брань не ускоряет дело, а тормозит его (спорит с ним, т.е. вступает в своеобразную ссору).

10. Брань помогает работе: не выбравившись, и замка в клети не откроешь.

11. Брань не доказательство правоты бранящегося: отбранкою прав не будешь.

12. Привычность брани как формы общения: заглазно и архиерея бранят; только между святыми колотни нет – данная паремия указывает на то, что объектами брани могут быть все люди и что бранить людей в разговоре – обычное дело. Аналогично: *в немир бьются, а в мир бранятся* (о всегдашней ссоре).

13. Необходимо дифференцировать объект брани: себя хай, а людей не хай – данная паремия указывает на непозволительность брани в адрес людей: лучше бранить себя в воспитательных целях, чем ругать других и быть высокомерным.

Чужого не хай, своего не хвали – данная паремия указывает на умеренный, средний путь в поведении человека.

Сам себя не хаю, да и людей не хвалю – приведенная паремия также указывает на желательностьдержанного поведения, но характеризует субъекта высказывания как более закрытого для общения, в отличие от поведения субъектов двух предыдущих поговорок.

С тем не бранись, кому будешь кланяться – рекомендация избегать брани с вышестоящим на социальной лестнице субъектом; *с пьяным не бранись (не дерись), с богатым не тянись* – брань с пьяным воспринимается как особенно нежелательная, т.к. может носить неконтролируемый характер.

14. Брань должна быть обдуманной во избежание последующего раскаяния: постой, хайка: не взяла бы кайка (т.е. раскаянье) – в данной

паремии заключается следующий смысл: лучше лишний раз подумать, прежде чем ругать, чтобы потом не раскаиваться в словах, сказанных сгоряча.

15. Брань – последняя степень выяснения отношений перед дракой:
долго бабы перекидывались бранью, да вдруг и вцепились одна в одну; полно браниться, не пора ли подрасться; перебранятся бабы – без переплевки не обойдется; бабы бранятся, так платки с голов валиются.

16. Рекомендация избегать отношений с субъектом, привыкшим браниться: на что с тем дружиться, кто охочь браниться, с бранчивой кумой (сватьей) не напрощаешься; с бранчивым не набранишься.

Таким образом, в русских паремиях, касающихся брани, прослеживается двойственное отношение русского когнитивного сознания к брани как коммуникативному явлению: с одной стороны, она осуждается, преимущественно через указание на ее «ограниченные возможности» в общении, с другой, рассматривается как привычная часть общения в разных трудовых и семейных ситуациях, которая приносит немного вреда, а ее последствия не так уж и значительны. Кроме этого, русские паремии содержат достаточно многочисленные рекомендации по эффективной брани – с кем и как надо браниться, как надо обдумать свою брань и т.д., что свидетельствует о признании русским коммуникативным сознанием «правомочности» брани, ее допущении как компонента коммуникативного процесса.

О.А. Лаврёнова

Лексические средства выражения концепта «дождь» в русском языке

Любой язык рождается в рамках определённой национальной культуры и выступает как инструмент выражения культуры. Через анализ лексических и фразеологических средств языка, объективирующих какое-либо явление, можно составить представление о том, каков образ-концепт этого явления в сознании народа.

Рассмотрим концепт *дождь* через лексическую сочетаемость лексемы *«дождь»*.

Исследование проведено на материале словарей и произведений русских писателей и поэтов. Методом сплошной выборки было выделено 11 лексических единиц, которые являются наименованиями влаги, выпадающей на землю «в виде водяных капель, струй» (Ожегов 1996): «дождь», «дождик», «ливень» (проливной, самый сильный дождь), «ситничек» (самый мелкий дождь), «морось» (мельчайший дождь, еще мельче ситника), «косохлест» (косой дождь, по направлению сильного ветра), «лепень» (дождь со снегом), «сенохной» (дожди во время покоса), «рясочник» (ряску растит), «гроза» (дождь с громом и молнией), «град» (замороженные на воздухе дождевые капли) (В.И. Даль).

Текстовый анализ исследуемых единиц позволил выявить, что они преимущественно сочетаются с глаголами и прилагательными.

Исследование прилагательных, сочетающихся с лексемой «дождь», дало возможность выделить группы, в зависимости от коннотативного компонента, который содержится в их значении:

– прилагательные, характеризующие продолжительность дождя: «недолгий», «кратковременный», «короткий», «долгий», «обложной», «окладной» (затяжной, долгий) и т.д.;

– прилагательные, дающие эмоциональную оценку: «сладостный» (приятный, доставляющий удовольствие), «дущистый», «пахучий» (с сильным, приятным запахом), «свежий» (приятный, освежающий), «живительный» (бодрящий, освежающий), «благодатный» (радостный), «пагубный» (очень вредный, губительный) и т.д.;

– лексические единицы, описывающие силу дождя: «проливной» (внезапный, сильный дождь), «ливневый» (проливной, самый сильный), «обломный», «ревучий», «жестокий» (очень сильный, превосходящий обычный), «как из ведра», «лёгкий» (несильный, слабый), «тихий» (слабый, легкий) и т.д.;

– прилагательные, которые характеризуют анализируемые атмосферные осадки по величине и частотности дождевых капель: «самый мелкий», «мелчайший», «из ясного неба» (в виде рассеянных капель), «моросливый» (мелкий), «крупный», «редкий», «частый» и т.д.;

– единицы, описывающие дождь по времени, когда происходит выпадение этого вида осадков: «летний», «осенний», «мокрый» (осенний), «зимний», «весенний» (весенний) – по времени года; «апрельский», «майский», «октябрьский» – в зависимости от названия месяца; «утренний», «вечерний», «ночной»; «во время покоса»;

– прилагательные, номинирующие температуру данного природного явления: «тёплый», «непроХладный», «свежий» (холодный) и т.д.;

– лексические единицы, определяющие другие природные явления, которые сопровождают дождь или явились его результатом: «грозный» (с грозой), «гонимый ветром», «радужный» (сопровождается радугой); «мглистый» (туманный, затянутый мглой); «с градом», «обложной», «окладной» (небо обложено тучами) и т.д.;

– прилагательные, описывающие воздействие, оказываемое исследуемое природное явление на людей, природу и так далее: «грибной» (сопутствующий росту грибов), «пагубный» (очень вредный), «дущистый» (ароматный) и т.д.

От лексемы «дождь» образованы прилагательные: «дождевой», «дождливый» (от дождя произошедший, дождь приносящий, к дождю относящийся).

Анализ глаголов, употребляющихся с лексемой «дождь», позволил выделить группы, которые описывают или усиливают признаки, содержащиеся в лексическом значении исследуемых слов:

– глаголы, которые характеризуют силу дождя: «моросят» (накрапывать мелкими каплями), «накрывают» (падать редкими каплями), «прыскают» (литься мелкими каплями) говорят о слабой силе; «идти», «принадать»

(падать), «сеять», «сыпать» (идти) имеют нейтральное значение; «лить» (идти непрестанно или с силой), «хлестать» (литься сильно с шумом) определяют большую силу;

– глаголы, определяющие динамику исследуемого природного явления: «начинаться» (проявить первые признаки), «посыпаться» (начинать идти); «брызнутъ» (вдруг политься, прыснуть брызгами); «обрушиться» (стремительно начаться), «хлынуть» (начать литься с силой) описывают начальную стадию дождя; «разойтись», «пуститься», «пропускать», (усилиться), «редеть» (становиться редким) говорят о том, что данное явление может менять свою интенсивность; «заканчиваться», «переставать», «затихать», «замереть», «отшуметь», «прошументь» (прекратиться) характеризуют заключительную стадию;

– глаголы, показывающие, что дождь может сопровождаться характерным шумом или звуком: «шуметь» (издавать шум), «стремкотать» (издавать стрекот, резкие короткие и частые звуки), «бить» (ударять, издавая звуки), «барабанить» (часто и дробно стучать), «реветь» (издавать рёв, протяжный громкий звук) и т.д.);

– глаголы, подчёркивающие, что дождь может иметь признаки, свойственные живому существу: «бежать» (двигаться быстро), «нестись» (двигаться с большой скоростью), «захватывать» (застать), «смывать» (удалять водой), «будить» (заставлять проснуться) и т.д.

Лексема «дождь» может образовывать однокоренные глаголы, употребляющиеся в безличной форме: «дождить», «задождить», «подождить», «продождить».

Интересно отметить, что для описания данного природного явления могут употребляться метафоры: «небесная влага» (Льётся по пронзительным зелёным веткам небесная влага (Рожнова 1992), «шорох» (... и вдруг с неба посыпался лёгкий, быстрый, сухой шорох... (Бунин 1984), «поток» (Ты помнишь ли рёв дождевого потока и пену и брызги кругом? (Жизнь природы... 1987), «прутья» (Прямы и светлы, как прутья стальные, в землю вонзились струи дождевые (Жизнь природы... 1987), «струи» (Сильнее дождь... Широкими струями, волнуясь, льёт и хлещет он... (Бунин 1984).

Анализ фразеологических сочетаний также выявил некоторые особенности лексических единиц, входящих в ЛСГ «дождь». Основная часть фразеологизмов, содержащих исследуемые лексемы, позволяет определить следующие семантические признаки: большое количество чего-либо падающего (дождь цветов, свинцовый дождь (о пулях, дроби, выпущенных из оружия), золотой дождь (большие денежные средства) и т.д.); обилие чего-либо (дождь упрёков) (БТС 1988).

Лексическая сочетаемость даёт возможность выделить следующие признаки ядра концепта *дождь* в русской концептосфере: вода, падающая с неба и сопровождающаяся звуком разной интенсивности, имеющая различную силу и формы (в виде струй, потока, прутьев, капель). Остальные выделенные признаки составят периферию концепта.

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 1998.
2. Бунин И.А. Избранные сочинения. М., 1984.
3. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Электр. версия.
4. «Жизнь природы там слышна». Русская лирика природы XVIII-XIX вв. (Сост. А.Е. Тархова). М., 1987.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
6. Рожнова П.К. Радоница: Русский народный календарь; Обряды; Обычаи; Травы; Заговорные слова. М., 1992.
7. Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2002.
8. Язык и национальное сознание. Вып. 6. Воронеж, 2004.

Коммуникативное сознание

Л.В. Куликова

Коммуникативный стиль и межкультурная коммуникация

Одной из важных переменных коммуникативного процесса является стиль коммуникации, оказывающий значительное влияние на успешность общения, особенно, когда речь идёт о межкультурном общении. В данной статье анализируется фактор прямоты изложения содержания как один из многочисленных стилемоформирующих факторов.

Под коммуникативным стилем мы понимаем устойчивую совокупность культурно обусловленных коммуникативных норм, определяющих основное содержание и языковые паттерны коммуникации в конкретной лингвокультуре.

Наиболее известно противопоставление коммуникативных стилей по параметру *контекстность культур* (низкий контекст/высокий контекст в терминологии Э. Холла; см. Hall 1959, 1983). Данный параметр характеризует прямой или непрямой способ выражения сообщения. В специальной литературе встречается также оппозиция эксплицитный/имплицитный стили (терминология Деморгона; см. Demorgan 1989, 1996). Мы считаем возможным приравнять названные диахотомии, так как анализ их содержания свидетельствует о совпадении их основных характеристик. При этом отметим, что термин «контекстность» трактуется, как показывают исследования разных авторов (см., напр.: Hall 1977, 1983; Стефаненко 2000; Glaser 2001, 2002; Layes 2003), неоднозначно. В данном случае мы намеренно разграничиваем понятие «контекстность» и «контекст».

Модель контекстности Холла соотносится, прежде всего, с социальными отношениями в коммуникативном процессе – речь идёт о плотности

(возможно, более удачно в этом случае слово интенсивность – *прим. Л.К.*) социального взаимодействия. Чем интенсивнее информационные обмены между людьми, тем выше степень информированности участников коммуникации, что соответствует имплицитному стилю высококонтекстных культур. В культурах с низким контекстом, а значит, преимущественно с эксплицитным стилем коммуникации, интенсивность общения между членами социума невелика, что обуславливает их слабую информированность и потребность в дополнительных сведениях или знаниях.

В интерпретациях других авторов дифференциация стилей на основе контекстности коммуникации определяется, главным образом, по участию неязыкового контекста в ситуации интеракции, роли невербального поведения участников общения. В культурах с высоким контекстом особая значимость придаётся форме сообщения: тому, *как*, а не тому, *что* сказано. В культурах с низким контекстом высоко ценится *содержание* коммуникации. В.В. Красных предлагает с точки зрения собственно лингвистики и этнопсихолингвистики использование в этом случае антиномии: ситуативно обусловленное и контекстно ориентированное общение, с одной стороны, и ситуативно независимое и контекстно свободное общение – с другой (Красных 2003, с.325).

В рамках нашего исследования принимается широкое толкование понятия «контекстность», включающее как объём информации и способы обмена данной информацией, так и роль невербального контекста в коммуникации.

Отметим, что выделение вербального и невербального аспектов при рассмотрении коммуникативного стиля культуры в зависимости от её контекстности предпринимается в работе с аналитическими целями, поскольку в реальном живом дискурсе вербальный и невербальный коды существуют в единстве.

Вербальный стиль низкоконтекстной коммуникации несёт на себе отпечаток индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления. Это прямой эксплицитный коммуникативный стиль, в центре которого находится говорящий, адресант (Glaser 2003, с.84). В общении такого рода главное значение придаётся содержанию сообщения, а не тому, *как* это сказано. Говорящий стремится наиболее точно, ясно и прямолинейно выразить своё мнение, свои мысли и интенции, вербально эксплицировать всю релевантную информацию, чтобы слушающий мог понять её достаточно однозначно, не прибегая к интерпретациям и домысливанию.

Как отмечает Т.Г. Стефаненко, для низкоконтекстных культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются к беглости речи, точности использования понятий и логичности высказывания коммуникатора. Чтобы выделяться внутри группы и «блескать в обществе», представители подобных культур стремятся развивать свои речевые навыки (Стефаненко 2000, с.156). Данный стиль доминирует в немецкоязычном мире, английской и американской культурах, а также в скандинавских странах.

Коммуникация, детерминированная стилем высококонтекстной культуры, ориентирована в большей степени на получателя сообщения, адресата, к компетенции которого относится умение «читать между строк» и самостоятельно интерпретировать сказанное, поскольку говорящий, активно использующий также невербальный код, намеренно отдаёт инициативу раскодирования посланной информации слушающему (ср. Glaser 2003, с.84).

Процесс высококонтекстной коммуникации в значительной мере связан с многочисленными экстралингвистическими факторами. Имплицитно в общение «вплетены» исторический контекст, социальные нормы и роли, статус коммуникантов, характер отношений между ними и многое другое.

Высокая зависимость коммуникации от контекста, проявляющаяся в намёках, иносказательности, образных сравнениях, расплывчатости и неконкретности речи, изобилии некатегоричных форм высказывания, слов типа «может быть», «вероятно» и т.д., характеризует непрямой, имплицитный коммуникативный стиль культуры. Он отражается также и в специфичной конструкции предложений.

Так, например, в китайском предложении появлению агента или действующего лица предшествует длительное описание каузальности (причинности) события. Типичное китайское объяснение построено примерно таким образом: «Так как шёл сильный дождь и улицы были затоплены водой и так как, кроме того, на почте перед кассой стояло много людей, а кассу закрыли ещё до того, как дошла моя очередь, поэтому я не смог отправить посылку» (Ting-Toomey 1999).

Неискушённый в культурных стилях англичанин поймёт это высказывание как хитрую отговорку или притворство. Его интерпретация услышанной фразы совершенно не совпадёт с интенцией представителя китайской культуры, поскольку версия этого предложения в стиле английской коммуникации будет краткой, ясной и однозначной: «I couldn't mail the package because the window at the post office closed before it was my turn». Однако для слуха собеседника из китайской культуры манера общения британца граничит с невежливостью и нескромностью (там же).

Имплицитный стиль высококонтекстной коммуникации свойствен восточноазиатскому лингвокультурному пространству, арабским странам, а также большинству южно-европейских народов. Следует отметить, что это преимущественно культуры с коллективистскими ценностями.

Часто данный стиль описывается на примере коммуникативного поведения японцев. Ориентация на партнёра по дискурсивному взаимодействию заложена в самом строе японского языка. Как отмечает Т.Г. Стефаненко (Стефаненко 2000, с.156-157), нормативность местоположения глагола в конце фразы помогает жителям Страны восходящего солнца соблюдать вежливость и сохранять гармонию межличностных отношений. Говорящий, увидевший реакцию на свои первые слова, имеет возможность смягчить фразу или даже полностью изменить её первоначальный смысл.

В деловых взаимоотношениях японцы обычно ведут разговор «вокруг да около», долго обсуждая незначительные детали и «передвигая» основной предмет дискуссии на заключительную часть встречи. Эта коммуникативная

стратегия позволяет им лучше узнать о намерениях партнёров, чтобы либо «подладиться» к ним, либо противостоять, не уронив при этом достоинства противоположной стороны. По поводу японского стиля общения интересные метафоры приводит Вс. Овчинников: «...кажущаяся податливость японской натуры подобна приёмам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, с тем, чтобы оставаться самим собой», а также «вежливость японцев подобна смирильной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми» (Овчинников 1988, с.9, 106).

Особенностью имплицитного стиля коммуникации в японской культуре является обычай не употреблять в разговоре слова «нет», стремление всячески уходить в своей речи от прямых вопросов и ответов, о чём ярко и подробно пишет в своей книге Вс. Овчинников: «...люди всячески избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняком» (Овчинников 1988, с.104). Вместо «нет» японцы используют всевозможные мягкие обороты-отрицания: «Я прекрасно понимаю Ваше идущее от сердца предложение, но, к несчастью, я занимаю иное положение, чем Вы, и это не позволяет мне рассмотреть проблему в нужном свете, однако я обязательно подумаю над предложением и рассмотрю его со всей тщательностью, на какую способен» (Цветов 1991, с.287).

Как правило, пересечение двух разных коммуникативных стилей вызывает у коммуникантов из разных культур обаудное чувство фрустрации. Прямой стиль низкоконтекстных культур, с его откровенностью и даже категоричностью, воспринимается, например, японцами или китайцами, с одной стороны, как навязчивый и нахальный, а с другой стороны, как слишком примитивный, вследствие слабой вовлечённости в коммуникацию контекстуальных ссылок. В свою очередь, стиль высококонтекстных культур, богатый знаками неверbalного характера, тактиками семантической и прагматической завуалированности оставляет у представителей западных культур впечатление неискренности и скрытности.

Исследование коммуникативных стилей – важнейшая задача теории и практики межкультурной коммуникации.

-
1. Demorgan J. L'exploration interculturelle. Pour une pedagogie internationale. Paris, 1989.
 2. Demorgan J.; Molz, M. Bedingungen und Auswirkungen der Analyse von Kultur(en) und interkulturellen Interaktionen. In: Thomas, A. (Hg.), Psychologie interkulturellen Handelns. Göttingen, 1996. S. 43-86.
 3. Glaser E. Fremdsprachenkompetenz in der interkulturellen Zusammenarbeit. In: Thomas, A.; Kinast, E.-U.; Schroll-Machl, S.(Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder, Göttingen, 2003.
 4. Hall Edward T. Beyond Culture. New York, 1977.
 5. Hall Edward T. The Dance of Life. The Other Dimension of Time. New York. 1983.

6. Layes Gabriel: Kulturdimensionen. In: Thomas, A.; Kinast, E.-U.; Schroll-Machl, S.(Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder, Göttingen, 1999.
7. Ting-Toomey, S. Communicating across Cultures. New York/London. 1999.
8. Scheu-Lottgen, U.D., Hernandez-Campoy, J.M. An analysis of socio-cultural miscommunication:English, Spanish and German. International Journal of Intercultural Relations 1988, № 22(4), p. 375-394.
9. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
10. Малый толковый словарь русского языка / Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. М., 1993.
11. Современный словарь иностранных слов. М., 2001.
12. Новый энциклопедический словарь. М., 2002.
13. Овчинников В.В. Ветка сакуры. М., 1988.
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Екатеринбург, 2000.
15. Цветов В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М., 1991.

Н.В. Бугакова

Отражение принципов социального устройства общества во французском обращении

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, единую систему взглядов, охватывающую все стороны бытия, включая человека как составную часть этого бытия.

Совокупность знаний о мире в языковом сознании определенным образом структурирована. Выявление концептуальных структур возможно через языковые формы, доступные нашему наблюдению, что приводит к представлению структур знания, участвующих в переработке получаемой человеком информации, скрытых от прямого наблюдения.

В процессе познания окружающей действительности у говорящего индивида складывается понятие о том, как устроен мир и какое он занимает в нем место. Как отмечает А.В. Кравченко, на формирование этого понятия оказывают влияние биологические, физико-географические (природная среда обитания), социально-исторические (культурная среда обитания) факторы. Опыт познания себя и среды для каждого человека сугубо индивидуален, в то же время, каждый этнос имеет некоторую общую для всех своих членов картину мира (Кравченко 1997).

Каждый индивид располагает концептуальной картиной мира, которая представляет собой глобальную, целостную, непрерывно конструируемую систему информации об окружающей его действительности. Его концептуальная картина мира неоднородна: она включает в себя универсальные элементы, не зависящие от лингвокультурного мировоззрения личности, элементы, отражающие национальный характер языковой личности, а также информацию, обусловленную образованием человека, его социальной средой, вероисповеданием и т.д. Картина мира, как мозаика, составлена из концептов и

связей между ними. Концепты обективируются в коммуникативном процессе с помощью лексем. В итоге складывается языковая картина мира, которая коррелирует с общей картиной мира.

В соответствии с когнитивным подходом к языку знания о мире дают представление о том, как моделируется мир в голове человека.

Картина мира как глобальный субъективный образ объективного мира зарождается и существует в сознании человека и в более глубинных слоях его психики, скрытых от самонаблюдения человека. Картина мира не является зеркальным отражением мира, он всегда определенное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой миропонимания и мировосприятия.

Рассмотрим фрагмент французской языковой картины мира, отражаемый в языке в категории обращения.

Адресат представлен в языке со всех сторон: внешность, характер, поступки. Все виды отношений между говорящим и адресатом (статусные, ролевые, межличностные и т.д.) по-разному отражаются в организации языковой системы и сигнализируют о понимании народом принципов членения и упорядочения социальной действительности. Структура рассматриваемой нами категории отражает поведение говорящего при оперировании им формами обращений, т.е. то, как он осуществляет выбор слов при описании своего субъективного восприятия и объективно существующих реалий.

Категория обращения присутствует во всех языках, но содержание ее специфично для каждого этноса, поэтому можно утверждать, что у носителей французского языка сформированы и универсальная, и национальная картины мира, фрагменты которых можно выявить через формы обращения.

В универсальной картине мира отражено общее представление говорящего об адресате либо как о носителе некоего статуса, роли, либо как о личности, наделенной определенными качествами. В любом обществе отношения между его членами строго организованы, и эта организация получает отражение в национальных формах номинации адресата.

Изучение национальной специфики языка – это не только изучение формы. Это, по словам Гумбольдта, возможность «установить путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» (Гумбольдт 1984). Так как в любом этносе отдается приоритет тем или иным видам социальных отношений, следовательно, и роль адресата определяется тем местом, которое он занимает в этих отношениях. «Национальная специфика общения каждого языкового коллектива представляет собой несомненный интерес во многих отношениях – социальном, культурном, историческом, психологическом … и складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной национально-культурной общности» (Национально-культурная специфика речевого поведения 1977).

Исходя из определения концепта, предложенного Е.С. Кубряковой (Кубрякова 1996), логично предположить, что в базовых концептах речевого акта также найдет свое отражение социальная картина мира носителей французского языка.

Концепт «**отношения коммуникантов**» и его конкретизатор (концепт более низкого порядка) **«родственные отношения»** отражают национальное своеобразие французского социума. В современном французском языке наблюдается тенденция к уменьшению числа форм обращения, указывающих на родство общающихся. Это вызвано распадом патриархальной семьи и возникновением более ограниченных по составу ячеек, основывающихся на тесных родственных отношениях «родители – дети». Из употребления практически вышли обращения *bru, neveu, oncle, tante* и др.

- *Ça va, ma chérie?*

- *Oui, maman. Ne t'inquiète pas (Hope J.).*

- *Je ne parviens pas à comprendre ta conduite, mon fils (Leight J.).*

Та же тенденция прослеживается и с формами обращения, использующими метонимический перенос, адресованными не родственникам. Это, в свою очередь, объясняется сокращением населения в сельской местности, где такой тип обращения наиболее распространен. Он указывает на сокращение дистанции между коммуникантами и в понятии говорящего соотносится с личностью знакомой или незнакомой, к которой адресант чувствует уважение. В современной художественной литературе такие обращения практически не встречаются.

Конкретизаторы **«положительное отношение говорящего к адресату»** и **«отрицательное отношение говорящего к адресату»** позволяют адресанту выделять различные классы адресатов на основе их психологических особенностей, темперамента, характера, склонности к чему-либо (*casse-cul, fou, mouche, pleure, triste sire, requin, farceur, tyran, lèche-cul* и др; в рус.: *плакса, шутник, подлиза* и др.):

- *Tiens, les voilà tes cartes, tricheur, hypocrite! (Pagnol M.)* – адресат – мошенник, лицемер.

- *Descends à la cave, va chercher les panniers, petite sainte nitouche, et surtout commence par trier les huîtres en bas. (Pagnol M.)* – говорящий называет собеседницу святошей, недотрогой.

- *Oh! Le pauvre fada! Quelle mentalité! (Pagnol M.)* – говорящий с сочувствием относится к адресату, который выглядит несколько экстравагантно, рассуждая вопреки логике.

Посредством языка говорящий передает свое представление об адресате и свое отношение к нему. Выбирая то или иное обращение, он подчеркивает различные характеристики адресата, и, стремясь уйти от стереотипов, заштампованных интерперсональных отношений, желая подчеркнуть индивидуальность адресата, пытается выразить свою мысль с большим количеством деталей, подчеркивая необходимые значения эксплицитно заданными элементами языка.

Индивидуальная номинация адресата говорящим сохраняет в своей смысловой структуре следы авторской мотивации, которая осознается как таковая только в конкретной ситуации общения и соотносится с вербальными способами выражения отдельных компонентов смысла, их семантической структуры только в данной ситуации. Значение изучения индивидуальных номинаций заключается в том, что они указывают путь к когнитивным

структурам, предопределившим выбор значения, которое в ходе различных трансформаций в ситуации общения начинает соотноситься с новым понятийным содержанием, следствием чего является реализация нового значения, которое вписывается в структуру лексикона каждого языка.

Il ne parlait plus que de Brandon, il ne voyait plus que les kinnels. C'était le nouveau jeu d'Allan. Il prenait l'air du spectateur impuissant devant une grande passion, appelait Eve «ma pauvre compagne d'infortune» et souriait avec ostentation quand Brandon adressait la parole à Josée (Sagan F.).

- *C'est bien ça, le problème! Tu n'as peur de rien et tu ne cèdes jamais. Mais à présent, tu vas m'écouter, chère Samantha-dure-à-cuire! (Allan J.)* – за таким обращением стоит концепт «мыслительная картинка» (Бабушкин 1996), который характеризует адресата: между коммуникантами возникали несогласия, которые заканчивались поражением адресанта, т.к. он не мог убедить свою подругу. В результате он воспринимает ее как упрямую, настаивающую всегда на своей точке зрения.

Следующий пример наглядно показывает, как говорящий сопоставляет свой предшествующий опыт чувственных впечатлений с реальностью:

- *Nom de Dieu! Alors c'était vous, Monsieur ...*

Il allait dire: «Monsieur le marquis» et se reprit à temps.

- ... *Alors c'était vous, Monsieur le ci-devant!* (Druon M.) – адресант намеренно отказывается от официального обращения, указывающего на титул адресата, и выбирает слово, которое, казалось бы, не может быть в позиции обращения, но, тем не менее, оно наглядно демонстрирует отношение говорящего к собеседнику: «Ваше время прошло, я не рассматриваю Вас как представителя вышестоящего класса». Такая форма обращения встречается у некоторых авторов, посвятивших свои произведения Французской революции, поэтому можно предположить, что в ту эпоху существовал концепт «аристократ, лишенный в революцию гражданских прав»; «бывший».

В концепте **«пол адресата»** отражаются национальные особенности когнитивной и номинативной деятельности человека в процессе познания социальной действительности. Это прослеживается на примере наименования должностей для мужчин и женщин во французском обществе. Так, для наименования значительного количества должностей, ранее занимаемых мужчинами, французский язык еще не создал их эквивалентов для женщин. В таких случаях в качестве средства, компенсирующего этот недостаток, язык использует сложную форму обращения, прибегая к грамматическому оформлению: *Madame le Recteur, Madame le Docteur, Madame le Professeur* и т.п., но чаще встречается форма *madame*. Можно предположить, что через язык говорящие стремятся сохранить существующую ролевую модель в обществе, т.е. распределение мужских и женских ролей в социуме.

Русский язык в таких ситуациях предпочитает нулевую форму обращения, а в некоторых случаях – форму мужского рода: *доктор, товарищ следователь* и др.

Весь инвентарь ситуаций общения, в которых фигурируют говорящий и адресат, участвует в формировании социального аспекта картины мира носителей французского языка, то есть регламентирует социальные отношения

(статусные, ролевые, межличностные) членов рассматриваемой лингвокультурной общности. А обращения, которые стоят за этими ситуациями, представляют собой средство вербализации этого аспекта картины мира. Категория обращения отражает национально-культурную специфику языкового поведения во французском обществе, так как несет в себе информацию о социально-историческом опыте познавательной деятельности членов данного социума, а также об устройстве социальных отношений и их приоритетных видах. Это своеобразие наиболее ярко выявляется в конкретизаторах «статусные отношения участников коммуникации», «пол адресата», «отношение говорящего к адресату».

-
1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологичкой семантике языка. Воронеж, 1996.
 2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человека // Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкоznанию. М., 1984.
 3. Кравченко А.В. Восприятие и категоризация // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации) / Мат. круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследований. М., 1997.
 4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
 5. Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М., 1997.

А.В. Гибсон

Ты и Вы во французском коммуникативном поведении

Изучение иностранного языка неотрывно связано с изучением коммуникативной культуры носителей данного языка. Коммуникативная культура динамична, она изменяется, «двигается», развивается, поэтому изучение коммуникативной культуры неотрывно связано с изучением изменений и тенденций, намечающихся в обществе.

Одной из таких тенденций является демократизация общения, которая, в свою очередь, приводит к демократизации языка. Эта тенденция в большей или меньшей степени наметилась во многих развитых европейских странах.

«Наблюдающаяся во многих развитых странах тенденция к демократизации общественной жизни приводит к демократизации языка, что в разных странах проявляется в сходных тенденциях – усиление просторечного и вульгарного, вплоть до нецензурного, словоупотребления, проникновение его в культурную сферу нации, в средства массовой коммуникации, где ранее такое словоупотребление было недопустимо» (Попова, Стернин 2004).

Действительно, нетрудно заметить все более частое допущение нецензурных ругательств с экранов телевизоров, более «развязное» общение молодежи, предпочтение употребления «ты» вместо вежливой формы обращения на

«Вы», меньшая табуированность отдельных тем. Например, в ходе исследования категории коммуникативной неприкосновенности личности в испанской и русской коммуникативных культурах нами было выявлено, что табуированность темы секса в России и Испании снижается, что связано со многими изменениями в жизни общества, а также общей демократизацией общения.

Целью нашего исследования явилась частотность употребления вежливой формы обращения «Вы» во французском коммуникативном поведении (КП) и ее связь с демократизацией общения и категориями коммуникативной неприкосновенности личности и вежливости.

Методика исследования

В нашем исследовании были использованы следующие методы: метод включенного наблюдения и метод письменного интервьюирования.

В эксперименте приняло участие 90 человек, проживающих в провинции Bretagne (Rennes, Brest, Penmarch, Quimper) и 10 парижан, из которых большинство парижане некоренные. Опрошено 100 человек, из них 67 женщин и 33 мужчины, 58 испытуемых с высшим образованием или незаконченным высшим образованием, 26 – со средне-техническим образованием, 16 – с начальным образованием, 40 испытуемых в возрасте до 25 лет, 44 – в возрасте от 25 до 50 лет, 16 испытуемых старше 50 лет.

Испытуемым была предложена серия вопросов, касающихся частотности употребления «ты» и «Вы» в различных типовых коммуникативных ситуациях. Так, были проанализированы ситуации обращения на «ты» и «Вы» к незнакомому человеку старше респондента и к ровеснику, свекру, свекрови, тестю, теще, родственнику старшего поколения, а также была предпринята попытка выяснить, как чувствуют себя испытуемые, когда к ним обращаются на «Вы» и их мнение об употреблении «ты» и «Вы» в современной Франции.

Так как «существуют национальные правила коммуникативного поведения, а также правила поведения в общении отдельных возрастных, гендерных, профессиональных групп» (Стернин 2001), нам представилось целесообразным провести не только общий анализ полученных данных, но и отдельно представить результаты анализа полученных результатов по гендерному и, особенно, возрастному признакам.

Результаты эксперимента и их анализ

Так, первый вопрос позволяет нам выяснить мнение представителей французской коммуникативной культуры (КК) о частоте употребления вежливой формы обращения на «Вы»:

A votre avis, aujourd’hui le ‘Vous’ (marque de respect) est utilisé

- a) autant qu'avant
- b) moins qu'avant
- c) plus qu'avant
- d) autre

По вашему мнению, сегодня «Вы» (вежливая форма обращения) употребляется

- a) также часто, как и раньше;

- б) менее часто, чем раньше;
- в) чаще, чем раньше;
- г) другой вариант ответа.

Результаты исследования представлены в следующих таблицах.

Таблица 1.1. Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
а) также часто, как и раньше	31%
б) менее часто, чем раньше	69%
в) чаще, чем раньше	0%
г) другой вариант ответа	0%

Таблица 1.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Женщины	Мужчины
а) также часто, как и раньше	30%	33%
б) менее часто, чем раньше	70%	67%
в) чаще, чем раньше	0%	0%
г) другой вариант ответа	0%	0%

Таблица 1.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	меньше 25 лет	25-50 лет	больше 50 лет
а) также часто, как и раньше	25%	30%	50%
б) менее часто, чем раньше	75%	70%	50%
в) чаще, чем раньше	0%	0%	0%
г) другой вариант ответа	0%	0%	0%

Из вышеприведенных таблиц можно сделать вывод о том, что большинство французов считает, что частота употребления вежливого «Вы» сократилась, однако это мнение не единогласно. Оно «уменьшается» с возрастом (см. таблицу 1.3). Половина испытуемых в возрасте старше 50 лет считает, что употребление «Вы» осталось таким же. Любопытно заметить, что несколько испытуемых сделали следующее замечание: «Le «vous» n'est pas une marque de respect, c'est plutot une marque de distance». О функциях дистанцирования и приближения «ты» и «Вы» пойдет речь в обсуждении результатов.

Далее испытуемым была задана серия вопросов, позволяющая выявить основания для употребления «ты» и «Вы» (возраст, положение, степень знакомства). Сначала были заданы вопросы, касающиеся близких родственников: матери, отца, бабушки, дедушки. Практически все испытуемые обращаются к ним на «ты». При обращении к остальным родственникам

наблюдаются незначительные изменения. Так, при обращении к родственникам **старше** себя французы употребляют «ты» и «Вы» в следующей пропорции:

Вопрос:

Indiquez s'il vous plait, avec quelle fréquence vous utilisez Vous quand vous vous adressez aux membres de la famille plus agées que vous?

Отметьте, пожалуйста, с какой частотой Вы обращаетесь на «Вы» к родственникам **старше** себя.

Таблица 2.1. Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Всегда	2%
Часто	4%
Иногда	8%
Редко	8%
Никогда	73%
Другой вариант ответа (зависит от того, как часто я их вижу, кровные ли это родственники, без объяснения)	5%

Таблица 2.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Всегда	3%	1.5%
Часто	6%	3%
Иногда	3%	10%
Редко	3%	10%
Никогда	81%	69,5%
Другой вариант ответа (зависит от того, как часто я их вижу, кровные ли это родственники, без объяснения)	3%	6%

Таблица 2.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	младше 25 лет	25-50 лет	старше 50 лет
Всегда	2,5%	2%	0%
Часто	0%	5%	12,5%
Иногда	5%	9%	6%
Редко	5%	7%	19%
Никогда	80%	70%	56%
Другой вариант ответа (зависит от того, как часто я их вижу, кровные ли это родственники, без объяснения)	7,5%	7%	6%

Таблица 2а

Indiquez s'il vous plaît, avec quelle fréquence vous utilisez Vous quand vous vous adressez aux membres de la famille de la même génération que vous?

Отметьте, пожалуйста, с какой частотой Вы обращаетесь на «Вы» к родственникам **одного с Вами возраста**.

Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Всегда	1%
Часто	2%
Иногда	2%
Редко	5%
Никогда	90%
Другой вариант ответа (зависит от того, как часто я их вижу, кровные ли это родственники, без объяснения)	0%

Таким образом, 81% представителей французской коммуникативной культуры всегда или почти всегда обращаются к родственникам старше себя на «ты». К родственникам одного с собой возраста 95% испытуемых всегда или почти всегда обращаются на «ты» (см. таблицу 2а, в которой мы представили лишь общий результат исследования по причине однородности ответов испытуемых). Таким образом, фактор возраста играет определенную роль (14%), однако мы полагаем, что в данном случае основанием для выбора «ты» или «Вы» является степень знакомства, родственные связи.

Данный результат существенно не изменяется при анализе результатов по гендерному и возрастному признакам, однако можно заметить, что в данной ситуации женщины употребляют «Вы» немного чаще, чем мужчины (см. таблицу 2.2) и чем старше испытуемые, тем чаще они употребляют «Вы» в данной ситуации, однако эти различия также не столь существенны.

Чтобы выяснить, является ли возраст важным основанием при выборе обращения на «ты» или «Вы», мы задали испытуемым следующие вопросы:

Indiquez s'il vous plaît, avec quelle fréquence vous utilisez Vous quand vous vous adressez aux inconnues dans la rue plus âgées que vous?

Отметьте, пожалуйста, с какой частотой Вы обращаетесь на «Вы» к незнакомым на улице **старше** себя.

Indiquez s'il vous plaît, avec quelle fréquence vous utilisez Vous quand vous vous adressez aux inconnues dans la rue de la même génération que vous?

Отметьте, пожалуйста, с какой частотой Вы обращаетесь на «Вы» к незнакомым на улице **одного с Вами возраста**.

Результаты анализа ответов испытуемых представлены в нижеследующих таблицах 3.1, 3.2, 3.3 и 4.1, 4.2, 4.3 соответственно.

Таблица 3.1.Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Всегда	83%
Часто	8%
Иногда	4%
Редко	0%
Никогда	2%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	3%

Таблица 3.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Всегда	79%	85%
Часто	12%	6%
Иногда	6%	3%
Редко	0%	0%
Никогда	0%	3%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	3%	3%

Таблица 3.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	меньше 25 лет	25-50 лет	больше 50 лет
Всегда	80%	82%	93%
Часто	7,5%	11%	0
Иногда	5%	5%	0
Редко	0	0	0
Никогда	0	2%	7%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	7.5%	0	0

Таблица 4.1. Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Всегда	42%
Часто	19%
Иногда	3%
Редко	16%
Никогда	19%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	2%

Таблица 4.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Всегда	37%	43%
Часто	18%	19%
Иногда	3%	3%
Редко	6%	21%
Никогда	33%	12%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	3%	1,5%

Таблица 4.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	меньше 25 лет	25-50 лет	больше 50 лет
Всегда	15%	48%	94%
Часто	20%	25%	0%
Иногда	5%	2%	0%
Редко	20%	18%	0%
Никогда	37,5%	4,5%	6%
Другой вариант ответа (зависит от человека, без объяснения)	2,5%	2%	0%

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактор возраста при обращении к незнакомым людям является очень важным. К людям старше себя обращаются почти всегда на «Вы», и данный результат мало меняется в зависимости от возраста испытуемых и от их пола. Однако нельзя не заметить, что при обращении к незнакомым вообще предпочтение часто отдается форме обращения на «Вы». Один из испытуемых сделал следующий комментарий: «Знаю человека – говорю ему «ты», не знаю – говорю «Вы». Однако можно заметить тенденцию к изменениям. Из таблицы 4.3 видно, что молодые люди предпочитают использовать «ты» при обращении к незнакомым людям своего поколения.

Нам представилось также интересным выяснить, как испытуемые обращаются к свекру, свекрови (теще, тестю): это люди старшего поколения, с одной стороны близкие, с другой – отношения могут с ними складываться по-разному. Что же является решающим моментом в выборе «ты» и «Вы»?

Испытуемым был задан следующий вопрос:

Indiquez s'il vous plaît, avec quelle fréquence vous utilisez Vous quand vous vous adressez à vos beaux parents?

Отметьте, пожалуйста, с какой частотой Вы обращаетесь на «Вы» к свекру, свекрови, теще, тестю.

Результаты представлены в следующих таблицах.

Таблица 5.1. Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Всегда	40%
Часто	10%
Иногда	5%
Редко	6%
Никогда	27%
Другой вариант ответа (зависит от человека, сначала на «Вы», затем на «ты», я их называл на «Вы», они попросили называть их на «ты», зависит от близости отношений, без объяснения)	11%

Таблица 5.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Всегда	21%	49%
Часто	6%	12%
Иногда	9%	4%
Редко	9%	4%
Никогда	33%	24%
Другой вариант ответа (зависит от человека, сначала на «Вы», затем на «ты», я их называл на «Вы», они попросили называть их на «ты», зависит от близости отношений, без объяснения)	21%	7%

Таблица 5.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	меньше 25 лет	25-50 лет	больше 50 лет
Всегда	22,5%	52%	50%
Часто	12,5%	9%	6%
Иногда	5%	7%	6%
Редко	5%	9%	0%
Никогда	32,5%	20%	32%
Другой вариант ответа (зависит от человека, сначала на «Вы», затем на «ты», я их называл на «Вы», они попросили называть их на «ты», зависит от близости отношений, без объяснения)	22,5%	2%	6%

На наш взгляд, из результатов, представленных в таблицах 5.1, 5.2, 5.3 можно сделать следующие выводы.

1. Испытуемые обращаются к свекру, свекрови, тестю, теще как на «Вы», так и на «ты». При выборе «ты» и «Вы» играют роль сложившиеся отношения.

2. Женщины чаще употребляют «Вы» в данной ситуации, чем мужчины (почти в два раза).

3. Молодые люди (менее 25 лет) более склонны употреблять «ты» сразу или с течением времени (см. таблицу 5.3 «другой вариант ответа»).

Последним вопросом, заданным нами испытуемым был следующий:

Lorsque quelqu'un vous adresse la parole en employant "vous", vous vous sentez....

Когда к вам обращаются на «Вы», Вы себя чувствуете.....

Далее следовали варианты ответа (уважаемым, старым, зрелым (взрослым), презентабельным, другое). Мы получили около 20 ответов «другое» и объединили их в отдельные группы. Испытуемые часто выбирали несколько характеристик, поэтому в сумме ответы превышают 100%.

Результаты эксперимента представлены в следующих таблицах:

Таблица 6.1. Общий результат

Вариант ответа	Процентное соотношение
Уважаемым (-ой)	45%
Старым (-ой)	33%
Зрелым, взрослым (-ой)	9%
Презентабельным (-ой)	6%
Чувствую, будто меня двое	1%
На большом расстоянии	2%
Никак, не ответили	11%
Неприятно, глупо, сконфуженно, странно	8%
«Вы» не имеет отношения к уважению, это из вежливости.	1%

Таблица 6.2. Результат по гендерному признаку

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Уважаемым (-ой)	39%	48%
Старым (-ой)	33%	33%
Зрелым, взрослым (-ой)	15%	7%
Презентабельным (-ой)	12%	3%
Чувствую, будто меня двое	3%	0%
На большом расстоянии	0%	3%
Никак, не ответили	12%	10%
Неприятно, глупо, сконфуженно, странно	15%	4%

Вы» не имеет отношения к уважению, это из вежливости.	0%	1,5%
---	----	------

Таблица 6.3. Результат по возрастному признаку

Вариант ответа	меньше 25 лет	25-50 лет	больше 50 лет
Уважаемым (-ой)	35%	55%	44%
Старым (-ой)	37,5%	39%	6%
Зрелым, взрослым (-ой)	7,5%	14%	6%
Презентабельным (-ой)	2,5%	9%	6%
Чувствую, будто меня двое	2,5%	0%	0%
На большом расстоянии	0%	0%	12,5%
Никак, не ответили	12,5%	4,5%	25%
Неприятно, глупо, сконфуженно, странно	20%	0%	0%
Вы» не имеет отношения к уважению, это из вежливости.	0%	2%	0%

Из вышепредставленных таблиц можно сделать следующие выводы.

1. Большинство французов чувствует себя уважаемыми, когда к ним обращаются на «Вы».
2. Вторым по частоте из названных характеристик является «старым, старой».
3. Возрастная группа до 25 лет в 20% случаев дает негативную реакцию на обращение на «Вы» (неприятно, глупо, сконфуженно, странно). Также некоторые испытуемые при ответе на вопрос, а также при устном его комментарии отметили, что «Вы» – это способ дистанцирования.

Обсуждение результатов

Проанализировав вышеописанные коммуникативные ситуации, можно сделать вывод о том, что «Вы» во французском коммуникативном поведении употребляется, возможно, меньше, чем раньше, но все еще существуют негласные правила речевого этикета, которые «обязывают» к употреблению «Вы» в определенных коммуникативных ситуациях.

«Вы» несет две основные функции – функцию «фатического уважения» и функцию дистанцирования. К хорошо знакомым людям, особенно родственникам, французы обращаются на «ты», дистанция сокращается, и возраст здесь играет незначительную роль. При обращении к свекру, свекрови, тестю, теще обращаются как на «ты», так и на «Вы», четких «правил» нет. Если к свекру, свекрови обращаются на «Вы», то отношения принимают вертикальный характер: показывается уважение к возрасту и личному пространству; если на ты – горизонтальный: со стороны свекра, свекрови, тещи, тестя показывается желание равенства (часто именно они просят перейти с «Вы» на «ты»). Приняв во внимание результат таблицы 6.1, можно сделать вывод, что большая часть французов чувствует себя старыми, когда к

ним обращаются на «Вы», поэтому некоторым французам нравится, когда друзья их взрослых детей, например, обращаются к ним на «ты» – так они чувствуют себя моложе.

Большинство французов чувствует себя уважаемыми, когда к ним обращаются на «Вы», и, тем не менее, появляются некоторые негативные реакции на обращение на «Вы», особенно среди молодых людей – они чувствуют себя «глупо», «неловко» и т.д. (20 %). Один из них заметил: «Мы, французы, очень хотели бы походить на наших южных соседей, но больше походим на северных».

Французы не так быстро стремятся перейти на «ты», как, например, испанцы или русские. В фильме французского режиссера Д. Молла «Нарту, un ami qui vous veut du bien» (2000) случайно встречаются два бывших одноклассника, лет 30-35, не видевшие друг друга много лет, и один из них приглашает другого поехать к нему в гости. Каждый из них с женой. Во время ужина только бывшие одноклассники обращаются друг к другу на «ты», их жены, до этого не знавшие друг друга, общаются на «Вы». За ужином ведется оживленная беседа, вспоминаются вплоть до интимных моментов школьных лет, и только в конце ужина звучит фраза «Давайте все перейдем на «ты»».

«Ты» является признаком фамильярности, близости, равенства, иногда не очень «к месту». Современный французский писатель Ф. Бейгбедер пишет: «Семинар по мотивации начинается с **коллективистской** утопии: часто мы все равны, рабы «Тыкают» господам, наслаждаясь социальной оргией» (Ф. Бейгбедер. «99 франков». Париж, 2000).

Таким образом, несмотря на некоторые намечающиеся тенденции к изменениям во французском обществе, тенденцию к демократизации общения, «Вы» продолжает выполнять функцию «фатического уважения», негласного правила вежливости, принятого в обществе. Это связано, на наш взгляд, с высоким индивидуализмом французов, с высокой ценностью коммуникативной неприкосновенности личности, которая предполагает уважение и сохранение коммуникативного пространства общающихся на всех уровнях. Поэтому функция «Вы» – не только продемонстрировать уважение к возрасту или статусу собеседника, но и дистанцировать себя и собеседников в целях ненарушенения принципа «прайвеси».

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж, 2004.

2. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

3. Бейгбедер Ф. 99 франков. Париж, 2000.

Е.Б. Чернышова

Особенности коммуникативной самоподачи дошкольников

Для коммуникативного поведения шестилетнего ребенка характерно ярко выраженное стремление любым способом произвести благоприятное впечатление

ние на окружающих. Дошкольник любит выделиться среди других, обратить на себя внимание.

Исследование показывает, что 92% дошкольников в общении стремится любым способом произвести положительное впечатление на собеседника, выделиться среди остальных детей, обратить на себя внимание. При этом, как показали наблюдения, 84% исследуемых детей достаточно агрессивны в самоподаче при общении со сверстниками. Вербальными формами проявления такой самоподачи являются речевые акты похвальбы (98% зарегистрированных речевых актов): *У меня есть...; У меня лучше...; Я умею...; Я лучше...; Я старше (сильнее, быстрее...)...; А мой папа (моя мама)....*

Реплики детей: *У меня сто таких машинок есть!* (Максим Т., 2000); *Я могу выше вас раскачиваться* (Света В., 2000); *А мои папа и мама в налоговой работают!* (Ксения К., 1999).

Наряду с речевыми актами похвальбы дошкольники используют и стратегию дискредитации. Отрицательно оценивая собеседника, шестилетний ребёнок тем самым старается выделиться, показать себя с лучшей стороны. Данную стратегию используют при самоподаче 47% дошкольников.

Реплики детей: *Гляньте, Сашка медленнее меня крутит!; Ты плохо рисуешь.... Намного хуже, чем я; У тебя плохо получится.*

Не менее агрессивны дошкольники (68%) в самоподаче при общении со старшими братьями и сестрами. В 63% случаев дошкольники используют речевые акты похвальбы, в 37% случаев – стратегию дискредитации. В обоих случаях дети прибегают к прямой поддержке взрослых или ссылаются на их авторитет: *Мам, скажи, что я лучше Оли рисую* (Света В., 2000); *Я быстрее тебя читать научился, мама так сказала* (Антон С., 2000); *Папа говорит, что у тебя руки-крышки, не то, что у меня – я быстрый!* (Рома Г., 2000).

Достаточно активная самоподача наблюдается у дошкольников при их общении с младшими братьями, сестрами и другими младшими детьми. 53% шестилетних детей ссылаются при этом на свое превосходство в возрасте: *Ты ещё маленький, тебе нельзя... А я, уже большой – мне можно...*

Пример 1. Дима младшему брату: *Дай, я лучшие сделаю, ты ещё маленький!* (Дима М., 1996).

Пример 2. Трёхлетний малыш берёт пульт управления электронной игрушкой, Владик отбирает его: *Малышам это нельзя, это только для больших* (Владик Н., 1998).

Пример 3. Диана утешает маленькую сестренку: *Подрастёшь, тогда будешь быстро бегать, как я* (Диана Ч., 1999).

Анализ данных анкетирования родителей показал, что 89% исследуемых детей активны в самоподаче при общении с родителями и близкими родственниками. 80% детей при этом используют речевые акты похвальбы: *А меня Нина Петровна сегодня на математике похвалила* (Серёжа П., 2000); *А мы сегодня с Серёжкой быстрее всех суп съели* (Владик Ю., 2000); *Мам, посмотри! Я сильнее папки, я его сейчас победю!* (Рома Г., 2000).

Стратегию дискредитации с этой категорией собеседников дети (9%) применяют редко (в основном с дедушкой и бабушкой): *Дедань, не умеешь дисташкой управлять, не берись!* (Игорь К., 2000). Наташа в адрес бабушки,

забывшей ключи в замочной скважине: *Старики вечно всё забывают, нам молодым всё надо!* (Наташа Л., 1998).

Выраженность самоподачи со знакомыми, малознакомыми и незнакомыми взрослыми зависит от степени заинтересованности взрослого в общении с дошкольником. Чем активнее и заинтересованнее взрослый, тем активнее самоподача ребёнка. При этом 98% наблюдаемых дошкольников используют речевые акты похвальбы, стратегия дискредитации же в таком общении отсутствует.

Реплики детей: *А хотите, я вам расскажу стих про осень?* (Кирилл Ф., 1999); *А хотите, я вам покажу, какое я платье своей кукле сшила?* (Жанна П., 1999); *Я лучшие всех в группе рисую* (Саша Л., 1998).

В общении с посторонними взрослыми дошкольники в основном используют стратегию самопрезентации. Активность самоподачи зависит от степени заинтересованности взрослого в общении с ребенком.

Невербальными средствами самоподачи являются: сокращение дистанции общения (вплоть до физического контакта); увеличение громкости голоса; интенсивные мимика и жесты.

Невербальные средства самоподачи имеют и возрастную специфику. Если дошкольник не решается на вербальный контакт со взрослым, то в основном он использует аттрактивные невербальные сигналы: ребенок находится в поле зрения взрослого, манипулирует, на его взгляд, интересными для собеседника предметами, выполняет какие-либо движения, комментируя их и ожидая внимания и похвалы взрослого.

Невербальная самоподача дошкольника при общении со сверстниками более агрессивна: ребенок может дёргать за руку собеседника, чтобы тот обратил внимание, разворачивать его в свою сторону, тянуть к тому месту, где хочет продемонстрировать свои умения, прогонять других детей, чтобы не отвлекали партнёра от общения с ним.

Как показали наблюдения, мальчики (74%) более активны при самоподаче, чем девочки. При общении с другими детьми они в два раза чаще используют стратегию дискредитации, сопровождая речевые акты самоподачи агрессивными невербальными средствами: толчки и удары собеседника, повышенная громкость голоса, широкая амплитуда жестов.

Таким образом, самоподача дошкольника в общении с разными категориями собеседников активна и имеет особенности, присущие данному возрасту. Для того чтобы произвести впечатление на взрослого человека, ребёнок рассказывает ему, что он знает, что видел, где побывал, показывает то, что умеет делать. Активная самоподача при общении дошкольника со сверстниками заключается в том, что он хвалится не только своими личными, физическими качествами, но и тем, чем он обладает, в каком доме живёт, кем работают его родители.

В общении дошкольников с ровесниками наблюдается агрессивная самоподача, которая проявляется в стремлении детей использовать речевые акты похвальбы (*У меня есть..., Я лучшие... и т.п.*) и стратегию дискредитации (*Ты хуже..., У тебя всё равно не получится... и т.п.*). Самоподача дошкольников при общении со старшими детьми не менее агрессивна, чем с

ровесниками. При этом ими используются те же тактики и стратегии. Кроме того, дошкольники для усиления своих позиций прибегают к поддержке взрослых и их авторитету.

Н.А. Лемяскина

Речевой жанр «болтовня» в коммуникативном поведении младшего школьника

Межличностное общение отражает систему социального взаимодействия людей. При этом многие из социально-коммуникативных ситуаций повторяются изо дня в день, их обслуживают одни и те же речевые средства. М.М. Бахтин назвал такие устойчивые коммуникативные формы речевыми жанрами. Исходя из концепции М.М. Бахтина, К.Ф. Седов определяет речевые жанры как вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей (Седов 2001, с.161).

По мнению Е.А. Земской, «жанры речи – более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение» (Земская 1988, с.42). Как отмечает О.С. Иссерс, если РА и речевые стратегии относятся к сфере речевых действий, то теория речевых жанров (ТРЖ) обращена к сфере текстов, высказываний (как результатов действий) (Иссерс 1999, с.73). Об этом говорит и Т.В. Дубровская, поясняя, что многие современные ученые используют термин «речевой жанр» для обозначения типов текстов (М.Ю. Федосюк, А.К. Долинин и др.), что позволяет рассматривать в рамках ТРЖ не только монологические жанры, но и диалог (А.Г. Баранов) «как первичный в генезисе тип текста» (Дубровская 2003, с.6).

Подробное объяснение различий РА, жанра, стратегий и тактик дает Н.В. Труфанова (2000). Понятия речевого акта, речевого жанра, речевой тактики, речевой стратегии соответствуют различным уровням абстрагирования текстовой деятельности. Стратегии отражают установки / ценности / импликационал и потенциал / мотивы говорящего, удовлетворение которых преследуется им в данном речевом акте. Понятие речевого жанра коррелирует со стереотипными ситуациями и темами общения, отложившимися в «шаблоны быта» (Якубинский), а в языковом сознании во фреймы – схемы и модели повторяющихся деятельности. Коммуникативная тактика представляет собой речевое действие, к которому говорящий прибегает как к приему реализации коммуникативной стратегии. Речевое действие – минимальная единица речевого общения и речевой деятельности, выбор которого обусловлен признаками «ближайшей» речевой ситуации, перечисленными в условиях успешности осуществления речевых актов. В рамках одного и того же жанра существуют разные варианты речевого поведения – коммуникативные стратегии (Труфанова 2000, с.21).

Человек сталкивается с жанрами, которые свойственны разным возрастным периодам его социально-психологического развития. Так, поясняет К.Ф. Седов, можно говорить о жанрах младшего школьного возраста, о жанрах подростковой речи и т.п. «В ходе формирования языкового сознания ребенка жанровые стереотипы претерпевают изменения: актуальные для одного возраста бытовые жанры могут уходить на периферию жанрового мышления или же изменяться вместе с изменяющейся статусно-ролевой структурой поведения. Уже сформированные жанровые формы способны развиваться, совершенствоваться или же, наоборот, редуцироваться и стираться в сознании за ненадобностью» (Горелов, Седов 2001, с.176).

М.М. Бахтин предлагает деление всего корпуса жанров речи на первичные и вторичные речевые жанры. Первичный речевой жанр – это образец поведения в конкретной ситуации. Первичный жанр или жанровый фрейм, можно отнести к нижнему, бытовому слою повседневной коммуникации, овладение которым происходит бессознательно, подобно овладению родным языком. К таким жанрам К.Ф. Седов относит болтовню, ссору, разговор по душам и др. Жанры вторичные, по К.Ф. Седову, это как бы верхний уровень речевого пространства. Они тяготеют к официальным и публичным видам коммуникации. В рамках повседневного общения вторичные и первичные жанры ученый обозначает как риторические и нериторические жанры (Седов 2001).

Риторическая разновидность жанровых форм предполагает наличие у языковой личности осознанных умений и навыков в области языкового оформления высказывания в соответствии с ситуацией общения, сходных с принципами построения художественных текстов. Кроме умения строить интеракцию в жанровых стереотипах болтовни, семейной беседы, разговора по душам и т.п., человек, претендующий на действительное владение языком, должен научиться вести светскую беседу, освоить застольные жанры, жанры комплимента, субжанры, составляющие основу русского этикета и т.п. (Горелов, Седов 2001, с.171-172).

Одним из первичных жанровых образований является разговор, в западной традиции получивший название *small talk*, что похоже на то, что А. Вежбицка называет жанром разговора (*rozmowa*) (Вежбицка 1997). Разговор, по мнению К.Ф. Седова, следует считать неким родовым понятием, объединяющим неодинаковые речевые жанры: разговор по душам, семейную беседу, болтовню и т.д. (Горелов, Седов 2001, с.169). Поэтому он относит его к гипержанровым формам.

В свете изложенных выше теоретических положений рассмотрим речевой жанр *болтовни*, который достаточно часто используется детьми младшего школьного возраста и представляет интерес в рамках изучения коммуникативной личности младшего школьника.

Болтовню (как один из субжанров разговора) характеризует особая коммуникативная установка говорящих: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации.

Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, скользящее по ассоциативному принципу

коммуникативное поведение (Седов 2001). Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а легко коснувшись их, перескакивать на другие. Это связано, по мнению К.Ф. Седова, с глобальными, неосознанными коммуникативными намерениями: разговор идет не только ради получения информации, но и для утверждения социальной полноценности, получения психологических поглаживаний иногда от, иногда за счет собеседника.

Болтовня – это коммуникация, где, пользуясь формулой Л.С. Выготского, «мысль совершается в слове». Процесс порождения речи совершается таким образом, что все намеченные в психолингвистике этапы формирования высказывания здесь присутствуют практически одновременно. Основной способ тематического движения определяется, поясняет К.Ф. Седов, незданностью общения, темы меняют одна другую по ассоциативному принципу. При этом говорящий не вполне знает, что он будет говорить в следующую минуту. Такое помивовольное общение как нельзя лучше «обнажает скрытые процессы дискурсивного мышления» и позволяет выявить черты речевого портрета языковой личности, обнаружить индивидуальные особенности ее мышления (Горелов, Седов 2001, с.169-170). Ядерными субжанрами болтовни, определяющими ее основные тактики, саратовский исследователь считает рассказ об увиденном, рассказ об отсутствующем лице и сплетню. К ним можно добавить факультативные субжанры: комплимент, колкость, просьбу, утешение, подтверждение, инвективу, поучение и т.д.

Жанр болтовни широко используется младшими школьниками, доля его в общении постепенно увеличивается от 1 к 4 классу. Очень точно подметил широту используемой детьми тематики в жанре болтовни поэт С.В. Михалков, вспомним его стихотворение «А что у вас?».

Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент болтовни младшего школьника и взрослого, записанный при помощи скрытого диктофона.

Пример (4 класс)

На остановке стоят девочка с портфелем (ученица 4 класса) и ее дядя, он, вероятно, по просьбе родителей, встретил ее из школы, они ждут маршрутное такси. Разговаривают на разные темы, часто и быстро идет смена темы.

Д: *А мы вчера с мамой ходили в магазин, одежду смотрели, я сарафан мерила, но мне мал – 34 размер.*

Он: А зачем тебе сарафан?

Д: *Он такой, нормальный, теперь в следующий привоз, сказали, может, будет 36 размер, мне 34 уже мал.*

Он: Сколько стоит?

Д: *Двести десять. Ой, мама вчера говорила: я быстро, а сама долго была, но не всю ночь, конечно.*

Он: (объясняет, почему задержалась) У нее отчет квартальный.

Д: (с иронией) *Ой, молодец! (видит подъезжающее маршрутное такси) Что ж так долго нашей маршрутки нет, я уже замерзла!*

Он: Подвигайся, походи.

Д: *Ой, блин, совсем замерзла! Я вчера вообще без шапки ходила, вот если б сегодня была без шапки, совсем бы заморозилась! А Света скоро придет?* (дочь мужчины).

Он: Часа в три, у нее занятия в это время заканчиваются.

Д: *А Катя?*

Он: Она на танцы пойдет, у нее занятие сегодня.

Д: *А можно мне у вас попеть?* (караоке).

Он: Попить или попеть?

Д: *Петя.*

Он: Если у меня получится, если смогу включить.

Д: *А в прошлый раз мы же пели.*

Он: Это Света включала, она знает, как делать.

Д: *Ой, что же я так замерзла, сил нет, блин!*

Он: Уроков много задали?

Д: *Нет, ничего не задали.*

Он: Почему?

Д: *А у нас сегодня контрольная была по русскому языку.*

Он: А по математике?

Д: *А математики у нас вообще сегодня не было, была три дня назад, я уже сделала давно, сто лет назад.*

Он (с сомнением): Как же это совсем ничего не задали?

Д: *А мне в десять лет мама сказала, уши проколют, ровно в десять лет!*

(Подъехало маршрутное такси, они побежали садиться) (2002).

Приведенный пример прекрасно иллюстрирует природу формирования высказывания и логику тематического развития общения. Разговор начинается с рассказа об отсутствующем лице (маме и походе девочки с ней в магазин), далее ассоциативный переход к следующей тактике (новому субжанру) – обсуждению планируемой покупки (размер, цена). Следующий субжанр рождается по ассоциации – дочь вспомнила еще об одном вчерашнем событии, связанном с мамой (мама задержалась на работе), и переход на тактику колкости в адрес мамы (*ой, молодец!*). Следующий субжанр – жалоба, рождается опять по ассоциации – от взгляда на подъехавшую «чужую» маршрутку (долго нет нужного маршрутного такси), далее по ассоциации – жалоба на холодную погоду (долго стоят – *замерзла*), собеседник использует тактику совета (походи, подвигайся), девочка вспоминает, что едет в гости, использует вопрос об отсутствующем лице (дочери мужчины), далее тактика просьбы (по ассоциации вспоминает, что с его дочкой пела караоке – *можно еще попеть*), ее сменяет тактика – рассказ о событии, участником которого она была (*уже пела в гостях*), увидев новые проезжающие мимо автобусы, быстрый переход – возвращается к тактике жалобы (*замерзла*), собеседник использует тактику вопроса (по поводу учебы, уроков), девочка использует сначала тактику рассказа о событии (*была контрольная*), затем быстрый переход на тактику хвастовства (*сто лет назад выучила*), затем, продолжая тактику хвастовства – смена темы (о том, что *будут прокалывать уши*).

2. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении. Саратов, 2003.
3. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
5. Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С.107–117.
6. Труфанова Н.В. Прагматика несобственно-прямой речи. М., 2000.

Л.А. Тавдгиридзе

Возрастная динамика развития концепта «русский язык»

Нами было проведено исследование концепта «русский язык» методом направленного ассоциативного эксперимента с целью выявления возрастной динамики развития данного концепта в русской концептосфере.

Стимулом в ассоциативном эксперименте выступило устойчивое словосочетание «русский язык». Испытуемым задавали вопрос: «Русский язык – какой?». Предлагалось дать пять реакций. Время на выполнение задания не ограничивалось. Всего было опрошено 1718 человек, из которых в возрасте от 15 до 25 лет – 669 (125 мужчин и 541 женщина); от 26 до 40 лет – 709 человек (187 мужчин и 522 женщины); от 41 до 60 лет – 340 человек (150 мужчин и 190 женщин), всего 1256 женщин и 462 мужчины.

Обработка результатов ассоциативного эксперимента позволила выделить в ассоциативном поле стимула «русский язык» 21 смысловую группу реакций. Каждая из этих смысловых групп получила обобщенное название, которое методом когнитивной интерпретации было идентифицировано как наименование определенного когнитивного классификатора. При этом конкретные ассоциаты в рамках каждого классификатора обобщались по смыслу, их частотность суммировалась, и они квалифицировались как содержательные когнитивные признаки, обобщаемые данным когнитивным классификатором. Классификаторы, обобщающие максимальное число ассоциатов, определялись как яркие; аналогично, когнитивные признаки, представленные максимальным числом ассоциатов-репрезентантов, тоже квалифицируются как яркие (подробнее см.: Стернин 2004, с.66-69).

Наиболее яркими когнитивными классификаторами оказались следующие: *объем словарного состава, сложность усвоения, нравственная оценка, общая оценка, сфера использования языка, утилитарная оценка, звучность языка*. Покажем различия в яркости классификаторов в разных возрастных группах (см. табл. 1).

Таблица 1.

Ядерные когнитивные классификаторы концепта «русский язык»
в разных возрастных группах

15 – 25 лет		26 – 40 лет		41 – 60 лет	
Объем словарного состава	96%	Объем словарного состава	39,1%	Объем словарного состава	53%
Сложность усвоения	94%	Сложность усвоения	27%	Сфера использования языка	35,6%
Доступность изучения	35%	Эстетическая оценка	24,4%	Сложность усвоения	34,8%
Общая оценка	27%	Сфера использования языка	20,9 %	Нравственная оценка	30%
Интеллектуальная оценка	25,9%	Общая оценка	16%	Утилитарная оценка	27,4%
Сфера использования языка	19,5%	Звучность	13,8%	Эстетическая оценка	21,3%

Общим для всех возрастных категорий является то, что на первом месте находится классификатор объема словарного состава. Общим для младшей и средней возрастных групп является то, что на втором месте – классификатор сложности усвоения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в число ядерных классификаторов старшей и средней возрастных групп не входит классификатор доступности изучения, в то время как в младшей возрастной группе этот классификатор находится на 3-м месте. Яркость данного классификатора в младшей возрастной группе, очевидно, объясняется тем, что 16–25-ие испытуемые, являясь школьниками и студентами, непосредственно сталкиваются как со сложностью усвоения родного языка, так и имеют определенные успехи в овладении им.

Интересно отметить, что у младшей и средней возрастных групп классификатор нравственной оценки не входит в число ядерных классификаторов, а в старшей группе он находится на 3-м месте. Причем в старшей возрастной группе этот классификатор представлен более разнообразными когнитивными признаками.

В число ядерных классификаторов в младшей возрастной группе не входит классификатор эстетической оценки, в то время как в средней возрастной группе испытуемых он находится на 3-м месте, в старшей группе – на 6-м.

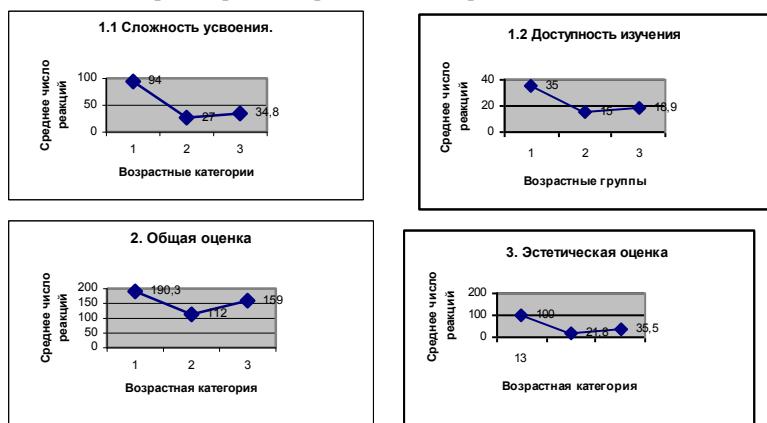
В число ядерных классификаторов в младшей и старшей возрастных групп входит классификатор сферы использования языка. Обратим внимание на то, что в группе опрошенных возраста 41-60 лет он находится на втором месте.

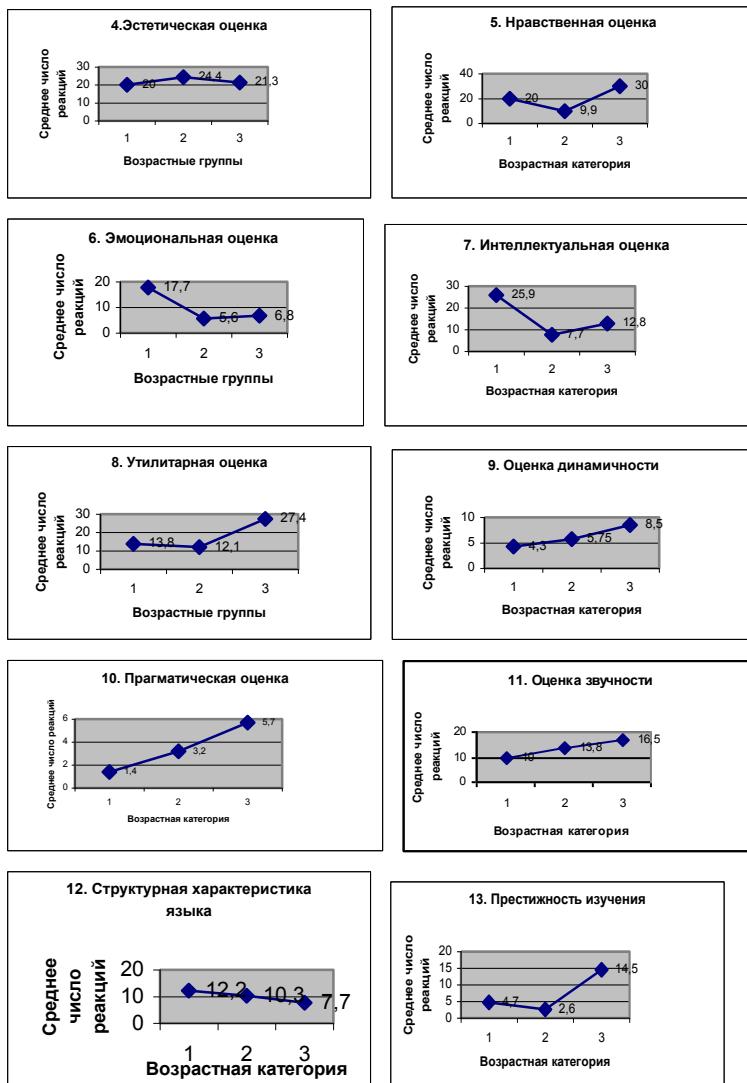
Интенсивность признаков «международный, всемирный, мировой» в старшей возрастной группе мы объясняем тем, что в период обучения этих респондентов в школах, техникумах, вузах, авторитет русского языка был неоспорим. Яркость признаков данного классификатора в младшей возрастной группе может быть объяснена тем вниманием, которое в последнее время уделяется состоянию русского языка и мерам по преодолению трудностей, которые он переживает. Этим же фактом мы объясняем яркость когнитивных признаков классификатора «интеллектуальная оценка» в младшей возрастной группе. Следует отметить, что в качестве ядерных классификаторов в младшей возрастной группе не отмечен классификатор эстетической оценки, в то время как в средней возрастной группе он находится на 3-ем месте, а в старшей на 6-м.

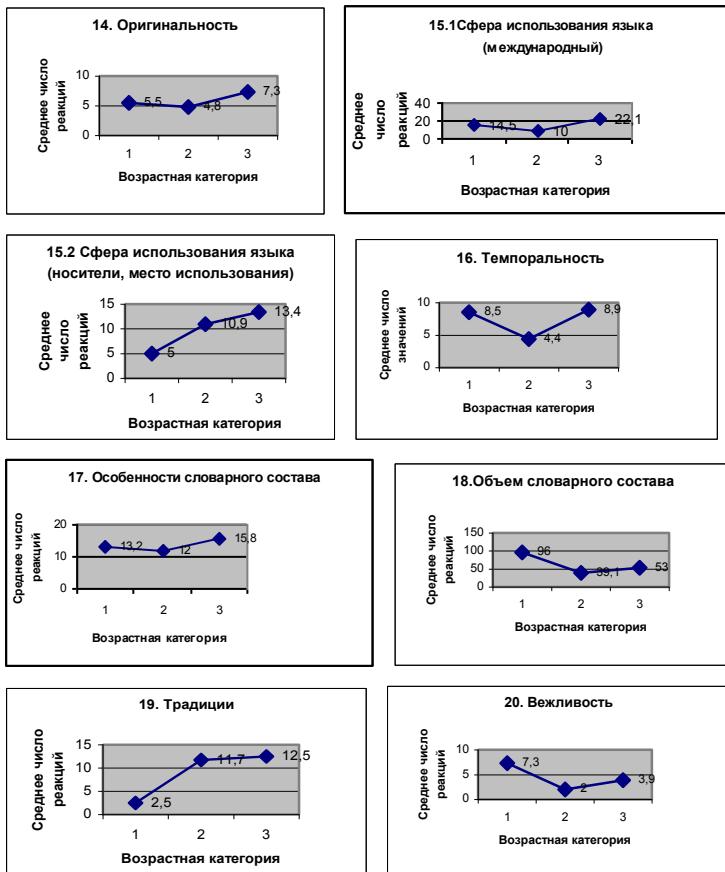
Кроме того, в числе ядерных классификаторов в средней возрастной группе выявлен классификатор звучности языка. Очевидно, именно в зрелом возрасте испытуемые могут глубоко, всесторонне оценить красоту родного языка. Важно отметить то, что только в старшей возрастной группе в число ядерных классификаторов входит классификатор утилитарной оценки. Именно в языковом сознании реципиентов данной возрастной группы представлена мысль о том, что владеть родным языком «полезно, нужно, необходимо».

Сравнение когнитивных классификаторов и когнитивных признаков концепта у разных возрастных групп позволяет составить впечатление о динамике возрастного развития этого концепта.

В приводимых ниже графиках отражено усиление и снижение яркости отдельных классификаторов в возрастной категории 41–60 лет.







Как мы видим из приведенных графиков, у большинства когнитивных классификаторов с возрастом усиливается яркость. Наиболее яркие когнитивные признаки классификаторов в старшей возрастной группе:

утилитарной оценки: *нужный, необходимый, обязательный*;

престижности: *главный, важный, уважаемый, незаменимый, ведущий, предпочтаемый*;

оригинальности: *уникальный, неповторимый, оригинальный*;

сфера использования: *мировой, международный, межнациональный, распространенный*;

традиции: *народный, пословица, фольклор*;

нравственная оценка: *гордый, человечный, святой, справедливый, добрый*;

оценка динамичности: *живой, веселый, игравый*;

прагматическая оценка: *удобный, универсальный, практичный;*

звукность: *певучий, мелодичный, напевный, звонкий;*

temporальность: *древний, старый, вечный, долговечный.*

Усиливает свою яркость в старшей возрастной группе классификатор особенностей словарного состава. Именно для респондентов старшей группы оказалось характерным негативное отношение к огрублению русской речи (*ругательный, матерный, разорванный, разбитый, грубый, нецензурный, бранный*) и желание видеть родной язык другим (*хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен нецензурными словами*). Не случайно усиление яркости признаков классификатора нравственной оценки. С точки зрения этих респондентов, родной язык – *славный, благородный, святой, истинный, правдолюбивый, гордый, щедрый, тонкий.*

Усиление яркости когнитивных признаков в классификаторе «традиции» в средней и старшей возрастной группе объясняется тем, что для людей этого возраста наиболее близко народное творчество. Отсюда реакции: *народный, фольклорный, сказочный.*

Наблюдается возрастное снижение яркости следующих когнитивных классификаторов:

сложность усвоения: *сложный, задачливый, замысловатый;*

доступности изучения: *самый легкий, понятный даже туркам;*

объема словарного состава: *большой, богатый, необъятный;*

интеллектуальной оценки: *умный, мудрый, разумный;*

эстетическая оценка: *красочный, яркий, цветной, колоритный;*

эмоциональная оценка: *эмоциональный, легко выражает чувства, восхитительный;*

вежливости: *культурный, древняя культура, литературный, интеллигентный.*

Фактор снижения интенсивности этих признаков может быть объяснен тем, что в отличие от младшей возрастной группы испытуемые 41–60-летнего возраста не сталкиваются непосредственно с изучением русского языка и произведений художественной литературы.

В приводимых ниже таблицах отражено усиление яркости отдельных классификаторов и когнитивных признаков. Числовые показатели свидетельствуют, насколько ярче соответствующий когнитивный классификатор или отдельный когнитивный признак представлен в когнитивном сознании опрошенных возрастной категории 41–60 лет по сравнению с другими возрастными категориями.

Усиление отдельных когнитивных признаков

41-60 лет	По сравнению с группой 16-25 лет	По сравнению с группой 26-40 лет
Родной	в 1,4 раза	в 1,6 раза

Причина интенсификации данного признака у людей старшего возраста – в более отчетливом с возрастом осознании глубокой связи с Родиной, родным языком.

Усиление яркости отдельных когнитивных классификаторов

41 – 60 лет	По сравнению с группой 16 – 25 лет	По сравнению с группой 26 – 40 лет
Нравственная оценка	в 1,5 раза	в 3 раза
Прагматическая	в 4 раза	в 1,8 раза
Утилитарная	в 2 раза	в 2,3 раза
Динамичность	в 2 раза	в 1,4 раза
Престижность	в 3 раза	в 5,5 раза
Звучность	в 1,7 раза	в 1,2 раза
Оригинальность	в 1,3 раза	в 1,5 раза

Снижение яркости отдельных когнитивных признаков.

41-60 лет	По сравнению с группой 16-25 лет
Могучий	в 1,2 раза
Великий	в 1,7 раза
Интересный	в 2,2 раза
Красивый	в 2,8 раза

Мифологемы «могучий, великий, красивый», на наш взгляд, отражают не столько «объективные» качества русского языка, сколько типичные стереотипы данного языкового социума, проявляющиеся в его языковом сознании.

Яркость признака «интересный» в младшей возрастной группе связана с тем, что реципиенты, изучая родной язык, сталкиваются не только с трудностями, но и имеют определённые успехи в овладении им.

Важно рассмотреть динамику развития концепта со стороны оценочного (позитивно-негативного) к нему отношения. В целом к русскому языку в когнитивном сознании русского народа сложилось позитивное отношение. Однако в некоторых когнитивных классификаторах выявлены негативные оценки:

Когнитивный классификатор	Процент негативных когнитивных признаков		
	16 -25 лет	26 – 40 лет	41–60 лет
Звуковой строй	2		
Динамичность		2	
Общая оценка	1		
Нравственная оценка	1		
Объем словарного состава		1	
Эмоциональная оценка	8	2	
Утилитарная оценка		2	
Итого	12	7	-

Как очевидно из данной таблицы, самый большой процент негативных реакций отмечен в младшей возрастной группе в классификаторе эмоциональной оценки (русский язык – «тупой, хреновый, удовлетворительный, хуже, чем английский»). Однако процент негативных реакций невысок

(1,8%), поэтому говорить о тенденции сформированности негативного отношения к родному языку, нет оснований. Очевидно, эти признаки выявили испытуемые, которым не удается повысить уровень своих знаний по русскому языку.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С.65-69.

Содержание

От редколлегии	с.3
----------------	-----

Теоретические проблемы исследования языка и сознания

Стернин И.А. (Воронеж) Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат?	с.4
Адонина О.С., Садретдинова Л.В. (Кемерово) Структура обыденного и научного сознания: постановка проблемы	с.10
Самарин А.В. (Тамбов) Знак как интерпретант концептов в языке	с.20
Фридман Ж.И. (Воронеж) Методы исследования психологически реального значения слова	с.23

Языковое сознание

Хамид Акрам Азиз (Ирак) Определение ассоциативно-частотного лексического ядра русского языка	с.27
Маклакова Е.А. (Воронеж) Национальная специфика ассоциативно-частотного лексического ядра русского языка в сопоставлении с английским языком	с.30
Хамид Акрам Азиз (Ирак) К уточнению состава лексического ядра современного русского языка	с.33
Гетманцев С.М. (Воронеж) Семантические процессы в синонимических рядах	с.39
Лаенко Л.В. (Воронеж) Национальная специфика репрезентации перцептивного образа «тупой» в русском и английском языках	с.42
Розенфельд М.Я. (Воронеж) Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем	с.47
Фридман Ж.И. (Воронеж) Социально-психологическая лексика в языковом сознании	с.53
Грищук Е.И. (Воронеж) Коммуникативно-психологическая лексика в языковом сознании старшеклассников	с.58
Рудакова А.В. (Воронеж) Психологически реальное значение лексемы «быт»	с.67
Лихачева А.Б. (Вильнюс) Обозначение времени в литовской языковой картине мира	с.74
Студёнова О.В. (Воронеж) Романтический компонент коннотации слова	с.76
Аленькова Н.В. (Воронеж) Языковая символика горестного чувства в английском и русском языках	с.80

Селезнева Е.Г. (Воронеж) Русские предметно-семиотические фразеологизмы в лингвокультурологическом аспекте	с.83
Федосова Е.Ю.(Воронеж) Отражение национальной культуры в языке (на материале русских многозначных фразеосочетаний)	с.88
Подвигина С.М. (Воронеж) Образы неба и небесных светил в русской и немецкой фразеологии	с.92
Волкова Н.Н. (Воронеж) Эмотивные фразеологизмы в русском и польском языках	с.99
Зимина Л.И. (Ярославль) Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Auge»	с.103
Калугина В.А. (Воронеж) Национально-культурная специфика прилагательного <i>горячий</i> и его английского эквивалента	с.110
Попова З.Д., Хаустова Э.Д. (Воронеж) Иронические наименования обуви в русском языке в свете проблемы «слова и вещи»	с.115
Чечина О.А. (Воронеж) Слова «окно» и «window» в русском и английском языковом сознании	с.119
Лазуренко Е.Ю (Воронеж) Образ начальника в языковом сознании носителя русского языка	с.123
Ракитина О.Н. (Воронеж) Национально-культурные коннотации образов русской природы	с.127
Спиридовский О.В. (Воронеж) Языковая личность президента в аспекте национальных ценностей	с.133

Активные процессы в современном русском языковом сознании

Юмашева Г.Ю. (Борисоглебск) Основные тенденции развития стилистических парадигм русского существительного	с.136
Иванова М.М. (Воронеж) Слово «предприниматель» в современном русском языковом сознании	с.140
Шилова Г.Е. (Борисоглебск) О частотном словаре иноязычных слов русского языка	с.148
Атланова Е.О. (Борисоглебск) Новая англоязычная лексика в сознании жителей г. Борисоглебска	с.151
Шустова Е.В. (Ярославль) Прецедентные высказывания в русском сериале	с.153

Когнитивное сознание

Солнышкина М.И. (Казань) Объективация концепта <i>страх</i> в сознании русских и английских моряков	с.156
---	-------

Гунина Н.А., Шиповская А.А. (Тамбов) Концепт «хакер» («hacker») в русскоязычной и англоязычной картинах мира	с.162
Кулешова Д.В. (Тамбов) Номинация «Angst» в презентации «человека боящегося»	с.166
Королева Е.Н. (Воронеж) Национальная специфика концепта «игра» в английском когнитивном сознании	с.169
Ушкова Н.В. (Тамбов) Прагматический аспект аналитической презентации концепта	с.174
Татаринова М.Е. (Тамбов) Профилирование как механизм отражения действительности	с.180
Быкова О.И. (Воронеж) Этноконнотированные скриптонимы как отражение самосознания народа	с.187
Глушкова И.С. (Воронеж) Языковое выражение пространственных понятий в немецком и русском языках	с.192
Киселева Г.В. (Борисоглебск) Культурный концепт «Борисоглебск» по данным ассоциативного эксперимента	с.198
Шевченко М.Ю. (Борисоглебск) К изучению ЛФП, объективирующего концепт <i>культурный</i>	с.203
Катуков С.С. (Борисоглебск) Когнитивные признаки концепта «брать» в русских паремиях	с.207
Лаврёнова О.А. (Воронеж) Лексические средства выражения концепта «дождь» в русском языке	с.209

Коммуникативное сознание

Куликова Л.В. (Красноярск) Коммуникативный стиль и межкультурная коммуникация	с.212
Бугакова Н.В. (Воронеж) Отражение принципов социального устройства общества во французском обращении	с.215
Гибсон А.В. (Франция) <i>Ты</i> и <i>Вы</i> во французском коммуникативном поведении	с.220
Чернышова Е.Б. (Борисоглебск) Особенности коммуникативной самоподачи дошкольников	с.230
Лемяскина Н.А. (Воронеж). Речевой жанр «болтовня» в коммуникативном поведении младшего школьника	с.332
Тавдгиридзе Л.А. (Воронеж) Возрастная динамика развития концепта «русский язык»	с.237